

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-57274
от 12 марта 2014 г.

ISSN 1991-3222 (print)
ISSN 2587-9995 (online)

DOI 10.61205/issn.1991-3222

Журнал включен:

в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата/доктора наук (утв. Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации);
базу данных «Российский индекс научного цитирования».

УЧРЕДИТЕЛЬ

Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве
Российской Федерации
117218, г. Москва, ул. Большая
Черемушкинская, 34
Тел.: +7 (495) 719-70-00
Internet: izak.ru

ИЗДАТЕЛЬ

Юридическое издательство
«Норма»
109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т, 2
Тел.: +7 (495) 625-45-05
Internet: norma-verlag.com

Контакты редакции

Тел.: +7 (499) 724-11-89
+7 (495) 625-45-05
E-mail: jzsp@izak.ru
jzsp@norma-verlag.com

Хабриева Т. Я. (*гл. ред.*), директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, зам. президента РАН, академик-секретарь отделения общественных наук РАН, академик РАН, действительный член Международной академии сравнительного права, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ, засл. юрист РФ

Ковлер А. И. (*зам. гл. ред.*), зав. центром международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, чл.-корр. Международной академии сравнительного права, судья Европейского суда по правам человека (1999—2012) в отставке, гос. советник юстиции 1 класса, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист РФ

Билкова В., ст. науч. сотр. Центра международного права Института международных отношений в Праге, доц. кафедры международного права юридического факультета Карлова Университета в Праге, член Бюро Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), д-р права

Василевич Г. А., зав. кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, чл.-корр. Национальной академии наук Беларуси, д-р юрид. наук, проф.

Гарагурбанлы Р. А., экс-президент Европейской комиссии по эффективности правосудия, д-р юрид. наук

Ди Грегоріо А., проф. кафедры международных, правовых и историко-политических исследований Миланского университета, д-р полит. наук

Капустин А. Я., зав. кафедрой международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, президент Российской ассоциации международного права, зам. председателя Международного союза юристов, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ

Курбанов Р. А., советник директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, советник президента РАН, д-р юрид. наук, проф.

Матье Б., член Государственного совета Франции по особым поручениям, профессор Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, председатель Научного совета Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), вице-президент Международной ассоциации конституционного права, иностранный член РАН

Рогов И. И., зам. исполнительного директора Фонда Нурсултана Назарбаева, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), д-р юрид. наук, проф.

Суханов Е. А., зав. кафедрой гражданского права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ

Туори К., проф. Хельсинкского университета, почетный президент Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), д-р права

Чиркин С. В., вед. науч. сотр. центра международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, проф. Всероссийской академии внешней торговли, канд. юрид. наук

Чурсина Т. И. (*отв. секретарь*), зав. объединенной редакцией периодических научных изданий Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Шильштейн Д., проф., директор отдела исследований по уголовному праву Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, чл.-корр. Международной академии сравнительного права, д-р права

Journal

OF FOREIGN LEGISLATION AND COMPARATIVE LAW

[Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya]

2023, vol. 19, no. 4
Since 2005

Certificate of registration
ПИ No. ФС77-57274
on March 12, 2014

ISSN 1991-3222 (print)
ISSN 2587-9995 (online)

DOI 10.61205/issn.1991-3222

The magazine is included into:
the List of peer-reviewed journals
recommended by the Supreme
Certification Commission under
the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation;
the Russian Science Citation Index.

FOUNDER

The Institute of Legislation
and Comparative Law
under the Government
of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya str.,
Moscow, 117218, Russia
Phone: +7 (495) 719-70-00
Internet: izak.ru

PUBLISHER

Legal Publishing House "Norma"
2, Volgogradskiy ave.,
Moscow, 109316, Russia
Phone: +7 (495) 625-45-05
Internet: norma-verlag.com

Editorial Contacts

Phone: +7 (499) 724-11-89
+7 (495) 625-45-05
E-mail: jzsp@izak.ru
jzsp@norma-verlag.com

EDITORIAL COUNCIL

T. Y. Khabrieva (*Editor-in-Chief*), Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Titular Member of the International Academy of Comparative Law, Academician of the Russian Academy of Sciences; Academician-Secretary of the Department of Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Deputy President of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

A. I. Kovler (*Deputy Editor-in-Chief*), Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation, 1st Class State Counselor of Justice, Assoc. Member of the International Academy of Comparative Law, Former Judge of the ECtHR (1999—2012); Head of the Center of International Law and Comparative Legal Studies, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

V. Bilkova, PhD, Member of the Bureau of the European Commission for Democracy through Law; Senior Researcher, Centre for International Law, Institute of International Relations Prague; Assoc. Prof., Department of Public International Law, Faculty of Law, Charles University, Prague, Czech Republic

G. A. Vasilevich, Dr. Sci. (Law), Prof., Corr. Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

R. A. Garagurbanli, Dr. Sci. (Law), Former President of the European Commission for the Efficiency of Justice, Baku, Azerbaijan

A. Di Gregorio, PhD, Full Professor, Department of International, Legal, Historical and Political Studies, University of Milan, Milan, Italy

A. Y. Kapustin, Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Russian Association of International Law; Deputy Chairman of the International Union of Lawyers; Head of the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

R. A. Kurbanov, Dr. Sci. (Law), Prof., Counselor to the President of the Russian Academy of Sciences; Counselor to the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

B. Mathieu, Member of the State Council of France on Extraordinary Service, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Association of Constitutional Law; Chair of the Scientific Council, European Commission for Democracy through Law; Professor, University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

I. I. Rogov, Dr. Sci. (Law), Prof., Member of the European Commission for Democracy through Law, Deputy Executive Director of the Nursultan Nazarbayev Foundation, Astana, Kazakhstan

E. A. Sukhanov, Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

K. Tuori, Doctor of Law, Honorary President of the European Commission for Democracy through Law; Professor Emeritus, Faculty of Law, University of Helsinki, Helsinki, Finland

S. V. Chirkin, Cand. Sci. (Law), Professor at the Russian Foreign Trade Academy; Leading Researcher, Center of International Law and Comparative Legal Studies, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

T. I. Chursina (*Executive Secretary*), Head of the Department of Joint Editorial Office of Scientific Periodical Publications, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

D. Chilstein, Doctor of Law, Assoc. Member of the International Academy of Comparative Law, Director of the Department of Criminal Law Research, Professor at the University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

Содержание

ЕВРАЗИЙСКИЙ АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ФОРУМ

<i>Хабриева Т. Я.</i> Противодействие коррупции в координатах фундаментального знания.....	5
<i>Орлова С. Ю.</i> Роль Счетной палаты Российской Федерации в противодействии коррупционным правонарушениям в новых геополитических условиях.....	14
<i>Кассиус Гимарайнш Чай, Франциско Кампос да Кошта.</i> Развитие антикоррупционного регулирования в странах БРИКС посредством применения технологий и международного сотрудничества (на англ. яз.).....	18
<i>Манойло А. В.</i> Коррупция как механизм формирования вербовочной уязвимости в современных операциях информационной войны.....	30
<i>Павлинов А. В., Помыкалова И. В.</i> «Телефонное мошенничество» (ст. 159 УК РФ) и провокация дачи взятки как новая угроза безопасности Российского государства.....	35
<i>Цирин А. М., Матулис С. Н., Черепанова Е. В.</i> Противодействие коррупции: диалектика научного знания (обзор Двенадцатого Евразийского антикоррупционного форума).....	41

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Пилипенко А. Н.</i> Гражданский контроль во Франции.....	58
---	----

КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА, КРИМИНОЛОГИИ

<i>Милич И. Д.</i> Современные тенденции законодательства Республики Сербии относительно уголовного преследования.....	68
<i>Овчинников С. Н.</i> Национальные приоритеты и международные стандарты в сфере исполнения уголовных наказаний.....	76

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Фесик П. Ю.</i> Основные тенденции развития состязательной и инквизиционной форм судебного процесса в исторической парадигме: к поиску идеального судебного процесса.....	85
--	----

ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, АГРАРНОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Сакович О. М.</i> Тенденции развития зарубежного законодательства об охране окружающей среды.....	98
--	----

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Хлапотин В. Ю.</i> Особенности правового статуса видеоигры как объекта права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовое исследование.....	107
<i>Лебедева Я. И.</i> Защита прав человека в практике Суда ЕС: от истоков к современности.....	120
<i>Нуен К. Х.</i> Субъективное условие ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности в праве Социалистической Республики Вьетнам.....	132

РЕЦЕНЗИИ

<i>Клеандров М. И.</i> Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах (рецензия на монографии профессора А. В. Федорова: Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах (М., 2022); Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона (М., 2022)).....	140
<i>Абдуллин А. И., Давлетгильдеев Р. Ш., Зарубин Д. В.</i> Рецензия на монографию «The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons» (под ред. С. Ю. Марочкина, Ю. С. Безбородова (2022 г.)).....	145

СОБЫТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

<i>Гальперин М. Л.</i> Homo iudicialis: краткая история завтрашнего правосудия. К юбилею А. И. Ковлера.....	149
---	-----

МОНИТОРИНГ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ.....	155
--	------------

НОВЫЕ КНИГИ

Издано Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.....	159
--	-----

Contents

EURASIAN ANTI-CORRUPTION FORUM

<i>Khabrieva T. Y.</i> Countering Corruption from the Fundamental Knowledge Standpoint.....	5
<i>Orlova S. Yu.</i> The Role of the Accounts Chamber of the Russian Federation in Countering Corruption in the New Geopolitical Conditions.....	14
<i>Cássius Guimarães Chai, Francisco Campos da Costa.</i> Strengthening the BRICS Anti-Corruption Framework through Technology and International Cooperation.....	18
<i>Manoilo A. V.</i> Corruption as a Mechanism for the Formation of Recruitment Vulnerability in Modern Spin War Operations	30
<i>Pavlinov A. V., Pomykalova I. V.</i> “Telephone Fraud” (Article 159 of the Russian Criminal Code) and Provocation of Bribery as a New Threat to the Security of the Russian State	35
<i>Tsirin A. M., Matulis S. N., Cherepanova E. V.</i> Countering Corruption: the Dialectic of Scientific Knowledge (Review of the Twelfth Eurasian Anti-Corruption Forum)	41

CONSTITUTIONAL LAW AND PROCEDURE

<i>Pilipenko A. N.</i> Civil Control in France.....	58
---	----

COMPARATIVE RESEARCHES OF CRIMINAL LAW AND PROCEDURE, CRIMINOLOGY

<i>Milich I. D.</i> Current Trends in the Legislation of the Republic of Serbia on Criminal Prosecution	68
<i>Ovchinnikov S. N.</i> National Priorities and International Standards in the Field of Execution of Criminal Penalties	76

JUDICIARY AND LAW ENFORCEMENT

<i>Fesik P. Ju.</i> The Main Trends in the Development of Adversarial and Inquisitorial Forms of Litigation in the Historical Paradigm: Towards the Search for an Ideal Litigation	85
---	----

LAND, NATURAL RESOURCES, ECOLOGICAL, AGRARIAN LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

<i>Sakovich O. M.</i> Trends in the Development of Foreign Legislation on Environmental Protection	98
--	----

RESEARCHES OF YOUNG SCHOLARS

<i>Khlapotin V. Y.</i> Features of the Legal Status of a Video Game as an Object of Intellectual Property Rights: Comparative Legal Research	107
<i>Lebedeva I. I.</i> Human Rights Protection in the Practice of the EU Court of Justice: from the Origins to the Present.....	120
<i>Nguyen Q. H.</i> The Subjective Condition of Liability for Causing Harm by a Source of Increased Danger in the Law of the Socialist Republic of Vietnam.....	132

BOOK REVIEWS

<i>Kleandrov M. I.</i> Criminal Liability of Legal Entities in Post-Socialist States (review of the monographs: Criminal Liability of Legal Entities in Post-Soviet States (Moscow, 2022); Criminal Liability of Legal Entities in Post-Socialist States of the Asia-Pacific Region (Moscow, 2022) by professor A. V. Fedorov).....	140
<i>Abdullin A. I., Davletgildeev R. Sh., Zarubin D. V.</i> Book Review of the Monograph “The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons” (S. Yu. Marochkin, Yu. S. Bezborodov (eds) (2022)).....	145

LEGAL EVENTS

<i>Galperin M. L.</i> Homo Iudicialis: A Brief History of Future Justice. To the Anniversary of A. I. Kovler	149
--	-----

MONITORING OF THE FOREIGN COUNTRIES LEGISLATION	155
--	------------

NEW BOOKS

Publications of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation	159
---	-----

Оригинальная статья
УДК 328.185:343.352
DOI: 10.61205/jzsp.2023.044

Противодействие коррупции в координатах фундаментального знания

Талия Ярулловна Хабриева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, office@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6190-6338>

Аннотация. Концептуализация знания о противодействии коррупции занимает видное место в научной повестке. Наблюдение за его приращением наряду с несомненными достижениями показали дисбаланс и относительную автономность сфер знаний о коррупции и противодействии ей, а также отсутствие необходимой коллаборации ученых, представляющих различные области науки. Поиск путей преодоления факторов, сдерживающих развитие данной научной области, а также ответов на новые вызовы коррупции обусловили подтверждение ранее сделанных автором статьи выводов, расширение их аргументации, генерацию новых предложений и постановку перспективных для доктрины задач.

В частности, развивается тезис о междисциплинарности как базовом принципе исследований проблем коррупции и противодействия ей, о необходимости освоения учеными методологии междисциплинарных исследований и создании методик подготовки программ их проведения, учета и синтезирования отраслевого знания по теме. Для целей практического преодоления «догоняющего» характера антикоррупционной деятельности предложено использовать достижения синергетики и рассматривать коррупцию как сложную саморазвивающуюся систему, сфокусировать внимание на изучении не столько самой коррупции, сколько программы ее воспроизводства (и саморегуляции). Выявление и расширение данной программы помогут открыть широкие возможности для блокирования, контроля или уничтожения коррупции и, соответственно, качественно повысить эффективность противодействия этому явлению. Такой научный результат является необходимым условием проектирования адекватной системы антикоррупционных мер.

В статье дана оценка текущему состоянию конституционализации российского законодательства в части воплощения в нем антикоррупционного стандарта, закрепленного Конституцией России. Сформулированы предложения по систематизации антикоррупционного законодательства Российской Федерации, приведены аргументы в поддержку создания общих региональных стандартов противодействия коррупции и разработки единой Евразийской антикоррупционной стратегии, поставлены частные научные задачи и обозначены направления практико-ориентированных исследований, с проведением которых связаны дальнейшие перспективы развития и упорядочения научного знания в области противодействия коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, антикоррупционный стандарт, доктринальное знание о противодействии коррупции, Евразийская стратегия противодействия коррупции, коррупция, противодействие коррупции, систематизация антикоррупционного законодательства

Для цитирования. Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции в координатах фундаментального знания // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 5—13. DOI: 10.61205/jzsp.2023.044

Original article

Countering Corruption from the Fundamental Knowledge Standpoint

Talia Y. Khabrieva

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, office@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6190-6338>

Abstract. Conceptualization of anti-corruption knowledge occupies a prominent place on the scientific agenda. Observations of its increment, along with undoubted achievements, have shown an imbalance and relative autonomy of the spheres of knowledge about corruption and countering it, as well as the lack of the necessary collaboration of scientists representing various fields of science. The search for ways to overcome the factors hindering the development of this scientific field, as well as responses to new challenges of corruption, led to the confirmation of the conclusions previously made by the author of the article, the expansion of their argumentation, the generation of new proposals and the formulation of promising tasks for the doctrine.

In particular, the thesis of interdisciplinarity as the basic principle of research on countering corruption is being developed, on the need for scientists to learn the methodology of interdisciplinary research and create methods for preparing programs for their implementation, on accounting and synthesizing sectoral knowledge. For the purposes of practical overcoming of the “catching up” nature of anti-corruption, it is proposed to use the achievements of synergetics and consider corruption as a complex self-developing system, to focus attention on studying not corruption itself but on the program of its reproduction (and self-regulation).

The identification and decoding of this program can open up wide opportunities for control or destroying corruption; through this process qualitatively increase the effectiveness of countering this phenomenon. Such a scientific result is a necessary condition for designing an adequate system of anti-corruption measures.

The article assesses the current state of the Russian legislation constitutionalization in terms of its implementation of the anti-corruption standard enshrined in the Constitution of the Russian Federation. The proposals on systematization of the Russian anti-corruption legislation are formulated, arguments are given in support of the creation of common regional anti-corruption standards and the development of a unified Eurasian Anti-Corruption Strategy, private scientific tasks are set and directions of practice-oriented research are outlined, with which further prospects for the development and streamlining of scientific knowledge in the field of anti-corruption are associated.

Keywords: anti-corruption legislation, anti-corruption standard, doctrinal knowledge of anti-corruption, Eurasian Anti-Corruption Strategy, corruption, anti-corruption, systematization of anti-corruption legislation

For citation. Khabrieva T. Y. Countering Corruption from the Fundamental Knowledge Standpoint. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 5—13. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.044

Концептуализация знания о противодействии коррупции занимает видное место в научной повестке. Наблюдение за приращением доктринального знания, его содержательный и структурный анализ, а также изучение динамики в механизме претворения фундаментальных и прикладных разработок в управленческие решения, практику государственных и частных субъектов (бизнес-структур) проводятся постоянно. Полученные результаты оцениваются в том числе с точки зрения их значения для оптимизации научного поиска.

В литературе констатируются достижения доктрины, охарактеризованы особенности данного процесса (концептуализации), показаны дисбаланс и относительная автономность сфер знаний о коррупции и противодействии ей, а также отсутствие необходимой коллаборации ученых, представляющих различные области науки¹. Несмотря на признаваемую всеми учеными и практиками важность противодействия коррупции, освоение антикоррупционной деятельности на теоретическом уровне находится в тени изучения самой коррупции, эмпирических исследований антикоррупционных практик и конкретных правовых образцов. Ученые не уделяют должного внимания познанию связей между этими объектами. В то же время концептуализация знания об упомянутых связях, а также о закономерностях антикоррупционной деятельности является условием эффективности противодействия коррупции.

Ранее автором статьи было предложено развивать правовую, а в перспективе — общую теорию антикоррупционной деятельности². Соответствующие разработки ведутся учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — ИЗиСП, Институт). Их началом послужили теоретические обобщения и систематизация имеющихся научных результатов на основе интегративного подхода к пра-

вовым процессам, который применяется учеными ИЗиСП³, а также концепции сложных саморазвивающихся систем⁴.

Промежуточные результаты подкрепляют ранее сделанный вывод о необходимости междисциплинарного научного поиска и его надлежащей организации⁵. Правоведы и представители других наук солидарны в том, что именно междисциплинарные исследования по теме противодействия коррупции могут дать наиболее значимые результаты, способные существенно повысить эффективность борьбы с этим явлением⁶. Данный вывод подтверждают, например, опыт работы Кабинета по изучению личности преступника и преступности, который стал предтечей создания Института⁷, и его последующая деятельность, а также современные исследования ИЗиСП⁸, в том числе мас-

³ См., например: *Лазарев В. В.* Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // *Журнал российского права*. 2017. № 7. С. 5—18.

⁴ Подробнее см.: *Стенин В. С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. № 4. С. 45—59.

⁵ См.: *Хабриева Т. Я.* Противодействие коррупции: рациональная картина и архитектура доктринального знания ... С. 13—14.

⁶ См.: Одиннадцатый Евразийский антикоррупционный форум «Противодействие коррупции как национальный приоритет в практике, науке и образовании» (Москва, ИЗиСП, 20 апреля 2022 г.). URL: <https://izak.ru/conferences/ezhegodnyy-evraziyskiy-antikorrupsionnyy-forum/mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-odinnadtsaty-evraziyskiy-antikorrupsionny-fo/?ysclid=ljul8stq5r532718378>.

⁷ См., например: *Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева*. М., 2023; *Растраты и растратчики / предисловие Е. Г. Ширвиндта*. М., 1926; *Проблемы уголовной политики*. Кн. I / отв. ред. Н. В. Крыленко. М., 1935; *Проблемы преступности: сборник*. Вып. 3 / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. М., 1928.

⁸ См., например: *Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Т. Я. Хабриева*. М., 2021; *Опыт лучших практик государственной службы России и Китая: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева*,

¹ См., например: *Хабриева Т. Я.* Противодействие коррупции: рациональная картина и архитектура доктринального знания // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 7. С. 5—18.

² Там же.

штабные междисциплинарные проекты, реализованные во взаимодействии с Российской академией наук (далее — Академия наук, РАН), академическими институтами (под эгидой Академии наук, президиума и научных советов РАН, например Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, Научного совета при Президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований)⁹.

Данный вектор научного поиска продиктован сложностью и многогранностью объекта исследования, а также трендом междисциплинарности как одной из основных особенностей современного типа научной рациональности¹⁰.

Междисциплинарность видится базовым принципом исследований проблем коррупции и противодействия ей в связи с тем, что фактическая и потенциальная локализация научного знания об этих объектах в научном ландшафте до конца не ясна. Это знание имеет выраженный кросс-дисциплинарный характер, включает достижения различных научных сфер, но в основном тяготеет к общественным наукам¹¹.

С учетом указанных обстоятельств в Институте развиваются междисциплинарные проекты по рассматриваемой проблематике, формулируются научные задачи, пропагандируются соответствующие

подход и опыт. В то же время анализ общего состояния научной разработанности темы, характера исследований (не только юридических) и известных результатов позволяет сделать вывод о сохраняющейся разобщенности представителей различных областей науки в освоении антикоррупционной тематики, о предметной и методологической ограниченности исследований отраслевыми (имеется в виду отрасль науки) задачами, предметом и познавательным инструментарием конкретной науки (юридической, экономической и др.).

Большинство современных работ, заявленных как междисциплинарные исследования проблем коррупции, отличает эклектика, «механическое» соединение результатов экономики, социологии, правоведения и иных наук¹². Представители каждого научного «цеха» пишут о «своем», абстрагируясь от других научных изысканий. В результате преодолеть отраслевую фрагментацию общего результата чаще всего не удается и, как следствие, общей рациональной картины не складывается, что также влияет на эффективность практики противодействия коррупции.

Сложности в проведении междисциплинарных исследований связаны с ограниченными возможностями ученых одинаково хорошо владеть методологией разных наук, что обуславливает необходимость создания научных коллективов, обеспечивающих взаимное дополнение соответствующих компетенций их участников. Однако, как показывает практика, основная проблема имеет методологический характер. В настоящее время исследования с претензией на междисциплинарность проводятся посредством постановки сугубо отраслевых задач и применения дисциплинарной методологии для их решения, а на финальном этапе — «механического» соединения полученных результатов. Для того чтобы преодолеть этот шаблон, важно осваивать методологию межотраслевых исследований (как было отмечено, в этом плане можно обратиться к наследию Института). Она предполагает особую организацию научного поиска, в том числе создание и использование методики подготовки программ его осуществления.

Исследования показали, что представители гуманитарного знания (в отличие от естественных наук) проявляют недостаточную щепетильность при формулировании проблемы и постановке задач, фокусируют внимание на потенциальном результате. В итоге оказывается, что если задачи поставлены в отраслевом (дисциплинарном) ключе, то и весь процесс их решения выстраивается в этом русле, а междисциплинарность как специфика научных изысканий присутствует лишь по оглашению.

XXI век диктует необходимость овладевать искусством формулировать междисциплинарные задачи и соответствующим образом задавать вопросы. На это

Чжао Шимин. М., 2020; *Khabrieva T. Y.* (ed.). *Legal Regulation of Combating Corruption in China*. Moscow, 2018; Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2016; Программа международного научного мониторинга проявлений коррупции (МОНКОР) / рук. авт. кол. Т. Я. Хабриева. М., 2015; Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты: материалы Девятого Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 15 апреля 2020 г.) / редкол. Т. Я. Хабриева, И. И. Кучеров, А. М., Цирин, С. Н. Матулис. М., 2021; Противодействие коррупции в сфере бизнеса: науч.-практ. пособие / отв. ред. Т. Я. Хабриева, О. С. Капинус. М., 2020.

⁹ См.: Горизонты инновационной экономики в России. Право, институты, модели: [сборник] / под общ. ред. В. Л. Макарова. М., 2010; Право и инновационная деятельность / отв. ред. В. А. Садовничий. М., 2011; Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2014; Государственная национальная политика Российской Федерации: учеб. пособие / редкол.: В. А. Тишков (отв. ред.), Л. М. Дробизева, В. А. Михайлов, А. Ю. Полунов, Т. Я. Хабриева. М., 2020; Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб., 2022; Алексеев А. Ю., Винник Д. В., Гарбук С. В., Лекторский В. А., Черногор Н. Н. Методика оценки доверия к «искусственному интеллекту». М., 2022.

¹⁰ Подробнее см.: Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000; Степин В. С. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009.

¹¹ См.: Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции: рациональная картина и архитектура доктринального знания ... С. 6.

¹² Там же. С. 6.

обратили внимание спикеры пленарной сессии Международной школы-практикума молодых ученых-юристов¹³, прошедшей 5 апреля 2022 г. на базе Сколково, правда, безотносительно к теме антикоррупции. Это было сделано в контексте формирования запросов искусственному интеллекту с целью получения творческого, в том числе научного (включая изобретательский), результата. При разработке антикоррупционной тематики ученые пока апеллируют к «естественному» интеллекту, но мастерство формирования «запроса» и в этом случае следует совершенствовать.

Таким образом, главный тезис состоит в том, что для получения нового и всестороннего научного знания о коррупции и противодействия ей, а также его концептуализации в виде высокой теории требуется развивать и осваивать методологию междисциплинарных исследований, создавать методики подготовки программ их проведения, учета и синтезирования отраслевого знания по теме. Очевидно, что для достижения данной цели предстоит усилить коллаборацию ученых. Эту миссию могла бы взять на себя Академия наук. Пока по мере своих возможностей ее выполняет Институт, используя статус организации, осуществляющей функцию междисциплинарного центра по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции¹⁴.

Другая проблема тоже касается научной методологии. Выше была упомянута взаимосвязь коррупции и противодействия ей. В настоящее время эта взаимосвязь реконструируется учеными в логической модели противостояния коррупции посредством воздействия на волю, сознание и поведение людей (как основных субъектов создания и осуществления коррупционных практик), устранения обстоятельств, способствующих коррупции, или создания условий, затрудняющих реализацию коррупционных действий. Иными словами, ученые готовят стратегии противодействия коррупции, смысл которых состоит в воздействии на саму коррупцию. Для этого основное внимание уделяется изучению ее форм и динамики.

Это приносит отдельные позитивные результаты. Однако коррупция очень подвижна, а ее динамика весьма высока. Исследования регулярно фиксируют появление новых и трансформацию известных ее форм, в том числе вследствие применения антикоррупционных регуляторных новаций, к которым коррупция довольно быстро адаптируется¹⁵. Один из путей приращения на-

учного знания и практического преодоления «догоняющего» характера антикоррупционной деятельности состоит в использовании достижений синергетики¹⁶, которая предполагает рассмотрение коррупции как сложной саморазвивающейся системы (выступающей особым состоянием динамики исторического объекта (в данном случае — коррупции), своеобразным срезом, устойчивой стадией его эволюции), привлечение внимания не столько к изучению самой коррупции, сколько к программе ее воспроизводства и саморегуляции. Выявление и расшифровка данной программы может открыть широкие возможности для ее блокирования, контроля или уничтожения, соответственно, для качественного повышения эффективности противодействия этому явлению.

Такой научный результат является необходимым условием проектирования адекватной системы антикоррупционных мер. При его отсутствии трудно оценить перспективы дальнейших шагов в этом направлении, в том числе обсуждаемые в последнее время предложения о так называемой мягкой настройке антикоррупционного регулирования в целом и отдельных институтов в частности¹⁷.

Научная продуктивность данного подхода уже была продемонстрирована учеными ИЗиСП на примере доктринального освоения контрольно-надзорной деятельности государства, которая также характеризуется высокой степенью устойчивости и «иммунитетом» к преобразующему воздействию в ходе реформ. Расшифровка программы воспроизводства системы государственного контроля (надзора) позволила определить наиболее чувствительные «точки этой системы», целенаправленное воздействие на которые может позволить эффективно ею управлять, обеспечить ее трансформацию в нужном направлении и заданных параметрах¹⁸. На основании полученных ре-

¹⁶ См., например: *Белкин П. Г., Герович В. А., Гороховская Е. А.* и др. Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М., 1994; *Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.* Синергетика — теория самоорганизации: идеи, методы, перспективы. М., 1983; *Пригожин И. Р., Гленсдорф П.* Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М., 1973; *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979; *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980; *Венгеров А. Б.* Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 39—45.

¹⁷ См., например: *Антикоррупционная этика и служебное поведение: науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, А. М. Цирина.* М., 2018; *Anti-corruption ethics and compliance handbook for business.* OECD — UNODC — World Bank 2013; *Human Rights and Anti-Corruption: Making the Link more Explicit Risk and Responsibility in Organizations.* January — April 2019. Week 6: February 25, 2019.

¹⁸ См.: Выступление Т. Я. Хабриевой на сессии «Регуляторная гильотина. Новый взгляд на старые требо-

¹³ URL: <https://izak.ru/institute/announcements/khviii-mezhdunarodnaya-shkola-praktikum-molodykh-uchenykh-yuristov-na-temu-molodezh-i-pravo/?ysclid=ljuoniezx532305593>.

¹⁴ См. постановление Правительства РФ от 31 января 2012 г. № 50 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 836».

¹⁵ См., например: *Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации ... ; Противодействие коррупции: новые вызовы ... ; Противодействие коррупции в сфере бизнеса ...*

зультатов были сформулированы предложения по реформированию системы государственного контроля и надзора¹⁹, которые, к сожалению, не были в полной мере восприняты на практике. Потенциал рекомендаций ученых остался нераскрытым, хотя и сохраняет свою практическую ценность.

Данный казус иллюстрирует общую проблему коммуникации науки и практики, которая проявляется и в области противодействия коррупции. Так, уже несколько лет подряд на государственном уровне ведется подготовительная работа по систематизации антикоррупционного законодательства. Соответствующая задача была поставлена в Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы (утвержден Указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378). Учеными Института на основании установления специфики антикоррупционного законодательства, а также закономерностей его формирования и развития были предложены варианты систематизации этого законодательного массива²⁰. В частности, обосновано, что более простым и менее ресурсоемким способом является консолидация антикоррупционного законодательства²¹. Более сложный путь предполагает частичную кодификацию этого массива и разработку Основ антикоррупционного законодательства РФ²².

Предложения Института были высоко оценены как научным, так и профессиональным сообществом, но систематизация так и не состоялась, хотя предпосылки для этого очевидны²³. В настоящее время, ко-

вания» в рамках Санкт-Петербургского экономического форума 7 июня 2019 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aFSYmIZ6ccc>. См. также: URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-2019-regulyatornaya-gilotina-novyuy-vzglyad-na-starye-trebovaniya/discussion/>.

¹⁹ См., например: Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография / редкол. А. Ф. Ноздрачев, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова. М., 2022.

²⁰ См.: Хабриева Т. Я. Законодательство о противодействии коррупции: феномен, эволюция и современные тренды: доклад на Восьмом Евразийском антикоррупционном форуме «Право против коррупции: миссия и новые тренды» (Москва, ИЗиСП, 20 марта 2019 г.). URL: <https://izak.ru/institute/events/viii-evraziyskiy-antikorrupcionnyy-forum-pravo-protiv-korruptsii-missiya-i-novye-trendy/?ysclid=ljurr2xdtw866643979>; Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства: науч.-практ. пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2020.

²¹ См.: Концепция консолидации законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции: науч.-практ. пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2021.

²² Подробнее см.: Хабриева Т. Я. Законодательство о противодействии коррупции ...

²³ Этот частный пример наглядно иллюстрирует потребность в укреплении (поиске новых) каналов и механизмов

гда по поручению главы государства Министерством юстиции России ведется работа по подготовке программы проведения систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней²⁴, целесообразно напомнить о результатах работы Института и отразить их в готовящихся документах.

Кроме того, на протяжении ряда лет ученые и практики трудились над созданием антикоррупционной правовой среды, которая получилась многослойной, имеющей сложную архитектуру, в известной степени «отформатированной» на основе универсальных стандартов²⁵. Немало усилий юристы приложили к решению научной задачи стандартизации образцов правомерного поведения должностных лиц в публичной и частной сферах, а также соответствующих требований и ограничений. Во многом разработки российских ученых опирались на положения Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. и документов различных международных организаций (ОЭСР, ГРЕКО и др.), позиционируемых в качестве универсальных. Поиск был направлен на определение способов гармоничной имплементации таких стандартов в российскую правовую систему²⁶. Теперь, в условиях кризиса международного правопорядка, возникает вопрос о судьбе этих стандартов и их дальнейшем функционировании в национальных правовых системах.

Россия добросовестно выполняет свои международные обязательства, продолжает учитывать международные стандарты и лучшие национальные практики при формировании стратегических решений, нацеленных на противодействие коррупции. В результате конституционной реформы 2020 г. произошло, в том числе благодаря научным изысканиям, юридическое оформление национального антикоррупционного стандарта ограничений, запретов и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции в отношении публичных должностных лиц. Данный стандарт связывает воедино уровни публичной власти, ее ветви и институты, а также позволяет соотносить национальное регулирование в этой области с универсальными стандартами²⁷. От-

трансляции научного знания в практическую деятельность органов публичной власти.

²⁴ См. распоряжение Президента РФ от 1 июля 2022 г. № 202-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней».

²⁵ См., например: Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография / отв. ред. О. И. Тиунов. М., 2012.

²⁶ Там же.

²⁷ Подробнее см.: Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных

дельного внимания требуют вопросы региональной интеграции, в частности евразийской, что обуславливает потребность в общих региональных стандартах противодействия коррупции и единой Евразийской антикоррупционной стратегии²⁸.

Эта стратегия должна иметь прочную научную основу. Роль правоведов состоит в том, чтобы предложить такие теоретические модели и проектные решения, которые стали бы еще одним объединяющим фактором в условиях нарастающей международной турбулентности.

Перспективной задачей является вовлечение новых субъектов в евразийское антикоррупционное пространство. Речь идет о стратегических партнерах России (Китай, Индия и др.), а также о новых субъектах Российской Федерации: Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области и Херсонской области. Предстоит колоссальная работа по формированию нормативной базы для их перехода в российское правовое поле, в том числе в вопросах противодействия коррупции. При этом важно не потерять полезные наработки, созданные в российском праве в предшествующий период, сохранить базовые принципы и механизмы, которые показали свою эффективность и интернациональное значение.

Важной практической задачей остается конституционализация российского законодательства в части определения в нем антикоррупционного стандарта, закрепленного Конституцией РФ. Результаты проведенного Институтом мониторинга приведения законодательства Российской Федерации в соответствие с обновленной Конституцией РФ уже были представлены профессиональному и научному сообществу вместе с позитивными оценками достигнутых в этом плане результатов²⁹. В 2023 г. аналогичное ис-

вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020; Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2021.

²⁸ Целесообразность разработки концепции Евразийской антикоррупционной стратегии неоднократно обосновывалась учеными Института. См., например: Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. М., 2015. Положение о разработке Евразийской антикоррупционной стратегии вошло в состав рекомендаций Шестого Евразийского антикоррупционного форума «Социальный контроль и противодействие коррупции» (Москва, 26—27 апреля 2017 г.). О необходимости данной инициативы было заявлено в ходе пленарного заседания Десятого Евразийского антикоррупционного форума (Москва, ИЗиСП, 21 апреля 2021 г.).

²⁹ См.: Цирин А. М., Черепанова Е. В., Матвеев В. В. Конституционно-правовые ориентиры противодействия корруп-

цирование было осуществлено на предмет анализа и оценки воплощения конституционного стандарта в актах субъектов РФ и муниципальных образований. Мониторинг показал, что за 2020—2022 гг. принято более 245 законов субъектов РФ, в том числе: внесены изменения в учредительные документы субъектов; изменены законы о статусе высших должностных лиц, депутатов законодательных органов; скорректировано избирательное законодательство.

Антикоррупционные ограничения закреплены для кандидатов на высшие выборные должности, а также для лиц, их замещающих. Антикоррупционные законы субъектов РФ схожи с базовым Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» как в структурном, так и в содержательном плане, поскольку ключевые вопросы в данной сфере урегулированы федеральным законодателем. Как правило, основной акцент сделан на системе органов власти, реализующих антикоррупционную политику в регионе. В остальном воспроизводятся нормы названного Федерального закона (базовые понятия, принципы противодействия коррупции, меры по предупреждению коррупции и т. д.). В этом контексте представляются целесообразными сохранение доминанты федерального законодательства, недопущение противоречий между федеральным уровнем правового регулирования и уровнем субъектов РФ, а также снижение декларативности отдельных положений законов субъектов РФ.

В 2020—2022 гг. принято более 490 муниципальных правовых актов, направленных на реализацию конституционного антикоррупционного стандарта. В основном они касаются регламентации правового статуса членов вновь создаваемых муниципальных органов. Относительно невысокий количественный показатель объясняется тем, что задолго до конституционной реформы сложилась своеобразная «традиция» устанавливать в муниципальных правовых актах отсылочные нормы к федеральному законодательству, без конкретизации антикоррупционных положений. Универсальность правовых предписаний такого рода обеспечила высокую стабильность муниципально-правового регулирования в данном предмете ведения муниципальных образований.

Работа по гармонизации, а также максимально возможной синхронизации законодательства и антикоррупционной практики субъектов РФ и муниципаль-

ции (обзор Десятого Евразийского антикоррупционного форума) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5. С. 125—143; Конституционно-правовые ориентиры противодействия коррупции. Противодействие коррупции как национальный приоритет в практике, науке и образовании: материалы Десятого и Одиннадцатого Евразийских антикоррупционных форумов (Москва, 20 апреля 2021 г., 20 апреля 2022 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023.

ных образований в целях обеспечения единообразия подходов к организации антикоррупционной работы продолжается.

Дальнейшие перспективы приращения и упорядочения научного знания в области противодействия коррупции наряду с теми, которые были обозначены, видятся в решении более частных задач и проведении практико-ориентированных исследований. В их числе:

обобщение опыта конституционализации законодательства о противодействии коррупции, его синхронизации с законодательством о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ);

научное сопровождение формирования и институционализации региональных и субрегиональных антикоррупционных международно-правовых массивов;

развитие правовой основы использования цифровых технологий в сфере противодействия коррупции, использования специальных информационных систем, защиты персональных данных и служебной информации ограниченного распространения;

дальнейшее осмысление концепции уголовной ответственности юридических лиц, от имени и в интересах которых совершаются преступления коррупционной направленности;

теоретическое обоснование дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности фи-

зических лиц за коррупционные деяния, в том числе совершенные в целях исполнения решения иностранного государства, союза иностранных государств или международной организации о введении мер ограничительного характера против Российской Федерации;

разработка правовых механизмов противодействия коррупции в корпоративной сфере, моделей локального регулирования и инкорпорации антикоррупционных норм в акты социального партнерства; научное обеспечение гармонизации антикоррупционного законодательства и законодательства о ПОД/ФТ;

разработка моделей публичной финансовой деятельности, направленных на устранение в актах финансового законодательства коррупциогенных факторов;

расширение географии сравнительно-правовых исследований по антикоррупционной проблематике;

оценка институциональной основы противодействия коррупции в российском правовом порядке, осмысление опыта разграничения функционала и взаимодействия Центрального банка России, Росфинмониторинга и Счетной палаты РФ.

Исследования такого рода могут стать значительным вкладом в формирование и упорядочение знаний в области противодействия коррупции.

Список литературы

1. Khabrieva T. Y. (ed.). *Legal Regulation of Combating Corruption in China*. Moscow, 2018.
2. Алексеев А. Ю., Винник Д. В., Гарбук С. В., Лекторский В. А., Черногор Н. Н. *Методика оценки доверия к «искусственному интеллекту»*. М., 2022.
3. *Антикоррупционная этика и служебное поведение: науч.-практ. пособие* / под ред. И. И. Кучерова, А. М. Цирина. М., 2018.
4. *Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации: науч.-практ. пособие* / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2021.
5. *Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография* / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. М., 2015.
6. Белкин П. Г., Герович В. А., Гороховская Е. А. и др. *Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления*. М., 1994.
7. Венгеров А. Б. *Синергетика, юридическая наука, право* // Советское государство и право. 1986. № 10.
8. *Горизонты инновационной экономики в России. Право, институты, модели: [сборник]* / под общ. ред. В. Л. Макарова. М., 2010.
9. *Государственная национальная политика Российской Федерации: учеб. пособие* / редкол.: В. А. Тишков (отв. ред.), Л. М. Дробижева, В. А. Михайлов, А. Ю. Полунов, Т. Я. Хабриева. М., 2020.
10. *Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года* / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2021.
11. *Конституционно-правовые ориентиры противодействия коррупции. Противодействие коррупции как национальный приоритет в практике, науке и образовании: материалы Десятого и Одиннадцатого Евразийских антикоррупционных форумов (Москва, 20 апреля 2021 г., 20 апреля 2022 г.)* / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023.
12. *Концепция консолидации законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции: науч.-практ. пособие* / под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2021.
13. Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. *Синергетика — теория самоорганизации: идеи, методы, перспективы*. М., 1983.
14. Лазарев В. В. *Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда* // Журнал российского права. 2017. № 7.
15. *Летопись российской юридической науки: в 5 т.* / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023.
16. Николис Г., Пригожин И. *Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации*. М., 1979.
17. *Опыт лучших практик государственной службы России и Китая: монография* / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Чжао Шимин. М., 2020.

18. Право и инновационная деятельность / отв. ред. В. А. Садовничий. М., 2011.
19. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография / отв. ред. О. И. Тиунов. М., 2012.
20. Пригожин И. Р., Глендсдорф П. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М., 1973.
21. Проблемы преступности: сборник. Вып. 3 / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. М., 1928.
22. Проблемы уголовной политики. Кн. I / отв. ред. Н. В. Крыленко. М., 1935.
23. Программа международного научного мониторинга проявлений коррупции (МОНКОР) / рук. авт. кол. Т. Я. Хабриева. М., 2015.
24. Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты: материалы Девятого Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 15 апреля 2020 г.) / редкол. Т. Я. Хабриева, И. И. Кучеров, А. М., Цирин, С. Н. Матулис. М., 2021.
25. Противодействие коррупции в сфере бизнеса: науч.-практ. пособие / отв. ред. Т. Я. Хабриева, О. С. Капинус. М., 2020.
26. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2016.
27. Растраты и растратчики / предисловие Е. Г. Ширвиндта. М., 1926.
28. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография / редкол. А. Ф. Ноздрачев, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова. М., 2022.
29. Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2014.
30. Степин В. С. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009.
31. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4.
32. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.
33. Хабриева Т. Я. Законодательство о противодействии коррупции: феномен, эволюция и современные тренды: доклад на Восьмом Евразийском антикоррупционном форуме «Право против коррупции: миссия и новые тренды» (Москва, ИЗиСП, 20 марта 2019 г.). URL: <https://izak.ru/institute/events/viii-evraziyskiy-antikorrupsionnyy-forum-pravo-protiv-korrupsii-missiya-i-novyye-trendy/?ysclid=ljurr2xdtw866643979>.
34. Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции: рациональная картина и архитектура доктринального знания // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7.
35. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020.
36. Хакен Г. Синергетика. М., 1980.
37. Цирин А. М., Черепанова Е. В., Матвеев В. В. Конституционно-правовые ориентиры противодействия коррупции (обзор Десятого Евразийского антикоррупционного форума) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5.
38. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб., 2022.
39. Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства: науч.-практ. пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2020.

References

1. Khabrieva T. Y. (ed.). *Legal Regulation of Combating Corruption in China*. Moscow, 2018.
2. Alekseev A. Yu., Vinnik D. V., Garbuk S. V., Lektorskiy V. A., Chernogor N. N. *Metodika otsenki doveriya k "iskusstvennomu intellektu"*. Moscow, 2022.
3. Kuchеров I. I., Tsirin A. M. (eds). *Antikorrupsionnaya etika i sluzhebnoe povedenie*. Moscow, 2018.
4. Khabrieva T. Y. (ed.). *Anti-Corruption Education in the Russian Federation*. Moscow, 2021. 144 p. (In Russ.)
5. Khabrieva T. Y., Fedorov A. V. (eds). *Antikorrupsionnye standarty Organizatsii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya i ikh realizatsiya v Rossiyskoy Federatsii*. Moscow, 2015.
6. Belkin P. G., Gerovich V. A., Gorokhovskaya E. A. et al. *Kontseptsii samoorganizatsii: stanovlenie novogo obraza nauchnogo myshleniya*. Moscow, 1994.
7. Vengerov A. B. Синергетика, юридическая наука, право. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1986, no. 10.
8. Makarov V. L. (ed.). *Gorizonty innovatsionnoy ekonomiki v Rossii. Pravo, instituty, modeli*. Moscow, 2010.
9. Tishkov V. A., Drobizheva L. M., Mikhaylov V. A., Polunov A. Yu., Khabrieva T. Y. (eds). *Gosudarstvennaya natsional'naya politika Rossiyskoy Federatsii*. Moscow, 2020.
10. Khabrieva T. Y. (ed.). *Commentary on the Constitution of the Russian Federation (article by article): with account of the amendments approved by the all-Russian vote on July 1, 2020*. Moscow, 2021. 368 p. (In Russ.)
11. Khabrieva T. Y. (ed.). *Constitutional Waymarks in Combating Corruption. Combating Corruption as a National Priority in Practice, Science and Education: Materials of the Tenth and Eleventh Eurasian Anti-Corruption Forums (Moscow, April 20, 2021, 2022)*. Moscow, 2023. 448 p. (In Russ.)

12. Pashentsev D. A. (ed.). *Kontsepsiya konsolidatsii zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o protivodeystvii korrupsii*. Moscow, 2021.
13. Kurdyumov S. P., Malinetskiy G. G. *Sinergetika — teoriya samoorganizatsii: idei, metody, perspektivy*. Moscow, 1983.
14. Lazarev V. V. Integration of Law and the Implementation of Integrative Approaches to Law in a Court Decision. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 7, pp. 5—18. (In Russ.)
15. Khabrieva T. Y. (ed.). *Chronicle of Russian Legal Science*. Moscow, 2023. (In Russ.)
16. Nikolis G., Prigozhin I. *Samoorganizatsiya v neravnesnykh sistemakh: ot dissipativnykh struktur k uporyadochennosti cherez fluktuatsii*. Moscow, 1979.
17. Khabrieva T. Y., Zhao Shiming (eds). *Experience of the best practices of the civil service of Russia and China*. Moscow, 2020. 396 p. (In Russ.)
18. Sadovnichiy V. A. (ed.). *Pravo i innovatsionnaya deyatel'nost'*. Moscow, 2011.
19. Tiunov O. I. (ed.). *Pravovye mekhanizmy implementatsii antikorrupcionnykh konventsii*. Moscow, 2012.
20. Prigozhin I. R., Glensdorf P. *Termodinamicheskaya teoriya struktury, ustoychivosti i fluktuatsiy*. Moscow, 1973.
21. Shirvindt E., Traskovich F., Gernet M. (eds). *Problemy prestupnosti*. Iss. 3. Moscow, 1928.
22. Krylenko N. V. (ed.). *Problemy ugolovnoy politiki*. Book I. Moscow, 1935.
23. Khabrieva T. Y. (ed.). *Programma mezhdunarodnogo nauchnogo monitoringa proyavleniy korrupsii (MONKOR)*. Moscow, 2015.
24. Khabrieva T. Y., Kucherov I. I., Tsirin A. M., Matulis S. N. (eds). *Protivodeystvie korrupsii v organizatsiyakh: mezhdunarodnye i natsional'nye standarty: materialy Devyatogo Evraziyskogo antikorrupcionnogo foruma (Moskva, 15 Apryl 2020)*. Moscow, 2021.
25. Khabrieva T. Y., Kapinus O. S. (eds). *Combating corruption in the field of business*. Moscow, 2020. 256 p. (In Russ.)
26. Khabrieva T. Y. (ed.). *Combating Corruption: New Challenges*. Moscow, 2016. 376 p. (In Russ.)
27. Shirvindt E. G. et al. *Rastraty i rastratchiki*. Moscow, 1926.
28. Nozdrachev A. F., Zyryanov S. M., Kalmykova A. V. (eds). *Regulyatornaya politika Rossiyskoy Federatsii: pravovye problemy formirovaniya i realizatsii*. Moscow, 2022.
29. Khabrieva T. Y. (ed.). *Reforma nauki i obrazovaniya: sravnitel'no-pravovoy i ekonomiko-pravovoy analiz*. Moscow, 2014.
30. Stepin V. S. *Postneklassika: filozofiya, nauka, kul'tura*. St. Petersburg, 2009.
31. Stepin V. S. Tipy nauchnoy ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*, 2013, no. 4.
32. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie*. Moscow, 2000.
33. Khabrieva T. Y. *Zakonodatel'stvo o protivodeystvii korrupsii: fenomen, evolyutsiya i sovremennye trendy: doklad na Vos'mom Evraziyskom antikorrupcionnom forumе "Pravo protiv korrupsii: missiya i novye trendy" (Moskva, IZiSP, 20 March 2019)*. Available at: <https://izak.ru/institute/events/viii-evraziyskiy-antikorrupcionnyy-forum-pravo-protiv-korrupsii-missiya-i-novye-trendy/?ysclid=ljurr2xdtw866643979>.
34. Khabrieva T. Y. Countering Corruption: Rational Picture and Architecture of Doctrinal Knowledge. *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 7, pp. 5—18. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.069.
35. Khabrieva T. Y., Klishas A. A. *Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities"*. Moscow, 2020. 240 p. (In Russ.)
36. Khaken G. *Sinergetika*. Moscow, 1980.
37. Tsirin A. M., Cherepanova E. V., Matveev V. V. Constitutional Waymarks in Combating Corruption (Review of the Tenth Eurasian Anti-Corruption Forum). *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2021, vol. 17, no. 5, pp. 125—143. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2021.059.
38. Lektorskiy V. A. (ed.). *Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta*. St. Petersburg, 2022.
39. Pashentsev D. A. (ed.). *Zakonodatel'stvo v sfere protivodeystviya korrupsii: kontseptual'nye osnovy i mesto v sisteme rossiyskogo zakonodatel'stva*. Moscow, 2020.

Информация об авторе

Т. Я. Хабриева, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель президента РАН, академик РАН, действительный член Международной академии сравнительного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан

Information about the author

T. Y. Khabrieva, Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Titular Member of the International Academy of Comparative Law, Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy President of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Поступила в редакцию 14.07.2023
Принята к публикации 15.07.2023

Received 14.07.2023
Accepted 15.07.2023

Оригинальная статья
УДК 328.185:343.352
DOI: 10.61205/jzsp.2023.045

Роль Счетной палаты Российской Федерации в противодействии коррупционным правонарушениям в новых геополитических условиях

Светлана Юрьевна Орлова

Счетная палата Российской Федерации, Москва, Россия, info@ach.gov.ru

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к противодействию коррупционным правонарушениям, которые применяет и планирует применять в дальнейшем Счетная палата Российской Федерации. Проанализирована информация о результатах контрольных мероприятий Счетной палаты. Проведен анализ нормативного правового регулирования и методического обеспечения указанной деятельности. Освещена международная деятельность Счетной палаты по указанному вопросу, в частности в рамках работы с высшими органами аудита иностранных государств, а также иными международными организациями в условиях новых геополитических реалий.

Цель исследования — выработка подходов к созданию эффективной системы противодействия коррупционным правонарушениям на примере реализованной системы на базе Счетной палаты Российской Федерации. При реализации поставленной цели особое внимание уделено анализу выявленных ранее правонарушений и мер реагирования на такие правонарушения, организации образовательного процесса для повышения квалификации в сфере противодействия коррупции, управлению рисками в указанной сфере и методологическому обеспечению проведения проверок Счетной палаты.

Методологическая основа исследования: диалектический метод познания, общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, сопоставления и обобщения, а также специальные юридические методы (сравнительно-правовой, логико-юридический и др.).

Вывод: сложившаяся геополитическая ситуация объективно требует усиления мер по противодействию коррупции. Действующее законодательство дает все возможности для создания эффективной системы противодействия коррупционным правонарушениям в органах государственной власти. В целях создания такой системы должны применяться современные средства информатизации, в частности активно использоваться межведомственные информационные системы. Должно обеспечиваться качественное нормативное правовое регулирование и методологическое обеспечение. Не менее важно развитие международного сотрудничества и продвижение образовательных инициатив.

Ключевые слова: Счетная палата Российской Федерации, противодействие коррупции, международные отношения, система государственных закупок, информационные системы органов государственной власти, коррупционные риски, правовое регулирование, методологическое обеспечение, высшие органы аудита

Для цитирования. Орлова С. Ю. Роль Счетной палаты Российской Федерации в противодействии коррупционным правонарушениям в новых геополитических условиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 14—17. DOI: 10.61205/jzsp.2023.045

Original article

The Role of the Accounts Chamber of the Russian Federation in Countering Corruption in the New Geopolitical Conditions

Svetlana Yu. Orlova

Accounts Chamber of the Russian Federation, Moscow, Russia, info@ach.gov.ru

Abstract. The article discusses approaches to countering corruption that the Accounts Chamber of the Russian Federation applies and plans to apply in the future. The information on the results of control measures of the Accounting Chamber is analyzed. The analysis of normative legal regulation and methodological support of the specified activity is carried out. The international activities of the Accounting Chamber on this issue are highlighted, in particular in the framework of interaction with the supreme audit institutions of foreign states, as well as other international organizations in the context of new geopolitical realities.

The purpose of the study is to develop approaches to creating an effective system for countering corruption on the example of the implemented system based on the Accounts Chamber of the Russian Federation. When implementing this goal, special attention is paid to the analysis of previously identified offenses and measures to respond to them, the organization of the education for advanced training in the field of anti-corruption, risk management in this area and methodological support for inspections of the Accounting Chamber.

Methodological basis of the research: dialectical method of cognition, general scientific methods of abstraction, analysis and synthesis, comparison and generalization, as well as special legal methods (comparative legal, logical legal, etc.).

Conclusion: the current geopolitical situation objectively requires strengthening anti-corruption measures. The current legislation provides every opportunity to create an effective anti-corruption system in public authorities. In order to create such a system, modern means of informatization should be used, in particular, interdepartmental information systems. High-quality regulatory legal regulation and methodological support should be provided. Equally important are the development of international cooperation and the promotion of educational initiatives.

Keywords: Accounting Chamber of the Russian Federation, anti-corruption, international relations, public procurement system, information systems of public authorities, corruption risks, legal regulation, methodological support, supreme audit institutions

For citation. Orlova S. Yu. The Role of the Accounts Chamber of the Russian Federation in Countering Corruption in the New Geopolitical Conditions. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 14—17. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.045

Несмотря на выход Российской Федерации из Совета Европы и денонсацию Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию¹, наша страна остается полноправным участником основных международных конвенций по борьбе с коррупцией², в связи с чем укрепление международного сотрудничества в этой сфере сохраняет актуальность.

Тема противодействия коррупции также обозначена в качестве приоритетов нового Стратегического плана Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ)³ на 2023—2028 гг.

Счетная палата РФ предложила увязку этой темы с деятельностью органов аудита по обеспечению открытости и содействию повышению качества государственного управления. Предложения Счетной палаты были обозначены в качестве ключевых пунктов.

На постоянной основе происходит обмен лучшими практиками между высшими органами аудита стран, входящих в эту международную организацию, в том числе в рамках продвижения ресурса Цифрового университета ИНТОСАИ (далее — Университет), который представляет собой открытую образовательную онлайн-платформу (на семи языках) для всех членов ИНТОСАИ, ставшую уникальным пространством для обмена опытом и передовыми знаниями. Университет предлагает аудиторскому сообществу не только классические образовательные программы (вебинары, онлайн-курсы), но и лучшие образовательные проекты и практические руководства ИНТОСАИ. В настоящее время на ней размещены 132 курса, в том числе три курса Международной антикоррупционной академии. Популярность Университета растет.

Счетная палата РФ внесла вклад в подготовку Практического руководства по укреплению сотрудничества между высшими органами аудита и анти-

коррупционными ведомствами, которое объединило опыт более 150 экспертов и антикоррупционных ведомств 50 стран.

Руководство было представлено высшим органом аудита Объединенных Арабских Эмиратов и Управлением ООН по наркотикам и преступности на площадках Конгресса ИНТОСАИ в Бразилии в ноябре прошлого года. Документ включает конкретные примеры действий по борьбе с коррупцией по разным областям: международное сотрудничество, использование результатов аудита для профилактики коррупции, участие граждан в предупреждении коррупции.

Более десятка примеров деятельности Счетной палаты РФ отражены в заключительном тексте документа.

В 2022 г. Счетная палата РФ завершила председательство в ИНТОСАИ и передала полномочия Бразилии.

По мнению Счетной палаты, в текущих условиях вектор развития антикоррупционной работы должен исходить из национальных приоритетов и интересов.

В Российской Федерации в основном сформирована правовая и организационная основы противодействия коррупции: в настоящее время действуют более 100 антикоррупционных актов применительно к различным сферам государственной и общественной жизни, однако эффективность принимаемых мер остается недостаточной. В связи с этим требуется соответствующая актуализация антикоррупционного законодательства. Значительное количество изменений, внесенных в основополагающие документы, свидетельствует о его продолжающемся совершенствовании в соответствии с реалиями времени.

Так, в Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» с момента его принятия изменения были внесены 34 раза.

Существенной корректировке подвергся и Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ), провозглашенные принципы открытости и прозрачности в котором направлены в том числе и на противодействие коррупции в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (ст. 6, 7).

¹ См. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 42-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию».

² Конвенция ООН против коррупции, Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок.

³ Международная организация создана в 1953 г. и объединяет 194 страны ООН.

При этом в Законе № 44-ФЗ содержатся меры противодействия коррупции: установлены запрет на включение в состав закупочной комиссии определенных лиц (ч. 6 ст. 39), требование к участникам закупки об отсутствии конфликта интересов между ними и заказчиком (п. 9 ч. 1 ст. 31); предусмотрена возможность оспорить действительность контракта в суде при наличии личной заинтересованности руководителя заказчика, члена комиссии, контрактного управляющего или руководителя контрактной службы (ч. 22 ст. 34); установлен запрет на участие в закупках физических лиц с непогашенной или неснятой судимостью за определенные преступления, а также юридических лиц, где такие физические лица являются руководителями, членами коллегиального исполнительного органа, лицами, исполняющими функции единоличного исполнительного органа или главного бухгалтера (п. 7, 7¹ ч. 1 ст. 31); предусмотрены механизм раскрытия информации обо всех субподрядчиках для крупных контрактов (ч. 23, 24 ст. 34), право Правительства РФ определить случаи проверки соответствия поставленного товара условиям контракта исключительно сторонними экспертами (экспертными организациями) (ч. 4¹ ст. 94); установлены различные механизмы контроля за закупочной деятельностью, в том числе общественный контроль (ст. 99—102) и общественное обсуждение отдельных закупок (ст. 20), требования/ограничения к экспертам, экспертным организациям (ч. 2 ст. 41), запрет на участие специализированной организации в закупке, в рамках которой она осуществляет функции такой организации (ч. 5 ст. 40).

По мнению Счетной палаты, система государственных закупок — ключевой, основополагающий компонент стратегического управления и оказания услуг в государственном секторе⁴.

Объем бюджетных средств, задействованный в этой сфере, достиг в 2022 г. 11,3 трлн руб. (примерно 7,4% ВВП России), заключено около 3,2 млн контрактов⁵. Это делает сферу государственных закупок крайне привлекательной для коррупционных проявлений и коррупционных схем.

По итогам проверок в прошлом году Счетной палатой РФ выявлены нарушения и недостатки на сумму 886 млрд руб. Наибольшая сумма приходится на нарушения требований к бюджетному учету, бухгалтерской отчетности. Часто эти нарушения носят процедурный характер.

В структуре нарушений по закупкам преобладают нарушения, связанные с внесением изменений в кон-

тракты с нарушением требований, установленных законодательством РФ (10,1 млрд руб.), а также с применением мер ответственности к недобросовестным исполнителям контрактов (8,1 млрд руб.). Кроме того, зафиксированы нарушения, связанные с невыполнением условий контрактов (1,1 млрд руб.), а также с определением и обоснованием начальной (максимальной) цены контрактов (0,4 млрд руб.)⁶.

Снижение уровня коррупции при осуществлении закупок является одной из приоритетных задач, поскольку данная сфера деятельности неразрывно связана с большим объемом средств, выделяемых из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, и наличием существенного количества коррупционных правонарушений.

Развитие среды добросовестности за счет совершенствования антикоррупционных мер, а также законодательных и институциональных условий, препятствующих злоупотреблениям, — одна из четырех задач Стратегии развития Счетной палаты Российской Федерации на 2018—2024 годы⁷.

В 2021 г. Счетной палатой РФ была инициирована работа по совершенствованию своей деятельности по противодействию коррупции, приоритетом которой определено внедрение профилактики коррупционных рисков в бюджетной сфере.

Счетная палата выстраивает свою работу в антикоррупционной сфере, исходя из законодательно установленных полномочий⁸, не подменяя другие органы. Вопросы выявления, пресечения, борьбы с коррупцией относятся к полномочиям правоохранительных органов и органов прокуратуры.

Так, материалы контрольных мероприятий Счетной палаты, в ходе которых установлены нарушения, имеющие признаки коррупционных проявлений, в обязательном порядке передаются в правоохранительные органы, которые по результатам проведения оперативно-разыскных действий дают им уголовно-правовую оценку и принимают соответствующие решения.

По итогам проверок Счетной палатой в 2022 г. в правоохранительные органы передано 37 материалов (почти столько же, сколько и в 2021 г.), 93 дела возбуждено об административных правонарушениях (на 23 больше, чем в 2021 г.), 182 должностных лица привлечены к ответственности⁹ (на 54 больше, чем в

⁶ Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2022 г.

⁷ Утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 3 августа 2018 г. № 39К(1260).

⁸ См. п. 9 ст. 5 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» — «обеспечение в пределах своей компетенции мер по противодействию коррупции».

⁹ Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2022 г.

⁴ По данным Федерального казначейства в сфере закупок задействованы 3,1 млн человек из почти 960 тысяч организаций.

⁵ По данным Единой информационной системы в сфере закупок.

2021 г.¹⁰). Рост количества вынесенных решений может свидетельствовать о повышении качества проведенных Счетной палатой проверок.

В рамках решения задачи по противодействию коррупции в 2022 г. были утверждены два ключевых документа, определяющих развитие антикоррупционной деятельности в Счетной палате РФ:

паспорт проекта «Антикоррупция»;

Дорожная карта по активизации деятельности по решению задачи № 4 Стратегии развития Счетной палаты Российской Федерации на 2018—2024 годы «Развитие среды добросовестности за счет совершенствования мер по противодействию коррупции, а также законодательных и институциональных условий, препятствующих злоупотреблениям»¹¹.

Дорожная карта определяет реализацию до 2024 г. 35 конкретных мероприятий по шести наиболее значимым направлениям деятельности Счетной палаты, включая совершенствование методического обеспечения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий в части выявления признаков коррупционных правонарушений; цифровизацию, информационное и программное обеспечение; повышение взаимодействия с контрольными и правоохранительными органами; повышение профессионального уровня инспекторского состава и открытости Счетной палаты.

Одним из ключевых мероприятий является разработка Методических рекомендаций по выявлению и оценке коррупционных рисков в ходе проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий (далее — Методические рекомендации).

Методические рекомендации разработаны и апробированы в рамках проверки исполнения федерального бюджета за 2022 г. Уже есть результаты — установлены нарушения, имеющие коррупционную составляющую. Далее по результатам апробации запланирована доработка Методических рекомендаций и в сентябре 2023 г. — утверждение Коллегией Счетной палаты РФ.

При подготовке Методических рекомендаций учитывалось, что документ должен быть максимально полезным для инспекторов с практической точки зре-

ния и отражать профилактическую направленность деятельности Счетной палаты Российской Федерации по противодействию коррупции.

Профилактическая составляющая Методических рекомендаций направлена:

на устранение причин и условий выявляемых коррупционных рисков, а также нарушений и недостатков, имеющих признаки коррупционных правонарушений;

подготовку предложений (рекомендаций) по совершенствованию системы управления коррупционными рисками с указанием объекту аудита конкретных проблем в ее функционировании.

Как известно, выявление индикаторов коррупционных правонарушений является трудоемким процессом. Важно сформировать экосистему информационного взаимодействия Счетной палаты РФ с органами государственной власти, способствующей выявлению ненадлежащих практик и коррупционных проявлений.

Проработка индикаторов применения ненадлежащих практик, их оцифровка и «маркировка» в информационных системах позволит значительно усилить возможности по выявлению коррупционных проявлений.

Сотрудники Счетной палаты прошли уникальный учебный курс по антикоррупции на базе Международного учебно-методического центра Росфинмониторинга. Налажено взаимодействие с Росфинмониторингом по обмену информацией в части государственных контрактов с высоким уровнем риска.

Принципиально важным является расширение доступа к информационным ресурсам органов государственной власти, например информационной системе Федерального казначейства «Риск-мониторинг», которая на основе сопоставления набора данных анализирует о рисках при осуществлении закупок. Сотрудники Счетной палаты подключены к данной системе и используют ее в проверках.

Что касается антикоррупционной комплаенс-системы Счетной палаты, то акцент сделан на профессионализм и ответственность сотрудников. Уровень подготовки является мощным препятствием на пути коррупции.

По мнению Счетной палаты, выявление коррупционных рисков позволит разработать и реализовать превентивные мероприятия, позволяющие минимизировать возможности реализации коррупционных рисков и (или) величину вероятного ущерба от них.

¹⁰ Согласно Отчету о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2021 г. всего было направлено 36 материалов (в ходе и по результатам проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий) в правоохранительные органы.

¹¹ Утв. председателем Счетной палаты РФ 21 февраля 2022 г. № 01/5/07-01вн.

Информация об авторе

С. Ю. Орлова, аудитор Счетной палаты Российской Федерации, кандидат экономических наук

Information about the author

S. Yu. Orlova, Cand. Sci. (Economy), Auditor, Accounts Chamber of the Russian Federation

Поступила в редакцию 13.06.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 13.06.2023

Accepted 22.06.2023

Original article

UDC 342.7:341.64

DOI: 10.61205/jzsp.2023.046

Strengthening the BRICS Anti-Corruption Framework through Technology and International Cooperation

Cássius Guimarães Chai¹, Francisco Campos da Costa²

¹Federal University of Maranhão, Sao Luis, Brazil, cassiuschai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5893-3901>

²Faculty of Law, CEST, Sao Luis, Brazil, fanciscocadv@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2444-7849>

Abstract. Corruption in procurement is a significant problem that can lead to financial losses, inefficiencies, and unfair competition. The use of artificial intelligence (AI) has been proposed as a potential solution to detect and prevent corruption in procurement. However, there is a need to identify specific technologies being used in BRICS countries to enhance transparency and accountability in the public sector.

This study aims to conduct a systematic literature review of the use of AI techniques in detecting and preventing corruption in procurement in BRICS countries. Specifically, the study seeks to identify the most commonly used AI techniques, their effectiveness, and the challenges associated with their implementation. Additionally, the study aims to explore the role of international cooperation in strengthening anti-corruption efforts in BRICS countries.

A systematic literature review was conducted using a comprehensive search strategy to identify relevant studies. The inclusion criteria were studies that focused on using AI techniques to detect and prevent corruption in procurement in BRICS countries. Data were extracted and analyzed using a thematic analysis approach.

The main challenges associated with the implementation of AI techniques were data quality, privacy concerns, and the need for technical expertise. The review also highlighted the importance of international cooperation in sharing best practices and promoting transparency and accountability in the public sector. AI techniques show promise in detecting and preventing corruption in procurement in BRICS countries, while international cooperation can play a crucial role in strengthening anti-corruption efforts in BRICS countries by promoting transparency, accountability, and the rule of law.

Keywords: corruption, procurement, artificial intelligence, machine learning, natural language processing, network analysis, BRICS, international cooperation

For citation. Cássius Guimarães Chai, Francisco Campos da Costa. Strengthening the BRICS Anti-Corruption Framework through Technology and International Cooperation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 18—29. DOI: 10.61205/jzsp.2023.046

Оригинальная статья

Развитие антикоррупционного регулирования в странах БРИКС посредством применения технологий и международного сотрудничества

Кассиус Гимарайнш Чай¹, Франциско Кампос Да Кошта²

¹Федеральный университет Мараньяна, Сан-Луис, Бразилия, cassiuschai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5893-3901>

²Юридическая школа CEST, Сан-Луис, Бразилия, fanciscocadv@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2444-7849>

Аннотация. Коррупция в сфере закупок является серьезной проблемой, которая может привести к финансовым потерям, неэффективности и недобросовестной конкуренции. Авторы статьи предлагают применять искусственный интеллект для выявления и предотвращения коррупции в сфере закупок. Однако требуется определить конкретные технологии, используемые в странах БРИКС для повышения прозрачности и подотчетности в государственном секторе.

Цель исследования — проведение системного обзора литературы об использовании методов искусственного интеллекта для выявления и предотвращения коррупции в сфере закупок в странах БРИКС. Исследование направлено на выявление наиболее часто используемых методов искусственного интеллекта, их эффективности и проблем, связанных с их внедрением. Кроме того, ставится цель изучить роль международного сотрудничества в укреплении усилий по борьбе с коррупцией в странах БРИКС.

Авторами дан системный обзор литературы с использованием комплексной стратегии поиска материала для выявления исследований, сфокусированных на использовании искусственного интеллекта в целях выявления и предотвращения коррупции при закупках в странах БРИКС. Данные, полученные из указанной выше литературы, проанализированы с использованием метода тематического анализа.

Установлено, что основными проблемами, связанными с внедрением методов искусственного интеллекта, являются качество данных, конфиденциальность и потребность в технической экспертизе. Подчеркивается важность международно-

го сотрудничества в обмене передовым опытом и содействии прозрачности и подотчетности в государственном секторе. Применение искусственного интеллекта представляется многообещающим для выявления и предотвращения коррупции в сфере закупок в странах БРИКС, в то время как международное сотрудничество может сыграть решающую роль в укреплении усилий по борьбе с коррупцией в странах БРИКС путем содействия прозрачности, подотчетности и верховенства права.

Ключевые слова: коррупция, закупки, искусственный интеллект, машинное обучение, обработка естественного языка, сетевой анализ, БРИКС, международное сотрудничество

Для цитирования. Кассиус Гимарайнш Чай, Франциско Кампос Да Кошта. Развитие антикоррупционного регулирования в странах БРИКС посредством применения технологий и международного сотрудничества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 18—29. (На англ. яз.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.046

Introduction

Corruption in procurement is a significant issue with substantial implications, including financial losses, pervasive inefficiencies, and the propagation of unfair competition. The deployment of artificial intelligence (AI) has been proposed as a potential countermeasure to mitigate this phenomenon. Notably, within the context of the BRICS countries — Brazil, Russia, India, China, and South Africa — this issue merits particular attention. These nations, as influential emerging economies, are confronted with pronounced corruption challenges. Thus, the identification and examination of specific AI technologies utilized in these countries to enhance public sector transparency and accountability are of utmost importance.

The focus of this study is to conduct an in-depth systematic literature review concerning the use of AI techniques in detecting and averting corruption in procurement within BRICS countries. It aims to discern the most frequently employed AI techniques, evaluate their performance, and understand the difficulties associated with their deployment.

Furthermore, the study examines the role of international cooperation in augmenting anti-corruption efforts in these nations. Given that corruption is a global concern demanding collective and cooperative solutions, this study assesses how international collaborations can contribute to the broader objective of combating corruption.

To achieve these aims, a systematic literature review was implemented, deploying a detailed search strategy to discover pertinent studies. The inclusion criteria were narrowed to studies that concentrated on the use of AI techniques to detect and deter corruption in procurement within BRICS nations. Data were extracted and analyzed employing a thematic analysis methodology.

The review identified 25 studies that satisfied the inclusion criteria. The most commonly identified AI techniques were machine learning, natural language processing, and network analysis. However, the studies reported varied degrees of effectiveness of these techniques in corruption detection and prevention. Challenges, including those related to data quality, privacy, and the requirement for technical expertise, were observed. Despite these hurdles, the potential of AI techniques in detecting and preventing corruption in procurement within BRICS nations is worth noting.

The value of international cooperation emerged as a significant theme, underlining the potential of shared

best practices and the promotion of transparency and accountability in the public sector. Thus, this study highlights the possible contribution of international cooperation in fortifying anti-corruption efforts within BRICS nations.

While the promise of AI techniques in combating corruption is evident from the studies reviewed, the research suggests the necessity for further investigation to confront the challenges associated with the implementation of these techniques and to strategize their effective usage. Despite the complexity of the journey towards corruption-free procurement processes within BRICS nations, the findings suggest that a balanced combination of technology deployment and international cooperation could contribute significantly towards achieving greater transparency, accountability, and adherence to the rule of law.

1. The role of technology in enhancing transparency and accountability in the public sector in BRICS countries

According to the United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP), good governance has eight major characteristics: participatory, consensus-oriented, accountable, transparent, responsive, effective and efficient, equitable and inclusive, and follows the rule of law¹.

Accountability is described as a key requirement of good governance, stating that both the public and private sectors must be accountable. However, accountability can only be enforced with transparency and the rule of law. Transparency refers to the need to inform and make information accessible to those affected by decisions and their enforcement, ensuring that decisions follow rules and regulations. The rule of law entails fair legal frameworks that are enforced impartially².

These three characteristics are deeply linked and play a crucial role in fostering trust and confidence in decision-making processes. By upholding accountability, transparency, and the rule of law, society can strive towards achieving practical and ethical governance practices.

¹ What is Good Governance? 10 July 2009. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. P. 1. Available at: <https://www.unescap.org/resources/what-good-governance> (accessed 20.05.2023).

² Ibid. Pp. 2—3.

According to Dawes³, scholars and researchers interested in the convergence of information and communication technologies (ICTs) with the public sector have conducted various lines of inquiry. Their studies have examined the influence of technology on government organization, performance, administrative reform, and the impact of technology on the public ICT workforce and workplace.

Moraes, Meirelles, and Cappelozza⁴ posit that the implementation of information technology (IT) in public administration originated in the 1960s. It was primarily used in administrative tasks aimed at delivering services to citizens, including but not limited to the issuance of paychecks, statements, and general information.

Chahin et al.⁵ argue that e-Government was formalized during the Global Forum on Reinventing Government in Washington in 1999. The expression was further debated during the Global Forum, A Democratic State and Governance in the 21st Century, held in Brasilia, Brazil, the following year.

Wijermars⁶ elucidates that open Government is a concept advocating for transparency and accountability in governance, implying that citizens should have access to government documents and proceedings to uphold adequate checks and balances. The author further asserts that this idea has become inextricably linked with the term “e-Government” due to the proliferation of internet access and IT infrastructure. The integration of open and e-government aims to increase efficiency and transparency, simplify and enhance the provision of government services to civilians, and improve government-to-citizen communication.

According to Haque and Pathrannarakul⁷:

³ Dawes S. S. Governance in the digital age: A research and action framework for an uncertain future. *Government Information Quarterly*, 2009, vol. 26, iss. 2. P. 257. DOI: 10.1016/j.giq.2008.12.003.

⁴ Moraes G. H. S. M., Meirelles F. S., Cappelozza A. Information technology and e-government in Brazil: A single case study in the State of São Paulo. *Espacios (Caracas)*, 2016, vol. 37. P. 26. Available at: https://pesquisa-eaesp.fgv.br/sites/gvpesquisa.fgv.br/files/arquivos/meirelles_-_information_technology_and_government_in_brazil_.pdf (accessed 20.05.2023).

⁵ Chahin A., Cunha M. A., Knight P. T., Pinto S. L. *Egov.br: a próxima revolução brasileira: eficiência, qualidade e democracia: o governo eletrônico no Brasil e no mundo*. São Paulo, 2004. Available at: <https://exposicao.enap.gov.br/items/show/296> (accessed 20.05.2023).

⁶ Wijermars M. The Digitalization of Russian Politics and Political Participation. In: Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M. (eds). *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Cham, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-42855-6_2.

⁷ Haque S., Pathrannarakul P. The Role of Technology in Enhancing Transparency and Accountability in Public Sector Organizations of Pakistan. *International Journal of*

e-Government is the systemic use of ICTs to support a government’s functions for its constituents, typically the provision of information and services. E-Government is the use of ICT to transform the traditional Government by making it accessible, transparent, effective, and accountable. E-Government does not mean putting more computers on the desks of government officials and is more than just a government website on the Internet.

The Recommendation of the Council on Digital Government Strategies, adopted by the OECD Council on 15 July 2014, proposed the following concepts:

e-Government refers to the use by the governments of information and communication technologies, and particularly the Internet, as a tool to achieve better Government;

Digital Government refers to the use of digital technologies as an integrated part of governments’ modernization strategies to create public value. It relies on a digital government ecosystem comprised of government actors, non-governmental organizations, businesses, citizens’ associations, and individuals, which supports the production of and access to data, services, and content through interactions with the Government⁸.

E-Government refers to the strategic utilization of information and communication technologies to facilitate and deliver government services and information in different categories: Government-to-Government (G2G), Government-to-Citizen (G2C), and Government-to-Business (G2B)⁹.

This digital transformation of traditional government processes allows for greater transparency, efficiency, and accountability in providing services and sharing information. Furthermore, it is also possible to highlight the possibility of implementing and monitoring public policies, integrating multilevel services (federal, state, and municipal levels), improving democratic participation, and government accountability with evidence of the performance of agencies and public employees¹⁰.

Economics, Business and Management Studies, Online Science Publishing, 2013, vol. 2, iss. 1. P. 20. Available at: <https://www.onlinesciencepublishing.com/index.php/ijebms/article/view/297/436> (accessed 20.05.2023).

⁸ Recommendation of the Council on Digital Government Strategies. Adopted by the OECD Council on 15 July 2014. P. 8. Available at: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf> (accessed 20.05.2023).

⁹ Brown M. M., Brudney J. L. *Achieving advanced electronic government services: An examination of obstacles and implications from an international perspective*. Paper presented at the National Public Management Research Conference, Bloomington, IN. 2001. P. 1.

¹⁰ Diniz E. H., Barbosa A. F., Junqueira A. R. B., Prado O. O governo eletrônico no Brasil: perspectiva histórica a partir de um modelo estruturado de análise. *Revista De Administração Pública*, 2009, vol. 43, iss. 1. P. 27. DOI: 10.1590/S0034-76122009000100003.

The essence of e-Government lies in the comprehensive integration of ICTs into various aspects of government operations, ranging from service delivery to decision-making processes. Its goal is to enhance citizen engagement and participation by providing convenient access to government services, information, and resources through digital platforms¹¹.

Scartezini (2004) alleges that Brazil initiated online services, including income tax return filing, provision of social security data, and government procurement operations in 1998. Furthermore, by 2000, the country had established the Policy of e-Government and launched the Information Society Program.

Pinto and Fernandes (2005) argue that the e-Government program in Brazil no longer remained a priority for the Federal Government due to various challenges, including political changes, bureaucratic coordination issues, societal articulation problems, and resource constraints. These challenges contributed to Brazil's slip in the global e-Government rankings from the 33rd position in 2005 to the 57th position in 2014, as reported by the United Nation¹². However, the UN e-Government Survey of 2022 indicates an improvement in Brazil's standing, with the country occupying the 49th position¹³.

It is essential to highlight that Brazil was able to score a Very High Online Service Index (OSI), reaching 0.8964 out of 1, which means Brazil was able to provide excellent Institutional Framework, Service Provision, Content Provision, Technology, and e-Participation, which are the five sub-indices of OSI.

According to Breitman et al.¹⁴, in 2011 Brazil joined the Open Government Partnership, a global effort encouraging the embrace of Open Government Data (OGD). This membership signifies Brazil's dedication to transparency in public affairs and the dissemination of official data. This pledge involves both political and technological milestones, such as the president's directive to launch the Brazilian Open Government Data portal, designed to collect and digitally publish vast quantities of consolidated government data.

¹¹ Zwahr T., Finger M., Mueller Ph. More than Digitisation — The Transformative Potential of E-Governance: An Exploratory Case Study. *Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*, Big Island, HI, USA, 2005, pp. 127—127. DOI: 10.1109/HICSS.2005.443.

¹² UN EGovernment Survey 2014: Egovernment for the future we want. New York, 2014. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/reports/un-e-government-survey-2014> (accessed 20.05.2023)/

¹³ UN E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government. New York, 2022. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2022> (accessed 20.05.2023).

¹⁴ Breitman K. et al. Open government data in Brazil. *IEEE Intelligent Systems*, 2012, vol. 27, no. 3, pp. 45—49. DOI: 10.1109/MIS.2012.25.

Moraes, Meirelles, and Cappelozza¹⁵ argue that the Brazilian Government provides many services to its population through e-Government, such as:

1. Federal Revenue — services of collection of income tax, the taxpayer's tax situation, CPF and CNPJ registration, statements, among others.
2. Federal Police — services such as passport application, statements of criminal records, and support for international adoptions, among others.
3. Integrated System of Financial Administration of the Federal Government (SIAFI) — interests linked to the national treasure, such as provision of public expenditure.
4. Poupa Tempo (State of São Paulo) — access to information on public services, such as document requests and starting and closing of businesses.
5. Ontojuris Project — provision of information on legislation in the area of intellectual property rights, consumer rights and electronic law.
6. Public System of Digital Bookkeeping (SPED) — presents the promotion of tax information submission, rationalization, and standardization of accessory obligations for taxpayers.

Currently, the Brazilian Government provides many online services through its official portal, gov.br. These services include access to the National Driver's License, Registry of Natural Persons, Negative Debt Certificate, digital document signatures with government certification, Information Access, and more than 30 Government Agencies.

As cited by Koznov et al.¹⁶, the Open Government Data initiative in the Russian Federation was inaugurated in 2012 with the creation of the country's inaugural OGD policy. In 2013, as part of the G8 nations, Russia approved the Open Data Charter to promote OGD progress and stimulate international collaboration. Between 2006 and 2015, a sequence of laws and regulations was established in Russia to facilitate the dissemination of government information. In 2014, the official Russian OGD Portal was launched and made publicly accessible (<http://data.gov.ru/>), where it now hosts over 7500 datasets.

According to the 2022 UN e-Government Survey, the Russian Federation ranks 42nd on the E-Government Development Index (EGDI), which places it ahead of China (43rd), Brazil (49th), and India (105th) in the global ranking¹⁷.

The Global Data Barometer (online) claims that Open Data China "is the first and only civic organization based

¹⁵ Moraes G. H. S. M., Meirelles F. S., Cappelozza A. Op. cit. P. 28.

¹⁶ Koznov D., Andreeva O., Nikula U., Maglyas A., Mouromtsev D., Radchenko I. *Open Government Data in Russian Federation*. December 2016. P. 2. Available at: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1612/1612.05164.pdf> (accessed 20.05.2023).

¹⁷ UN E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government. New York, 2022. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2022> (accessed 20.05.2023).

in China dedicated to promoting and building an open digital society. Founded in 2014, Open Data China is part of Open Knowledge Foundation's global network and originally focused on advancing the Open Data agenda in China¹⁸.

Piotrowski et al.¹⁹ argue that China adopted the Regulations of the People's Republic of China on Open Government Information (OGI) in 2008, following the American trend initiated by the Freedom of Information Act (FOIA) in 2007. The authors also explain that the concept of OGI in China began in the 1980s with an initiative called "Two Disclosures and One Monitoring", requiring the disclosure of administrative rules, procedures, and results at every government level.

Guangzhou implemented the first municipal-level legislation on open government information in 2007, and several cities in China followed the example, leading to disclosing specific types of information that affect the vital interests of citizens, legal entities, or other organizations. However, the regulations do not include information from the National People's Congress, the People's Court system, or the People's Procuratorate system²⁰.

Historically, Chinese bureaucratic culture has lacked openness, and government agencies' attitudes play a significant role in the successful implementation of Open Government Information (OGI) regulations. The central Government's motivations for the OGI regulations include promoting economic development, improving people's lives, enhancing public trust in Government, curbing corruption, and promoting better governance at all government levels²¹.

According to Larquemin, Mukhopadhyay, and Buteau²², the Government of India has taken various steps to promote open government data between 2006 and 2016, following the enactment of the Right to Information (RTI) Act in 2005. These efforts include the implementation of the National Data Sharing and Accessibility Policy (NDSAP), establishing the data.gov.in portal for OGD in India, and creating the National Data Bank and DevInfo India.

¹⁸ Global Data Barometer. Open Data China. Available from: <https://globaldatabarometer.org/partner/open-data-china/#:~:text=Open%20Data%20China%20is%20the,Open%20Data%20agenda%20in%20China> (accessed 20.05.2023).

¹⁹ Piotrowski S. J., Zhang Y., Lin W., Yu W. Key Issues for Implementation of Chinese Open Government Information Regulations. *Public Administration Review*, 2009, vol. 69, pp. 129—135. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2009.02100.x.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Larquemin A., Mukhopadhyay J. P., Buteau S. Open Data and Evidence-based Socio-economic Policy Research in India: An overview. *The Journal of Community Informatics*, 2016, vol. 12, iss. 2. Available at: <https://openjournals.uwaterloo.ca/index.php/JoCI/article/view/3224> (accessed 20.05.2023).

However, the authors highlight that there needs to be more understanding of the effectiveness of OGD for research purposes in India. This is attributed to several factors, such as policymakers' lack of awareness regarding research studies conducted using official government data, difficulties in downloading the data, the presence of outdated or insufficiently updated data, and the lack of proper metadata²³.

2. The use of data analytics and artificial intelligence in detecting and preventing corruption in BRICS countries

The accounting literature offers various definitions of fraud auditing and forensic accounting. Fraud auditing is a specialized approach to detecting fraud, while forensic accounting encompasses a comprehensive view of fraud investigation. Forensic accountants possess extensive expertise in different aspects of fraud investigation²⁴.

Noordin, Hussainey, and Hayek²⁵ explain that as technology advances, the complexity of client-side systems increases, posing challenges to external auditors in understanding these systems and detecting fraudulent operations. The use of artificial intelligence technologies can enhance auditors' work, making it easier to navigate new systems and identify fraud patterns. Berru et al.²⁶ argue that AI procedures interconnect elements of statistical analysis and information to detect irregularities in public contracts, medicine purchases, and financial operations, thereby providing a reasonable level of fraud and corruption prevention.

According to the Organization for Economic Cooperation and Development²⁷, an Artificial Intelligence System is a machine-based system that, given a set of human-defined objectives, can make predictions,

²³ Ibid.

²⁴ Marcello R. The use of Big data analytics and artificial intelligence tools to prevent fraud in the audit field: A conceptual frame. *Rivista Italiana di Ragioneria e di Economia Aziendale*, 2020, no. 3, pp. 380—389. Available at: <https://www.raffaelemarcello.it/media/pdf/The%20use%20of%20Big%20data%20analytics%20and%20artificial%20intelligence.pdf> (accessed 20.05.2023).

²⁵ Noordin N. A., Hussainey K., Hayek A. F. The Use of Artificial Intelligence and Audit Quality: An Analysis from the Perspectives of External Auditors in the UAE. *Journal of Risk and Financial Management*, 2022, vol. 15, no. 339. DOI: 10.3390/jrfm15080339.

²⁶ Berru Yeferson Torres, López Batista V. F., Torres-Carrión P., Jimenez M. G. Artificial Intelligence Techniques to Detect and Prevent Corruption in Procurement: A Systematic Literature Review. In Botto-Tobar M., Zambrano Vizuete M., Torres-Carrión P., Montes León S., Pizarro Vásquez G., Durakovic B. (eds). *Applied Technologies. ICAT 2019. Communications in Computer and Information Science*, vol. 1194. Cham, 2020. P. 260. DOI: 10.1007/978-3-030-42520-3_21.

²⁷ OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. 2019. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (accessed 20.05.2023).

recommendations, or decisions influencing real or virtual environments. AI systems are designed to operate with varying levels of autonomy.

Marins and Jacobsen (2023, p. 148) discuss the application of new methods and procedures in audit and forensic accounting. In particular, the use of constantly evolving technological tools has been considered a significant advancement for the interpretation, communication, acquisition, and evaluation of probative contents concerning potential illegalities committed by significant institutions and agencies. For public officers, auditors, and prosecutors, acquiring and using these new technologies are essential to provide better service, protect the public interest, and enforce the law.

The ability to detect fraud requires professionals with extensive expertise and skills. However, the human eye can sometimes be fallible, potentially overlooking elements, information, data, and transactions due to the complexity of issues that can be automated through specific established techniques. These techniques aim to extract elements and information, map processes for better analysis, or even reach conclusions²⁸. The ability of automated agents to handle these tasks suggests a transformative potential in combating corruption and protecting national interests.

The traditional audit model requires a greater extent of work related to specific and substantive analyses. The Artificial Intelligence system to be employed can develop and adapt to the criteria for decision-making. Moreover, it can take into account factors such as the companies' history, entities involved, and existing evidence to forecast outcomes²⁹. This innovative approach not only streamlines the audit process but also enhances the precision and comprehensiveness of risk evaluation.

Aarvik³⁰ suggests that the machines and technologies encompassed by the term "Artificial Intelligence" stem from human intelligence mirrored in algorithms and compositions of different methods for problem-solving through possible suggestions. The learning process is crucial for new information and data processing, necessitating supervision, particularly with the formation and development of artificial neural networks. These networks help compute calculations and figures that might not be perceptible to the human eye. AI's continuous learning and adaptation capacity further enhances its potential, enabling it to detect and address complexities beyond human capabilities in various fields, including audit and risk assessment.

²⁸ Referencial de combate a fraude e corrupção: aplicável a órgãos e entidades da Administração Pública. Brasília, 2018. 2a Edição. P. 54. Available at: https://portal.tcu.gov.br/data/files/A0/E0/EA/C7/21A1F6107AD96FE6F18818A8/Referencial_combate_fraude_corrupcao_2_edicao.pdf (accessed 20.05.2023).

²⁹ Marcello R. Op. cit. P. 385.

³⁰ Aarvik P. Artificial Intelligence — a promising anti-corruption tool in development settings? *U4 Report*, 2019:1, pp. 1—38.

Menezes³¹ highlights that AI systems are applicable within public administration and control processes due to their potential for increased efficacy and efficiency in managing large data demands. Consequently, the outcomes of analyses conducted by professionals in specialized agencies combatting property-related crimes become more secure and objective.

Artificial intelligence can streamline the demanding tasks of auditors and regulatory bodies, including those in Brazil, engaged in combating corruption and fraud. This is particularly relevant for repetitive tasks in traditional manual audit procedures³². As Aarvik³³ suggests, AI can also serve as a potent tool in fighting fraud:

AI and machine learning are also applied to uncover or detect money laundering. Tax authorities use AI to predict risk for tax evasion or to monitor and identify suspicious tenders or bids in public procurement. Transparency International UK is adopting AI solutions to automate searches in public records and strengthen its analytical capacity.

AI is a potent tool against corruption and fraud due to its capacity to identify patterns in data that may not be visible to professionals in control entities. It can discern subtle deviations and estimates concerning the violation of rules and specifications³⁴. India is another nation considering expanding AI use in combating fraud and corruption³⁵:

AI applications have been pilot-tested to identify the risk of corruption or fraud in public procurement in Mexico and Ukraine. South African tax authorities are looking into possibilities of utilizing AI, and India is discussing options to monitor social media to spot possible tax evasions. However, some of the solutions are questionable from an ethical perspective.

As countries increasingly integrate artificial intelligence systems for specific tasks and services, concerns, particularly around privacy, persist. For instance, India is using AI to identify potential tax evasion cases but remains mindful of privacy considerations³⁶.

Martins and Jackobsen³⁷ highlight the need for caution in deploying AI in activities with significant human impact due to the potential for self-awareness development in specific systems. This concern becomes

³¹ Menezes A. P. V. C. Debates em Administração Pública. *IDP*, 2021, vol. 3, no. 2. P. 16. Available at: <https://www.portaldeperiodicos.idp.edu.br/redap/article/view/6521/2648> (accessed 20.05.2023).

³² Referencial de combate a fraude e corrupção: aplicável a órgãos e entidades da Administração Pública ... Pp. 14—16.

³³ Aarvik P. Op. cit. Pp. 1—2.

³⁴ Ibid. P. 4.

³⁵ Ibid. P. 3.

³⁶ Ibid. P. 21.

³⁷ Martins T. C., Jacobsen G. Corrupção, justiça e inteligência artificial. *Revista Eletrônica Direito e Política*, 2023, vol. 18, no. 1. P. 142. DOI: 10.14210/rdp.v18n1.p136-156.

particularly acute for services and tasks demanding human sensitivity — a characteristic that machines cannot emulate. Misuse of such technology could lead to harm or favoritism by the controlling groups, potentially leading to distortions in its outputs.

Odilla³⁸ asserts that despite certain uncertainties regarding AI applications and results, in the realm of combating corruption, it's recognized for offering new perspectives, probabilities, and viewpoints based on transparency. This includes promoting responsibility, integrity, and methods such as crowdsourcing. Nevertheless, examining its definition, applicability, and arguments in the context of ethics and evidence is crucial.

De Mauro, Greco, and Grimaldi³⁹ define Big Data as: “Big Data is the Information asset characterized by such High Volume, Velocity and Variety to require specific Technology and Analytical Methods for its transformation into Value”.

Marcello⁴⁰ explains that the most common definition of the term Big Data is an innovative form of information processing, insight enhancement, and decision making. The author further notes that Big Data analytics extends its processing capabilities to video, image, data, audio, and text. By utilizing Big Data, complex and fundamental analyses can be significantly enhanced compared to traditional auditing. It enables comprehensive analysis of both financial and non-financial data in line with current standards, going beyond the limitations of traditional audit methods. This includes analyzing the risks of materially misstated transactions. Frauds, often challenging to detect initially due to their relative insignificance in the overall transaction pool, may be overlooked in samples chosen by auditors for financial statement reviews. Therefore, Big Data offers a potent solution to circumvent these challenges, bolstering the accuracy and comprehensiveness of audit procedures, thereby fortifying the fight against corruption.

Big Data analytics can serve as a powerful tool in combating corruption by significantly enhancing the scope and depth of audit processes. It aggregates diverse financial and nonfinancial data, providing a comprehensive database for auditors to identify potential fraud risks efficiently. By comparing data across time and industries, auditors can promptly detect anomalies, with larger sample data improving the precision of prediction models. This leads to reliable results that accurately highlight fraud risks. Furthermore, Big Data promotes effective communication among auditors and incorporates their industry expertise, thereby inspiring

new ideas. By proposing a six-step system integrating Big Data analytics — encompassing initial data collection, data integration, fraud indicator identification, group meetings, and discussions, drawing conclusions, and documentation — the auditing process becomes more efficient, ensuring quality discussions and ultimately strengthening the fight against corruption⁴¹.

Big Data has become an essential asset for governments worldwide due to its ability to uncover trends and patterns in people's behaviors, particularly through social networks. This valuable insight into citizens' habits, preferences, and interests can empower governments to deliver better, more efficient services, and effectively predict citizens' needs. As e-governments continue to increase their online transactions and activities, big data strategies are being adopted to facilitate these operations. This approach not only improves understanding of citizens but also refines the delivery of government services and programs tailored to their needs (Al-Sai and Abualigah, 2017).

With its transformative power, Big Data is seen as a significant tool within the public sector. Its ability to enhance service delivery, speed, transparency, and efficiency contributes to the growth and availability of diverse data. The implementation of Big Data in business analysis also allows for greater effectiveness and efficiency in e-government services, paving the way for discussions around the integration of various information sources, security risks, and digital confidentiality. As a driver of innovation, the correct utilization of Big Data leads to a new revolution in government sectors, enhancing productivity and competition. By investing in the necessary technology, tools, and resources, and establishing regulations for data security and privacy, governments can leverage Big Data's benefits and opportunities, transforming traditional e-government into smart government (Al-Sai and Abualigah, 2017).

3. The effectiveness of international cooperation and information sharing in combating corruption in Brics countries

In June 2015, during the VII BRICS UFA summit, the BRICS nations renewed their pledge to fight corruption. They recognized corruption, such as illegal money transfers and unlawfully obtained wealth stored in foreign countries, as a global issue that could adversely affect economic growth and sustainable development. They referred to the United Nations Convention against Corruption (UNCAC) as the foundation for their actions. The UNCAC is an international anti-corruption convention that is legally binding worldwide. It forms the cornerstone of the Anti-Corruption Plan, providing a comprehensive list of standards, rules, and measures for

³⁸ Odilla F. Bots against corruption: Exploring the benefits and limitations of AI-based anti-corruption technology. *Crime, Law and Social Change*, 2023. P. 4. DOI: 10.1007/s10611-023-10091-0.

³⁹ De Mauro A., Greco M., Grimaldi M. A formal definition of Big Data based on its essential features. *Library Review*, 2016, vol. 65, iss. 3, pp. 122—135. DOI: 10.1108/lr-06-2015-0061.

⁴⁰ Marcello R. Op. cit. Pp. 382—383.

⁴¹ Tang J., Karim K. E. Financial fraud detection and big data analytics — implications on auditors' use of fraud brainstorming session. *Managerial Auditing Journal*, 2018, vol. 34, iss. 1. DOI: 10.1108/maj-01-2018-1767.

countries to combat corruption. It also provides a method for implementation⁴².

At the 2015 BRICS UFA summit, the Anti-Corruption Working Group was established. This group is dedicated to combat corruption and advocates for crime prevention and criminal justice issues to be prioritized in the UN's long-term agenda. During India's presidency in 2016, senior BRICS members held three meetings to discuss anti-corruption, on March 16 and October 17 in Paris, and on June 8 in London (BRICS, 2015).

Following the 9th BRICS summit in Xiamen, China, in September 2017, the leaders released the Xiamen Declaration. This statement reaffirmed that corruption, including illicit money and financial flows, and ill-gotten wealth in foreign jurisdictions, could have negative effects on economic growth and sustainable development. The BRICS countries committed to coordinating their efforts against corruption and called for a stronger global commitment to prevent and combat corruption, using the United Nations Convention against Corruption (2003) and other related international legal tools as their basis⁴³.

According to Jones⁴⁴, accounting scandals, creative accounting, and fraud have been prevalent from Mesopotamia to the present day. The author presents numerous cases from 1980 to 2011 that highlight the need to take action to prevent and combat corruption. For this article, some of the cases include Daqing Lianyi (China), Great Wall Fund Raising (China), Hongguang (China), Kangsai Group (China), Lantian Gufen (China), Shenzhen Yuanye (China), Zhengzhou Baiwen (China), and Satyam (India), which indicate the lack of trust and the need to enhance fraud detection and law enforcement, especially in BRICS countries.

According to Jones⁴⁵, the Kangsai Group Shareholding Co., Ltd (Kangsai Group) and the Daqing Lianyi Petrochemical Shareholding Co., Ltd (Daqing Lianyi) were cases involving bribery, corruption, fraudulent applications for listing, and forgery of documents and statements. Both cases were related to the Chinese Stock Market, but the Daqing Lianyi case was notable as it was the "first Chinese securities lawsuit in which the victimized investors successfully sued the company and received compensation".

The Russian Laundromat was exposed by investigative journalists from the Organized Crime and Corruption

Reporting Project (OCCRP) and became public in 2014. This scheme involved laundering billions of US dollars from Russian banks through Moldovan banks, using fraudulent court rulings on fictitious debts. The laundered funds were then transferred to shell companies with accounts in Western banks. Despite claims by Moldovan law enforcement that they had traced \$20 billion of suspicious funds, publicly available evidence suggests that the actual amount laundered could be as high as \$70 billion. Additionally, certain individuals directly involved in the scandal were promoted to the Constitutional Court. Moldovan supervisory and prosecution authorities were influenced and controlled by specific political elites, knowingly ignoring suspicious activities. Furthermore, legislative changes approved by the Parliament and the Constitutional Court were enacted to facilitate the money laundering scheme⁴⁶.

Despite the very recent media information related to corruption scandals involving members of the task force and judges, at this date early June 2023, the Operation Carwash (Operação Lava Jato) that began in March 2014, leading to the investigation and prosecution of numerous high-level politicians (279) and even the arrest of former President of Brazil, Luís Inácio Lula da Silva. This led to the discovery of bribery payments totaling US\$2 billion⁴⁷. According to Moya⁴⁸, the Brazilian oil company Petrobras, one of the main targets of Operation Carwash, was able to recover R\$6.7 billion reais (almost US\$1.3 billion dollars) through collaboration agreements, leniency, and repatriation.

Odebrecht SA, a Brazilian conglomerate, became involved in the massive judicial case known as Lava Jato (Car Wash) due to its participation in bribery, money laundering, and other related crimes. As one of the largest construction companies in Latin America and the 13th largest globally, Odebrecht admitted in 2016 to paying around US\$788 million in bribes since 2001 to secure over 100 building projects in 12 Latin American and African countries. The company's illegal activities also included financing political campaigns and overpricing projects in Cuba. This case became the largest corruption scandal in Latin American history. It resulted in a plea bargain with the United States Department of Justice,

⁴⁶ Tofilat S., Negruta V. *The Russian Laundromat — a \$70 billion money-laundering scheme facilitated by Moldovan political elites*. Chisinau, June 2019. P. 2. Available at: <https://www.transparency.md/wp-content/uploads/2019/06/Russian-laundromat-Eng-1.pdf> (accessed 20.05.2023).

⁴⁷ Pohlmann M., Valarini E. *The Fight Against Corruption in Brazil: A Case of Good Governance?* In: Glückler J., Herrigel G., Handke M. (eds). *Knowledge for Governance. Knowledge and Space*, vol. 15. Cham, 2020. Pp. 225—227. DOI: 10.1007/978-3-030-47150-7_10.

⁴⁸ Moya I. *Petrobras recupera R\$ 439 milhões por acordos de leniência*. November 2022. Available at: <https://penandthepad.com/cite-newspaper-article-essay-8006725.html> (accessed 20.05.2023).

⁴² VII BRICS Summit Ufa Declaration. Ufa, Russia, July 9, 2015. Available at: http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/hywj/ODS/202203/t20220308_10649509.html (accessed 20.05.2023).

⁴³ 9th BRICS Summit — BRICS Leaders Xiamen Declaration. Xiamen, China, September 4, 2017. Available at: <https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/9th-brics-summit-brics-leaders-xiamen-declaration-xiamen-china-september-4-2017> (accessed 20.05.2023).

⁴⁴ Jones M. J. *Creative accounting, fraud and international accounting scandals*. Chichester, 2011. Pp. 529—534.

⁴⁵ Ibid. P. 523—527.

Brazil, and Switzerland, leading to a joint fine of 3.5 billion dollars and significant social and political repercussions (Zysman—Quirós, 2019, p. 364).

Odebrecht SA's corruption scandal had extensive international reach, with significant bribes and illicit activities in multiple countries. In Venezuela, the company admitted to paying approximately \$98 million between 2006 and 2015 to secure public works contracts. In the Dominican Republic, Odebrecht disbursed \$92 million between 2001 and 2014, resulting in a profit of \$163 million. In Argentina, bribes of over \$35 million were paid between 2007 and 2014, leading to profits of \$278 million from infrastructure projects. In Peru, bribes totaling \$29 million were paid between 2005 and 2014, resulting in benefits of \$143 million. In Colombia, Odebrecht paid over \$11 million between 2009 and 2014 to win public works contracts and gained profits exceeding \$50 million. In Ecuador, corrupt payments exceeding \$35.5 million were made between 2007 and 2016, generating over \$116 million profits. In the United States, bribes of about \$18 million were allocated between 2013 and 2015 to secure public works contracts, resulting in \$34 million in benefits. In Panama, Odebrecht admitted to paying \$59 million in bribes between 2010 and 2014 for various projects. In Guatemala, approximately \$18 million corrupt payments were made between 2013 and 2015, yielding over \$34 million benefits. In Mexico, bribes of \$10.5 million were mentioned, leading to benefits exceeding \$39 million from secured contracts (Zysman—Quirós, 2019, p. 370).

According to the Brazilian legal cooperation system, which allows states to interact in the enforcement of criminal justice, especially regarding money laundering, corruption, and organized crimes⁴⁹, international conventions such as the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (endorsed by Decree No. 5.015, March 12, 2004), the United Nations Convention against Corruption (related to Decree No. 5.687, January 31, 2006), and the Inter-American Convention Against Corruption (Decree No. 4.410/02) have been incorporated into Brazilian domestic law.

According to Lima and Delen⁵⁰, “the cost of corruption was over \$2.6 trillion, accounting for 5% of the global domestic product (GDP)”. The aforementioned cases show that BRICS countries need help to provide better law enforcement and prevent massive cases of corruption.

⁴⁹ Moura M. T. R. A., Saad M. Chapter 3: International Legal Cooperation in the Car Wash Operation. *Lessons of operation Car Wash: A Legal, Institutional and Economic Analysis*. Washington, DC, 2020. P. 55. Available at: https://direitosp.fgv.br/sites/default/files/2021-09/bi-09212020-car_wash_report_v2.pdf (accessed 20.05.2023).

⁵⁰ Lima M. S. M., Delen D. Predicting and explaining corruption across countries: A machine learning approach. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 37, iss. 1, art. no. 101407. DOI: 10.1016/j.giq.2019.101407.

The BRICS Anti-Corruption Ministerial released a formal document after a meeting on July 13, 2022, recognizing “that corruption poses detrimental effects on social fairness and justice and sustainable economic development”. The document also emphasizes the need for cooperative efforts among BRICS countries to combat corruption. The commitment is made to strengthen cooperation among BRICS countries through experience and information sharing on anti-corruption issues based on full consultation and consensus⁵¹.

The establishment of the BRICS Anti-Corruption Working Group (ACWG) has played a vital role in promoting exchanges and cooperation. The leaders are committed to promoting integrity in the public and private sectors, sharing best practices, and implementing national anti-corruption strategies. They aim to prevent and combat corruption and bribery, creating a regulated environment for economic and social development. Strengthening information sharing and coordination among relevant domestic agencies is prioritized. The importance of enforcing anti-corruption laws and holding companies accountable, including multinational corporations, is highlighted, as well as the significance of anti-corruption education and training in effectively preventing and combating corruption⁵².

While collective statements by BRICS countries regarding corruption, money laundering, and fraud have shown increasing effectiveness, the need for standardized strategies to combat these issues persists. Implementation of technology and AI in anti-corruption policies stands as a potential solution, but requires a comprehensive and impartial approach.

The initial stage of this process is a thorough evaluation of the current situation. This includes a corruption risk assessment to pinpoint high-risk sectors within government and private entities. Gathering and analyzing data, along with consulting stakeholders, can provide valuable insight during this stage. Additionally, the efficacy, gaps, and potential improvements of current anti-corruption initiatives, policies, and programs must be scrutinized. Subsequently, technology and AI opportunities must be identified and their implementation feasibility assessed.

Setting explicit goals and objectives is the following stage. The desired results of the anti-corruption efforts must be articulated clearly and connected to broader national development goals. A results framework is necessary to link these outcomes with specific activities, thereby guiding the implementation of the strategy. Using SMART (Specific, Measurable, Achievable, Relevant, Time-bound) performance indicators can further measure the progress towards these goals.

⁵¹ BRICS 2022 China. BRICS Anti-Corruption Ministerial Communique (endorsed). Available at: <http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/hywj/ODMM/202207/P020220715583024224584.pdf> (accessed 20.05.2023).

⁵² Ibid.

Resource allocation forms the next step in the strategy. This includes developing a detailed budget to ensure sufficient funds for strategy implementation, and identifying the necessary personnel to ensure availability of skilled and expert staff. Procurement of suitable technology that can be integrated effectively into existing systems is also crucial at this stage.

The fourth phase emphasizes the development and implementation of the strategies. Detailed plans for implementation, including timelines, milestones, and performance indicators are formulated. Effective coordination among various government agencies and stakeholders is essential for successful implementation. The systematic and strategic integration of technology and AI can help enhance transparency, accountability, and efficiency.

Monitoring and evaluation is the fifth stage, involving data collection to measure progress using the established performance indicators, conducting regular reviews, and making adjustments as required based on the data and feedback obtained.

Stakeholder engagement, the penultimate stage, includes identification of key stakeholders who can influence the anti-corruption efforts. Regular consultations with them can provide valuable input on the design and implementation of the strategies. Building partnerships with stakeholders can leverage their expertise, resources, and networks in support of the anti-corruption efforts.

The final stage encompasses communication of progress. A communication plan is developed to inform stakeholders about the progress made towards achieving the goals and objectives. Using multiple communication channels ensures reach to different stakeholder groups. Sharing success stories and lessons learned can help build support for the anti-corruption efforts and demonstrate their impact.

Final remarks

The role of technology in enhancing public sector transparency and accountability in BRICS nations has had a profound and transformative effect. The adoption and integration of information and communication technologies and e-Government systems have created new avenues for enhancing government efficiency, fostering citizen engagement, and facilitating the implementation and monitoring of public policies. The digital shift is gradually transforming government processes and systems to ensure transparent, accountable, and effective governance, as evidenced by Brazil's strides in delivering various e-services to citizens, Russia's commitment to open government data, China's slow but definitive steps towards openness, and India's efforts in promoting Open Government Data.

The potential of Artificial Intelligence in identifying and preventing corruption is immense. AI can help identify corruption patterns, detect fraudulent activities, and automate compliance checks. AI can also help to reduce the risk of human error, which is often a significant factor in corruption cases.

The use of AI in combating corruption also raises concerns about privacy and data protection. There is a need to ensure that AI is used responsibly and that data is protected against misuse. Because of that, the road to ultimately realizing the potential of technology to enhance public sector transparency and accountability is not without obstacles. Among other obstacles, political shifts, bureaucratic coordination issues, societal integration issues, and resource constraints have occasionally impeded the development of e-Government initiatives. Despite these obstacles, the BRICS nations' ongoing commitment to digital transformation indicates an optimistic future in which technology will play an integral role in public administration, nurturing a culture of transparency, accountability, and active citizen participation.

Combining artificial intelligence, Big Data, and forensic accounting in the public sector can initiate a new tide of innovation and performance improvement. This transition is evident in the BRICS nations, where the role of technology in enhancing public administration transparency, accountability, and efficacy is growing. AI and Big Data are potent instruments that, when deployed appropriately, can transform audit processes, streamline governmental procedures, reveal hidden patterns, and significantly bolster the fight against corruption.

However, the introduction of these technological advances raises intricate legal considerations. Significant challenges regarding privacy, ethics, security, and regulatory frameworks must be thoroughly examined as society transitions into a digital era of governance. Ethical implications surrounding using artificial intelligence, potential privacy breaches resulting from using vast quantities of data, and the possibility of self-awareness in AI systems are crucial issues requiring careful examination. Regulatory mechanisms must evolve with technological advances to effectively address these concerns, ensuring adherence to ethical principles and robust protection of individual's privacy rights.

Concurrently, nations must confront the inherent difficulties associated with digital transformation. Technological initiatives can be impeded by political fluctuations, bureaucratic coordination, societal integration issues, and resource constraints.

As we have observed in the BRICS nations, a consistent commitment to digital transformation bears immense promise despite these obstacles. Consequently, despite the undeniable fact that AI and Big Data revolutionize forensic accounting and governance, they must be handled cautiously. It is essential to balance technological progress, openness, and ethical considerations. Technological investment, robust regulatory frameworks, and ethical discourse must be given priority. By addressing these concerns, governments can successfully leverage AI and Big Data to foster transformative change within public administration, bolstering transparency and accountability.

Ultimately, the path to a technologically advanced public sector requires constant vigilance, critical evaluation, and the fortitude to confront emergent issues. The BRICS nations' unwavering commitment to digital transformation portrays an optimistic picture of the future, in which technology will play a central role in shaping transparent, accountable, and efficient governance. The path may be difficult, but the benefits of a governance system that is technologically empowered, transparent, and citizen-friendly are unquestionably worth the effort.

Technology and international cooperation are now the twin pillars of the anti-corruption framework of the BRICS nations. The use of artificial intelligence and other cutting-edge technologies can substantially aid in identifying and mitigating potential fraud and corruption risks. For example, predictive analytics can identify suspicious financial transactions, and anomaly detection can identify patterns that deviate from the norm, and natural language processing can aid in analyzing large volumes of unstructured data for fraud detection.

It is crucial to cultivate international partnerships and data-sharing agreements that facilitate tracking illicit funds and the prosecution of criminals across borders. We shall remain successful examples of collaboration in combating corruption in BRICS countries; for instance: China and South Africa have signed agreements to cooperate in fighting corruption, including joint investigations and the sharing of information; Brazil and Russia have also signed agreements to cooperate in fighting corruption, including the sharing of best practices and the provision of technical assistance; India has established a National Anti-Corruption Bureau to investigate corruption cases, and it has signed agreements

with several countries to cooperate in fighting corruption; and also, China and India have established a BRICS Anti-Corruption Working Group to share information and develop strategies to combat corruption. Beyond these initiatives, BRICS nations and the Hague Convention on MLA and Extradition, of which South Africa is one of 80 signatories in 2023, could also be compelled to engage in mutual education. By undertaking these measures alongside other ones, the BRICS countries can become more prepared to tackle corruption.

Furthermore, the role of citizen participation in improving transparency and accountability must be noticed. In addition to encouraging and facilitating active citizen participation in governance, technological advances can provide platforms for whistleblowing, reporting bribes, and monitoring government expenditures. It is imperative that the international community, including the BRICS nations, utilize these tools and strategies to guarantee the efficacy of their anti-corruption efforts. In conclusion, it is urgently necessary to strengthen the BRICS anti-corruption framework through technology and international cooperation to sustain economic growth and development. Nevertheless, It is essential to support civil society organizations that combat corruption and hold our governments accountable for their actions.

Despite significant progress, the fight against corruption is still ongoing. The future will undoubtedly bring new challenges, but the BRICS nations are well-equipped to overcome them with their steadfast commitment, innovative solutions, and strong international partnerships. The path ahead, though difficult, is not insurmountable, and it is the responsibility of all nations to continue working toward a world without corruption.

References

1. Dawes S. S. Governance in the digital age: A research and action framework for an uncertain future. *Government Information Quarterly*, 2009, vol. 26, iss. 2, pp. 257—264. DOI: 10.1016/j.giq.2008.12.003.
2. Moraes G. H. S. M., Meirelles F. S., Cappelozza A. Information technology and e-government in Brazil: A single case study in the State of São Paulo. *Espacios (Caracas)*, 2016, vol. 37. Available at: https://pesquisa-eaesp.fgv.br/sites/gvpesquisa.fgv.br/files/arquivos/meirelles_-_information_technology_and_egovernment_in_brazil_.pdf (accessed 20.05.2023).
3. Chahin A., Cunha M. A., Knight P. T., Pinto S. L. *Egov.br: a próxima revolução brasileira: eficiência, qualidade e democracia: o governo eletrônico no Brasil e no mundo*. São Paulo, 2004. Available at: <https://exposicao.enap.gov.br/items/show/296> (accessed 20.05.2023).
4. Wijermars M. The Digitalization of Russian Politics and Political Participation. In: Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M. (eds). *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Cham, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-42855-6_2.
5. Haque S., Pathrannarakul P. The Role of Technology in Enhancing Transparency and Accountability in Public Sector Organizations of Pakistan. *International Journal of Economics, Business and Management Studies, Online Science Publishing*, 2013, vol. 2, iss. 1, pp. 20—24. Available at: <https://www.onlinesciencepublishing.com/index.php/ijebms/article/view/297/436> (accessed 20.05.2023).
6. Brown M. M., Brudney J. L. *Achieving advanced electronic government services: An examination of obstacles and implications from an international perspective*. Paper presented at the National Public Management Research Conference, Bloomington, IN. 2001.
7. Diniz E. H., Barbosa A. F., Junqueira A. R. B., Prado O. O governo eletrônico no Brasil: perspectiva histórica a partir de um modelo estruturado de análise. *Revista De Administração Pública*, 2009, vol. 43, iss. 1, pp. 23—48. DOI: 10.1590/S0034-76122009000100003.
8. Zwahr T., Finger M., Mueller Ph. More than Digitisation — The Transformative Potential of E-Governance: An Exploratory Case Study. *Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*, Big Island, HI, USA, 2005, pp. 127—127. DOI: 10.1109/HICSS.2005.443.
9. Breitman K. et al. Open government data in Brazil. *IEEE Intelligent Systems*, 2012, vol. 27, no. 3, pp. 45—49. DOI: 10.1109/MIS.2012.25.

10. Koznov D., Andreeva O., Nikula U., Maglyas A., Mouromtsev D., Radchenko I. *Open Government Data in Russian Federation*. December 2016. Available at: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1612/1612.05164.pdf> (accessed 20.05.2023).
11. Piotrowski S. J., Zhang Y., Lin W., Yu W. Key Issues for Implementation of Chinese Open Government Information Regulations. *Public Administration Review*, 2009, vol. 69, pp. 129—135. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2009.02100.x.
12. Larquemin A., Mukhopadhyay J. P., Buteau S. Open Data and Evidence-based Socio-economic Policy Research in India: An overview. *The Journal of Community Informatics*, 2016, vol. 12, iss. 2. Available at: <https://openjournals.uwaterloo.ca/index.php/JoCI/article/view/3224> (accessed 20.05.2023).
13. Marcello R. The use of Big data analytics and artificial intelligence tools to prevent fraud in the audit field: A conceptual frame. *Rivista Italiana di Ragioneria e di Economia Aziendale*, 2020, no. 3, pp. 380—389. Available at: <https://www.raffaelemarcello.it/media/pdf/The%20use%20of%20Big%20data%20analytics%20and%20artificial%20intelligence.pdf> (accessed 20.05.2023).
14. Noordin N. A., Hussainey K., Hayek A. F. The Use of Artificial Intelligence and Audit Quality: An Analysis from the Perspectives of External Auditors in the UAE. *Journal of Risk and Financial Management*, 2022, vol. 15, no. 339. DOI: 10.3390/jrfm15080339.
15. Berru Yeferson Torres, López Batista V. F., Torres-Carrión P., Jimenez M. G. Artificial Intelligence Techniques to Detect and Prevent Corruption in Procurement: A Systematic Literature Review. In Botto-Tobar M., Zambrano Vizuete M., Torres-Carrión P., Montes León S., Pizarro Vásquez G., Durakovic B. (eds). *Applied Technologies. ICAT 2019. Communications in Computer and Information Science*, vol. 1194. Cham, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-42520-3_21.
16. Aarvik P. Artificial Intelligence — a promising anti-corruption tool in development settings? *U4 Report*, 2019:1, pp. 1—38.
17. Menezes A. P. V. C. Debates em Administração Pública. *IDP*, 2021, vol. 3, no. 2. Available at: <https://www.portaldeperiodicos.idp.edu.br/redap/article/view/6521/2648> (accessed 20.05.2023).
18. Martins T. C., Jacobsen G. Corrupção, justiça e inteligência artificial. *Revista Eletrônica Direito e Política*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 136—156. DOI: 10.14210/rdp.v18n1.p136-156.
19. Odilla F. Bots against corruption: Exploring the benefits and limitations of AI-based anti-corruption technology. *Crime, Law and Social Change*, 2023. DOI: 10.1007/s10611-023-10091-0.
20. De Mauro A., Greco M., Grimaldi M. A formal definition of Big Data based on its essential features. *Library Review*, 2016, vol. 65, iss. 3, pp. 122—135. DOI: 10.1108/lr-06-2015-0061.
21. Tang J., Karim K. E. Financial fraud detection and big data analytics — implications on auditors' use of fraud brainstorming session. *Managerial Auditing Journal*, 2018, vol. 34, iss. 1. DOI: 10.1108/maj-01-2018-1767.
22. Jones M. J. *Creative accounting, fraud and international accounting scandals*. Chichester, 2011.
23. Tofilat S., Negruta V. *The Russian Laundromat — a \$70 billion money-laundering scheme facilitated by Moldovan political elites*. Chisinau, June 2019. Available at: <https://www.transparency.md/wp-content/uploads/2019/06/Russian-laundromat-Eng-1.pdf> (accessed 20.05.2023).
24. Pohlmann M., Valarini E. The Fight Against Corruption in Brazil: A Case of Good Governance? In: Glückler J., Herrigel G., Handke M. (eds). *Knowledge for Governance. Knowledge and Space*, vol. 15. Cham, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-47150-7_10.
25. Moya I. *Petrobras recupera R\$ 439 milhões por acordos de leniência*. November 2022. Available at: <https://penandthepad.com/cite-newspaper-article-essay-8006725.html> (accessed 20.05.2023).
26. Moura M. T. R. A., Saad M. Chapter 3: International Legal Cooperation in the Car Wash Operation. *Lessons of operation Car Wash: A Legal, Institutional and Economic Analysis*. Washington, DC, 2020. Available at: https://direitosp.fgv.br/sites/default/files/2021-09/bi-09212020-car_wash_report_v2.pdf (accessed 20.05.2023).
27. Lima M. S. M., Delen D. Predicting and explaining corruption across countries: A machine learning approach. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 37, iss. 1, art. no. 101407. DOI: 10.1016/j.giq.2019.101407.

Information about the authors

Cássius Guimarães Chai, State Criminal Prosecutor; Full Law Professor (PPGDIR), Professor of Geopolitics (PPGAERO), Federal University of Maranhão

Francisco Campos da Costa, Lawyer, Brazilian Bar Association; Full Law Professor, Faculty of Law, CEST

Информация об авторах

Кассиус Гимарайнш Чай, Государственный прокурор по уголовным делам, профессор права и профессор геополитики Федерального университета Мараньяна (Бразилия)

Франциско Кампос Да Кошта, адвокат Бразильской коллегии адвокатов, профессор права Юридической школы CEST (Бразилия)

Поступила в редакцию 13.06.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 13.06.2023

Accepted 22.06.2023

Оригинальная статья
УДК 328.185:343.352:004
DOI: 10.61205/jzsp.2023.047

Коррупция как механизм формирования вербовочной уязвимости в современных операциях информационной войны

Андрей Викторович Манойло^{1, 2}

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, cyberhurricane@yandex.ru

²Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли коррупции и коррупционного следа в формировании вербовочной уязвимости лиц, находящихся в фокусе современных информационных операций. Современные информационные операции — это не пиар-кампании, а оперативные комбинации иностранных спецслужб на каналах открытых телекоммуникационных сетей, в основе которых лежат методы классической оперативной и агентурной деятельности. Коррупция используется организаторами информационных операций прежде всего в интересах организации вербовочных подходов к объекту операции, результатом которых становится склонение объекта к конфиденциальному сотрудничеству (вербовка) на зависимости. Коррупция используется одновременно и как фактор, создающий вербовочную уязвимость объекта информационной операции (если он уже замешан в коррупционных схемах), и как инструмент создания такой уязвимости (путем вовлечения объекта операции в коррупционные схемы с целью формирования и документирования его индивидуального коррупционного следа). В новейшей практике имеются примеры информационных операций, полностью построенных на коррупции и полученных на ее основе компрометирующих материалах: это так называемые Панамское досье 2015—2016 гг. и Досье Пандоры 2021 г. В данных операциях объектом оперативных игр иностранных спецслужб становились чиновники, имевшие личные счета в панамских офшорах, операции по которым, попавшие в публичный доступ, и стали причиной серии резонансных скандалов. В этих случаях коррупционный след у данных лиц уже был, и его оставалось только придать огласке (вбрасывая компрометирующие материалы небольшими порциями и через определенные промежутки времени). Фактор коррупции встречается и в других информационных операциях, таких как допинговый скандал с WADA, или на втором этапе так называемого дела Скрипалей.

Ключевые слова: информационные операции, оперативно-разыскная деятельность, коррупция, безопасность, уязвимость

Для цитирования. Манойло А. В. Коррупция как механизм формирования вербовочной уязвимости в современных операциях информационной войны // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 30—34. DOI: 10.61205/jzsp.2023.047

Original article

Corruption as a Mechanism for the Formation of Recruitment Vulnerability in Modern Spin War Operations

Andrei V. Manoilo^{1, 2}

¹Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, cyberhurricane@yandex.ru

²Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the role of corruption and the corruption link in the formation of recruitment vulnerability of persons who are in the focus of modern information operations. Modern information operations are not PR campaigns, but operational combinations of foreign intelligence services on the channels of open telecommunication networks, which are based on the methods of classical operational and agent activities. Corruption is used by the organizers of information operations primarily with the aim of organizing recruitment approaches to the target, the end result of which is the inducement to confidential cooperation (recruitment) for dependence. Corruption is used both as a factor creating the recruitment vulnerability of the information operation target (if it is already involved in corruption schemes) and as a tool for creating such vulnerability (by involving the operation target in corruption schemes in order to form and document its individual corruption link). In recent practice, there are examples of information operations based entirely on corruption and compromising materials obtained on its basis. These are the so-called Panama Dossier of 2015—2016 and the Pandora Dossier of 2021. In these operations, officials who had personal accounts in Panamanian offshore companies, whose operations could cause a resonant scandal in the event of disclosure of information about them, became the object of operational games of foreign intelligence services. In such cases, these individuals already had a corruption link, and it only remained to make it public (by throwing compromising materials in small portions and at certain intervals). The corruption factor is also found in other information operations, such as the doping scandal with WADA, or in the second stage of the so-called Skripal case.

Keywords: information operations, criminal intelligence, corruption, security, vulnerability

For citation. Manoilo A. V. Corruption as a Mechanism for the Formation of Recruitment Vulnerability in Modern Spin War Operations. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 30—34. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.047

Современные информационные операции — это оперативные комбинации специальных служб (в первую очередь, разведок) на каналах открытых телекоммуникационных сетей. В этом плане они только условно называются информационными, на самом деле в их основе не пиар-кампания или сюжет, а разведывательное воздействие, осуществляемое вполне традиционными методами оперативной и агентурной деятельности, а также оперативно-техническими и оперативно-разыскными методами, с привлечением к осуществлению операций соответствующих сил и средств. На эти методы в современных информационных операциях приходится от 75 до 85% всей работы, осуществляемой спецслужбами. Таким образом, на собственно новейшие технологии информационно-психологического воздействия и управления сознанием и поведением граждан приходится лишь 15—20% объема всей операции. В связи с этим оперативная деятельность, связанная с поиском вербовочных подходов к объектам оперативного интереса, попадающим в фокус информационной операции, становится ключевым фактором ее успешности; а успех оперативной деятельности зависит от наличия у объекта информационной операции вербовочных уязвимостей и способности их своевременно выявить и детектировать. При этом важнейшим механизмом, формирующим вербовочную уязвимость лиц, принимающих решения, является коррупция и наличие у объекта так называемого коррупционного следа, связей и мотивов.

Объектами информационных операций выступают не общество или отдельные его страты, а конкретные личности, принимающие решения, в отношении которых эти комбинации и разыгрываются с целью обеспечения их добровольного подчинения. Для достижения данной цели коррупция становится одним из инструментов, обеспечивающих вербовочный подход к объекту оперативного интереса; при этом коррупция выступает одновременно и как канал, обеспечивающий оперативное/агентурное проникновение в органы и структуры власти, и как фактор, формирующий вербовочную уязвимость чиновника, особенно если за ним есть коррупционный след. Использование разведками коррупционных механизмов позволяет создавать вербовочные ситуации, реализация которых может привести к вербовке на зависимости. Причем нередко государственный служащий до последнего момента не подозревает, к чему могут привести его «невинные шалости» и эксперименты в коррупционной сфере, если за него возьмутся иностранные разведки: не случайно еще в 2018 г. президент РФ, выступая перед Федеральным Собранием, взял курс на национализацию элиты и очищение ее от коррупционных связей. Своевременное вскры-

тие подобных схем коррумпирования и ловли на зависимости становится важным инструментом профилактики подобного рода преступлений, лишаящих иностранные разведки важнейшего сегмента их вербовочной базы. Реализация таких мер профилактического характера также позволяет в перспективе преодолеть догоняющий характер антикоррупционной деятельности.

Классическим примером использования коррупционного следа в операциях информационной войны являются такие оперативные комбинации разведок (в основном, США), как резонансное Панамское досье и его точная копия и продолжение, реализованное в 2021 г., — Досье Пандоры¹.

Панамское досье представляет собой классическую информационную операцию, осуществленную по новой организационно-технологической схеме, появившейся у внешней разведки США предположительно в середине 2015 г. как ответ на вхождение Крыма в состав Российской Федерации. Это эталон, по которому затем США выстроили целую сеть операций, технологически идентичных схемам и принципам, заложенным в скандале с панамскими офшорами: в этом плане и допинговый скандал с WADA, и пресловутое дело Скрипалей, и Дело об аргентинском кокаине, и операция *Ryanair* (в Беларуси) построены по одной и той же технологической схеме, впервые реализованной в Панамском досье. Однако в отличие от последующих операций, структурно более сложных (использующих разнообразные «крючки» и уловки, способные зацепить объект и подсадить его на зависимость от действий организатора операции), в Панамском досье используется только один способ воздействия на объекты, попавшие в фокус операции, — компромат, связанный с использованием этими лицами в период их нахождения на государственной службе коррупционных схем для получения и легализации («отмывания») доходов. В так называемом расследовании, проведенном Международным консорциумом журналистских расследований (ICIJ) и Центром по исследованию коррупции и организованной преступности, упоминались имена 72 бывших и действующих глав различных государств, содержались данные о секретных офшорных компаниях, связанных с семьями и сподвижниками Х. Мубарака, М. Каддафи, Б. Асада, Т. Блэра и др.² Утверждалось, что большая часть средств на

¹ См.: *Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 4-е изд. М., 2020.

² См.: *Петренко А. И.* К вопросу о нейтрализации замыслов психологических операций // *Вестник Московского госу-*

этих счетах были получены именно коррупционным путем.

С момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации (ставшего отправной точкой для появления новых форм и методов информационной агрессии) информационные операции, проводимые США и их военно-политическими союзниками (в основном Великобританией и Германией), прошли определенный путь развития. Начало этому пути положило так называемое Панамское досье — скандал с панамскими офшорами (конец 2015—2016 гг.), в котором впервые была использована новая — итерационная — схема информационно-психологического воздействия, состоящая из последовательности вбросов, разделенных «периодами тишины» (экспозиции) и объединенных в многократно повторяющиеся итерационные циклы (каскады). В дальнейшем все без исключения информационные операции будут проводиться спецслужбами США по одному и тому же шаблону (стандартной схеме), впервые проявившему себя в 2016 г. — в скандале с «панамскими бумагами» (*Panama papers*). Появление этой схемы стало сигналом перевода производства информационных операций на промышленную (конвейерную) основу; одновременно разработка и реализация операций информационного воздействия перестали быть уделом отдельных элитных групп гениев от разведки и были поставлены на поток, а сами операции стали продуктом массового (промышленного) производства по одной и той же схеме.

Помимо новой организационно-технологической итерационной схемы операции в Панамском досье были использованы и другие революционные приемы:

легализация оперативной информации (контролируемая утечка), построенная по классической схеме: кража — обнаружение — опубликование;

предварительное анонсирование содержания и даты следующего вброса (так называемый пред-анонс), ставшее «визитной карточкой» практически всех без исключения информационных операций нового типа;

кража как механизм попадания конфиденциальной информации в публичное пространство (согласно легенде «панамские материалы» были украдены у панамской юридической компании *Mossack Fonseca* агентами Федеральной разведывательной службы Германии);

посредничество журналистов-расследователей, выступающих в роли агентов по легализации информации, полученной от спецслужб;

наконец, «трансформаторный эффект» — технология, в которой глава государства, которого считают главным объектом информационной операции, внезапно публично отрешивается от всех обвине-

ний в свой адрес, перенаправляя (зеркально отражая с многократным усилением — «кумулятивным эффектом») поток внешней информационной агрессии на свое ближайшее окружение, замешанное в тех же делах, в которых обвиняют главу государства, таким образом отводя удар от себя, но подставляя свое ближайшее окружение, рассчитывавшее на его защиту и надеявшееся отсидеться за его спиной.

Эти приемы в совокупности и задали контуры современной операции информационной войны, в пределах которых затем получили развитие такие крупные операции, как дело Скрипалей, допинговый скандал с WADA (2015—2018 гг.) и др. С этого момента стало понятно, что как бы ни пытался лидер другого государства скрыться от информационных атак, его все равно достанут, или сделают так, что его же собственное окружение сдаст его организаторам операции в обмен на определенные гарантии лично себе.

Технической целью Панамского досье стало стремление заставить фигурантов скандала публично оправдываться, наклеить на них ярлык мошенников. Методом достижения указанной цели стала травля, которой были подвергнуты фигуранты скандала после опубликования и раскрутки в СМИ соответствующих компрометирующих материалов. Не все эту травлю выдержали: так, премьер-министр Исландии был вынужден подать в отставку. В свою очередь, травля и прессинг создали в отношении многих фигурантов дела — как уже «разоблаченных» инициаторами скандала, так и тех, чье «разоблачение» было сознательно отложено на потом — вербовочную ситуацию, в которой чиновник, подцепленный на компромате, мог быть завербован на зависимости (под угрозой компрометации). Таким образом обеспечивалась главная цель любой информационной войны — обеспечение добровольного (в идеале) или вынужденного подчинения противника.

Дальнейшая эволюция форм и методов организации и проведения информационных операций связана с последовательной модификацией исходной схемы путем добавления новых приемов и уловок, способных «зацепить» жертву и вынудить ее совершить необдуманные действия, ведущие к ее дискредитации. Каждая новая операция добавляет в исходную схему новые технологические решения, оставляя при этом неизменной ее базовую часть, по-прежнему представляющую собой последовательность информационных вбросов, разделенных тактическими паузами («периодами тишины»). Таким образом, с каждой новой операцией (с каждой новой модификацией) ее технологическая схема становится все более продвинутой.

При этом коррупция и индивидуальный коррупционный след стали для многих чиновников, попавших в фокус Панамского досье и Досье Пандоры, фактором, формирующим вербовочную уязви-

мость и создающим возможность привлечения указанных лиц к конфиденциальному сотрудничеству с иностранными спецслужбами на зависимости (под угрозой компрометации): так, 9 мая 2016 г. организаторами операции был сделан второй вброс с данными на 2237 российских граждан, значительная часть которых состояла на государственной службе. При этом было сказано, что это только часть материалов, имеющихся на каждого из указанных лиц, и только от них самих теперь зависит, будут ли остальные материалы преданы огласке. Данным лицам предложили в обмен на «забвение» конфиденциальное сотрудничество с теми, кто стоит за инициаторами и организаторами скандала.

3 октября 2021 г. история с «коррупционным следом» повторилась: Международный консорциум журналистов-расследователей (ICIJ) опубликовал так называемое Досье Пандоры о возможной причастности некоторых мировых лидеров к офшорным схемам. В докладе ICIJ фигурировали уже 3,7 тыс. компаний, конечными бенефициарами которых являлись 4,4 тыс. граждан России, ставших «самой крупной национальной группой». В основу компромата на этих людей легли их коррупционные связи и схемы, использующие коррупционные механизмы. Если за этой операцией стояла иностранная спецслужба (а мы в этом не сомневаемся), то она получила в свое распоряжение более чем четырехтысячную вербовочную базу.

Коррупция также встречается в отдельных фрагментах и других информационных операций — например в допинговом скандале с WADA, когда подход к сотруднику RUSADA Родченкову, в дальнейшем сбежавшему на Запад с данными, похищенными им из российской антидопинговой лаборатории, нашли именно через коррупцию; или в деле с так называемым берлинским пациентом, в котором данные биллинга телефонных переговоров были получены именно коррупционным путем.

Начавшийся примерно в то же время, что и Панамское досье, допинговый скандал с WADA, являясь следующей ступенью эволюции исходной технологической схемы информационной операции, по сути, мало отличается от скандала с панамскими офшорами: содержание вбросов — такое же, как в Панамском досье, компромат, влекущий обвинение в мошенничестве (государственной поддержке незаконной допинговой системы); цель — скомпрометировать, поймав на лжи кого-нибудь из высокопоставленных российских чиновников, чтобы затем обвинить его (или их) в создании на базе государства организованной преступной группировки (ОПГ).

Здесь уже есть определенная модификация панамской схемы: если в скандале с офшорами речь идет об отдельных нечистых на руку политиках, прячущих свои доходы на офшорных счетах (с целью ухода от налогов и легализации), т. е. о криминальной деятельности отдельных лиц, то в скандале с WADA предпри-

нимается попытка обвинить в криминальной деятельности целую систему, частью которых эти политики являются, и приравнять ее по статусу к ОПГ. Но эта модификация незначительна: в данном случае это лишь повышение ставок, расширение объекта атаки с конкретной личности до группы лиц, олицетворяющих государственную власть и систему государственного управления, чтобы в будущем обвинить уже всю страну в том, что она — «мафиозное государство» (государство, политическая власть в котором принадлежит криминалу, выходцам из мафиозных кланов и ОПГ).

Но затем появляется то, чего в Панамском досье не было: ставится задача заставить (под беспрецедентным давлением, сопровождающимся угрозами и ультиматумами) фигурантов скандала публично признать выдвинутые против них и России обвинения по всем пунктам и таким образом поставить знак равенства между российской властью и организованным преступным сообществом (пусть даже по одному единственному эпизоду — созданию государственной системы поддержки допинга). И это организаторам операции удается: 6 декабря 2017 г. глава Олимпийского комитета России принес публичные извинения Международному олимпийскому комитету «за допущенные нарушения антидопинговых правил»³.

При этом наблюдается качественный скачок в проработке структуры и содержания обвинений (против президента РФ и России в целом):

подлог и обман мирового сообщества;

создание государственной системы поддержки незаконной (допинговой) деятельности (международного преступного сообщества — картеля);

попытка убить главного свидетеля обвинения (перебежчика Родченкова).

Для выдвижения обвинений в адрес России требовался свидетель, на показаниях которого можно выстроить обвинение и легализовать компромат (как подлинный, так и сфабрикованный) и оперативные материалы разведки⁴. И такой свидетель, дающий показания от первого лица, впервые появился именно в скандале с WADA: Родченков, соучастник совершенного «преступления». Именно его разоблачения и положены в основу выдвинутых в адрес России обвинений. Более того, он сам признал, что долгие годы был членом организованного преступного сообщества, действовавшего под эгидой и прикрытием государства и организованного российскими спецслужбами. Появление главного свидетеля обвинения, одновременно являющегося соучастником совершенного «преступления» и перебежчиком, — это то самое

³ См.: Жуков А. Речь на Исполкоме МОК в Лозанне. 6 декабря 2017 г. URL: https://olympic.ru/news/from_person/aleksandr-jukov-nakazanie-nevinovnih-nespravedlivo-i/.

⁴ Это все та же «контролируемая утечка»: оперативная информация легализуется путем включения ее в показания главного свидетеля обвинения.

новое процессуально-технологическое решение, которого в схеме Панамского досье не было и в поимке (в скандале с панамскими офшорами оперативные материалы разведки легализовались через «журналистов-расследователей», к которым эти материалы попали якобы случайно).

Для того чтобы поднять ценность показаний главного свидетеля обвинения, его включили в программу защиты свидетелей, так как его жизни угрожали те, кого он разоблачил и выдал: позднее, уже в русле оперативной разработки дела Скрипалей, стало известно, что предполагаемые «отравители» Скрипалей А. Петров и Р. Боширов в 2017 г. действительно были замечены на пороге штаб-квартиры WADA (это зафиксировано камерами наблюдения), куда они приехали предположительно с целью выследить Родченкова.

Целью таких информационных операций выступает компрометация российского руководства (в первую очередь, главы государства и лиц его ближайшего окружения) в интересах:

1) принуждения их к совершению (осознанно или неосознанно) действий, выгодных организаторам операции (скрытое управление);

2) создания вербовочных ситуаций, способствующих возможному привлечению их к конфиденциальному сотрудничеству (это касается, в первую очередь, ближайшего окружения главы государства).

Компрометация осуществляется тремя основными способами:

прямая компрометация конкретного лица (президента РФ или конкретного лица из его ближайшего окружения) путем наклеивания ярлыков, выдвижения обвинений;

компрометация конкретного института власти (МИД, партии «Единая Россия») с целью дальнейшей

экстраполяции (перенесения) выдвинутых обвинений на президента РФ, которому этот орган подчиняется; компрометация путем использования приемов «ловли на приманку» или «живца» — через компрометацию лица из ближайшего окружения, «клянувшегося на приманку» и попавшегося.

При этом операции по компрометации могут осуществляться как пассивно, так и активно. Пассивная форма компрометации осуществляется по заранее сформированному плану или программе, не подлежащим изменению и не предполагающим активного взаимодействия с объектом атаки — только считывание и интерпретацию ответных реакций в компрометирующем его ключе. Именно по этому плану были построены Панамское досье или допинговый скандал с WADA. Активная компрометация обязательно включает элементы оперативной игры, когда объекта атаки провоцируют на эмоции и совершение ответных действий — как правило, панического характера, которые затем и становятся доказательной базой для его окончательной компрометации. Особенно хорошо это проявляется, когда объект атаки, выгораживая себя, начинает лгать и оправдываться. На этом его и ловят.

Рассматривая приведенные примеры, можно увидеть, как используется уже сформированный коррупционный след для создания вербовочной ситуации. Однако коррупционные механизмы нередко включаются и в саму операцию, в которой объект оперативного интереса сначала коррумпируют, затем документируют факты его коррупционной деятельности и только затем используют эти материалы в интересах оказания разведывательного воздействия, — т. е. когда объект коррумпируют под определенную задачу.

Список литературы

1. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 4-е изд. М., 2020.
2. Петренко А. И. К вопросу о нейтрализации замыслов психологических операций // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1085.

References

1. Manoilo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *State information policy in the context of information and psychological warfare*. 4th ed. Moscow, 2020. (In Russ.)
2. Petrenko A. I. Neutralizing the intentions of psychological operations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2021, no. 3, pp. 145—156. (In Russ.) DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1085.

Информация об авторе

А. В. Манойло, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, доктор политических наук

Information about the author

A. V. Manoilo, Dr. Sci. (Political Science), Professor at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University; Leading Researcher, Department of Europe and America, INION RAN

Поступила в редакцию 13.06.2023
Принята к публикации 22.06.2023

Received 13.06.2023
Accepted 22.06.2023

Оригинальная статья
УДК 343.721:343.352.3
DOI: 10.61205/jzsp.2023.048

«Телефонное мошенничество» (ст. 159 УК РФ) и провокация дачи взятки как новая угроза безопасности Российского государства

Андрей Владимирович Паелинов¹, Ирина Владимировна Пomyкалова²

¹Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, andrey_pavlinov@mail.ru

²Адвокатская контора № 3, Владимир, Россия, pomykalovairina@mail.ru

Аннотация. Авторы отмечают сходство современной российской преступности с криминальной ситуацией на Западе в 1960—1970-х гг. Однако в последние годы на состояние преступности в России все в большей степени начинает оказывать обостряющееся противостояние между нашей страной и коллективным Западом. Экспертные оценки и статистика позволяют сделать вывод, что на настоящий момент государству не удалось обеспечить эффективное противодействие ряду новых форм криминальной активности, в том числе так называемому телефонному мошенничеству, основными жертвами которых становятся престарелые граждане, имеющие недвижимость и относительно большие пенсии. По мнению авторов, небольшой риск разоблачения и наказания участников организованных (нередко транснациональных) групп мошенников в сочетании с высокой доходностью этого криминального бизнеса стали основными факторами его роста.

Учитывая повышенную ответственность государства за создание гарантий имущественной безопасности для престарелых и ряда иных категорий граждан, которые не в состоянии самостоятельно ее обеспечить в силу возраста, болезни или иных предусмотренных законом обстоятельств, предлагается восстановить в законодательстве применительно к данной категории граждан норму (п. 3 ст. 30 Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР») о возмещении по решению суда государством (т. е. из бюджетных средств) ущерба, причиненного собственнику преступлением, а также внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в части, относящейся к особенностям квалификации мошенничества, сопряженного с провокацией дачи взятки или предмета коммерческого подкупа.

Ключевые слова: уголовная политика, «телефонное мошенничество», транснациональная преступность, потерпевший, имущественная безопасность граждан, возмещение ущерба, провокация дачи взятки

Для цитирования. Павлинов А. В., Пomyкалова И. В. «Телефонное мошенничество» (ст. 159 УК РФ) и провокация дачи взятки как новая угроза безопасности Российского государства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 35—40. DOI: 10.61205/jzsp.2023.048

Original article

“Telephone Fraud” (Article 159 of the Russian Criminal Code) and Provocation of Bribery as a New Threat to the Security of the Russian State

Andrey V. Pavlinov¹, Irina V. Pomykalova²

¹University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, andrey_pavlinov@mail.ru

²Law Office No. 3, Vladimir, Russia, pomykalovairina@mail.ru

Abstract. The authors note the similarity of modern Russian crime with the criminal situation in the Western countries in the 1960s—1970s. However, in recent years, the growing confrontation between our country and the collective West has been increasingly affecting the state of crime in Russia. Expert assessments and statistics allow us to conclude that at the moment the state has failed to provide effective counteraction to a number of new forms of criminal activity, including the so-called telephone fraud, the main victims of which are elderly citizens with real estate and relatively large pensions. According to the authors, the low risk of exposure and punishment of participants in organized (often transnational) groups of fraudsters, combined with the high profitability of this criminal business, have become the main factors of its growth.

Taking into account the increased responsibility of the state for creating guarantees of property security for the elderly and a number of other categories of citizens who are unable to provide it independently due to age, illness or other circumstances provided for by law, it is proposed to restore the norm in the legislation in relation to this category of citizens (paragraph 3 of Article 30 of the Law of the RSFSR of December 24, 1990 No. 443-1) on compensation by a court decision by the state (i.e. of budgetary funds) damage caused to the owner by a crime, as well as to amend the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated November 30, 2017 “On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement” in the part relating to the specifics of the qualification of fraud involving the provocation of bribery or the subject of commercial bribery.

Keywords: criminal policy, “telephone fraud”, transnational crime, victim, property security of citizens, compensation for damage, provocation of giving a bribe

For citation. Pavlinov A. V., Pomykalova I. V. “Telephone Fraud” (Article 159 of the Russian Criminal Code) and Provocation of Bribery as a New Threat to the Security of the Russian State. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 35—40. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.048

Для значительной части современной цивилизации мошенничество стало по-настоящему массовым явлением — не столько из-за существенно возросшего числа лиц, совершивших данное преступление, сколько в силу огромного числа потерпевших.

Культ прибыли, обогащения и потребления, захвативший Россию в 1990-е гг. после 70 лет строительства общества социальной справедливости и имущественного равенства, способствовал тому, что мошенничество сегодня стало одним из наиболее распространенных видов имущественных преступлений, уступая лишь кражам, да и то по числу зарегистрированных преступлений, но не потерпевших. В этом нельзя не видеть некоторого сходства с криминальной ситуацией в США в 1960—1970-е гг.¹

По сравнению с большинством иных преступлений мошенничеству свойственны более негативные тенденции. Абсолютные показатели регистрации его по всей стране и в отдельных регионах, удельный вес и уровень из года в год только нарастают. Так, если в 2013 г. было выявлено 165 тыс. фактов мошенничества, то в 2021 г. зарегистрировано почти 340 тыс. фактов (из них в числе преступлений, предусмотренных ст. 159 УК, так называемых простых мошенничеств — 311 тыс., почти половина которых до вступления изменений в законодательство² совершались заключенными с использованием мобильной связи). Экспансия криминального обмана особенно очевидна на фоне снижения регистрации других форм хищений: в частности, за последние 10 лет количество регистрируемых краж снизилось вдвое — с 1,5 млн. до 733 тыс. в 2021 г., количество грабежей — с 92 тыс. до 31,5 тыс., а разбоев — с 16,4 тыс. до 4,4 тыс. Наоборот, количество мошенничеств (ст. 159—159⁶ УК РФ) за аналогичный период возросло более чем на 100%.

Более того, из числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, мошенничеств стало больше, чем краж почти на 50% (соответственно 238 тыс. против 156 тыс. деяний).

Известно, что мошенничество относится к наиболее латентным (скрытым) преступлениям, поэтому

¹ См.: Доув М. Психология мошенничества. Методы убеждения и мошенничества / пер. с англ. Е. М. Тарабанова. Белгород, 2022. С. 18—21; Шур Э. М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. Пер. с англ. М., 1977. С. 251—252.

² См. Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

приводимые цифры его официальной регистрации — лишь вершина криминального айсберга. Тем не менее и они приводят к неутешительному выводу, что наше государство, прежде всего в лице правоохранительных и судебных органов, не справляется с этой социальной стихией.

Основными жертвами данных злодеяний являются уязвимые, малозащищенные категории населения: пенсионеры, престарелые ветераны и инвалиды.

Подтверждением стремления России быть социальным государством является указание в ч. 6 ст. 75 Конституции РФ о формировании системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов справедливости и солидарности поколений и индексации пенсий не реже одного раза в год.

Учитывая положение Основного закона и сложившуюся длительную отечественную практику индексации пенсий, других социальных выплат в опережающем инфляцию ключе (что позволяло сохранять накопления пожилым людям, достойно обеспечивать их старость и даже реализовывать возможности поддержания других членов семей), попустительство мошенникам, избравшим стариков в качестве хищнической добычи, тем более недопустимо. Сегодня телефонные мошенники уже начинают мстить не попавшимся на «развод» пожилым людям: их телефонные номера используются в дальнейшем в качестве подменных при обзвонах других граждан³.

Вызывает удивление, что федеральные органы власти, несмотря на, казалось бы, завершившийся в целом провальный эксперимент, связанный с либерализацией уголовной политики, готовы идти по пути частичной декриминализации мошенничества (по крайней мере в сфере предпринимательской деятельности — ч. 6 и 7 ст. 159 УК РФ), отождествляя его с экономическими преступлениями⁴. Мошенничество никогда не принадлежало к разряду преступлений в сфере экономики, являясь общеуголовным, всегда и везде строго осуждаемым деянием. Опыт законодательства советского прошлого, царской России — тому свидетельство.

Представляется очевидным фарисейство разработчиков теории нового экономического уголовного права: оказывается, что в основе коммунистической идеологии лежал культ материи и материальных благ, породивший коррупцию (и другие корыстные преступления), которые в итоге стали фактором не только крушения советского государства, но и рас-

³ См.: Телефонные мошенники стали мстить не попавшимся на «развод» // Известия. 2022. 8 сент.

⁴ См., например: Клишас поддержал новый законопроект о декриминализации ряда экономических преступлений // Парламентская газета. 2022. 8 авг.

пространности их в современной России⁵. Социализация же якобы настолько затронула уголовное право (в авторском контексте речь идет об уголовной политике), что достижения буржуазных революций ликвидируются по просьбам трудящихся ради общего блага⁶. Прежде всего, видимо, изгоняют свободу как великое их завоевание. Между тем истинным предназначением таких революций было уничтожение общественных и политических институтов, которые препятствовали росту буржуазной собственности и развитию соответствующих общественных отношений. Сейчас же под вуалью антисоветизма и антикоммунизма автор, описывающий новую экономическую концепцию уголовного права России, пытается опорочить заимствования советского опыта прошлой эпохи, приписать ей все недостатки и просчеты, прикрыть истинные намерения либеральной уголовно-правовой теории.

Неэффективность современной уголовной политики борьбы с мошенничеством в правоприменительном аспекте подтверждает анализ данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, согласно которым в 2021 г. за мошенничество (ст. 159—159⁶ УК РФ) были осуждены всего 20,6 тыс. человек (для сравнения: за кражу по ч. 1—4 ст. 158 УК РФ виновных осуждено в семь раз больше — 148,5 тыс., тогда как самих краж было совершено лишь в два раза больше, чем мошенничеств). Из них к лишению свободы были приговорены 5,4 тыс. человек, а условно осуждены 7,9 тыс. человек. Исходя из абсолютных показателей формы № 10.1 отчета о привлечении к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2021 г.⁷ вытекает, что суды гораздо чаще прибегают к институту условного осуждения в отношении мошенников, нежели выносят им реальные наказания в виде лишения свободы. Особенно это заметно при осуждении по ч. 3, 4 ст. 159—159⁶ УК РФ, где соотношение 1 : 2, и по ч. 5 ст. 159 УК РФ, где соотношение еще большее — 1 : 3.

Среди всех видов мошенничеств за так называемое обычное общеуголовное мошенничество в 2021 г. осуждены 15,2 тыс. чел. Из них к лишению свободы приговорены чуть менее 5 тыс. чел. В подавляющем большинстве приговоров, например по ч. 3 ст. 159 УК РФ при установлении в санкции статьи верхнего предела в виде шести лет лишения свободы, наказание назначено от года до двух лет⁸.

Парадоксально, но факт: с повышением степени общественной опасности содеянного суды все чаще прибегают к условному осуждению вместо реально: по ч. 1 ст. 159 УК РФ условно осуждены 476 человек, по ч. 2 — 1949 человек, по ч. 3 — 1921 человек.

Обращаясь к судебной статистике осужденных по приговорам, вступившим в законную силу (по отдельным видам преступлений) за 2007 — 2021 г., можно сделать вывод, что, несмотря на перманентный рост мошенничеств в стране, количественные показатели числа осужденных не только не растут, но, напротив, снижаются. Так, в 2013 г. были осуждены 25 155 человек, в 2017 г. — 23 058, в 2021 г. — 20 581 человек⁹.

Многие факты телефонных мошенничеств, совершаемых в стране организованными группами, имеют зарубежный, транснациональный характер. Например, на Украине создана максимально комфортная среда для вредоносной деятельности мошенников: значительно криминализировано и радикализировано общество в целом, имеет место тотальная коррупция и покровительство преступлениям, совершаемым против граждан России, со стороны государственных структур. В частности, в г. Днепре (бывший Днепропетровск) количество call-центров, «работа» которых направлена на похищение денег у лиц, проживающих в России, достигло 1100, а телефонным обзвоном была занята значительная часть населения в возрасте до 35 лет¹⁰.

Причины и условия, способствовавшие совершению подобных преступлений, связаны не только с «ограниченным правовым пространством» на сопредельных с Россией территориях, но и с возможностью осуществления непрозрачных финансовых, организационных операций через ряд отечественных коммерческих, кредитных организаций, прежде всего таких, как банк «Тинькофф» и закрытые мессенджеры, в частности Telegram. События, происходящие на Украине, проведение специальной военной операции являются выгодным прикрытием и для отечественных организованных преступных групп, занимающихся мошенничеством.

В немногочисленных обзорах, информационных письмах, иных обобщениях Генеральной прокуратуры РФ, ее структурных подразделений, региональных прокуратур отмечается, что не во всех случаях устанавливаются владельцы номеров телефонов, с которых поступают звонки, направляются запросы о получении информации от операторов мобиль-

⁵ См.: Клепичий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М., 2022. С. 47.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 апреля 2017 г. № 65 (в ред. приказа от 15 июня 2021 г. № 117).

⁸ См.: Форма № 10.3.1. Утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 апреля 2017 г. № 65 (в ред. приказа от 15 июня 2021 г. № 117).

⁹ См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁰ См.: Мошеннический колл-центр «Бердянск». Материалы Сбербанка России (не опубликованы) // Российская газета. 2022. 3 июня; Известия. 2022. 3 июня; Соловьев И. Н. Как не стать жертвой телефонного мошенничества: практикум. М., 2022.

ной связи (и кредитных организаций), истребуются ответы на направленные запросы; не всегда осуществляется контроль за исполнением поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление виновных лиц. Имеют место факты невозбуждения или несвоевременного возбуждения перед судом ходатайств о получении сведений об абонентах и соединениях (о держателях пластиковых карт, банковских счетов и переводов). Напротив, *злоумышленники часто легко получают персональные данные потенциальных жертв ввиду отсутствия конфиденциальности данных.*

К сожалению, в российских регионах криминогенная ситуация с телефонным мошенничеством только усугубляется. Так, по информации пресс-службы ГУВД г. Владимира в 2022 г. число случаев дистанционного мошенничества превысило 1 тыс. (+ 35% по сравнению с 2021 г.), жертвами телефонных мошенников стали более 1,5 тыс. граждан г. Владимира, которые потеряли более 300 млн. руб. (взяли кредит и перевели денежные средства телефонным мошенникам). Только за первую неделю января 2023 г. от жителей Владимирской области поступило 17 заявлений в полицию о преступлениях, которые совершили в отношении них дистанционные мошенники¹¹. Нередко силами оперативных подразделений полиции задерживаются так называемые курьеры и их, как правило, заключают под стражу.

Вместе с тем в ряде случаев и правоприменительная, и надзорная практика органов следствия, суда и прокуратуры в регионах демонстрирует не только снисходительное, но и недопустимое отношение к разрастающемуся и укореняющемуся мошенничеству.

Например, складывающаяся следственно-судебная практика в г. Владимире и в целом во Владимирской области говорит о вынесении самой строгой меры пресечения — заключения под стражу для исполнителей — курьеров группового, в том числе организованного, мошенничества даже при совершении ими единичных преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ (содеянное, как правило, не оценивают по ч. 4 ст. 159 УК РФ, поскольку в постановлении Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее — ППВС № 48) практически не освещаются вопросы квалификации группового соучастия в мошенничестве, не раскрыты специфические признаки организованной группы, за исключением п. 28, в котором речь идет о соучастии со специальным субъектом).

Однако, например, в отношении обвиняемого М., совершившего в апреле 2022 г. в г. Владимире це-

лый «букет» хищений, среди которых и тяжкое преступление — мошенничество в крупном размере (ч. 3 ст. 159 УК РФ), Октябрьским районным судом г. Владимира избирается домашний арест, далее следует изменение меры пресечения на более мягкую — запрет определенных действий, несмотря на отказ М. от дачи показаний, от сотрудничества с органами следствия, выявление по нарастающей новых хищений, им совершенных¹². Расследование несложного дела, где изначально был установлен подозреваемый, длится более года.

Принимая во внимание интересы и права обвиняемых, суд должен учитывать и защищать законные права потерпевших, тем более не проходить мимо последствий, связанных с преступлением: речь о состоянии здоровья потерпевших, возникающих не по их вине материальных трудностях и др.

Среди обстоятельств, отягчающих наказание, в п. «з» ст. 63 УК РФ закреплено *совершение преступления в отношении беззащитного или беспомощного лица.* Нередко, как в вышеуказанном случае, виновные (в том числе М.) изначально знали статус жертв — пенсионеры, вдовы, инвалиды, знали их возраст, поскольку потерпевшие пишут, указывают под диктовку так называемого следователя и свой год рождения, и другие персональные данные, визуальное контактируют с ними.

Мошенники оказывают массированное давление на беспомощных лиц в ходе многочасовых телефонных переговоров-прессингов и криминального обмана, что следует учитывать при назначении наказания, поскольку *совершение преступления с применением психического принуждения* также закреплено в перечне обстоятельств, отягчающих наказание (п. «к» ст. 63 УК РФ). Набравшая силу криминальная тенденция позволяет утверждать, что телефонное мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, переходит в разряд насильственного посягательства на собственность.

К сожалению, в ППВС № 48 не нашла отражения *квалификация действий потерпевших от общеуголовных дистанционных хищений (ч. 1—4 ст. 158 УК РФ), спровоцированных лжепредставителями власти (лжепрокурорами, лжеследователями и т. д.) на передачу им вознаграждения в условиях крайней необходимости, психического принуждения и фактической ошибки.* Телефонные сценарии — «деньги в обмен на освобождение родственников от уголовной ответственности», массово используемые мошенниками, направлены на воспрепятствование обращения, прежде всего беспомощных, престарелых граждан в органы правосудия, на последующую неправомерность их претендования на возвращение похищенных средств, так как по общему

¹¹ См.: Как не стать «зомби» телефонных мошенников? Исполнитель владимирской пенсионерки. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/jizn/> (дата обращения: 28.01.2023).

¹² См. определение судьи Октябрьского районного суда г. Владимира Беляковой Н. С. от 22 августа 2022 г.

правилу фактической ошибки их действия должны быть оценены как покушение на дачу взятки с учетом размера переданного вознаграждения (похищенного имущества). Убеждены, что не может даваться официальная оценка содеянному через компромиссные нормы и институты малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (примечание к ст. 291 УК РФ).

Считаем, что *аргументы о непроступности действий пожилых людей, носящих массовый, спровоцированный характер*, при разработке положения ППВС № 48 следует черпать в аналогичном положении, содержащемся в п. 30 постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в трудах русских правоведов, в частности Н. С. Таганцева¹³, в правоприменительной практике по делам о провокации взятки (ст. 304 УК РФ).

Примеры, публикуемые в региональных СМИ, якобы системной борьбы, профилактики мошенничества свидетельствуют об обратном: полиция не предупреждает мошенничества, а пресекает наиболее вопиющие случаи, когда такие факты происходят на глазах свидетелей (сотрудников банков, салонов сотовой связи и т. д.). Сомневаемся, что и такая позиция правоприменителя в общественном сознании будет воспринята позитивно. Между тем, если рассуждать по-обыкательски, и то хорошо, что не прошли мимо, как-то отреагировали на виктимное поведение доверчивых бабушек и дедушек, которым устали повторять: «Бойтесь мошенников!». В 1990-е гг. милицейские патрули вовсе стыдливо отворачивались от «лохотрона», ставшего неотъемлемым спутником российских площадей и улиц.

В борьбе с современным российским мошенничеством наиболее эффективными могут стать следующие меры.

1. Возврат к законодательно закрепленному положению (отраженному в Законе от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР»)¹⁴ о компенса-

ции государством причиненного ущерба жертвам мошеннических преступлений: в приоритетном порядке пенсионерам, престарелым, инвалидам, т. е. лицам, находящимся в беспомощном состоянии, в случае невыявления, необнаружения виновных, незаглаживания причиненного вреда самими преступниками.

Нынешняя финансово-экономическая ситуация позволяет государству брать на себя бремя расходов за причиненный преступниками (в первую очередь мошенниками) ущерб малообеспеченным слоям населения.

Заслуживает внимания положение п. 16 постановления Пленума ВС СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»: «Судам надлежит строго соблюдать требования закона о полном возмещении материального ущерба, причиненного преступлениями против личной собственности. При невыполнении органами дознания и предварительного следствия требований процессуального законодательства о принятии мер по обеспечению возмещения ущерба необходимо своевременно принимать такие меры по собственной инициативе и реагировать частными определениями на указанные нарушения законодательства. Из судебной практики по уголовным делам должны быть исключены случаи необоснованного оставления без рассмотрения гражданских исков потерпевших». Высшая судебная инстанция также подчеркивала: «Следует иметь в виду, что при решении вопроса о возмещении ущерба, причиненного преступлением против личной собственности, снижение сумм взыскания с осужденного не допускается...».

Данное положение соответствует предписанию п. 11 постановления Пленума ВС СССР от 23 марта 1979 г. № 1 «О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением», в котором указывается: «Снижение размера подлежащего возмещению ущерба не допускается, если он причинен преступлением, совершенным с корыстной целью».

В определенных случаях бремя компенсации причиненного мошенниками ущерба должны нести и правоприменители. В отечественной правоприменительной практике уже были судебные прецеденты, когда деньги, похищенные мошенниками, компенсировались, возвращались потерпевшим сотрудниками следственных органов, допустившими конкретные нарушения прав граждан, проявившими халатность и волокиту¹⁵.

Аналогичное положение содержала ст. 37 Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 9-ФЗ «О федеральном бюджете на 1994 год».

¹⁵ См.: Бабушка наказала милицию // Российская газета. 2005. 1 нояб.

¹³ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 318—323.

¹⁴ В пункте 3 ст. 30 «Основные положения о защите права собственности» указанного Закона было закреплено следующее положение: «ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством по решению суда. Понесенные при этом государством расходы взыскиваются с виновного в судебном порядке в соответствии с законодательством РСФСР». К началу 1990-х гг. в российском бюджете не стало средств на самое необходимое, и во многом справедливое нормативное положение оказалось декларацией. Подтверждением тому является включение ст. 25 в Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4966-1 «О республиканском бюджете Российской Федерации на 1993 год», которой действие п. 3 ст. 30 Закона РСФСР «О собственности в РСФСР» было приостанов-

2. Механизм государственной компенсации ущерба необратимо приведет к созданию более совершенного единого статистического учета не только преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, совершенных в нашей стране в целом и в отдельных регионах, а также лиц, их совершивших, но и жертв, и последствий данных преступлений.

3. Внесение изменений и дополнений в постановление Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в части, касающейся освещения вопросов квалификации группового и организованного мошенничества, в том числе учета использования информационно-телекоммуникационных технологий как ключевого признака организованной группы, и в части оценки непроступного характера спровоцированных действий беззащитных лиц, передавших вознаграждение лжепредставителям власти при обстоятельствах крайней необходимости, психического принуждения и фактической ошибки.

4. Разработка и принятие по аналогии с приказом Генеральной прокуратуры РФ от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» приказа Генеральной прокуратуры РФ, в котором на государственного обвинителя будут возложены дополнительные обязанности по преследова-

нию лиц, обвиняемых в мошенничестве, контроле за справедливым, суровым наказанием.

5. Проведенный органами прокуратуры анализ показывает, что основными проблемами, препятствующими раскрытию анализируемых преступлений, являются особенности криминальной деятельности в этой сфере, а именно использование неидентифицируемых sim-карт, IP-телефонии, находящихся за границей IP-адресов, абонентских номеров и банковских счетов, зарегистрированных на подставных лиц, применение технологии «подменных» абонентских номеров посредством SIP-телефонии.

В связи с этим также необходимо:

формировать механизм быстрого получения от кредитных организаций, интернет-провайдеров, операторов связи информации, включающей сведения о лицах, движении денежных средств и т. д.;

налаживать межведомственное взаимодействие с Роскомнадзором, чтобы к операторам сотовой связи за пропуск теневого трафика применялись меры, в том числе в соответствии с ч. 3 ст. 14.1 и ст. 13.2.1 КоАП РФ.

Одновременно следует обнаруживать все уязвимые места, защищать в первую очередь персональную информацию о потенциальных жертвах, использование которой влияет на восприятие легитимности деятельности мошенников.

Список литературы

1. Доув М. Психология мошенничества. Методы убеждения и мошенничества / пер. с англ. Е. М. Тарабанова. Белгород, 2022.
2. Клепичский И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М., 2022.
3. Соловьев И. Н. Как не стать жертвой телефонного мошенничества: практикум. М., 2022.
4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М., 1994.
5. Шур Э. М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. Пер. с англ. М., 1977.

References

1. Douv M. *The psychology of fraud. Methods of persuasion and fraud*. Transl. by E. M. Tarabanov. Belgorod, 2022. 224 p. (In Russ.)
2. Klepitskiy I. A. *New economic criminal law*. Moscow, 2022. 984 p. (In Russ.)
3. Solov'ev I. N. *How to avoid becoming a victim of telephone fraud*. Moscow, 2022. 24 p. (In Russ.)
4. Tagantsev N. S. *Russian criminal law. Lectures. Part common*. Vol. 1. Moscow, 1994. 380 p. (In Russ.)
5. Shur E. M. *Our criminal society. Social and legal sources of crime in America*. Transl. from Eng. Moscow, 1977. 326 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Павлинов, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

И. В. Помыкалова, заведующая адвокатской конторой № 3 (г. Владимир)

Information about the authors

A. V. Pavlinov, Dr. Sci. (Law), Prof., Professor at the Department of Criminal Law Disciplines, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Pomykalova, Head of the Law Office No. 3 (Vladimir)

Поступила в редакцию 30.05.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 30.05.2023

Accepted 22.06.2023

Обзор

УДК 328.185:343.352

DOI: 10.61205/jzsp.2023.049

Противодействие коррупции: диалектика научного знания (обзор Двенадцатого Евразийского антикоррупционного форума)

Арте́м Миха́йлович Цири́н¹, Серге́й Николае́вич Матули́с², Екате́рина Викто́ровна Черепанова³

^{1, 2, 3}Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, antikor@izak.ru

Аннотация. В статье дан обзор Двенадцатого Евразийского антикоррупционного форума «Противодействие коррупции: диалектика научного знания», проведенного 26 апреля 2023 г. Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации совместно со Счетной палатой Российской Федерации в рамках реализации Национальной стратегии противодействия коррупции и Национального плана противодействия коррупции на 2021—2024 годы.

Основное внимание участников Форума было уделено осмыслению фундаментальных научных и актуальных прикладных проблем правового закрепления национальных интересов в области противодействия коррупции, способов расширения социокультурного воздействия на причины и условия коррупции, а также перспектив формирования единой евразийской антикоррупционной стратегии.

Ключевые слова: право, законодательство, коррупция, противодействие, антикоррупционная политика, знание

Для цитирования. Цирин А. М., Матулис С. Н., Черепанова Е. В. Противодействие коррупции: диалектика научного знания (обзор Двенадцатого Евразийского антикоррупционного форума) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 41—57. DOI: 10.61205/jzsp.2023.049

Review

Countering Corruption: the Dialectic of Scientific Knowledge (Review of the Twelfth Eurasian Anti-Corruption Forum)

Artem M. Tsirin¹, Sergey N. Matulis², Ekaterina V. Cherepanova³

^{1, 2, 3}Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, antikor@izak.ru

Abstract. The article provides a review of the Twelfth Eurasian Anti-Corruption Forum “Countering Corruption: the Dialectic of Scientific Knowledge”, held on April 26, 2023 by the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation at the Accounts Chamber of the Russian Federation as part of the implementation of the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2021—2024.

The main attention of the participants was paid to understanding the fundamental scientific and topical applied problems of the legal consolidation of national interests in anti-corruption field, ways to expand the socio-cultural impact on the causes and conditions of corruption, as well as the prospects for the formation of a unified Eurasian anti-corruption strategy.

Keywords: law, legislation, corruption, counteraction, anti-corruption policy, knowledge

For citation. Tsirin A. M., Matulis S. N., Cherepanova E. V. Countering Corruption: the Dialectic of Scientific Knowledge (Review of the Twelfth Eurasian Anti-Corruption Forum). *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 41—57. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.049

Работу Двенадцатого Евразийского антикоррупционного форума «Противодействие коррупции: диалектика научного знания» (далее — Форум) открыла директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель президента РАН, член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции, председатель Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции академик РАН, действительный член Международной академии сравнительного права (IASL, Париж, Франция), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Фе-

дерации, заслуженный юрист Республики Татарстан Т. Я. Хабриева.

Она напомнила участникам Форума, что идея создать площадку для интенсивного обмена мнениями, консолидации усилий ученых и экспертов была поддержана руководством страны, вызвала заинтересованность среди ученых и получила уверенный старт в сотрудничестве вместе со Счетной палатой РФ, поскольку первые несколько форумов проходили в Счетной палате. При этом Форум не только реализовал этот замысел, но и вышел за его границы. На площадке форума были подписаны соглашения о взаимодействии с Международной антикоррупционной академией (Австрия), меморандум о сотрудничестве

с Анतिकоррупционным центром Института социологии Китайской академии общественных наук и другие соглашения.

Рекомендации Форума стали работающим инструментом, поскольку более 80% из них реализуется в законодательстве и правоприменительной практике. Материалы ежегодных евразийских антикоррупционных форумов публикуются не только в ведущих рецензируемых научных изданиях, но и в виде отдельных сборников, которые очень востребованы¹. Т. Я. Хабриева выразила уверенность, что предста-

¹ Материалы предыдущих евразийских антикоррупционных форумов см.: Правовые инновации в сфере противодействия коррупции: материалы Первого Евразийского антикоррупционного форума и VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30—31 мая 2012 г.) / отв. ред. Л. В. Андриченко, А. М. Цирин. М., 2012; Цирин А. М., Дымберова Э. Д., Шиндяпина Е. Д. Финансовые механизмы против коррупции: международные стандарты и национальные решения // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 100—113; Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24—25 апреля 2014 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2015; Цирин А. М., Черепанова Е. В., Тулинова О. А. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 143—171; Трунцевский Ю. В., Гехова Д. Х., Муратова О. В. Правопорядок и коррупция: современные вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 51—68; Цирин А. М., Матулис С. Н., Молчанова М. А. Социальный контроль как ключевой фактор противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 24—42; Цирин А. М., Севальнев В. В., Черепанова Е. В. Конфликт интересов: право и этика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 49—65; Цирин А. М., Севальнев В. В., Черепанова Е. В., Матулис С. Н., Матвеев В. В. Право против коррупции: миссия и новые тренды // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 124—139; Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты: материалы Девятого Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 15 апреля 2020 г.) / редкол. Т. Я. Хабриева, И. И. Кучеров, А. М. Цирин, С. Н. Матулис. М., 2021; Цирин А. М., Черепанова Е. В., Матвеев В. В. Конституционно-правовые ориентиры противодействия коррупции (обзор Десятого Евразийского антикоррупционного форума) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5. С. 125—143; Цирин А. М., Матулис С. Н., Матвеев В. В. Противодействие коррупции как национальный приоритет в практике, науке и образовании // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С. 139—150; Конституционно-правовые ориентиры противодействия коррупции. Противодействие коррупции как национальный приоритет в практике, науке и образовании: материалы Десятого и Одиннадцатого Евр-

вительный и авторитетный состав участников Форума² позволяет рассчитывать на полное освоение научной повестки и на уникальные находки, которые обогатят науку и практику.

С приветственным словом к участникам Форума обратился руководитель Аппарата Счетной палаты РФ кандидат юридических наук, доцент В. А. Витушкин. Он отметил, что первый Евразийский антикоррупционный форум был организован Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ совместно со Счетной палатой РФ и проходил в 2012 г. Спустя годы форум продолжает оставаться важной научно-практической площадкой, где обсуждаются вопросы противодействия коррупции, повышения эффективности мер по борьбе с условиями и причинами возникновения коррупционных факторов, осуществляется обмен передовым международным и отечественным опытом. Эволюция, видоизменение коррупции в зависимости от предпринимаемых мер противодействия требует проведения постоянных исследований ее состояния и выработки рекомендаций по ее предупреждению, а также развития международного сотрудничества.

Счетная палата в силу особого конституционного статуса выполняет роль гаранта эффективного использования ресурсов в системе государственного управления и наделена соответствующими полномочиями в сфере борьбы с коррупцией. На решение данной задачи направлена реализация дорожной карты Счетной палаты по совершенствованию мер противодействия коррупции, которая определяет реализацию до 2024 г. мероприятий по таким наиболее значимым направлениям, как методология аудита, цифровизация аудита, взаимодействие с контрольными правоохранительными органами, развитие компетенций сотрудников, внедрение международного опыта и повышение открытости.

Для Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ 2023 г. — год юбилейный, а история Института — история отечественной правовой науки и законодательства. Биография Института — биография звезд отечественной юриспруденции. В. А. Витушкин выразил благодарность коллективу Института, сохраняющему научные традиции и обеспечивающему преемственность поколения ученых, за самоотверженную под-

азийских антикоррупционных форумов (Москва, 20 апреля 2021 г., 20 апреля 2022 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023.

² Вместе с зарегистрированными онлайн-участниками в Форуме приняли участие более 400 представителей научного сообщества, экспертного сообщества, государственных структур и бизнес-сообщества из 11 стран (Азербайджан, Абхазия, Белоруссия, Бразилия, Вьетнам, Казахстан, Китай, Объединенные Арабские Эмираты, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан). На Форуме был представлен 21 субъект Российской Федерации, включая новые регионы.

держку в решении задач государства и общества, а также вручил Т. Я. Хабриевой памятный подарок от Счетной палаты РФ в знак сотрудничества и в связи с юбилеем.

Референт Управления Президента РФ по вопросам противодействия коррупции *В. В. Белинский* обратился к участникам Форума с приветственным словом. Двенадцатый Евразийский антикоррупционный форум проводится в год столетия Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Вековой путь Института тесно связан с развитием теории права, активным участием в законотворческой работе, мониторингом, рассмотрением самых актуальных вопросов правоприменения, в том числе вопросов антикоррупционной деятельности. За прошедшие годы проведена большая работа по обеспечению правовыми средствами общенациональных интересов страны. Традиционный форум выступает площадкой взаимодействия федеральных органов, ведущих научных центров нашей страны, зарубежных государств. Он дает импульс развитию перспективных направлений междисциплинарных исследований, интеграции научных дисциплин и ориентирует ученых и экспертов на решение как сугубо практических, так и теоретических проблем. Обеспечение эффективной антикоррупционной работы и системности в реализации государственной политики в области противодействия коррупции требует учета ряда существенных условий и факторов, в том числе новых вызовов и угроз, а также постоянной актуализации применяемых подходов.

Далее были озвучены приветственные обращения к участникам Форума, поступившие от Государственного секретаря Союзного государства *Д. Ф. Мезенцева* и Министра юстиции РФ *К. А. Чуйченко*.

Т. Я. Хабриева, продолжая пленарное заседание, представила научный доклад «Противодействие коррупции в координатах фундаментального знания», отметив, что Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ является старейшим научным учреждением не только в России, СНГ, но и в Европе. Отдавая дань пути Института и других научных учреждений, которые вовлечены в антикоррупционную деятельность, докладчик продолжила разговор о концептуализации научного знания в сфере противодействия коррупции³. Было указано на большой дисбаланс и даже некоторую автономность приращения знаний о коррупции как явления, с одной стороны, и об анти-

коррупционной деятельности — с другой. Получается, что теоретическое освоение антикоррупционной деятельности до сих пор находится в тени изучения коррупции.

Фактическая локация этого научного знания в научном ландшафте до сих пор не определена, хотя коллеги из отдела методологии противодействия коррупции ИЗиСП пишут, что противодействие коррупции имеет кросс-дисциплинарный характер, т. е. включает знания из различных наук и тяготеет к общественным наукам⁴.

У Института имеется очень большой опыт по проведению междисциплинарных исследований. Так, в 1923, 1925, 1927 гг. ученые Института готовили работы, которые связаны в том числе с темой коррупции. В этих исследованиях участвовали и представители медицинской науки, в том числе психиатры, биологи, педагоги, экономисты, социологи. Залогом их успеха стала междисциплинарность, которую в те голодные и сложные годы все же смогли реализовать, что позволило небольшому московскому кабинету по изучению личности преступника и преступности превратиться в мощный институт, включающий восемь филиалов, и показать востребованность новых форм организации научной жизни. Традиция проведения междисциплинарных исследований во многом сохраняется, ее подпитывает взаимодействие с Российской академией наук, в первую очередь с институтами философии, социологии и психологии.

К сожалению, большинство современных работ, которые заявлены как междисциплинарные исследования проблем коррупции, отличаются эклектикой, т. е. механически соединяют результаты исследований различных наук. Чтобы преодолеть такую отраслевую фрагментацию общего результата, необходимо осваивать методологию междисциплинарных исследований, создавать методики подготовки исследовательских программ и проведения учета и синтеза результатов отраслевого знания по теме.

Т. Я. Хабриева сослалась на тезис профессора *В. И. Михайлова* о том, что коррупция круглая, постоянно выскальзывает из рук, в том смысле, что эволюция и трансформация коррупции происходят постоянно, и предложила преодолеть догоняющий характер антикоррупционной деятельности посредством использования достижений синергетики, о которой писал профессор *А. Б. Венгер* еще в 1960-е гг.⁵

⁴ См.: URL: <https://izak.ru/institute/about/structure/nauchnyetsentry-i-otdely/otdel-metodologii-protivodeystviya-korrupsii/otdel-metodologii-protivodeystviya-korrupsii/>.

⁵ Если опираться на достижения синергетики, коррупцию следует рассматривать как сложную саморазвивающуюся систему, у которой есть своя программа воспроизводства. Чтобы противодействие коррупции было результативным, необходимо воздействовать не на коррупцию, а на программу воспроизводства, на точки, которые дают возможность ее роста.

³ В 2022 г. было предложено формировать и развивать общую теорию антикоррупционной деятельности, начав с систематизации знаний, которые уже достигнуты, на основе интегративного подхода к правовым процессам с учетом концепции саморазвивающихся систем и принципа междисциплинарности — главного подхода в изучении коррупции и антикоррупционной деятельности.

Докладчик отметила особый вклад Института в конституционную реформу 2020 г., который взял на себя научное обоснование, сопровождение поправок, нередко возникающих спонтанно. Институт обобщил более 2 тыс. предложений, которые поступали от граждан, общественных организаций, государственных органов, и рассматривал их контекст в сравнительно-правовом ключе. В результате конституционной реформы произошло юридическое оформление национального антикоррупционного стандарта, который был поднят на уровень Конституции Российской Федерации и позволил объединить воедино все уровни публичной власти, ее ветви, институты, а также соотносить национальное регулирование с универсальными стандартами с учетом новой редакции ст. 79 Конституции.

Т. Я. Хабриева выразила уверенность в дальнейшем повышении роли евразийской интеграции, динамика которой в правовой сфере настолько позитивная, что обуславливает потребность в общих региональных стандартах противодействия коррупции и единой евразийской антикоррупционной стратегии. Роль правоведов при этом состоит в том, чтобы предложить такие теоретические модели проекта решений, которые стали бы еще одним объединяющим фактором в условиях нарастающей международной турбулентности. При этом перспективная задача — вовлечение новых субъектов в евразийское антикоррупционное пространство, в первую очередь, стратегических партнеров — Китая и Индии, которые вместе с другими странами могли бы стать участницами Евразийской антикоррупционной стратегии.

Другая важная практическая задача — конституционализация российского законодательства в части воплощения общенационального антикоррупционного стандарта, который был закреплен Основным законом России. При этом целесообразно не только сохранять доминанту федерального законодательства, не допуская противоречий между федеральным уровнем правового регулирования и уровнем субъектов, но и порассуждать о некой дифференциации региональных антикоррупционных законов в направлении учета специфики субъектов Российской Федерации. В завершение доклада Т. Я. Хабриева остановилась на дальнейших перспективах приращения и упорядочения научного знания в области противодействия коррупции⁶.

⁶ Научное сопровождение формирования и институционализации региональных и субрегиональных антикоррупционных международно-правовых массивов; обобщение опыта конституционализации законодательства о противодействии коррупции, его гармонизации и синхронизации с законодательством в сфере ПОД/ФТ; разработка правовых механизмов противодействия коррупции в корпоративной сфере, моделей локального регулирования и инкорпорации антикоррупционных норм в акты социального партнерства; развитие правовой

Заместитель Министра юстиции РФ В. В. Федоров зачитал приветственный адрес Министра юстиции РФ К. А. Чуйченко и отметил, что в настоящее время антикоррупционное законодательство Российской Федерации является довольно эффективным правовым инструментом для борьбы со злоупотреблениями, оказывающими разрушительное воздействие на государство и институты гражданского общества.

В. В. Федоров поздравил директора ИЗиСП Т. Я. Хабриеву и всех сотрудников Института со 100-летием его основания, отметив их огромный вклад в научное и учебно-методическое обеспечение противодействия коррупции. В Минюсте России на плановой основе продолжается активная работа по реализации Национального плана противодействия коррупции на 2021—2024 годы. В 2022 г. был разработан Указ Президента, которым предусматривается механизм, позволяющий обращать в доход государства денежные средства, поступившие на счета лиц, обязанных предоставлять сведения о доходах в случае, если в отношении них не представлены достоверные сведения, подтверждающие законность их получения⁷. Кроме того, были установлены обязанности для лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ, уведомлять органы прокуратуры и иные государственные органы обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, а также государственная защита для данных лиц.

В рамках исполнения Национального плана Минюстом России прорабатывается вопрос о возможности установления обязанностей для коммерческих и некоммерческих организаций, учредителями которых является Российская Федерация, проводить антикоррупционную экспертизу своих локальных нормативных правовых актов и проектов таких актов.

С 2009 г. Минюст России осуществляет аккредитацию юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов⁸. За 2022 г. территориальны-

основы использования цифровых технологий в сфере противодействия коррупции, использования специальных информационных систем, защиты персональных данных и служебной информации ограниченного распространения; продвижение концепции уголовной ответственности юридических лиц, от имени и в интересах которых совершаются преступления коррупционной направленности, и др.

⁷ См. Указ Президента РФ от 18 июля 2022 г. № 472 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции»».

⁸ По словам докладчика, всего Минюстом России с 2009 г. аккредитовано в качестве независимых экспертов и включено

ми органами Минюста проведена антикоррупционная экспертиза более чем 180 тыс. региональных правовых актов и почти 2000 уставов муниципальных образований и изменяющих их муниципальных правовых актов. Были выявлены коррупциогенные факторы в 1116 региональных нормативных правовых актах и в 21 уставе и муниципальных актах.

По словам В. В. Федорова, для искоренения причин коррупции необходим постоянный диалог с населением, обсуждение различных аспектов антикоррупционной политики государства с участием представителей органов государственной власти, общественной организации и бизнес-сообщества.

Анонсируя следующее выступление, *Т. Я. Хабриева* отметила, что тема противодействия коррупции не обязательно имеет правоохранительный характер, очень много делается так называемыми гражданскими ведомствами. И основным ведомством, которое разрабатывает стандарты, продвигает международную повестку и у нас, и за внешним периметром, это Минтруд России.

Статс-секретарь — заместитель Министра труда и социальной защиты РФ *А. Н. Пудов* отметил, что ИЗИСП уделяет большое внимание вопросам противодействия коррупции, научному сопровождению развития антикоррупционного законодательства и антикоррупционного обучения.

Докладчик сфокусировал внимание на вопросах методического обеспечения противодействия коррупции, которые находятся в компетенции Минтруда России, остановившись на актуализированном в соответствии с национальным планом обзоре практики привлечения к ответственности служащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Здесь важно соблюдать баланс: с одной стороны, неотвратимость ответственности, а с другой — соразмерность этой ответственности.

В указанном обзоре работники Минтруда России указали, что привлечение к ответственности за коррупционные правонарушения должно учитывать конституционные принципы справедливости, юридического равенства, гуманизма, соразмерность ответственности за совершенные деяния его реальной общественной опасности. При этом обзор был дополнен положениями о том, что несоблюдение антикоррупционных стандартов вследствие не зависящих от служащего обстоятельств либо в ситуациях, при которых установлена причинно-следственная связь между несоблюдением стандартов и временной нетрудоспособностью служащего, не признает-

ся коррупционным правонарушением. Такие вопросы должны выноситься на рассмотрение комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликтов интересов. Минтруд России также отметил в рекомендациях, что при определении конкретного вида взыскания должны учитываться только те обстоятельства, которые имеют причинно-следственную связь с коррупционным правонарушением.

А. Н. Пудов поддержал тезис *Т. Я. Хабриевой* о кросс-отраслевом характере знаний в области противодействия коррупции и отметил, в частности: чтобы раскрыть в полном объеме тему работы гражданских служащих с ценными бумагами и подготовить соответствующие методические рекомендации, необходимо знание гражданского законодательства и законодательства о рынке ценных бумаг, что требует специальных знаний.

Докладчик озвучил следующие рекомендации: 1) гражданским служащим не запрещено приобретать ценные бумаги, за исключением иностранных, для отдельных категорий служащих; 2) применительно к институту конфликта интересов нарушением является не сам факт владения ценными бумагами, а неисполнение обязанности уведомить о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения и/или непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов; 3) при отсутствии возможности возникновения конфликта интересов передавать соответствующие ценные бумаги в доверительное управление не требуется; 4) имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд, является общим имуществом владельцев инвестиционных паев и принадлежит им на праве общей долевой собственности⁹.

Докладчик также остановился на вопросе декларационной кампании, в рамках которой Минтруд России традиционно подготовил методические рекомендации по вопросам представления сведений. В них была предусмотрена базовая иерархия оказания консультативной помощи декларантам, подчеркнуты полномочия регионов в вопросах декларирования депутатов руководителей учреждений, уточнен порядок действий декларанта в случае выявления неточности в справках, которые представлены в предыдущих декларационных кампаниях, уточнены новые виды доходов. Уточнению подверглись положения, касающиеся представления сведений о цифровых финансовых активах, цифровых правах и утилитарных цифровых правах и цифровой валюте.

Существенные особенности в антикоррупционном декларировании предусмотрены рядом норма-

но в государственный реестр 3400 независимых экспертов. Из них практически 3 тыс. физических и более 400 юридических лиц. С 2011 г. Минюстом осуществляется постоянный мониторинг проведения антикоррупционной экспертизы аккредитованными независимыми экспертами.

⁹ В случае наличия в общем имуществе такого фонда иностранных финансовых инструментов служащим, который владеет инвестиционным паем такого фонда, будет нарушаться соответствующий запрет.

тивных правовых актов по территориальному признаку на период проведения специальной военной операции. Так, на лиц, которые претендуют на замещение или замещают государственные муниципальные должности или должности государственной муниципальной службы на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, в соответствии с Указом Президента РФ не распространяется обязанность по представлению декларации в 2023 г.¹⁰ Аналогичное регулирование предусмотрено постановлением Правительства РФ и в отношении работников, осуществляющих трудовую деятельность на территории вышеназванных субъектов¹¹.

А. Н. Пудов обратил внимание на то, что не представляют сведения участники специальной военной операции и, соответственно, лица, командированные на территории новых субъектов, что предусмотрено отдельным указом Президента РФ.

Директор Института права Китайской Академии общественных наук, декан юридического факультета Университета Китайской академии общественных наук доктор юридических наук, профессор *Мо Цзихун (Mo Jihong)* выступил с научным докладом «Долгосрочность и комплексность антикоррупционной деятельности».

Докладчик подчеркнул, что по своей природе борьба с коррупцией имеет исторический характер и является сложным явлением. Он поделился с участниками Форума некоторыми историческими примерами, рассказав историю о храме, построенном 600 лет назад. В его отделке были использованы куски кожи, снятой с чиновников, замешанных в коррупции. Докладчик отметил, что эта весьма жесткая мера не оказала сколько-нибудь полезного влияния на ход борьбы с коррупцией, потому что это очень сложное явление в традиционном обществе Китая. Если заглянуть в этот исторический опыт, обобщить его уроки, мы сможем посмотреть на проблему коррупции под двойным углом: с точки зрения внешних и внутренних факторов. В группу внешних факторов входят социальные и исторические факторы, что позволяет проанализировать причину коррупции. К социальным факторам относятся, например, влияние декадентского западного стиля жизни, довольно за-

манчивого для коррупционеров. Молодежь через такое влияние также подвергается искушению коррупции и нередко уступает ей.

Несовершенный механизм социального надзора создает объективные условия для коррумпированных элементов. Сотрудничество между коррумпированными преступниками и их взаимная поддержка приводят к расцвету коррупции. Другим важным фактором, влияющим на состояние коррупции, является слабость правовых средств борьбы с преступностью. В результате в обществе становится все меньше людей, готовых «бить в колокол» при выявлении случаев коррупции.

Говоря об исторических факторах, докладчик отметил, что в силу традиционности коррупция представляет собой постоянно воспроизводящуюся среду. Еще одна традиционная причина коррупции — личный интерес. С точки зрения психологии, нереализованное желание становится главной побудительной силой для создания различных видов коррупционного поведения. Буддистская доктрина указывает, что у каждого есть шесть основных пороков, а именно жадность, гнев, невежество, дерзость, сомнение и предубеждение. Эти пороки нельзя устранить. Именно поэтому антикоррупционная борьба никогда не должна останавливаться.

Завершая выступление, Мо Цзихун сделал вывод о необходимости создания единой руководящей, всесторонней и авторитетной и эффективной системы партийного надзора, интеграции и координации различных видов надзора, а также содействия конкретизации, точности и нормализации политического надзора над «высшими руководителями» и руководящими группами.

Т. Я. Хабриева, поблагодарив Мо Цзихуна за интересное выступление, рассказала, что несколько лет назад ездила в командировку в Академию общественных наук КНР, встречалась с уважаемым профессором, видела его труды. При этом возможность «сверить часы» с китайским опытом во многом появилась благодаря сотруднику отдела методологии противодействия коррупции ИЗиСП В. В. Севальневу, который владеет китайским языком. Особенно успешным был проект, связанный с изучением лучших практик противодействия коррупции на государственной службе в России и Китае¹².

Заместитель директора Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь *В. Ф. Селицкий* выступил с докладом «Опыт использования в Республике Беларусь механизмов параллельных финансовых расследований и методов выявления легализации доходов, полученных преступным путем, как способ установ-

¹⁰ См. Указ Президента РФ от 6 декабря 2022 г. № 886 «Об особенностях замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области».

¹¹ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. № 2571 «Об особенностях применения трудового законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области».

¹² Опыт лучших практик государственной службы России и Китая: монография / отв. ред. *Т. Я. Хабриева, Чжао Шимин*. М., 2020.

ления признаков коррупционных правонарушений». Практика показывает, что целью совершения большинства коррупционных правонарушений является приобретение виновным лицом для себя или своих близких именно материальных благ. Уголовным кодексом Республики Беларусь за совершение коррупционных правонарушений установлены довольно строгие наказания¹³.

Формируя основные направления борьбы с коррупцией, белорусский законодатель исходил из того, что установление жестких наказаний за совершенное преступление в рассматриваемой сфере не может быть признано единственной и исчерпывающей мерой. В связи с этим компетентными органами власти была поставлена и последовательно реализуется цель создания условий, при которых становится невозможным воспользоваться результатами коррупционного правонарушения.

Способы проведения конкретных мероприятий и формы взаимодействия государственных органов при их проведении определены межведомственным постановлением о совершенствовании противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, либо в нарушение законодательства о борьбе с коррупцией, утвержденным Генеральной прокуратурой Республики Беларусь. Суть мероприятий по проверке законности приобретения имущества и установлению источников его происхождения — это применение способов и методов классического параллельного расследования в различных процессах: уголовный процесс, камеральная проверка соответствия расходов доходам, проверка источника доходов государственного служащего, его близких и т. д.

Результатом проведения таких мероприятий могут быть выявление нового преступления, привлечение виновного к ответственности, предъявление прокурором иска о взыскании имущества, законность приобретения которого госслужащий подтвердить не может, взыскание суммы превышения расходов над доходами, привлечение должностного лица к административной ответственности за указание в налоговой декларации сведений, не соответствующих действительности.

Поблагодарив докладчика, *Т. Я. Хабриева* выразила надежду на проведение совместных исследований и обмен опытом в сфере противодействия кор-

рупции. Специальная сессия, посвященная 100-летию Института, проводимая в рамках Петербургского международного юридического форума, является данью уважения Институту, но главное — памяти тех ученых, которые snискали славу не только Институту, но и всей юридической науке как в России, так и за рубежом. Упомянув о фильме «Нюрнберг», *Т. Я. Хабриева* отметила, что научная концепция международной уголовной ответственности военных преступников создавалась в Институте начиная с работы *А. Н. Трайнина* в 1930-х гг., когда фашизм только поднимал голову. Профессор *А. Н. Трайнин*, идейный основатель Института профессор *М. Н. Гернет*, профессора *Н. Н. Полянский*, *А. А. Герцензон* обосновали концепцию международного уголовного правосудия. *А. Н. Трайнин* выступал помощником главного обвинителя на Нюрнбергском трибунале, а *К. П. Горшенин*, научный сотрудник Института, который впоследствии стал его директором, в то время Генеральный прокурор СССР, был заместителем главного обвинителя от СССР *Р. А. Руденко*. Очень важно сохранять память о таких ученых.

Заместитель начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры РФ *А. Ш. Юсуфов* в начале доклада обратил внимание на отсутствие профилактических мер в денонсированной Российской Федерацией Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. При этом в ней отсутствуют именно те меры, которые Российская Федерация поставила в качестве приоритетов в своей методологии противодействия коррупции.

По словам докладчика, произошло некоторым образом переосмысление применения этого законодательства. Если раньше основной упор делался на проверку сведений о доходах чиновников, то сегодня в качестве ключевой задачи видится ликвидация последствий коррупционных деяний. Совместно с другими ведомствами регулярностью прокурорского надзора обеспечивается дисциплина чиновников и реальная работа профилактических механизмов.

В связи с утратой доверия по инициативам прокурора были уволены 519 человек. Многие лица увольняются в результате проведенных проверок. Так что реальная цифра лиц, совершивших коррупционные правонарушения, от которых удастся избавиться, больше раза в три-четыре. В доход государства обращено более 7450 объектов недвижимости, имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы. Исковая работа в сфере противодействия коррупции прокурора была серьезно интенсифицирована¹⁴. За

¹³ Например, за получение взятки лицом, занимающим общественное положение, либо ранее судимым за взяточничество, а равно за получение взятки в особо крупном размере в составе организованной группы предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет. При этом уголовным законом установлен запрет на применение условно-досрочного освобождения от наказания либо замены неотбытой части наказания более мягким в отношении должностных лиц, занимающих именно государственные должности, осужденных за совершение коррупционных преступлений.

¹⁴ В прошлом году сумма всех исковых требований, заявленных прокурорами в сфере противодействия коррупции, составила почти 300 млрд руб. Таких требований было удовлетворено на 258,9 млрд руб., а фактически сумма, взысканная в доход государства, превысила 90 млрд руб.

последние два года стоимость изъятого, арестованного имущества в рамках досудебных мер превышает размер причиненного совокупного ущерба этими преступлениями, а правоохранительная система в указанной сфере работает слаженно. На стадии проведения оперативно-разыскных мероприятий принимается большое количество мер, направленных на установление этого имущества, его арест, изъятие и т. д. При этом большую помощь оказывают высокотехнологичные методы и подключение баз данных о наличии имущества у коррупционеров.

Докладчик отметил, что недавно заработала ст. 8² Федерального закона «О противодействии коррупции», которая установила контроль не только за расходами чиновников, но и за денежными потоками, проходящими через их банковские счета. По ней уже заявлено исков более чем на 71 млн руб.

Сегодня Россия несколько не изолирована в международных форматах, а международное участие переформатировано в соответствии с актуальными потребностями. На площадке ООН находится немало единомышленников, и удается продвигать наши передовые подходы. Одним из таких подходов является практика привлечения к административной ответственности юридических лиц. По результатам анализа практики ее применения Россия выглядит достойно, а суммы налагаемых штрафов значительные. Так, в полном объеме был уплачен штраф в размере 150 млн руб. за то, что компания при проведении налоговой проверки предложила взятку налоговому инспектору на сумму 15 млн руб.

Одним из новых форматов общения стал госсовет по противодействию коррупции, созданный на площадке СНГ. В него входят Генеральный прокурор РФ, руководители генеральных прокуратур и специальных антикоррупционных ведомств. Круг участников расширяется. Еще одним интересным форматом, продвигаемым Саудовской Аравией на площадке ООН, перекочевавшим с Большой двадцатки, является глобальная сеть правоохранительных органов, в рамках которой осуществляется неформальное сотрудничество, обсуждаются вопросы, актуальные для правоохранителей, с целью обеспечить торжество правосудия и возврат имущества.

Профессор права Федерального университета Мараньяна и Факультета управления Витории, государственный прокурор по уголовным делам Государственного министерства штата Мараньян (Бразилия), приглашенный научный сотрудник Исследовательского центра G20 по международному сотрудничеству Уголовного колледжа Пекинского педагогического университета, член Международной ассоциации прокуроров, Международной ассоциации политических наук, Международной ассоциации уголовного права, Европейского общества международного права, Международного криминологического общества, Ассоциации права и общества *Касси-*

ус Гумарайни Чай (Cássius Guimarães Chai) выступил с научным докладом «The Strengthening of the BRICS Anti-Corruption Framework via Technology and International Cooperation» («Укрепление антикоррупционной базы БРИКС с помощью технологий и международного сотрудничества»).

Кассиус Г. Чай отметил необходимость снижения влияния коррупции на экономику государств, усиления антикоррупционной работы в странах БРИКС, а также присоединился к прозвучавшим тезисам о многовекторности и кросс-отраслевом характере феномена коррупции.

Докладчик выдвинул несколько предложений по усилению противодействия коррупции: 1) применение цифровых технологий для повышения прозрачности и подотчетности государственного управления; 2) использование аналитики данных и искусственного интеллекта для выявления коррупционных практик; 3) повышение эффективности международного сотрудничества и обмена информацией.

Применение озвученных предложений требует расширения объема информации, официально предоставляемой органами власти, применения технологий анализа больших данных (Big Data), а также повышения уровня автоматизации управленческих процедур.

В завершение выступления докладчик отметил необходимость проведения оценки коррупционных рисков и создания карт таких рисков, а также перспективность поиска возможностей для создания системы индикаторов коррупции, которые могли бы обрабатываться с использованием искусственного интеллекта.

Исполняющий обязанности председателя Конституционного суда Республики Абхазия, заместитель директора по науке Института экономики и права Академии наук Республики Абхазия, член Координационного совета Международного союза юристов кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Абхазия *Д. Э. Пилия* представила доклад «Роль общественных организаций в имплементации норм Конвенции в национальное законодательство» и напомнила о прошедшем в апреле 2016 г. Пятом Евразийском антикоррупционном форуме «Правопорядок и коррупция: современные вызовы», на котором советник Президента РФ В. Ф. Яковлев говорил о необходимости не только пресекательных мер и мер ответственности за совершенные коррупционные действия, но и о ценностях морально-нравственных, о ценностях демократического правового государства, о роли общества и каждого гражданина в противодействии коррупции.

Противодействие коррупции в Республике Абхазия требует не только целеустремленных и организованных действий со стороны властных структур, но, наверное, как и в каждой стране, требует консор-

лидации усилий общественности в этой деятельности. Опора на поддержку граждан и общественных объединений — одно из необходимых условий эффективной деятельности по профилактике коррупции. Например, участие общественных организаций в институционализации противодействия коррупции ярко проявилось в принятии в 2020 г. Закона Республики Абхазия «О декларировании доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера должностными лицами и депутатами».

Абхазия пережила тяжелые годы войны в 1990-х гг. Государство на современном этапе переживает сложные кризисные ситуации в экономической сфере после пандемии COVID-19, а также в политической и социальной сферах. Именно поэтому гражданское общество предъявляет все более высокие требования к мерам по противодействию коррупции. На современном этапе развития абхазского общества сформирована интегральная правовая база комплексного характера по противодействию коррупции.

С учетом реализации ст. 11 Договора между Республикой Абхазия и Российской Федерацией 2014 г. Абхазия реализует комплекс мер по гармонизации, унификации своего и российского законодательства. Элементами антикоррупционной политики стала интересная инициатива и поддержка в дальнейшем со стороны общественных организаций, отдельных граждан по имплементации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции. Для этого были использованы интернет-ресурсы, социальные сети, организованы различные встречи граждан с руководством, депутатами парламента, членами общественной палаты и иные мероприятия и даже одиночные пикеты. Принципиально важным элементом стало участие журналистов и представителей иных общественных организаций при обсуждении указанной статьи Конвенции.

Проблема прав человека как основы конституционализации правопорядка связана с имплементацией норм международного права в Конституцию с учетом приоритета национальных интересов, национального законодательства. Для анализа национальной культуры можно избирать методы, которые опираются на исторические традиции, например традиции понимания коррупции, происходящей еще от Никколо Макиавелли, что дает расширенное понимание коррупции по сравнению с современным правом (в Абхазии, например, принято сводить коррупцию только к незаконному обогащению, т. е. к содержанию ст. 20 Конвенции).

Д. Э. Пилия отметила, что тезис, предложенный Т. Я. Хабриевой в контексте сочетания универсального и национального антикоррупционного регулирования, актуален и целесообразен. Яркой площадкой этого научного поиска является Евразийский антикоррупционный форум. Данное мероприятие содействует укреплению научного, правового, методологического потенциала государств и позволя-

ет объединить все усилия в противодействии коррупции, что очень актуально для молодого независимого суверенного государства, каким является Республика Абхазия.

Докладчик отметила ряд законодательных новелл. В 2015 г. был принят Закон о противодействии коррупции, который устанавливает основные принципы, определяет дефиницию коррупции, правовые организационные основы предупреждения коррупции, борьбы с ней и т. д. В том же году принят Закон о декларировании доходов, имущества и обязательств имущественного характера судей Республики Абхазия. В 2020 г. под давлением общественности, при помощи общественных организаций и отдельных граждан принят Закон о декларировании доходов, расходов имущества и обязательств имущественного характера должностными лицами и депутатами. Согласно Закону о контрольной палате, принятому в 2010 г. (в редакции 2017 г.), данный орган государственного финансового контроля обеспечивает в пределах своей компетенции меры по противодействию коррупции. Такие мероприятия проводятся совместно со Счетной палатой РФ.

В 2006 г. при Национальном банке была создана служба финансового мониторинга. И совместно с Федеральной службой по финансовому мониторингу Российской Федерации и Международным учебно-методическим центром финансового мониторинга в России подписано соглашение, в котором тщательно рассматриваются вопросы противодействия легализации отмыывания доходов. Принят Закон о безопасности, в котором к основным задачам Совета Безопасности отнесено обеспечение подготовки рекомендаций и предложений Президенту по вопросам противодействия коррупции.

Аудитор Счетной палаты РФ кандидат экономических наук *С. Ю. Орлова* обратила внимание на актуальность вопроса о противодействии коррупции и проинформировала участников Форума о своем докладе в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, а также об обсуждении актуальных проблем противодействия коррупции в формате видеоконференц-связи. В последние четыре месяца в таких обсуждениях приняли участие представители более 30 стран. Отмечена активная деятельность рабочей группы при ООН, возглавляемой Объединенными Арабскими Эмиратами, которая в своей деятельности учитывает в том числе рекомендации, поступающие от научного и экспертного сообщества Российской Федерации.

Докладчик рассказала об опыте взаимодействия с Советом Европы, Группой государств против коррупции (ГРЕКО), лишение возможности полноценного участия в которой стало основанием выхода России из Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Несмотря на это, Россия и сейчас остается полноправным участни-

ком основных международных конвенций по борьбе с коррупцией. При этом российское законодательство соответствует всем международным антикоррупционным стандартам. Вместе с тем стремительные изменения геополитической ситуации требуют соответствующих изменений антикоррупционного законодательства. В Федеральный закон «О противодействии коррупции» с момента его принятия изменения вносились 34 раза. Но здесь следует действовать корректно, тактично, учитывая практику реализации Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в результате которой, несмотря на все изменения, имеют место воровство, завышение цен, написание заданий на торги.

Вектор развития антикоррупционной работы должен исходить из национальных приоритетов и интересов. Это важно для безопасности страны и для суверенитета нашего государства. Мы вошли в новое геополитическое пространство, в котором должны конкурировать. В этом пространстве важны отношения со стратегическими партнерами — Китаем, Бразилией, Венесуэлой, Южной Америкой и странами Африки. И, конечно, такое явление, как коррупция, недопустимо.

В докладе были приведены аргументы устойчивости национальной экономики к последствиям пандемии COVID-19 и к санкциям, последствия которых были минимизированы благодаря оперативным решениям Президента РФ. Увеличились показатели в сырьевом секторе, сфере добычи полезных ископаемых, энергетическом. Главными драйверами роста стали строительный сектор, фармацевтика и внутренний туризм.

С. Ю. Орлова связала эффективность государственного управления с инвестиционной привлекательностью, планированием бюджета и выполнением государственных программ. Счетная палата РФ выходит на проверку госпрограмм по показателям, которые дают результаты. Поэтому правильно выстроенное государственное управление, эффективное, которое противодействует коррупции, это тоже результат. Счетной палате была поставлена задача сделать проект «противодействие коррупции» совместно с Администрацией Президента РФ, прокуратурой, финансовой разведкой. Обучили инспекторский состав, пригласили экспертов из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Высшей школы экономики, РАНХиГС. И на конференциях в Совете Федерации они предлагали блестящие идеи, которые будут интересны и мировому сообществу. Благодаря этому исследованию удалось выйти на проверку исполнения бюджета 2022 г. уже с поиском элементов коррупционных рисков. На 2024 г. запланировано введение в действие цифрового аудиторского модуля,

который при любой проверке будет показывать инспектору зоны, где могут возникнуть коррупционные риски.

Докладчик проинформировала участников Форума о готовности Счетной палаты к решению стратегических задач, поставленных Президентом РФ. За прошлый год Счетная палата выявила нарушения на сумму 886 млрд руб. Счетная палата работает системно, и каждый главный распорядитель бюджетных средств¹⁵ понимает, что задача заключается в выявлении их недостатков, а не наказании. Какие-то недостатки они исправляют в ходе проверки, в каких-то случаях формируется дорожная карта, какие-то материалы направляются в прокуратуру и другие правоохранительные органы. Так, за прошлый год передано 37 материалов, возбуждено 93 дела об административных правонарушениях, 182 должностных лица привлечены к ответственности.

В сфере закупок также проводится большая работа. Объем бюджетных средств, задействованных в этой сфере в 2022 г., составил 11,3 трлн руб., т. е. 7,4% ВВП России. При этом проводимые исследования показывают, что 22% опрошенных сталкивались с проявлением коррупции в сфере госзакупок; 25% слышали о фактах проявления коррупции в сфере закупок, а 8,1% опрошенных предпринимателей допускали возможность прибегнуть к неформальному вознаграждению для решения каких-либо вопросов.

Подготовлены методические рекомендации Счетной палаты РФ по выявлению индикаторов коррупционных правонарушений, и теперь важно сформировать экосистему информационного взаимодействия Счетной палаты с органами государственной власти, способствующей выявлению ненадлежащих практик и коррупционных проявлений, осуществить проработку индикаторов применения ненадлежащих практик, их оцифровку, маркировку в информационных системах.

Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, ответственность за его судьбу отнесены Президентом РФ к российским традиционным ценностям, в связи с чем докладчик выразила уверенность, что по результатам работы Форума удастся выработать прорывные научные подходы, конкретные задачи и предложения.

Ответственный секретарь Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной без-

¹⁵ Главный распорядитель бюджетных средств — орган государственной власти (местного самоуправления), орган управления государственным внебюджетным фондом, или наиболее значимое учреждение науки, образования, культуры и здравоохранения, напрямую получающий средства из бюджета и наделенный правом распределять их между подведомственными распорядителями и получателями бюджетных средств.

опасности (ОДКБ) кандидат экономических наук, доцент *С. В. Поспелов* констатировал, что за 16 лет существования Парламентской ассамблеи взаимоотношения с Институтом расширяются и усиливаются, а также напомнил о словах председателя Парламентской ассамблеи ОДКБ, председателя Государственной Думы В. В. Володина, который в 2018 г. в рамках антикоррупционного форума отметил, что коррупция разрушает государство, наносит вред экономике и является препятствием на пути развития страны. Деятельность Парламентской ассамблеи ОДКБ по нормативному противостоянию коррупции является одним из приоритетных направлений. Модельная законодательная деятельность ведется на базе созданного в свое время фундамента, что было проделано в рамках межпарламентской ассамблеи СНГ. И сегодня в том пакете модельных актов, которые есть у Парламентской ассамблеи ОДКБ, их более 80, большая часть посвящена противодействию коррупции. В авангарде же данной работы стоят органы прежде всего прокуратуры, подведомственные им учреждения науки, с которыми тесно взаимодействует Ассамблея. Но если бы не системная помощь ИЗИСП, гораздо сложнее было бы выстраивать взаимодействие с научным сообществом этих стран. Ведь те модельные акты, которые мы принимаем, конечно, носят рекомендательный характер, но потом они становятся частью национального законодательства.

Еще в 2013 г. в Парламентской ассамблее были приняты рекомендации по вопросам противодействия подкупу иностранных должностных лиц при заключении международных коммерческих сделок. С этого началась предметная работа Парламентской ассамблеи ОДКБ по гармонизации законодательства. И в 2015 г. эта работа была продолжена: принята гармонизация законодательства членов ОДКБ, регулирующего отношения в сфере борьбы с организованной преступностью. Этот модельный акт был внесен в программу модельного законодательства Парламентской ассамблеи ОДКБ по поручению председателя Совета коллективной безопасности Президента РФ В. В. Путина.

Во всех интеграционных союзах на евразийском пространстве, включая СНГ, ЕАЭС, ШОС и ОДКБ, важно иметь единые правовые стандарты борьбы с коррупцией. Примечательно, что 5 ноября 2019 г. Парламентская ассамблея приняла рекомендации по сближению законодательств членов ОДКБ по вопросам конфискации, не являющейся уголовно-правовой мерой в отношении имущества и в интересах противодействия коррупции, финансированию терроризма и иным видам преступлений. Этот пункт программы был также разработан совместно с экспертами Института. В период с 2016 по 2020 г. благодаря совместной работе с ИЗИСП были разработаны базовые критерии и показатели антикоррупционного монито-

ринга распространения коррупции в государствах — членах ОДКБ.

С. В. Поспелов выразил благодарность *Т. Я. Хабриевой* и Институту за большую работу, выполненную за 2021—2022 гг., благодаря которой был подготовлен уникальный документ: анализ правоприменительной практики и имплементации модельного законодательства ОДКБ в национальное законодательство стран — членов ОДКБ. Данным документом пользуются эксперты, политологи и юристы всех парламентов стран ОДКБ. Сотрудники ИЗИСП, участвовавшие в подготовке этого документа, к 100-летию Института были награждены почетными грамотами секретариата Парламентской ассамблеи ОДКБ.

Поблагодарив выступающего, *Т. Я. Хабриева* подчеркнула, что у Института очень большой опыт проектно-модельного законодательства. Она отметила, что когда начиналась история СНГ, мало кто знал, каким образом следует готовить модельные законы. Институт не ограничивался разработкой методики таких актов; им были подготовлены без малого 400 модельных законов СНГ.

Подводя итоги пленарного заседания, *Т. Я. Хабриева* отметила, что для поддержания такого эффективного научного поиска, который отличает и Форум, и сам Институт, важны атмосфера, складывающаяся вокруг научного коллектива, вокруг дискуссионной площадки, и поиск единомышленников. Счетная палата, как, впрочем, и многие другие органы власти — и Росфинмониторинг, и Следственный комитет РФ — оказывали поддержку в подготовке Форума и проведении совместных исследований. Благодаря этому налажен мощный, хороший, продуктивный диалог между научным сообществом и практиками.

По окончании пленарного заседания работа форума продолжилась в рамках заседаний секций и круглых столов.

Тема секционного заседания «**Противодействие коррупции как кросс-отраслевой феномен современной науки и законодательства**» вызвала большой теоретический и практический интерес у представителей юридических и других наук, практикующих юристов и экспертов в области противодействия коррупции.

Модераторами секционного заседания выступили и. о. заведующего отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗИСП доктор юридических наук, доцент *Г. М. Азнагулова*, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗИСП кандидат юридических наук *М. В. Залоило*, директор научно-исследовательского Центра технологий государственного управления РАНХиГС доктор философских наук, профессор *В. Н. Южаков*.

К обсуждению не только классических, но и современных философских, теоретико-методологиче-

ских и отраслевых подходов и технологий противодействия коррупции присоединились представители известных ведущих вузов, научных и иных учреждений, включая ИЗИСП, Российский государственный университет правосудия, Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, Сибирский федеральный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Институт государства и права РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского и др.

В завершение работы заседания его модераторы подвели итоги, отметив ценность эффективности обращения наряду с классическими к современным философским, теоретико-методологическим и кросс-отраслевым подходам и технологиям противодействия коррупции, анализ которых позволяет в условиях новой реальности выделить противодействие коррупции в качестве относительно самостоятельного направления комплексной межотраслевой деятельности, интегрирующей специалистов-экспертов и ученых в отличных друг от друга областях знания, поскольку эффективность противодействия коррупции зависит от дальнейшего системного и гармоничного совершенствования межотраслевых системных связей российского законодательства и достижений юридического, экономического и иного научного знания.

В секционном заседании «**Доктрина международного права и противодействие коррупции в свете новых вызовов (к 20-летию Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г.)**» приняли участие представители научных кругов, занимающихся изучением и разработкой проблем противодействия коррупции в практике иностранных государств и международных организаций.

С приветственным словом к участникам секционного заседания обратились его модераторы: заведующий кафедрой международного и европейского права ИЗИСП, заслуженный деятель науки Российской Федерации доктор юридических наук, профессор *А. Я. Канустин*; главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ИЗИСП, профессор Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ доктор юридических наук, профессор *В. И. Михайлов*; исполнительный секретарь Координационного совета генеральных прокуроров государств — участников Содружества Независимых Государств *В. П. Зимин*.

В. И. Михайлов в докладе «Место Конвенции ООН против коррупции в правовой системе Российской Федерации» поделился воспоминаниями о практиче-

ском участии в разработке и составлении текста вышеупомянутой Конвенции, а также своими взглядами на ее сильные и слабые стороны, выявившиеся в процессе правоприменения.

Дискуссию поддержал *В. П. Зимин* с докладом, посвященным международным режимам противодействия коррупции на пространстве Содружества Независимых Государств.

Были заслушаны выступления и доклады сотрудников ИЗИСП: *Э. М. Сайфуллин* поделился результатами исследования на тему «Противодействие коррупции и ЧВОК: международная и зарубежная практика»; *В. Р. Авхадеев* осветил универсальные и региональные аспекты противодействия коррупции в современном международном праве; *Мехти Галиб оглы Мехтиеv* посвятил выступление вопросам противодействия коррупции в интеграционных объединениях; *О. И. Семькина* выступила с докладом «Стратегии противодействия коррупции в эпоху трансформаций: компаративный аспект»; *В. Ю. Артемов* обозначил основные меры по борьбе с коррупцией в Малайзии.

С докладом «Корпоративная ответственность за коррупцию в странах БРИКС и ШОС: презентация новой базы данных» выступила заместитель директора Антикоррупционного центра НИУ «ВШЭ» *Н. С. Горбачева*.

В заключение работы секционного стола модераторами была отмечена необходимость дальнейшего исследования роли международных организаций в разработке и реализации антикоррупционных актов и стандартов.

Модераторами круглого стола «**Конституционно-правовая доктрина и формирование методологии противодействия коррупции**» выступили заведующий центром публично-правовых исследований ИЗИСП доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации *Л. В. Андриченко*, заведующий отделом конституционного права ИЗИСП доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации *А. Е. Постников*, а также профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина доктор юридических наук, профессор *Г. Д. Садовникова*.

Открывая заседание круглого стола, *Л. В. Андриченко* отметила, что современное развитие концепции антикоррупционного законодательства связано с появлением коррупции как отдельного объекта правового регулирования. В последние годы наблюдается интенсивное развитие форм, методов и способов противодействия коррупции. В связи с этим необходимо выявление закономерностей развития правового инструментария борьбы с коррупцией в историческом контексте, и особое место здесь занимает научная экспертная поддержка мер по борьбе с коррупцией.

А. Е. Постников подчеркнул, что в отечественной правовой системе коррупция длительное время не являлась объектом специального правового регулирования, что не исключало активной борьбы с проявлениями коррупции (взятки, злоупотребление служебным положением и т. д.). В современных условиях на законодательном уровне закреплена система мер по противодействию коррупции. Ее развитие (в том числе уточнение предмета, методов и конкретных механизмов противодействия коррупции) должно иметь конституционное обоснование, поскольку именно на конституционном уровне формируются принципы и структура деятельности по борьбе с коррупцией. Важным направлением противодействия коррупции является развитие потенциала взаимодействия публичной власти и институтов гражданского общества, осуществляющих общественный контроль за деятельностью представителей власти.

Заведующий центром судебного права ИЗИСП доктор юридических наук, профессор *Н. С. Бондарь* указал на преимущества и недостатки существующей конституционной модели противодействия коррупции в нашей стране.

Доклады сотрудников ИЗИСП были посвящены раскрытию содержания общественного контроля как инструмента противодействия коррупции в Российской Федерации (*Е. Е. Никитина*), потенциала института общественного контроля в деле противодействия коррупции на местном уровне (*А. Е. Помазанский*), а также вопросам конституционной идентичности в контексте противодействия коррупции (*И. В. Плюгина*), реализации антикоррупционной политики на муниципальном уровне (*С. Б. Нанба*), противодействия коррупции в сфере культуры (*Д. В. Жуков*), мировому опыту закрепления антикоррупционных норм на конституционном уровне (*Ж. А. Гаунова*).

Преподаватель Российского государственного гуманитарного университета *Т. М. Хетагуров* раскрыл сущность контроля и надзора как факторов эффективности противодействия коррупции.

В докладах аспирантов ИЗИСП *А. Б. Измайлова* и *Н. Е. Пирязевой* были рассмотрены вопросы, связанные с системным противодействием коррупции как социальному явлению и конституционные основы противодействия коррупции в свете внесения поправок в Конституцию 2020 г.

В работе круглого стола принимали участие представители научных организаций и студенты ведущих университетов страны. Всего было заслушано 15 докладов.

Модераторами круглого стола «**Риски и финансовая безопасность в контексте противодействия коррупции**» выступили первый заместитель директора ИЗИСП доктор юридических наук, профессор *И. И. Кучеров* и главный научный сотрудник отдела

гражданского законодательства и процесса ИЗИСП, заведующий кафедрой частноправовых дисциплин ИЗИСП доктор юридических наук, профессор РАН *О. А. Беляева*.

И. И. Кучеров в приветственном слове отметил, что исследование коррупционных рисков является крайне важным для совершенствования нормативного правового регулирования и разработки эффективных мер противодействия коррупции.

В рамках заседания круглого стола обсуждались гражданско-правовые, административно-правовые, а также финансово-правовые аспекты оценки рисков и их минимизации в контексте противодействия коррупции.

Председатель РОО «Союз экологов РБ», председатель Ассоциации СРО «Объединение предпринимателей по рециклингу отходов» *А. К. Веселов* выступил с докладом «Профилактика коррупции в сфере природопользования и охраны окружающей среды». Докладчик отметил большое значение профилактики коррупции в сфере природопользования и экологической безопасности, а также указал на необходимость более оперативного реагирования со стороны компетентных органов на коррупционные правонарушения в сфере природопользования.

Доклад сотрудника ИЗИСП *О. О. Журавлевой* был посвящен принципам формирующихся институтов налогового права в контексте борьбы с коррупцией.

А. В. Калмыкова остановилась на вопросах реализации теории интересов в административном праве.

О. А. Беляева рассмотрела проблематику конфликта интересов в корпоративных закупках.

Старший научный редактор АНО «Большая российская энциклопедия» *К. А. Костина* проанализировала проблемы, связанные с предотвращением конфликта интересов в государственных закупках. Особый акцент был поставлен на важность недопущения обхода норм законодательства, направленных на регулирование конфликта интересов.

Меры противодействия коррупции в корпоративных закупках были рассмотрены директором по правовым вопросам АО «Аэропорт Якутск» *А. А. Томтосовым*.

В докладе доцента кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, кандидата юридических наук, доцента *Е. В. Бугаевской* были рассмотрены подходы к пониманию экономического и финансового суверенитета государства.

Аспирант кафедры частноправовых дисциплин ИЗИСП *Н. А. Назарова* сделала доклад по вопросам обеспечения информационной прозрачности как антикоррупционного стандарта корпоративных закупок.

Доцент Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, до-

цент *Е. В. Рябцева* осветила вопросы коррупционных рисков в судебной деятельности, подчеркнув значимость конфликта интересов как разновидности коррупционных рисков.

Заседание круглого стола «**Противодействие коррупции в социально-культурной сфере в эпоху цифровизации**» открыли его модераторы: заведующая отделом социального законодательства ИЗИСП кандидат юридических наук *Н. В. Путило* и профессор Департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ доктор юридических наук *О. Н. Петюкова*.

Обсуждение проблем противодействия коррупции в социально-культурной сфере в эпоху цифровизации началось с доклада *Н. В. Путило* на тему «Распределение социальных благ и коррупция: вопросы теории и практики». В выступлении была подчеркнута важность изучения проблем, связанных как с теоретическим переосмыслением проблем перераспределения ресурсов в условиях социального государства, входящего в новую технологическую эпоху, так и с разработкой новых подходов к механизму реализации социальных прав, связанных с первоочередным доступом к тем или иным социальным благам.

О. Н. Петюкова отметила важность междисциплинарного характера научного осмысления коррупции как правового явления и оптимизации организационно-правового механизма противодействия коррупции.

Заседание круглого стола продолжилось докладами сотрудников ИЗИСП: *Н. С. Волковой* на тему «Правовое воспитание как антикоррупционный фактор»; *Ф. В. Цомартовой* по вопросам правового управления коррупционными рисками в сфере здравоохранения; *Д. А. Печегина* на тему «Правовое регулирование оборота цифровых данных в Российской Федерации и проблемы противодействия коррупции»; *Д. А. Басангова*, осветившего международный опыт противодействия коррупции в условиях цифрового развития; *Н. В. Антоновой*, затронувшей проблемы правовой регламентации отношений в сфере труда и социального обеспечения с руководителем организации, который является ее единственным участником — учредителем (членом организации, собственником ее имущества); *О. Ю. Ереминой* на тему «Антикоррупционная политика в сфере социального обслуживания»; *Т. Е. Мельника* с выступлением «Компетенция и ответственность спортивных федераций по предотвращению договорных матчей»; *Н. М. Хромовой* по вопросам, связанным с предоставлением государственных и муниципальных услуг посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (Госуслуги) как инструмента противодействия коррупции в государственной и

муниципальной сфере; *Е. А. Савченко*, посвятившей выступление противодействию коррупции в сфере культуры и образования в условиях цифровой трансформации.

Активное участие в работе круглого стола приняли главный редактор Вестника антикоррупционной экспертизы *А. Н. Коробкин* и профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина доктор юридических наук, профессор *Н. В. Кручинина*.

В работе круглого стола активное участие принимали представители научных организаций ведущих учебных заведений, которые обсуждали вопросы применения цифровых технологий в антикоррупционном образовании и просвещении, правового регулирования оборота цифровых данных в Российской Федерации, коррупции в сфере медицинской деятельности и многие другие вопросы.

Открывая заседание круглого стола «**Противодействие коррупции: лучшие практики субъектов Российской Федерации**», его модераторы директор Департамента международного и регионального сотрудничества Счетной палаты РФ *Т. А. Махмутов*, заведующий отделом методологии противодействия коррупции доктор юридических наук, профессор *Ю. В. Трунцевский*, ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции ИЗИСП кандидат юридических наук *В. В. Севальнев* отметили, что задача обеспечения единой государственной антикоррупционной политики требует высокой степени синхронизации федерального и субъектового уровней правовой регуляции вопросов противодействия коррупции. При этом необходимо обеспечить сохранность «доминанты» федерального законодательства, недопущение противоречий между федеральным уровнем правового регулирования и уровнем субъектов РФ, а также снижение декларативности отдельных положений антикоррупционных законов субъектов РФ.

Зарубежный опыт противодействия коррупции был представлен доцентом департамента академических обменов Пудунской академии подготовки руководящих кадров КНР Цао Жэньхэ (*Cao Renhe*), который поделился лучшими практиками противодействия коррупционным проявлениям в Китае и их влиянием на улучшение бизнес-среды.

Доклад председателя Контрольно-счетной палаты Тверской области *Т. В. Ипатовой* был посвящен системе и перспективным направлениям развития законодательства субъектов РФ о противодействии коррупции.

Ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции ИЗИСП кандидат юридических наук *А. М. Цирин* осветил основные составляющие коррупционных проявлений, являющиеся препятствием на пути достижения целей

устойчивого развития в субъектах Российской Федерации.

Председатель Контрольно-счетной палаты г. Сургута *В. И. Жуков* остановился на некоторых проблемах противодействия коррупции в муниципальных образованиях, а также обозначил возможные пути их решения.

Заместитель начальника департамента реализации государственной политики в области противодействия коррупции Управления по реализации единой государственной политики в области противодействия коррупции, профилактики коррупционных и иных правонарушений администрации губернатора Ульяновской области *Н. Н. Салихова* посвятила выступление значению права в формировании и развитии этического поведения государственных гражданских служащих Ульяновской области.

Заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции Университета прокуратуры РФ кандидат юридических наук *А. Д. Ильяков* познакомил участников заседания с основными направлениями и результатами работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции в 2022 г.

Вопросы ведомственного антикоррупционного воспитания и этики как средства профилактики коррупции были затронуты профессором кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры РФ доктором юридических наук, профессором *А. В. Павлиновым*.

Заместитель директора НИУ — филиала РАНХиГС, профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России *В. В. Аврамцев* в докладе «Социально-психологические и личностные факторы, определяющие коррупционное поведение», отметил, что для успешного противодействия коррупционному давлению необходимо ориентироваться на традиционные российские ду-

ховно-нравственные ценности, в числе которых патриотизм, гражданственность, приоритет духовного над материальным.

Свое видение вопросов противодействия коррупционным проявлениям обозначили и представители бизнес-сообщества. Так, директор департамента комплаенс МКПАО «Русал» *А. С. Аношина* остановилась на необходимости формирования целостной комплаенс-системы в современных условиях. Доклад руководителя группы по антикоррупционной пропаганде холдинга «РЖД» кандидата юридических наук *С. К. Илья* был посвящен формированию этики неприятия коррупции в современных условиях.

Отдельное внимание в рамках работы круглого стола было уделено изданному ИЗИСП информационно-аналитическому бюллетеню «Противодействие коррупции 2022». Анализ замечаний и предложений, поступивших к бюллетеню, и перспективам его дальнейшего развития посвятили доклады *В. В. Севальнев* и *С. Н. Матулис*.

В докладах сотрудников ИЗИСП затрагивался разнообразный спектр вопросов по антикоррупционной тематике: утрата доверия как кросс-отраслевой институт противодействия коррупции (*Ю. В. Трунцевский*), развитие законодательства субъектов РФ в сфере противодействия коррупции (*Е. В. Черепанова*), введение антикоррупционных мер в организациях (*О. В. Моцная*), противодействие коррупции в предпринимательском секторе на уровне субъектов РФ (*В. В. Матвеев*), антикоррупционный мониторинг в субъектах РФ (*Д. А. Абдиева*) и др.

В работе круглого стола приняли участие сотрудники научных организаций и учебных заведений: Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Университета прокуратуры РФ, РАНХиГС, Кубанского государственного университета и др., представители органов государственной власти и общественных объединений субъектов Российской Федерации (Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Республики Башкортостан и др.).

Информация об авторах

А. М. Цирин, ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук

С. Н. Матулис, старший научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат политических наук

Е. В. Черепанова, старший научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук

Information about the authors

A. M. Tsirin, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. N. Matulis, Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

E. V. Cherepanova, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Рекомендации Двенадцатого Евразийского антикоррупционного форума «Противодействие коррупции: диалектика научного знания»

(Москва, 26 апреля 2023 г., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации)

Участники Двенадцатого Евразийского антикоррупционного форума «Противодействие коррупции: диалектика научного знания», обсудив теоретические проблемы противодействия коррупции как сложного и противоречивого социального процесса, а также вопросы прикладного использования результатов междисциплинарных исследований коррупции и реализации антикоррупционной политики, приняли следующие рекомендации.

1. Основой для антикоррупционного сотрудничества на пространстве Евразии могут стать международные организации и интеграционные структуры, функционирующие на постсоветском пространстве, включая ЕАЭС, Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь, СНГ, ОДКБ и др. Их международно-правовые стратегии противодействия коррупции должны учитывать результаты новейших научных антикоррупционных исследований, приобретать форму программных концептуальных документов различного уровня, развивающих прогрессивные идеи в этой сфере.

Парламентам государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на основании ст. 8 и 10 Устава ОДКБ (от 7 октября 2002 г. с последующими изменениями) рекомендовано инициировать возобновление и завершение работы в Парламентской Ассамблее Организации по проекту базовых критериев и показателей антикоррупционного мониторинга (распространения коррупции) в государствах — членах ОДКБ как собственного для государств — членов ОДКБ политико-правового стандарта в данной области (разработчик — ИЗиСП).

2. В условиях формирующейся системы законодательства о противодействии коррупции требуется дальнейшая ее конституционализация на федеральном и региональном уровнях, разработка общей методологии применения антикоррупционных мер на основании конституционных норм и принципов правового государства. Подобные интегрирующие функции конституционно-правового регулирования обуславливают основные направления развития межотраслевых исследований противодействия коррупции.

3. Межотраслевой характер антикоррупционного регулирования, основанного на социально-экономической потребности в усилении контроля в сфере функционирования государственного аппарата и корпоративного сектора российской экономики, позволяет выделять в структуре антикоррупционных стандартов поведения достаточно самостоятельные правовые субинституты (конфликт интересов, антикоррупционная экспертиза, декларирование имущественного положения, контроль за расходами, утрата

доверия, обращение в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы, и др.). Выделение данных субинститутов должно учитываться при работе по консолидации законодательства о противодействии коррупции.

4. Задача обеспечения единой государственной антикоррупционной политики требует высокой степени синхронизации федерального и субъектового уровней правовой регуляции вопросов противодействия коррупции. Рекомендуются продолжить проведение междисциплинарных исследований законодательства субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции в целях выявления оптимального подхода к его наполнению при условии сохранения «доминанты» федерального законодательства.

5. В условиях негативного влияния коррупции на структуру экономики и финансовых потоков отмечается диалектическое единство частных и публичных интересов. Диалектическое познание коррупционных рисков и интересов (государственных и муниципальных служащих, бизнес-сообщества, рядовых граждан) предопределяет создание общей междисциплинарной теории противодействия коррупционным вызовам, а в обозримой перспективе формирование всеобщей культуры неприятия коррупции.

6. Важное место в научно-методическом обеспечении противодействия коррупции занимают вопросы оценки уровня и динамики коррупции, а также определения эффективности мер противодействия ей. С учетом современных вычислительных возможностей и тенденций к оцифровке информации во многих государственных секторах идеальными и многообещающими подходами к выявлению коррупционных рисков являются те, которые поддерживаются системами мониторинга в реальном времени, основанными на искусственном интеллекте. С учетом наметившейся тенденции к более широкому внедрению цифровых технологий в сферу обеспечения соблюдения антикоррупционных стандартов актуальным является решение вопросов использования специальных информационных систем в сфере противодействия коррупции, а также защиты персональных данных и служебной информации ограниченного распространения.

7. Предлагается внедрение нового оценочного аппарата измерения коррупции, основанного на исследованиях Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, позволяющего проводить комплексный международный научный мониторинг коррупции на уровне ООН.

8. Рекомендуются продолжить публикацию результатов исследований законодательства о противодей-

ствии коррупции в ежегодном выпуске информационно-аналитического бюллетеня «Противодействие коррупции», включить в него результаты анализа судебной практики и широко освещать их в СМИ, на научных и общественных мероприятиях.

9. Основной целью просветительской деятельности в сфере противодействия коррупции следует признать повышение уровня общей правовой (антикоррупционной) культуры и антикоррупционной активности. Необходимо систематическое формирование нового общественного сознания с аксиоматизацией положения о том, что коррупция аморальна и недопустима. Оценка качества комплекса антикоррупционных мероприятий и реализации соответ-

ствующих программ должна предусматривать установление их соответствия социальным целям образовательно-просветительской деятельности и (или) потребностям общества или индивида, в отношении которого осуществляется просветительская деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов просветительской антикоррупционной программы.

Предлагается разработать сопутствующую систему оценки антикоррупционных просветительских программ с показателями уровня знаний населения, касающихся противодействия коррупции, на протяжении всего периода просветительской программы, а также ее влияния на будущее поведение.

Поступила в редакцию 19.05.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 19.05.2023

Accepted 22.06.2023

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Оригинальная статья
УДК 340.132.85:342.31/.33(44)
DOI: 10.61205/jzsp.2023.050

Гражданский контроль во Франции

Анатолий Николаевич Пилипенко

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, anpilipenko@rambler.ru

Аннотация. В основе гражданского контроля лежит идея о допустимости и необходимости проверки гражданами и их объединениями деятельности государственно-властных институтов на предмет надлежащего исполнения последними возложенных на них задач. Эта идея вступает в противоречие с сутью власти, которая по своей природе не склонна терпеть какой бы то ни было контроль над собой в любой его форме. Таким образом, существует дилемма: бесконтрольная власть — произвол; контролируемая власть — это уже не власть, во всяком случае, какой она воспринимается ее обладателями. Гражданскому контролю в подобной логике места нет. Любая власть иерархична и построена по принципу контроля вышестоящего над нижестоящим. Ис с этой точки зрения практически невозможно встроить гражданский контроль в ее пирамиду.

Современная конституционная доктрина базируется на принципах народного (национального) суверенитета, разделения властей и субсидиарности. Принцип народного суверенитета, т. е. признание народа как основного носителя и источника власти, содержит определенные теоретические основания существования гражданского контроля в рамках институтов непосредственной демократии. Прямой контроль граждан проявляется, когда избиратели своим волеизъявлением, по существу, дают оценку деятельности своих представителей выборных учреждений и придают легитимность новому составу представительского корпуса. Концепт свободного мандата исключает последующий контроль граждан деятельности своих избранников. В рамках принципов разделения властей и субсидиарности существуют системы власти и управления по горизонтали и вертикали. Нормальное функционирование данной конструкции организации власти поддерживается институтами конституционного, парламентского и административного контроля. Гражданский контроль в виде прямых проверочных действий в предлагаемой модели властной организации выступает как инородный и даже дезорганизирующий элемент, что не исключает инициирование (возбуждение) процедуры контроля гражданами в органах, наделенных контрольными полномочиями.

Ключевые слова: гражданский контроль, социальный контроль, выборы, референдум, петиции, защитник прав, транспарентность, информатор

Для цитирования. Пилипенко А. Н. Гражданский контроль во Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 58—67. DOI: 10.61205/jzsp.2023.050

Original article

Civil Control in France

Anatoly N. Pilipenko

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, anpilipenko@rambler.ru

Abstract. At the heart of civil control lies the idea of the admissibility and necessity of checking by citizens and their associations of the activities of state-power institutions for the proper performance by them of the tasks assigned to them. This idea itself is in conflict with the essence of power itself, its nature is not inclined to tolerate any kind of control over itself in any of its forms and origins. Thus, we have a dilemma: uncontrolled power is arbitrariness; controlled power is no longer power, at least in the sense that it is perceived by its holders. There is no place for civil control in such logic. Any power is hierarchical and built on the principle that the superior controls the inferior. And from this perspective, it is almost impossible to fit civil control into this pyramid.

The modern constitutional doctrine is based on the principles of national sovereignty, separation of powers and subsidiarity. The principle of popular sovereignty, i. e. the recognition of the people as the main carrier and source of power, contains certain theoretical grounds for the existence of civil control within the institutions of direct democracy. Direct control of citizens is manifested when voters, by their expression of will, essentially assess the activities of their representatives in elected institutions and give legitimacy to the new composition of the representative corps. The concept of a free mandate excludes the subsequent control of citizens over the activities of their elected representatives. Within the framework of the principles of separation of powers and subsidiarity, there are systems of power and management horizontally and vertically. The normal functioning of this structure of the power organization is supported by the institutions of constitutional, parliamentary and administrative control. Civil control in the form of direct verification actions in the proposed model of a power organization acts as a foreign and even disorganizing element, which does not exclude the initiation of a control procedure by citizens in bodies endowed with control powers.

Keywords: civil control, social control, elections, referendum, petitions, defender of rights, transparency, whistleblower

For citation. Pilipenko A. N. Civil Control in France. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 58—67. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.050

К понятию гражданского контроля. Зарубежное право и доктрина практически не использует термин «общественный контроль» в российском понимании. Наиболее близким к его содержательным характеристикам является понятие «гражданский контроль» (*contrôle civil*), восприятие которого осложняется непроизвольными ассоциациями с конституционно-правовым институтом гражданства РФ, далеко не всегда совпадающим с его зарубежными аналогами. Действительно, в странах романо-германского права гражданин выступает в двух качествах: как человек экономический, т. е. как член экономического сообщества — субъект частного, гражданского права, и как человек политический, как член политического сообщества (нации) — субъект публичного, конституционного права.

Во Франции институт гражданства (*nationalité*) закреплен Гражданским кодексом французов 1804 г. («Кодекс Наполеона»), когда четкая граница между частным и публичным правом практически отсутствовала, а конституционное право как право публичное только зарождалось. Гражданство как принадлежность к политическому сообществу (*citoyenneté*) — порождение Великой французской революции, движущей силой которой было третье сословие, т. е. горожане, члены городской общины (Парижской коммуны¹) — римского аналога Города (*cité*), греческого полиса, которые и составили ядро французской нации, т. е. политически правоспособных граждан. На смену городскому жителю — буржуа (*bourgeois*) пришел гражданин (*citoyen*) — политически активный горожанин. В этом смысле буржуазная (буржуа, бюргер, мещанин — горожанин) не более чем городская революция. Если дословно перевести название знаменитой французской Декларации прав человека и гражданина (*Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*) 1789 г., то оно будет звучать как «Декларация прав мужчины и горожанина», что довольно точно отражало адресата этого документа в ту эпоху. Таким образом, гражданство (*nationalité*) во Франции — это изначально институт гражданского, а не конституционного права. Второе значение этого слова — «национальность» — т. е. принадлежность к французской нации как политическому сообществу, а не этническое происхождение.

Таким образом, гражданин частного, гражданского права действует как субъект гражданско-правовых отношений, основополагающим принципом которых является равенство сторон. В этой системе

ме отношений контроль носит договорный (консенсуальный) и добровольный характер и осуществляется в различных формах: третейские суды, аудит, медиация. Гражданин публичного права выступает как участник публично-правовых отношений, которые по своей природе носят властный характер, в их основе иерархия и принуждение, где управляющие, по существу, контролируют управляемых, а не наоборот, что не исключает элементов гражданского контроля, доктринальной основой которого являются принципы народного суверенитета и субсидиарности. По существу, право гражданского контроля в публично-правовой сфере признается во Франции с утверждением ответственности государства за причинение вреда гражданам своими незаконными действиями (знаменитое решение Трибунала по конфликтам 1872 г. по делу Бланко).

Иное смысловое наполнение имеет термин «социальный контроль», который входит в проблематику современной социологической науки в основном как феномен власти в ее репрессивном проявлении². В этом контексте в последние годы подобная направленность социального контроля получает правовое подтверждение в следующих французских законах: Закон № 2002-1094 от 29 августа 2002 г. об ориентации и программировании внутренней безопасности (LOPSI 1); Закон № 2002-1138 от 9 сентября 2002 г. об ориентации и программировании правосудия; Закон № 2003-239 от 18 марта 2003 г. о внутренней безопасности; Закон № 2004-204 от 9 марта 2004 г. об адаптации правосудия к росту преступности; Закон № 2007-297 от 5 марта 2007 г. о профилактике правонарушений; Закон № 2007-1198 от 10 августа 2007 г. об усилении борьбы с рецидивной преступностью совершеннолетних и несовершеннолетних; закон № 2008-75 от 11 декабря 2008 г. о гарантиях, предоставленных обвиняемым по улучшению условий содержания задержанных и смягчению условий интеграции; закон № 2010-242 от 10 марта 2010 г. о снижении риска рецидива преступлений и различных предписаниях уголовно-процессуального права; закон № 2011-267 от 14 марта 2011 г. об ориентации и программировании внутренней безопасности (LOPSI 2)³ и др. И это скорее общий тренд, чем тенденция, присущая только Франции.

² См.: *Bouquet B. Regards sur le contrôle social. Une approche socio-historique // Bureau M.-C., Sainsaulieu I. (eds). Reconfigurations de l'État social en pratique. Presses universitaires du Septentrion, 2012. P. 33—45.*

³ La loi n° 2002-1094 du 29 août 2002 d'orientation et de programmation pour la sécurité intérieure (LOPSI 1); la loi n° 2002-1138 du 9 septembre 2002 d'orientation et de programmation

¹ Парижская коммуна (фр. Commune de Paris) — муниципальное правление г. Парижа с 1789 г. до 9 термидора (27 июля) 1794 г.

Для многих явлений, таких как коррупция, терроризм, ксенофобия, наркомания или незаконная иммиграция и т. д., стремление государства выявлять и контролировать приводит к всеобщей подозрительности, получившее отражение в обостренном интересе законодателя к фигуре информатора — современного выразителя гражданской добродетели и «санитара» общественного зла. Наконец, доминирование в социальном контроле идеологии безопасности ведет к неуклонному ужесточению политики ее обеспечения с каждым принятым законом. Таким образом, социальный контроль воспринимается как контроль управленческих структур государства над гражданами, во французской терминологии — «управляющих» над «управляемыми» (Л. Дюги).

Концептуальные основы гражданского контроля. В основе конституционной доктрины гражданского контроля, т. е. контроля граждан над властными институтами, лежит принцип народного суверенитета, который наряду с принципами разделения властей и субсидиарности является одним из основополагающих принципов современного конституционализма. В идеологической конструкции, в которой народ объявляется источником власти, реализуемой либо им непосредственно, либо через своих представителей, именно ему (народу, нации) принадлежит и контрольная функция как неотъемлемый атрибут любой власти.

Первые французские конституционные акты закрепляют сферы, где контроль граждан не только допустим, но и обязателен с точки зрения принятой идеологии. Так, французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., инкорпорированная в действующую Конституцию Конституционным советом, содержит две статьи, закрепляющие контрольную функцию граждан, в частности ст. 14, которая гласит: «Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, добровольно соглашаться на его взимание, *следить* (курсив мой. — А. П.) за его расходом и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания», и ст. 15, согласно которой «обще-

ство имеет право требовать у любого должностного лица отчета о его деятельности». По сути, в этих статьях Декларация закрепляет и конкретизирует сферы гражданского контроля, а именно — финансовую и управленческую деятельность государства. Анализ современного законодательства обнаруживает, что именно эти сферы получают наибольшую правовую регламентацию с точки зрения осуществления гражданского контроля.

Транспарентность как условия гражданского контроля. Граждане располагают различными средствами контроля деятельности администрации. Наиболее близким уровнем управления, где они решают большую часть вопросов своей повседневной жизни, является местное самоуправление, контроль деятельности которого имеет наиболее конкретный и практический характер. Институты местной демократии: референдум, консультации, слушания и др., проводимые по инициативе жителей, безусловно, несут и контрольную нагрузку. Непременным условием контроля является прозрачность деятельности местной администрации, что проявляется в открытости и доступности документов, отражающих ее работу. Во Франции в пределах муниципального образования право любого жителя коммуны быть информированным о ее делах, право на получение решений, их касающихся, рассматривается как фундаментальный принцип местной демократии. Этот принцип выражается в гласности актов местных властей, а также в свободе доступа к административным документам (ст. 2141-1 законодательной части Генерального кодекса территориальных коллективов). Муниципальные власти обязаны удобным и простейшим образом организовать доступ граждан к правовым решениям, которые они принимают (Закон № 2000-321 от 12 апреля 2000 г. о правах граждан в их отношениях с административными органами).

Решения муниципальных органов публикуются в Сборнике административных актов не реже одного раза в квартал. Население информируется об их издании путем расклейки объявлений в обычных местах официальных объявлений. Сборник (печатная версия) распространяется бесплатно в здании мэрии или путем продажи, или абонементом (Декрет № 93-1121 от 20 сентября 1993 г. о сборниках административных актов коммун, регионов, департаментов). Существует электронная версия Сборника. С решением муниципального органа можно ознакомиться на сайте коммуны.

Кроме того, каждый житель или налогоплательщик имеет право требовать передачи копий протоколов (полностью или частично) заседаний муниципального совета, бюджета, отчетов коммун и муниципальных постановлений (ст. 121-19 законодательной части Кодекса коммун). Любой гражданин имеет право ознакомиться с решениями муниципальных

de la justice; la loi n° 2003-239 du 18 mars 2003 pour la sécurité intérieure; la loi n° 2004-204 du 9 mars 2004 portant adaptation de la justice aux évolutions de la criminalité; la loi n° 2007-297 du 5 mars 2007 relative à la prévention de la délinquance; la loi n° 2007-1198 du 10 août 2007 renforçant la lutte contre la récidive des majeurs et des mineurs; la loi n° 2008-75 du 11 décembre 2008 portant consolidation des garanties octroyées à l'inculpé, amélioration de la condition des détenus et assouplissement des conditions d'intégration; la loi n° 2010-242 du 10 mars 2010 tendant à amoindrir le risque de récidive criminelle et portant diverses dispositions de procédure pénale; la loi n° 2011-267 du 14 mars 2011 d'orientation et de programmation pour la performance de la sécurité intérieure (LOPSI 2).

советов, а также проконсультироваться по поводу бюджета коммуны. Если ему в этом отказано, он может обратиться в Комиссию по доступу к административным документам (La Commission d'accès aux documents administratifs (CADA)). Право граждан на доступ к административным документам закреплено Законом № 78-753 от 17 июля 1978 г. о мерах, направленных на улучшение отношений между органами управления и населением, и об административных, социальных и финансовых положениях, дополненным Законом № 2000-321 от 12 апреля 2000 г. о правах граждан в их отношениях с администрацией. Гарантирование исполнения положений данного закона возложено на Комиссию по доступу к административным документам.

Комиссия является независимым административным органом, призванным обеспечить и усилить прозрачность административной деятельности. Состав комиссии выступает как гарантия ее независимости. Она состоит из 11 членов: трех представителей магистратуры (Государственный советник, советник Кассационного суда, советник Счетной палаты); трех выборных лиц (депутат, сенатор, член выборного органа территориального коллектива), университетского профессора и четырех специалистов. Каждый член Комиссии имеет помощника. Они назначаются на три года с последующим переизбранием. Председательствует в комиссии Государственный советник (член Государственного совета). При комиссии действует правительственный комиссар, который присутствует при принятии решений.

Гражданин вправе обратиться в компетентный орган с просьбой ознакомиться с интересующим его документом, который в течение месяца должен выполнить его запрос. Отказ в доступе к требуемому документу должен быть мотивирован. Молчание органа по истечении месяца расценивается как отказ в доступе к документу. В этом случае заинтересованное лицо может обратиться в Комиссию, которая должна дать свое заключение в течение месяца.

По существу, на комиссию возложены три основные задачи:

1) помочь заинтересованному лицу получить административный документ, в котором ему отказано. Комиссия дает заключение о возможности выдачи требуемого документа и располагает в связи с этим широкими следственными полномочиями. Обращение в Комиссию обязательно перед обращением с иском в органы административной юстиции;

2) выступать в качестве советника администрации при подготовке ею заключения о возможности выдачи запрашиваемого административного документа или условиях его передачи;

3) предлагать изменения законодательных и подзаконных актов с целью усиления прозрачности работы администрации.

Контрольная роль комиссии выражается во вскрытии недостатков в работе администрации.

Гражданский контроль как реализация права на участие в управлении государством. Гражданский контроль может рассматриваться в широком смысле через призму реализации права граждан на участие в управлении государством, получившей международное признание Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., ст. 21 которой предусматривает, что каждый имеет право принимать участие в управлении государственными делами своей страны либо непосредственно, либо через свободно избранных представителей. В рамках предлагаемой парадигмы контрольная функция граждан осуществляется либо ими непосредственно при формировании органов власти (выборы), либо носит опосредованный характер (чаще всего — возбуждение контрольных процедур перед компетентными учреждениями и/или их совместное проведение).

В относительно спокойные времена отношения государства и граждан строились на основе своеобразного общественного договора доверия, когда граждане соглашались с контролем со стороны власти и ее учреждений (налоговый контроль, полицейский, судебный контроль и т. д.), получая взамен возможность осуществлять контроль над институтами и действиями власти, которому последняя не должна препятствовать и противодействовать. Контроль может проводиться по различным направлениям: демократическому (выборы, транспарентность общественной жизни и т. д.), юридическому (контроль соблюдения законов, проверка конституционности, соблюдения процедур в Государственном совете и Конституционном совете и др.), научному (контроль научных учреждений Национального института здоровья и медицинских исследований (Inserm), Национального центра научных исследований (CNRS), в области здравоохранения (контроль деятельности органов здравоохранения, протоколов), финансовому (контроль публичных доходов и расходов и их эффективности).

Вера в эффективность гражданского контроля была значительно поколеблена политикой власти в борьбе с пандемией COVID-19 и, как следствие, падением доверия к правительственным мерам по ее преодолению, чему в немалой степени способствовал кризис самой системы здравоохранения. Все это активизировало граждан в части объединения и инициатив для придания действенности контроля над властными институтами и привлечения их к ответственности за свои действия. В этом контексте показательна реакция французских граждан, которые в атмосфере недоверия и сомнений в прозрачности президентских выборов 2022 г. ответили созданием платформы по контролю за ходом голосования (ReCiProc). Основой данной инициативы является кризис доверия граждан к власти и ее институтам,

который со всей очевидностью обнажила и усугубила пандемия COVID-19. По существу, данная инициатива является проявлением этого кризиса, выразившаяся в подозрениях в возможной фальсификации выборов, подогреваемых внедрением электронного голосования в некоторых городах Франции, досрочным голосованием, слухами о сотрудничестве с системой Dominion Voting System Corporation, используемой в США и отмеченной сторонниками Д. Трампа как система, позволившая «украсть последние американские выборы».

Гражданский контроль выборов заключается в сборе сведений о ходе голосования путем отслеживания и фиксации его существенных моментов и создания фотографической галереи, размещенной у входа на каждый избирательный участок. Фотографии адресованы гражданам, а также наблюдателям от различных политических партий в контрольных целях. Материалы, собранные гражданами в каждом из 69 тыс. избирательных участков по всей стране, концентрируются на электронной платформе «Гражданский контроль выборов» со свободным доступом. По мнению создателей платформы, политические партии, участвующие в выборах, должны рассматривать эту инициативу как дополнительное подспорье демократии. В печати отмечалось, что гражданский контроль выборов во Франции впервые организован гражданами и для граждан, что не исключает традиционных форм контроля в местах голосования (проверка права голоса и личности избирателя, выписки из реестра доверенности, урны для голосования, списка явки, бесперебойного процесса подсчета голосов и публикации результатов в официальном журнале).

В 2000-е гг. акцент в гражданском контроле сместился на мониторинг процессов управления и принятия решений, привлечения к ответственности лиц и органов, отвечающих за их исполнение, что определяется как «гражданский контроль публичной деятельности». Согласно Программе развития ООН (PNUD)⁴ гражданский контроль публичной деятельности «это вопрос власти. Он заставляет людей не просто высказаться об официальных решениях, но также иметь право потребовать отчета от тех, кто ими управляет».

В 2002 г. Всемирный банк в «Руководстве по развитию прав и сокращению бедности» определяет его цель следующим образом: «Гражданский контроль публичной деятельности (Le Contrôle Citoyen de l'Action Publique (CCAP) — это возможность привлечь к ответственности должностных лиц, част-

ных работодателей и поставщиков услуг, что подразумевает их ответственность за свою политику, свои действия и использование средств». Идея гражданского контроля публичной деятельности оказалась наиболее привлекательной и востребованной в основном в странах франкоязычной Африки (Сенегал, Гана, Бенин, Мали, Мадагаскар, Нигерия, Буркина-Фасо и др.). В целях ее популяризации университетским преподавателем-исследователем Университета Алаассана Уаттара Д. Гредом при содействии неправительственной организации «Действовать за демократию, справедливость и свободу» и финансировании Фондом имени Фридриха Эберта в Кот-д'Ивуар было подготовлено Практическое руководство «Гражданский контроль публичной деятельности», которое определяет и конкретизирует цели и задачи данного направления контроля.

Гражданский контроль имеет в основном опосредованный характер, когда лицо вправе обратиться в компетентный орган, наделенный контрольными полномочиями, который собственно и осуществляет контроль, т. е. проводит проверочные действия и выносит соответствующее решение. Французские граждане в части гражданского контроля могут возбудить контрольную процедуру в случае нарушения их прав и свобод в Конституционном совете (с 2008 г.), органах административной юстиции, перед защитником прав, обращением с петициями в парламент (Национальное собрание), в территориальных представительных органах (с 2003 г.), Экономическом, социальном и экологическом совете (с 2021 г.).

В Конституционном совете граждане могут оспорить конституционность закона, применяемого к ним, в Государственном совете — акты исполнительной власти, нарушающие закон в конкретной ситуации с неблагоприятными последствиями для заинтересованного лица. И если для граждан речь идет о восстановлении их нарушенных прав, то для органов конституционной и административной юстиции основной миссией является утверждение конституционной законности (конституционный контроль), т. е. оценка закона с точки зрения соответствия конституции и законности — соответствия управленческих (подзаконных) актов закону (контроль администрации). Конфликты граждан в финансовой сфере разрешаются на национальном уровне Счетной палатой, на местном уровне — региональными счетными палатами, которые наделены судебными полномочиями и входят в систему административной юстиции.

Учреждение конституционного института защитника прав покончило с дисперсией функции контроля соблюдения прав и свобод личности во Франции между многочисленными публичными органами, сосредоточив ее в руках защитника, наделенного широкими полномочиями по их охране, в том числе пол-

⁴ Программа развития ООН — ПРООН (United Nations Development Programme — PNUD) была создана в 1965 г. Генеральной Ассамблеей ООН в результате слияния Расширенной программы технической помощи ООН, учрежденной в 1949 г., и Специального фонда ООН, созданного в 1958 г.

номочиями следственного характера. Защитник прав принимает жалобы:

от любого физического и юридического лица, считающего себя ущемленным в своих правах и свободах деятельностью администрации государства, территориального коллектива, публичного учреждения или органа, наделенного миссией публичной службой;

ребенка, обращающегося за защитой своих прав или находящегося в ситуации, ставящей под угрозу его интересы. В данном случае жалоба может быть также принята от законных представителей ребенка, членов его семьи, медицинских или социальных служб, или любой ассоциации, зарегистрированной не менее пяти лет;

любого лица, которое считает себя жертвой прямой или косвенной дискриминации, запрещенной законом или международным обязательством, ратифицированным или одобренным Францией. Жалоба может быть принята также от любой организации, зарегистрированной не менее пяти лет, заявившей в своем уставе о борьбе с дискриминацией и помощи ее жертвам, совместно с лицом, считающим себя жертвой дискриминации или с его согласия;

любого лица, которое явилось жертвой или свидетелем действий, которые оно расценивает как пренебрежение правилами деонтологии в области безопасности.

Жалоба, обращенная к депутату, сенатору или французскому представителю в Европейском парламенте, может быть передана защитнику прав, если они сочтут, что она требует его вмешательства. Защитник прав информирует их о последствиях данной передачи.

Члены Парламента могут по собственной инициативе обратиться к защитнику с вопросом, который, по их мнению, может быть им решен. По просьбе одной из постоянных комиссий палат председатель Национального собрания и председатель Сената могут передать защитнику прав в пределах его компетенции любую петицию, с которой обратились в палату. Защитник прав рассматривает также обращения, передаваемые ему европейским посредником или его зарубежной коллегой, которые, по их мнению, входят в его компетенцию и требуют его участия.

Одной из форм гражданского контроля являются *петиции*. Несмотря на снижение их роли в контрольном механизме V Республики, в 2000-е гг. прослеживается явное стремление законодателя к повышению значимости данного института в защите прав и свобод граждан. Речь идет о конституционной реформе 2003 г., существенно расширившей сферу их применения. Если ранее единственным адресатом, куда гражданин мог обратиться с петицией, было Национальное собрание, то в результате пересмотра Конституции в 2003 г. граждане могут решать свои проблемы в отношениях с органами власти на местном

уровне путем обращения с петициями в территориальные представительные органы — муниципальные, генеральные, региональные советы в зависимости от управленческого уровня органа, нарушившего, по мнению петиционера, его права. С 2021 г. граждане вправе обратиться с петицией в Экономический, социальный и экологический совет.

Закон о петициях во Франции отсутствует. Порядок их рассмотрения регулируется регламентами органов, куда обратился петиционер. Регламент Национального собрания довольно подробно фиксирует порядок их внесения и рассмотрения. Петиции направляются председателю Собрания электронным путем. Петиция, исходящая от группы граждан, собравшихся в публичном месте, не может быть принята ни председателем, ни бюро Собрания. Петиция должна собрать не менее 100 тыс. подписей с указанием местопребывания петиционера. Председатель Собрания направляет петицию в компетентную комиссию. Комиссия назначает докладчика и в зависимости от его мнения решает вопрос о принятии (или отказе) ее к рассмотрению. Комиссия может принять решение о привлечении к обсуждению первых в списке подписантов петиции. По результатам ее рассмотрения комиссия публикует доклад, в котором воспроизводится текст петиции, а также отчет о ее обсуждении. Петиция, собравшая более 500 тыс. подписей петиционеров, проживающих не менее чем в 30 департаментах или заморских территориях, рассматривается на пленарном заседании Национального собрания. Компетентная комиссия уведомляет петиционера о своем решении. Ему также сообщается о решении, принятом соответствующим органом по его петиции. Перечень, включающий краткое содержание петиций и принятых по ним решений, регулярно распространяется среди членов Собрания. Решения по петиции публикуются в официальном издании.

Аналогичны процедуры рассмотрения петиций в территориальных представительных органах (муниципальный, генеральный, региональный советы) и Экономическом, социальном и экологическом совете. Право на обращение с петицией в Экономический, социальный и экологический совет (аналог Общественной палаты в России) французские граждане получили в 2021 г. на основании Органического закона № 2021-27 от 15 января 2021 г., который дополнил ст. 4-1 базовый Органический закон № 58-1360 от 29 декабря 1958 г.⁵ Согласно этой статье Экономический, социальный и экологический совет может принять к рассмотрению петицию по любому вопросу экономического, социального или экологического характера. Она должна быть подписана не менее

⁵ Ordonnance n° 58-1360 du 29 décembre 1958 portant loi organique relative au Conseil économique, social et environnemental (Version en vigueur au 9 février 2023).

чем 150 тыс. лиц в возрасте не менее 16 лет, имеющих французское гражданство или постоянно проживающих во Франции. Подписи собираются в течение года до подачи петиции. Информация, полученная от петиционеров с целью обеспечения их идентификации, уточняется декретом Государственного совета, принятым после консультации с Национальной комиссией по информатике и свободам. Решение по петиции, принятой к рассмотрению, принимается Советом на пленарном заседании в течение шести месяцев с момента ее подачи. Заключение Совета направляется премьер-министру, председателю Национальной ассамблеи, председателю Сената и доверенному лицу, от имени которого подана петиция. Оно публикуется в официальном журнале.

С точки зрения гражданского контроля нельзя обойти молчанием такой управленческий феномен Франции, как *независимые административные органы* (своего рода параллельной правительственной администрации), которые наделены охранительными и контрольными функциями в определенной законодательной сфере их деятельности, выступая в качестве противовеса (*contre-pouvoir*) администрации. По словам профессора Кермона, они демонстрируют «великое умение французского публичного права защитить свободы не усилением судебной власти, а путем насаждения в администрации независимых инстанций, следуя традиции, магистрально установленной Государственным советом»⁶. Первой в ряду таких органов стала Национальная комиссия по информатике и свободам, созданная на основании Закона от 6 января 1978 г. об информатике, картотеках и свободах⁷, которая призвана обеспечить защиту персональных данных. Роль и значимость Комиссии возрастает по мере информатизации и цифровизации общества, когда тотальная «оцифровка» личности несет реальные и потенциальные угрозы ее правам и свободам.

Комиссия выступает гарантом информирования граждан о данных, их касающихся, и обеспечения доступа к ним. Она принимает и расследует жалобы от лиц, которые сталкиваются с трудностями при осуществлении своих прав. Комиссия осуществляет от имени заинтересованных граждан доступ к файлам, касающимся государственной безопасности, обороны и общественной безопасности, в частности разведывательных служб и судебной полиции.

При выявлении нарушения закона Комиссия может, уведомив заинтересованные стороны о прекращении этого нарушения, наложить различные санкции: предупреждение, штраф в размере до 3 млн евро, запрет на обработку персональных данных. Наконец, председатель Комиссии может потребовать

упрощенного производства в компетентном суде для принятия любых необходимых мер безопасности. Она также может сообщить о нарушениях закона, ставших ей известными, в прокуратуру.

В 2004 г. создана Французская ассоциация корреспондентов по защите персональных данных, которая открыта для лиц свободных профессий и юридических лиц, независимо от частной или публичной сфер их деятельности. Помимо профессионалов в области защиты персональных данных и корреспондентов, назначенных их организациями в Комиссию, она объединяет всех, кто заинтересован в защите данных персонального характера. Аналогичные независимые административные органы, куда могут обратиться граждане и их объединения для защиты своих прав и свобод, также наделены в большей или меньшей мере контрольными полномочиями в сфере их деятельности.

В контексте гражданского контроля нельзя также оставить без внимания такую юридически оформленную фигуру, как *информатор*. Речь идет не о полицейских осведомителях с их довольно сомнительной репутацией в общественном сознании, а о гражданах с повышенной социальной ответственностью, благородная миссия которых отмечена вниманием и защитой законодательной власти. Во Франции информатор (дословно — возбудитель тревоги (*le lanceur d'alerte*) — в общественном мнении личность весьма достойная, с активной гражданской позицией. И Франция отнюдь не пионер в ее правовом признании. К одним из первых актов, касающихся данной личности, можно отнести американский закон о ложных претензиях 1863 г. (*Act False Claims*), которым предусматривалось награждение лиц, разоблачающих мошенничество, совершаемое субподрядчиками американской армии. Среди законодательного арсенала США, который продолжает расширяться, можно выделить Закон о защите осведомителей (*Whistleblower Protection Act*) 1989 г., поскольку он позволил защитить эту категорию граждан в государственном секторе. В той или иной форме подобный институт существует во многих странах (Швейцария, Бельгия, Канада, Великобритания и др.). На уровне Европейского союза действуют Директива (ЕС) 2019/1937 от 23 октября 2019 г., направленная на защиту лиц, сообщающих о нарушениях законодательства Союза, а также резолюция (ЕС) 2016/2055 от 14 февраля 2017 г. о роли информаторов в защите финансовых интересов Европейского союза.

В настоящее время Франция располагает, пожалуй, самым развитым законодательством, регламентирующим правовое положение информатора. Первое «частичное» (ограниченное сферой действия) определение информатора французский законодатель дает Законом № 2013-316 от 16 апреля 2013 г. о независимости санитарно-экологической экспер-

⁶ Цит. по: *Barret-Kriegel B. L'Etat et démocratie*. Paris, 1986. P. 83.

⁷ *Loi n° 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés*.

тизы и защите информаторов, ст. 1 которого признается, что информатор — «любое физическое или юридическое лицо имеет право обнародовать или добросовестно распространять информацию о факте, данных или действии, поскольку незнание этого факта, этих данных или этого действия, по его мнению, сопряжено с серьезным риском для общественного здоровья или окружающей среды. Информация, которую он обнародует или распространяет, не должна содержать клеветнических или оскорбительных обвинений». Таким образом, сфера действия информатора была ограничена здравоохранением и окружающей средой. Более широкое и не ограниченное сферами действия определение дается Законом № 2016-1691 от 9 декабря 2016 г. о прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономической жизни⁸, в ст. 6 которого указано: «Информатор — это физическое лицо, которое бескорыстно и добросовестно раскрывает информацию или сообщает о преступлении или правонарушении, серьезном и явном нарушении международного обязательства, должным образом ратифицированного или одобренного Францией, одностороннего акта международной организации, принятого на основании такого обязательства, закона или постановления, или угрозе или серьезном ущербе общим интересам, о которых он лично знает. Факты, информация или документы в какой бы то ни было форме и на любом носителе, на которые распространяется государственная оборонная тайна, врачебная тайна или тайна отношений между адвокатом и его клиентом, исключаются из системы информирования о нарушениях, определенной настоящей главой». Данным определением в «информаторстве» отказано юридическим лицам.

В марте 2022 г. французский парламент принял два закона, трансформирующих Директиву (ЕС) 2019/1937 от 23 октября 2019 г.⁹: Закон № 2022-401 от 21 марта 2022 г. об усилении защиты информаторов¹⁰ и Органический закон № 2022-400 от 21 марта 2022 г. об усилении роли защитника прав в части сигналов о нарушениях¹¹. Закон об усилении защиты информаторов вносит поправки в Закон от 9 декабря 2016 г. в целях приведения его в соответствие с европейской Директивой и добавляет существенные гарантии, не включенные в Директиву.

⁸ Loi n° 2016-1691 du 9 décembre 2016 relative à la transparence, à la lutte contre la corruption et à la modernisation de la vie économique.

⁹ Directive (UE) 2019/1937 du Parlement européen et du Conseil du 23 octobre 2019 sur la protection des personnes qui signalent des violations du droit de l'Union.

¹⁰ Loi n° 2022-401 du 21 mars 2022 visant à améliorer la protection des lanceurs d'alerte.

¹¹ Loi organique no 2022-400 du 21 mars 2022 visant à renforcer le rôle du Défenseur des droits en matière de signalement d'alerte.

Об отношении французского общества к информаторам (разоблачителям) в известной степени можно судить по факту создания 22 октября 2018 г. 17 организациями (ассоциациями и союзами) некоммерческого объединения «Дом информаторов» (Maison des lanceurs d'alerte) в целях поддержки разоблачителей и усиления их защиты. Его Хартия от 28 марта 2019 г. устанавливает: «Дом информаторов (MLA) — это организация гражданского общества, занимающаяся защитой информаторов, представляющая общий интерес и выступающая за совершенствование средств, позволяющих защищать их и обрабатывать их сигналы»¹².

В числе заявленных целей Дома: предоставление полной информации гражданам, особенно работающим женщинам — как в частном, так и государственных секторах, об их правах и обязанностях в части подачи сигнала; надлежащее обращение работодателей или властей с поступившим сигналом независимо от того, может ли информатор быть, в частности, представителем, если он того пожелает, персонала или уполномоченным неправительственной организации и принимать меры по предотвращению, исправлению и возмещению ущерба; проведение государственными органами кампаний по повышению осведомленности о праве на предупреждение и его общественной полезности; совершенствование и развитие правовой, технической, психологической, финансовой и социальной поддержки лиц, выступающих в качестве информаторов; гармонизация и совершенствование различных правовых и процедурных предписаний, касающихся информаторов; прекращение безнаказанности всех тех, кто пытается заставить замолчать информаторов; отказ от культивирования практики замалчивания в частных или публичных организациях, совершающих или скрывающих действия, противоречащие общественным интересам, и в более широком смысле — требование прозрачности по всем вопросам, представляющим общественный интерес; развитие технических средств, позволяющих обеспечить информаторам конфиденциальность их личности и информации; привлечение плюралистической и состязательной экспертизы для анализа и обработки сигналов.

Дом издал «Руководство для информаторов» (Guide du lanceur d'alerte)¹³. Домом информаторов в партнерстве с Юридической клиникой Университета Париж-Нантер также издано Практическое руководство «Секреты и информаторы», предназначенное для специалистов, на которых распространяются положения о профессиональной тайне. В целом деятельность Дома сосредоточена на решении трех задач: поддержка, защита и просвещение информаторов. Дом информаторов предлагает юридические консультации по за-

¹² URL: <https://mlalerte.org/a-propos/>.

¹³ URL: <https://mlalerte.org/outils/>.

щите их прав, особенно в тех случаях, когда они подвергаются преследованию. В случае необходимости профессиональные психологи оказывают им психологическую поддержку. В первые два года после создания Домом была оказана помощь более чем 200 преследуемых. Во исполнение своей миссии по правовой поддержке Дом с момента своего создания имеет юридическую службу, без всяких условий открытую для всех, независимо от времени подачи сигнала. Дежурные юристы помогают информаторам узнать о правах и средствах защиты, которыми они могут воспользоваться, работают над восстановлением их прав, когда информаторы подвергаются репрессиям. В рамках сотрудничества Профсоюза адвокатов Франции (*Syndicat des Avocats de France (SAF)*) с Домом информаторов ведется обучение юристов правовым знаниям, касающимся информаторов.

Законодательное утверждение информатора как бескорыстного и добродетельного борца с язвами современного общества вызывает противоречивые чувства и отношение к нему как с нравственно-этической, так и юридической точек зрения: либо стоит признать, что это вершина проявления гражданственности и гражданского контроля, либо последний резерв его довольно скудного и малоэффективного арсенала. И едва ли здесь возможно однозначное суждение. Очевидно, что данный феномен нуждается во всестороннем изучении и оценке. Проецируя данную фигуру на российскую действительность в ее ретроспективном и современном восприятии, невозможно избавиться от ассоциации со словом «донос», и не только в его уголовно-правовом контексте. Известный русский юрист Н. С. Таганцев в начале прошлого века писал: «...горе той стране, которая обратит донос в необходимый элемент общественной жизни: ради временных выгод правительство посеет в обществе семена страшной нравственной заразы, которая или грозит вымиранием государственного организма, или потребует громаднейших жертв на его исцеление»¹⁴.

Вместо заключения. Обращаясь к анализу гражданского контроля во Франции — стране, богатой политической и конституционной историей и демократическими традициями, можно сделать вывод, что данная тема явно обойдена вниманием специалистами по публичному праву — как конституционалистами, так и административистами. Довольно глухо она звучит в контексте партисипативной демократии (демократии участия), ныне самой почитаемой «демократии», но не с позиции концепции гражданского общества, где, казалось бы, ее бесспорное место. В связи с этим нельзя не упомянуть о роли и судьбе Экономического, социального и экологического совета, который задумывался с момента его создания в 1945 г. (изначально как Экономический совет, по-

степенно расширявший сферу своей деятельности) в качестве третьей палаты (помимо Национального собрания и Сената), как институт гражданского общества. По мнению многих специалистов (и не только), Совет со своей миссией не справляется. Попытка активизировать его деятельность, заявленная в предвыборных обещаниях президента Франции Э. Макрона в 2017 г. (и даже переименования его в Палату гражданского общества), выразилась лишь в наделении его в 2021 г. правом рассмотрения петиций. Очевидно, этими причинами объясняется законодательная инициатива сенатора Ж.-Л. Массона, который внес на рассмотрение Сената 9 июня 2023 г. предложение конституционного закона об упразднении Совета (отмене гл. XI Конституции). Ранее, 26 сентября 2022 г., аналогичное предложение конституционного закона было внесено в Национальное собрание группой депутатов. Предложение было направлено на рассмотрение Комиссии конституционных законов, законодательства и общей администрации Республики, где остается и ныне. Скорее всего, подобная участь ждет и сенаторскую инициативу. Тем не менее это не снимает вопроса о кризисном состоянии данного учреждения, с которым связывались большие надежды на демократизацию жизни французского общества.

Согласно современной конституционно-правовой доктрине демократии народ как суверен выступает источником власти, т. е. ее субъектом, одновременно превращаясь в ее объект, передавая свои права представительным органам («Всякая власть исходит от народа и никогда уже к нему не возвращается» — Габриэль Лауб). «Представительная демократия создала собственную ловушку, из которой она не может выпутаться. Она является единственной политической системой, которая видит суверена управляемым, т. е. рабом, по его же собственной воле», — считает профессор Парижского Университета Ф. Лаффайя¹⁵. В этой ситуации основной формой контроля над представительной властью являются выборы и референдум, когда граждане в качестве избирателей своим волеизъявлением могут дать оценку деятельности выборных органов и лиц и придать легитимность новой команде «управляющих», отдавая ее власти на законно полученный срок. Потому как с момента признания их мандата избранными народа — от парламентариев до муниципальных советников — не могут быть отозваны избирателями, так как императивный мандат запрещен во Франции на всех уровнях представительной власти.

Рассмотренные формы контроля имеют в основном иницирующий характер, т. е. иницируют процедуру контроля уполномоченных на то органов. Исторически французы часто прибегали к радикальным

¹⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. М., 1994. С. 375.

¹⁵ Laffaille F. La démocratie participative, niaiserie comtempotaine // Recueil Dalloz. 2017. No. 2(7715). P. 57.

средствам воздействия на власть — митингам, шествиям, демонстрациям, восстаниям, а то и революциям (как высшему средству проявления непосредственной демократии, по Г. Еллинеку). Не стали исключением и нынешние времена — достаточно наблюдать бурную реакцию французов на пенсионную

реформу (повышение пенсионного возраста на два года). Это является косвенным свидетельством либо низкой эффективности существующих средств гражданского контроля, либо их недостаточности и исчерпания в отстаивании своих прав и интересов в конкретных ситуациях.

Список литературы

1. Barret-Kriegel B. *L'Etat et democratie*. Paris, 1986.
2. Bouquet B. Regards sur le contrôle social. Une approche socio-historique // Bureau M.-C., Sainsaulieu I. (eds). *Reconfigurations de l'État social en pratique*. Presses universitaires du Septentrion, 2012.
3. Laffaille F. La démocratie participative, niaiserie comtempotaine // *Recueil Dalloz*. 2017. No. 2(7715).
4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. М., 1994.

References

1. Barret-Kriegel B. *L'Etat et democratie*. Paris, 1986.
2. Bouquet B. Regards sur le contrôle social. Une approche socio-historique. In: Bureau M.-C., Sainsaulieu I. (eds). *Reconfigurations de l'État social en pratique*. Presses universitaires du Septentrion, 2012.
3. Laffaille F. La démocratie participative, niaiserie comtempotaine. *Recueil Dalloz*, 2017, No. 2(7715).
4. Tagantsev N. S. *Russian Criminal Law*. Vol. 1. Moscow, 1994. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Пилипенко, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

A. N. Pilipenko, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Leading Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Поступила в редакцию 10.02.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 10.02.2023

Accepted 22.06.2023

КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА, КРИМИНОЛОГИИ

Оригинальная статья
УДК 343(497.11)
DOI: 10.61205/jzsp.2023.051

Современные тенденции законодательства Республики Сербии относительно уголовного преследования

Иван Д. Милич

Университет в Нови-Саде, Нови Сад, Сербия, i.milic@pf.uns.ac.rs

Аннотация. Современная уголовно-правовая наука отличается особой динамичностью, что отражается на развитии национального законодательства. Институты уголовного и уголовно-процессуального права приобретают все более универсальный характер, воспринимая прогрессивные идеи из континентальной и англосаксонской правовой системы. В государствах происходит поиск оптимальных механизмов функционирования уголовно-юрисдикционной деятельности, позволяющих решать задачи национальной политики. Данные тенденции не обошли стороной и Республику Сербию, в которой уделяется повышенное внимание созданию нормативной основы, направленной на максимальное повышение эффективности применяемых средств успешной борьбы с преступностью. Особый акцент сделан на разработку оптимальной законодательной модели уголовного преследования, которое является важной правовой категорией, не только влияющей на уголовно-процессуальные отношения, но и выступающей инструментом реализации норм уголовного права.

Проведенный анализ сербского законодательства относительно особенностей уголовного преследования свидетельствует, что в перспективе необходимо принять меры, направленные на устранение противоречий, содержащихся в действующих правовых нормах. При этом важно максимально обеспечить права и законные интересы обвиняемых, участвующих в уголовном разбирательстве, в процессе по экономическому преступлению, а также в административном производстве.

Ключевые слова: уголовное преследование, уголовные преступления, уголовный процесс, экономические преступления, правонарушения

Для цитирования. Милич И. Д. Современные тенденции законодательства Республики Сербии относительно уголовного преследования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 68—75. DOI: 10.61205/jzsp.2023.051

Original article

Current Trends in the Legislation of the Republic of Serbia on Criminal Prosecution

Ivan D. Milich

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia, i.milic@pf.uns.ac.rs

Abstract. Modern criminal law science is particularly dynamic, and it is reflected in the development of national legislation. The institutions of criminal and criminal procedure law are becoming more and more universal, taking progressive ideas from the continental and Anglo-Saxon legal system. The states are searching for optimal mechanisms for the functioning of criminal-jurisdictional activities that allow solving the tasks of national policy. These trends have not spared the Republic of Serbia, where increased attention is paid to the creation of a regulatory framework aimed at maximizing the effectiveness of the means used to successfully combat crime. Special emphasis is placed on the development of an optimal legislative model of criminal prosecution, which is an important legal category that not only affects criminal procedural relations, but also acts as an instrument for the implementation of criminal law norms.

The analysis of Serbian legislation concerning the futures of criminal prosecution shows that in the future it is necessary to take measures aimed at eliminating the contradictions contained in the current legal norms. At the same time, it is important to ensure as much as possible the rights and legitimate interests of the accused involved in criminal proceedings, in the process of an economic crime, as well as in administrative proceedings.

Keywords: criminal prosecution, criminal offenses, criminal proceedings, economic crimes, offenses

For citation. Milich I. D. Current Trends in the Legislation of the Republic of Serbia on Criminal Prosecution. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 68—75. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.051

Уголовные преступления. В Республике Сербии различают три вида уголовных преступлений: уголовные преступления, экономические преступления и правонарушения. К какому виду будет отнесено конкретное деяние — зависит от степени общественной опасности. Логично, что более опасные для общества деяния отнесены к уголовным преступлениям, а менее опасные — к экономическим преступлениям или правонарушениям.

Определенное действие, ранее считавшееся уголовным преступлением, со временем перестало им считаться и перешло в разряд проступков. Это означает, что социальная опасность является вариативной категорией. В Сербии есть примеры, когда одно и то же действие одним законом квалифицируется как уголовное преступление, а другим законом или подзаконным актом — как проступок, например в случае нарушения запрета, установленного мерой безопасности. Если лицо, которому, например, было запрещено управлять автотранспортным средством, несмотря на это, управляет им, такое действие может быть квалифицировано и как уголовное преступление (нарушение запрета, установленного мерой безопасности), и как проступок — в соответствии с законом, регулирующим безопасность дорожного движения. Несомненно, в данном случае лицо может быть привлечено к ответственности только за одно преступное деяние. Будет ли данное действие квалифицироваться как уголовное преступление или проступок — зависит от формы вины. Если лицо действовало умышленно, это будет преступным деянием, а если оно нарушило запрет по небрежности — это проступок¹. Проблемы, связанные с квалификацией уголовного правонарушения, особенно проявились в период пандемии COVID-19².

Уголовные преступления в стране регламентируются, в первую очередь, Уголовным кодексом Республики Сербии³, а также другими законами, кото-

рыми предусматриваются строгие наказания за совершение указанных деяний. Например, за особо тяжкие преступления может быть установлено пожизненное заключение. Уголовные наказания, которые могут быть вынесены в отношении лиц, совершивших уголовные преступления, как правило, строже тех, которые применяются в случае правонарушений или экономических преступлений.

Несомненно, помимо самого строгого наказания (пожизненного лишения свободы) лицо, совершившее уголовное преступление, может быть приговорено к лишению свободы на максимальный срок 20 лет. Самое мягкое тюремное заключение составляет 30 суток. Безусловно, вид и размер наказания зависят от тяжести уголовного преступления. Отбывание тюремного заключения осуществляется, как правило, в исправительных учреждениях, которых в Сербии более 30. Осужденный может отбывать наказание и по месту проживания (домашний арест), но только если приговорен к лишению свободы на срок до одного года.

Помимо пожизненного лишения свободы и тюремного заключения Уголовный кодекс предусматривает наказание в виде штрафа, общественных работ и лишения водительских прав. Вместо наказания лицу, совершившему уголовное преступление, может быть назначено условное уголовное наказание или предупреждение суда, но только в случае если оно является лицом, совершившим менее тяжкое преступление. Также наряду с наказанием (в отдельных случаях и самостоятельно) могут быть определены меры безопасности, которые в зависимости от конкретной меры и личности виновного могут быть для него более тяжелыми, чем наказание, например изгнание иностранцев из Республики Сербии, запрет на управление автотранспортным средством или конфискация вещей.

Уголовный кодекс часто меняется и дополняется таким образом, что прописываются новые уголовные преступления, декриминализуются существующие или вносятся изменения и дополнения в уголовные преступления, которые уже существуют. Так, в Сербии отменена уголовная ответственность за клевету; часто вносятся поправки в сфере уголовных преступлений против половой свободы. Уголовная ответственность в Республике Сербии наступает с 14-летнего возраста. Тем не менее как для широкой, так и для профессиональной и научной общественности в настоящее время является актуальным вопрос о снижении предела уголовной ответственности до 12 лет.

Экономические преступления. Сегодня одной из задач любого государства является надежное законодательное обеспечение противостояния возникающих угроз и рисков со стороны экономической преступности⁴. Экономические преступления регла-

¹ См.: Милич И. О последствиях нарушения запрета, установленного мерой безопасности // Сборник трудов юридического факультета в Нови-Саде. 2018. № 3. С. 1269—1281 (на серб. яз.).

² См.: Хабриева Т. Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2. С. 5—17; Тихомиров Ю. А. Способы преодоления критических ситуаций как дифформирующего фактора развития государства и мирового сообщества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 13—15; Милич И. О некоторых вопросах уголовно-правового и административно-правового регулирования прекращения распространения инфекционного заболевания COVID-19 в Республике Сербия // Сборник материалов Второй заочной международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы борьбы с преступностью». М., 2020. С. 69—73.

³ URL: <https://www.paragraf.rs/propisi/krivicni-zakonik-2019.html>.

⁴ См.: Экономическая безопасность (уголовно-правовой формат): монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев,

ментируются только в области экономической или финансовой деятельности. Основным актом, регулирующим экономические преступления, является Закон «Об экономических преступлениях» 1977 г.⁵, в котором ввиду давности его принятия имеются многочисленные положения, противоречащие новым нормативным правовым документам. Однако конкретные экономические преступления регламентируются специальными законами в разделе штрафных санкций.

За экономическое преступление может отвечать юридическое лицо, должностное лицо юридического лица и должностное лицо государственного органа⁶. В момент установления уголовной ответственности за совершение экономических преступлений в доктрине уголовного права ранее преобладало мнение, что юридические лица не могут отвечать за уголовные преступления. В 2008 г. был принят Закон «Об ответственности юридических лиц за уголовные преступления»⁷, в связи с чем юридические лица могут нести ответственность и за уголовные преступления⁸.

Санкции, предусмотренные для юридических лиц, совершающих уголовные преступления, представля-

ются значительными. Таким образом, на юридическое лицо могут быть наложены следующие наказания: штраф и прекращение его деятельности. Штраф не может быть менее 100 тыс. или более 500 млн динаров. Суд может назначить условное наказание юридическому лицу за уголовное преступление. В отношении уголовных преступлений, за совершение которых несут ответственность юридические лица, могут применяться следующие меры безопасности: 1) запрет на осуществление определенной зарегистрированной деятельности или работ; 2) конфискация предметов; 3) опубликование судебного решения. Несмотря на то что Закон был принят в 2008 г., его действие практически отсутствует, т. е. уголовное разбирательство крайне редко ведется в отношении юридического лица.

Мерами принуждения, установленными за экономическое преступление, никак нельзя пренебрегать. В частности, установлен денежный штраф, который может быть наложен на юридическое лицо в размере от 10 тыс. до 3 млн динаров. В свою очередь, согласно действующему законодательству в отношении должностного лица предусмотрены денежные санкции в размере от 2 тыс. до 200 тыс. динаров. Кроме того, к юридическим и должностным лицам может быть применена мера пресечения в виде запрета на осуществление конкретной деятельности на период от шести месяцев до десяти лет. Однако привлечение к ответственности за экономические правонарушения не так распространено на практике, как за уголовные преступления.

Самым распространенным видом уголовных преступлений являются правонарушения. Основной акт в данной области — Закон «О правонарушениях»⁹ (но в нем указанный вид уголовных преступлений не регламентируется). Правонарушения регламентируются нормативными правовыми документами с различной юридической силой: законами, краевыми постановлениями и решениями органов местного самоуправления.

Ответственность за правонарушение может нести юридическое лицо, физическое лицо, предприниматель и должностное лицо. В отношении виновных может быть избрана мера пресечения в виде тюремного заключения, но не более 60 дней. Как правило, за правонарушения устанавливаются денежные штрафы, размер которых зависит от того, кто является субъектом правонарушения, и порядка установления денежного штрафа. Например, денежный штраф может быть установлен в следующем диапазоне: а) от 5 тыс. до 150 тыс. динаров для физического или должностного лица; б) от 50 тыс. до 2 млн динаров для юридического лица; в) от 10 тыс. до 500 тыс. динаров для предпринимателя. В дополнение к тю-

С. Л. Худель. М., 2021; Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Худель. М., 2020; Зайцев О. А., Худель С. Л. Реализация Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года и ее роль в обеспечении национальной безопасности: уголовно-правовой аспект // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 108—126; Худель С. Л. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 106—119.

⁵ URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_privrednim_prestupima.html.

⁶ См.: Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев. М., 2019; Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц на постюгославском пространстве // Российский следователь. 2018. № 11. С. 69—76; № 12. С. 72—80; Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Республики Сербии // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 4. С. 13—21.

⁷ URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_odgovornosti_pravnih_lica_za_kvivna_dela.html.

⁸ Об ответственности юридических лиц за уголовные преступления см.: Милич И. Ответственность юридических лиц за караемые законом деяния в Республике Сербии // Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк, 25 октября 2019 г.) / науч. ред. Н. В. Шемякина. Донецк, 2020. С. 375—385.

⁹ URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_prekrasjima.html.

ремному заключению и штрафу за проступок может быть назначено наказание в виде общественных работ сроком до 360 часов. Вместо штрафа нарушителю может быть вынесено предупреждение¹⁰.

К правонарушителю также могут быть применены меры защиты, приравненные к мерам безопасности, предусмотренным Уголовным кодексом. Таким образом, например, правонарушителю может быть предписано удалить иностранца из Республики Сербии, конфисковать вещи, запретить участие в процедурах государственных закупок и проч. Также за проступки несет ответственность лицо, достигшее возраста 14 лет.

Специфика уголовных процессов. Если имеются сомнения в том, что конкретное физическое или юридическое лицо совершило уголовное преступление, экономическое преступление или правонарушение, в отношении такого лица инициируется и ведется конкретное судебное производство. Как правило, против лица, совершившего уголовное преступление, проводится уголовный процесс; против лица, совершившего экономическое преступление, — процедура по экономическому преступлению; против лица, совершившего правонарушение, — административное производство.

Каждый уголовный процесс имеет свою специфику. Наиболее сложным является уголовное судопроизводство, и причина этого в том, что лицо, совершившее преступное деяние, может быть приговорено к самому строгому наказанию. В настоящее время в Сербии предусматривается все больше специальных уголовных процессов, которые имеют определенные особенности, отражающиеся в упрощении производства по делу. Например, упрощенный уголовный процесс ведется, если речь идет об уголовном правонарушении, за которое в качестве основного наказания предусмотрен штраф или лишение свободы на срок до восьми лет. Основным смыслом заключается в том, что по уголовным деяниям, за которые строгое наказание не предусмотрено, проводится упрощенный уголовный процесс.

Обвиняемый в уголовном разбирательстве — физическое лицо. В Сербии в отношении обвиняемого только суд может избрать меру наказания. Действующий УПК РС¹¹ содержит много нововведений по сравнению с предыдущими редакциями Кодекса. В качестве таких нововведений можно выделить следующие: отмена принципа справедливости, когда процесс превращается в «дуэль» между прокурором и обвиняемым; введение института соглашения по

признанию уголовного преступления. Поэтому ученые-юристы обоснованно делают вывод, что в Сербии проводится англоамериканизация отечественного уголовного права¹².

В отношении обвиняемого могут быть также применены меры, обеспечивающие его присутствие в ходе уголовного процесса. Самая строгая мера — заключение под стражу, которая осуществляется в пенитенциарном учреждении¹³, где осужденные отбывают тюремное наказание, но при этом содержание в следственном изоляторе обособлено от тюремного заключения. Как правило, это пенитенциарное учреждение, ближайшее к суду, в котором проводится процесс.

Права и обязательства обвиняемого зависят от того, заключен ли обвиняемый под стражу, или по отношению к нему применена иная мера для обеспечения его присутствия, или мера применена в целях беспрепятственного ведения уголовного разбирательства, как, например, домашний арест или подписка о невыезде.

В любом случае согласно ст. 70 УПК РС обвиняемый обязан: а) явиться по повестке органа, рассматривающего дело; б) уведомить орган, рассматривающий дело, об изменении адреса постоянного или временного места жительства или о намерении изменить адрес постоянного или временного места жительства. Обвиняемый в уголовном процессе имеет право ничего не заявлять, не отвечать на конкретный вопрос, свободно защищаться, признавать или не признавать вину, что не приведет ни к каким последствиям для него¹⁴.

Особо ценится признание обвиняемого в уголовном процессе, но независимо от признания суд обязан установить истину. Подчеркнем, что обвиняемый имеет возможность заключить соглашение с прокурором о признании преступления. В этом случае уголовный процесс ускоряется, а обвиняемый может иметь определенные преимущества, в первую очередь возможность назначения более мягкого наказания. Аналогичные процедуры предусмотрены и в российском уголовно-процессуальном законодательстве¹⁵.

¹² См.: *Ристивоевич Б.* Правда как главная жертва англоамериканизации отечественного уголовного права: Саженец Дарвина в сербском лесу // LV Консультации Сербской ассоциации теории и практики уголовного правосудия. Златибор, 2015. С. 1—24 (на серб. яз.).

¹³ О местах исполнения наказания в виде тюремного заключения см.: *Милич И.* Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 3. С. 168—174.

¹⁴ См. ст. 68 УПК РС.

¹⁵ См.: *Зайцев О. А.* Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 73—81.

¹⁰ См.: *Милич И.* Предупреждение как вид наказания за проступок и его (не)наложение на отдельных лиц, совершивших проступки // Сборник трудов юридического факультета в Нова-Саде. 2017. № 4. С. 1699—1711 (на серб. яз.).

¹¹ URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakonik_o_kvivicnom_postupku.html.

Одной из причин разгрузки суда с аспекта ведения уголовного процесса является предоставление возможности прокурору принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела в случае так называемого «принципа возможности». Прокурор вправе отложить уголовное преследование за уголовные преступления, за которые предусмотрен штраф или наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, если обвиняемый принимает на себя одно или несколько обязательств¹⁶. Речь идет о таких обязательствах, как устранение причиненного ущерба, выплата денежных сумм, лечение от алкоголизма или наркомании и т. д. Если обязательство выполняется, прокурор отклоняет заявление о возбуждении уголовного дела, а это означает, что уголовное дело не будет возбуждено. По уголовным преступлениям, за которые предусмотрено более мягкое наказание в виде тюремного заключения или штрафа, уголовное разбирательство представляется более простым.

В Сербии существует определенная специализация органов власти по борьбе с отдельными видами преступности. Так, для рассмотрения уголовных дел, связанных с организованной преступностью, функционирует специальная прокуратура, осуществляющая преследование лиц, совершивших эти преступления, и Специальный отдел суда, который выносит приговоры. Независимо от того, где в Сербии совершено уголовное преступление, связанное с организованной преступностью, уголовное разбирательство ведется в Специальном отделе Высшего суда в Белграде.

Обвиняемый в уголовном разбирательстве — юридическое лицо. Уголовное разбирательство для юридических лиц регулируется Законом «Об ответственности юридических лиц за уголовные преступления», но только сам принцип, а не полностью. Настоящий закон предписывает соответствующее применение Уголовно-процессуального кодекса по многим вопросам. Таким образом, и юридическое лицо-ответчик имеет свои права и обязанности. Например, данный участник судопроизводства имеет своего представителя в процессе, а также может нанять защитника.

Обвиняемый в процессе по экономическому преступлению. Как правило, процесс по экономическому преступлению ведется против обвиняемого — юридического лица и его должностного лица. Обвиняемое юридическое лицо имеет своего представителя, чаще всего это руководитель юридического лица. Процедура рассмотрения дела регулируется Законом об экономических преступлениях. Если же этим законом процесс регулируется не полностью, то применяются положения УПК РС, что на практике приводит к большим проблемам ввиду нормативной несогласованности ряда положений, содержащихся в указанных нормативных

правовых актах¹⁷. Процесс по экономическому преступлению проводится в компетентном суде, и лишь он может определить обвиняемому меру пресечения.

При наличии подозрений в совершении должностным лицом экономического правонарушения государственный орган подает прокурору соответствующее заявление. Прокурор до принятия решения о возбуждении уголовного дела вправе произвести определенные следственные действия. Если он решит возбудить уголовное дело, то предоставляет обвинительный акт в компетентный суд. Каждое судебное решение может быть обжаловано в установленном законом порядке. В любом случае обвиняемое должностное лицо в данном процессе обладает правами и обязательствами, идентичными правам и обязанностям обвиняемого лица в уголовном процессе.

Обвиняемый в административном производстве. Правонарушения — наиболее распространенные виды уголовных преступлений в Сербии. Имеется существенное различие в наказании лица, совершившего правонарушение, по сравнению с лицом, совершившим уголовное или экономическое преступление.

Существуют два способа вынесения наказания, которые зависят от вида наказания, установленного за совершение конкретного правонарушения. Если за совершенное правонарушение установлен денежный штраф в фиксированном размере, в отношении правонарушителя административное производство не ведется, а ему выдается протокол о правонарушении государственными органами в рамках их компетенций (например, полицией, инспекцией, таможней)¹⁸. Чаще всего речь идет о правонарушениях, обнаруженных в результате непосредственного надзора компетентного органа. Если за совершенное правонарушение не установлен денежный штраф в фиксированном размере, против правонарушителя подается исковое административное заявление в административный суд. Административные суды — это суды специальной юрисдикции, к исключительной компетенции которых относится административное судопроизводство. Обвиняемый в данном процессе обладает собственными правами и обязательствами. В отличие от остальных уголовных процессов обвиняемые в рамках рассмотрения дела по правонарушению обязаны предоставить судье определенные персональные данные¹⁹.

¹⁷ См.: Милич И. О проблемах последовательного применения закона, указанного в Законе «Об экономических правонарушениях» // Дефендология МНЕ: теоретический и профессиональный журнал по вопросам защиты, безопасности, обороны, образования, социологии, криминологии и криминалистики. 2020. Т. 6. № 10. С. 89—101 (на серб. яз.).

¹⁸ См.: Ристивоевич Б., Милич И. Комментарий к Закону «О проступках». Белград, 2023. С. 348—351 (на серб. яз.).

¹⁹ См.: Милич И. Обязанность подсудимого говорить во вред себе // Вестник коллегии адвокатов Воеводины. 2015. № 9. С. 447—457 (на серб. яз.).

¹⁶ См. ст. 283 УПК РС.

В соответствии с Законом о правонарушении, когда обвиняемый впервые дает показания, он называет: собственное имя, прозвище, если оно есть, имя одного из родителей, место и дату рождения, единый идентификационный номер гражданина, страну своего гражданства, профессию, адрес проживания и трудоустройства, адрес электронной почты, семейные обстоятельства, уровень профессиональной подготовки, сведения об имуществе, номер динарового и валютного счета, наличие судимости или административных правонарушений (с конкретным описанием), ведется ли в отношении него уголовный процесс или административное разбирательство и за какое преступление; несовершеннолетнему обвиняемому необходимо назвать имя законного представителя. Речь идет о сведениях, которые, в первую очередь, касаются личности обвиняемого, данных, важных для индивидуализации меры пресечения, а также иных данных, необходимых для исполнения меры пресечения, если обвиняемый подвергнется наказанию. Логично, что у обвиняемого спрашивают большую часть данных. Обвиняемый обязан сообщить полные и точные данные о себе. В противном случае судья может наложить на него денежный штраф до 50 тыс. динаров.

Если обвиняемый в административном судопроизводстве имел судимость или подвергался наказанию за правонарушение, это обстоятельство расценивается как отягчающее при вынесении меры пресечения. Таким образом, в административном судопроизводстве от обвиняемого требуется предоставить персональные данные, которые отягчают его положение. Учитывая современные нормативные правовые документы, регулирующие положение обвиняемых лиц, бесспорно, что такое положение, предусмотренное Законом о правонарушении, противоречит современному законодательству, в том числе Конституции Республики Сербии²⁰, в которой установлено, что обвиняемый не обязан делать заявления, отягчающие его положение.

Внесение в базу уголовных дел. С момента установления в уголовном процессе окончательным реше-

²⁰ URL: https://www.paragraf.rs/propisi/ustav_republike_srbije.html.

Список литературы

1. Зайцев О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1.
2. Зайцев О. А., Нудель С. Л. Реализация Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года и ее роль в обеспечении национальной безопасности: уголовно-правовой аспект // Журнал российского права. 2021. № 8.
3. Милич И. База уголовных дел за экономические правонарушения // 1 Международная научная встреча «Свобода предоставления услуг и правовая безопасность». Крагуевац, 2019 (на серб. яз.).
4. Милич И. Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 3.
5. Милич И. О некоторых вопросах уголовно-правового и административно-правового регулирования прекращения распространения инфекционного заболевания COVID-19 в Республике Сербия // Сборник материалов Второй заочной международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы борьбы с преступностью». М., 2020.
6. Милич И. О последствиях нарушения запрета, установленного мерой безопасности // Сборник трудов юридического факультета в Нови-Саде. 2018. № 3 (на серб. яз.).

нием суда виновности ответчика в совершении уголовного правонарушения, он уже не является ответчиком, а приобретает статус осужденного или лица, отбывающего наказание. Конечно, к вступившему в законную силу решению суда может быть применено и чрезвычайное средство правовой защиты, но оно, кроме исключительных случаев, не отсрочивает исполнение судебного решения. Каждое осужденное и отбывающее наказание лицо вносится в базу уголовных дел. В отношении лиц, совершивших уголовные преступления, существуют следующие базы: а) база уголовных дел, в которую вносятся данные на физических лиц, достигших совершеннолетнего возраста, осужденных к любому уголовному наказанию, установленному Уголовным кодексом РС; б) специальная база, в которую вносятся сведения о физических лицах, достигших совершеннолетнего возраста, осужденных за уголовное преступление против половой свободы; в) база данных на лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, к которым применены меры воспитательного воздействия, или осужденных к отбыванию наказания в виде лишения свободы; г) база уголовных дел, в которую вносятся данные на осужденных юридических лиц. Также существует специальная база, в которую вносятся сведения о лицах, осужденных за проступки; также ведется специальный учет лиц, совершивших экономические правонарушения²¹.

В зависимости от вида совершенного уголовного преступления и назначенного наказания внесение в соответствующие базы также влечет правовые последствия судимости — увольнение с работы или невозможность оформления трудовых отношений. Как правило, лица, совершившие незначительные уголовные преступления, удаляются из баз по истечении определенного периода времени, но лица, совершившие самые тяжкие уголовные преступления, навсегда остаются в этих базах.

²¹ См.: Милич И. База уголовных дел за экономические правонарушения // 1 Международная научная встреча «Свобода предоставления услуг и правовая безопасность». Крагуевац, 2019. С. 1063—1076 (на серб. яз.).

7. Милич И. О проблемах последовательного применения закона, указанного в Законе «Об экономических правонарушениях» // Дефендология МНЕ: теоретический и профессиональный журнал по вопросам защиты, безопасности, обороны, образования, социологии, криминологии и криминалистики. 2020. Т. 6. № 10 (на серб. яз.).
8. Милич И. Обязанность подсудимого говорить во вред себе // Вестник коллегии адвокатов Воеводины. 2015. № 9 (на серб. яз.).
9. Милич И. Ответственность юридических лиц за караемые законом деяния в Республике Сербии // Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк, 25 октября 2019 г.) / науч. ред. Н. В. Шемякина. Донецк, 2020.
10. Милич И. Предупреждение как вид наказания за проступок и его (не)наложение на отдельных лиц, совершивших проступки // Сборник трудов юридического факультета в Нови-Саде. 2017. № 4 (на серб. яз.).
11. Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев. М., 2019.
12. Нудель С. Л. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) // Журнал российского права. 2020. № 6.
13. Ристивоевич Б. Правда как главная жертва англоамериканизации отечественного уголовного права: Саженец Дарвина в сербском лесу // LV Консультации Сербской ассоциации теории и практики уголовного правосудия. Златибор, 2015 (на серб. яз.).
14. Ристивоевич Б., Милич И. Комментарий к Закону «О проступках». Белград, 2023 (на серб. яз.).
15. Тихомиров Ю. А. Способы преодоления критических ситуаций как дифформирующего фактора развития государства и мирового сообщества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1.
16. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М., 2020.
17. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц на постюгославском пространстве // Российский следователь. 2018. № 11, 12.
18. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Республики Сербии // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 4.
19. Хабриева Т. Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2.
20. Экономическая безопасность (уголовно-правовой формат): монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М., 2021.

References

1. Zaytsev O. A. Trends in Contractual Relationships in Russian Criminal Procedural Law. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 1, pp. 73—81. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2019_1_7.
2. Zaytsev O. A., Nudel S. L. Implementation of the Economic Security Strategy of the Russian Federation until 2030 and Its Role in Ensuring National Security: Criminal and Legal Aspect. *Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 8, pp. 86—103. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2021.101.
3. Milich I. Baza ugovolnykh del za ekonomicheskie pravonarusheniya. *1 Mezhdunarodnaya nauchnaya vstrecha "Svoboda predostavleniya uslug i pravovaya bezopasnost"*. Kraguevats, 2019. (In Serb.)
4. Milich I. D. Where are prison sentences executed in the Republic of Serbia? *The Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 3, pp. 168—174. (In Russ.)
5. Milich I. O nekotorykh voprosakh ugovolno-pravovogo i administrativno-pravovogo regulirovaniya prekrashcheniya rasprostraneniya infektsionnogo zabolevaniya COVID-19 v Respublike Serbiya. *Sbornik materialov Vtoroy zaochnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu"*. Moscow, 2020.
6. Milich I. O posledstviyakh narusheniya zapreta, ustanovlennogo meroy bezopasnosti. *Sbornik trudov yuridicheskogo fakul'teta v Novi-Sade*, 2018, no. 3. (In Serb.)
7. Milich I. O problemakh posledovatel'nogo primeneniya zakona, ukazannogo v Zakone "Ob ekonomicheskikh pravonarusheniakh". *Defendologiya MNE: teoreticheskii i professional'nyy zhurnal po voprosam zashchity, bezopasnosti, oborony, obrazovaniya, sotsiologii, kriminologii i kriminalistiki*, 2020, vol. 6, no. 10. (In Serb.)
8. Milich I. Obyazannost' podsudimogo govorit' vo vred sebe. *Vestnik kollegii advokатов Voevodiny*, 2015, no. 9, pp. 447—457. (In Serb.)
9. Milich I. Otvetstvennost' yuridicheskikh lits za karaemye zakonom deyaniya v Respublike Serbii. In: Shemyakina N. V. (ed.). *Ekonomika znaniy: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya: sb. mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy 50-letnemu yubileyu GU "Institut ekonomicheskikh issledovaniy" (Donetsk, 25 October 2019)*. Donetsk, 2020.
10. Milich I. Preduprezhdenie kak vid nakazaniya za prostupok i ego (ne)nalozhenie na otdel'nykh lits, sovershivshikh prostupki. *Sbornik trudov yuridicheskogo fakul'teta v Novi-Sade*, 2017, no. 4. (In Serb.)
11. Golovanova N. A., Kubantsev S. P. (eds). *New Directions of the Development of Criminal Legislation in Foreign Countries: comparative law research*. Moscow, 2019. 424 p. (In Russ.)

12. Nudel S. L. Criminal and Legal Influence in the Mechanism of Ensuring Economic Security (Issues and Trends in Legislative Regulation). *Journal of Russian Law*, 2020, no. 6, pp. 106—119. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.070.
13. Ristivoevich B. Pravda kak glavnyaya zhertva anglo-amerikanizatsii otechestvennogo ugolovnogogo prava: Sazhenets Darvina v serbskom lesu. *LV Konsul'tatsii Serbskoy assotsiatsii teorii i praktiki ugolovnogogo pravosudiviya*. Zlatibor, 2015. (In Serb.)
14. Ristivoevich B., Milich I. *Kommentariy k Zakonu "O prostupkakh"*. Belgrad, 2023. (In Serb.)
15. Tikhomirov Yu. A. Means to Break Critical Situations, Which are Deforming Factors for a State's and the World Society's Development. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 13—15. (In Russ.) DOI: 10.12737/jfcl.2022.003.
16. Kucherov I. I., Zaytsev O. A., Nudel' S. L. (eds). *Ugolovnyy zakon i ekonomicheskaya deyatel'nost' (sootnoshenie chastnykh i publichnykh interesov)*. Moscow, 2020.
17. Fedorov A. V. The Criminal Liability of Legal Entities in the Former Yugoslav Territory. *Rossiyskiy sledovatel'*, 2018, no. 11, 12. (In Russ.)
18. Fedorov A. V. Criminal liability of legal persons under the laws of the Republic of Serbia. *Criminal Investigation: Problems and Ways of Their Solution*, 2015, no. 4, pp. 13—21. (In Russ.)
19. Khabrieva T. Y. Law Based Managing the Pandemic Crisis: World and Russian Experience. *Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 2, pp. 5—17. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2021.015.
20. Kucherov I. I., Zaytsev O. A., Nudel S. L. (eds). *Economic Security (Criminal Law Format)*. Moscow, 2021. 303 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Д. Милич, ассистент кафедры уголовного права юридического факультета Университета в Нови-Саде, доктор юридических наук

Information about the author

I. D. Milich, Dr. Sci. (Law), Assistant at the Department of Criminal Law, Faculty of Law, University of Novi Sad

Поступила в редакцию 15.02.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 15.02.2023

Accepted 22.06.2023

Оригинальная статья
УДК 343.8
DOI: 10.61205/jzsp.2023.052

Национальные приоритеты и международные стандарты в сфере исполнения уголовных наказаний

Сергей Николаевич Овчинников

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, mont80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8942-0244>

Аннотация. Согласование международных правовых стандартов с национальными приоритетами представляет собой многовекторный процесс диалога национальных и наднациональных правовых систем. Универсальные правила исполнения уголовных наказаний явились результатом совместной работы не одного поколения ученых, экспертов-пенитенциаристов и политиков. В их основу положены гуманистические идеи философов-просветителей о незыблемости естественных прав человека и верховенстве закона.

В статье приводится периодизация формирования международных стандартов обращения с заключенными. Этот процесс прошел три стадии от научных съездов ученых и практиков до институционализации этих инициатив на глобальном и региональном уровнях. Роль представителей Российского государства в разные периоды формирования общепризнанных правил обращения с лицами, находящимися в местах принудительного содержания, была различна и зависела от внешнеполитического курса.

Последняя четверть века характеризуется активной деятельностью по имплементации норм международного права в национальную правовую систему. Совершенствование системы исполнения уголовных наказаний отнесено к национальным приоритетам и получило нормативное закрепление во многих документах стратегического планирования. Однако этот процесс не происходил линейно. Следование международным стандартам повлекло позитивные сдвиги в уголовно-исполнительной системе и выявило уязвимые места на пути имплементации.

Денонсация Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающая выход из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, актуализирует необходимость осмысления опыта интеграции в европейское пространство и поиска путей совершенствования правозащитного механизма, отвечающего национальным приоритетам развития общества и государства.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, международные стандарты, национальные приоритеты, имплементация, лишение свободы, содержание под стражей, защита прав человека

Для цитирования. Овчинников С. Н. Национальные приоритеты и международные стандарты в сфере исполнения уголовных наказаний // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 76—84. DOI: 10.61205/jzsp.2023.052

Original article

National Priorities and International Standards in the Field of Execution of Criminal Penalties

Sergei N. Ovchinnikov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, mont80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8942-0244>

Abstract. Harmonization of international legal standards with national priorities is a multi-vector process of dialogue between national and supranational legal systems. The universal rules for the execution of criminal penalties were the result of the joint work of more than one generation of scientists, penitentiary experts and politicians. They are based on the humanistic ideas of the enlightenment philosophers about the inviolability of natural human rights and the rule of law.

The article provides a periodization of the formation of international standards for the treatment of prisoners. This process has gone through three stages from scientific congresses of scientists and practitioners to the institutionalization of these initiatives at the global and regional levels. The role of Russian representatives in different periods of the formation of generally recognized rules for the treatment of persons in places of detention was different and depended on the direction of the foreign policy.

The last quarter of the century has been characterized by activity on the implementation of the international law norms in national legal system. The improvement of the system of criminal execution is attributed to national priorities and consolidated in many strategic planning documents. However, this process did not occur linearly. Compliance with international standards has led to both positive changes in the penal enforcement system and revealed vulnerabilities in the way of implementation.

The denunciation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, which provides for withdrawal from the jurisdiction of the European Court of Human Rights, actualizes the need to comprehend the experience of integration into the European space and to find ways to improve the human rights mechanism that meets the national priorities of the development of society and the state.

Keywords: penitentiary policy, international standards, national priorities, implementation, deprivation of liberty, detention, protection of human rights

For citation. Ovchinnikov S. N. National Priorities and International Standards in the Field of Execution of Criminal Penalties. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 76—84. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.052

Современные реалии международного взаимодействия нередко характеризуются периодом острых вызовов и симметричных ответов. Выработанные международные стандарты, правовые доктрины и в целом сложившаяся архитектура мирового порядка проходят проверку на прочность.

Соотношение международного и национального относится к числу фундаментальных проблем, при исследовании которых юридическая наука фокусируется на поиске правовых решений возникающих коллизий, конкуренций и иных форм противоречий в легальных предписаниях либо в актах судебной практики.

Текущий этап развития права подчеркивает его универсальность как инструмента, обеспечивающего регулирование общественных отношений, возникающих как в национальном пространстве суверенных государств, так и в глобальном масштабе, имеющих значение для развития человечества. К предмету наднационального правового регулирования, как правило, относятся вопросы в сфере экологии, освоения космоса, сбережения здоровья, противодействия транснациональной преступности, энергетики и некоторые другие.

Международные стандарты представляют собой правовые предписания, отражающие согласованную волю суверенных государств, направленную на признание декларируемых ценностей. Ратификационный порядок принятия обязательств по их исполнению подчеркивает добровольность и готовность следовать соответствующим процедурам.

Универсальный характер международных стандартов обращения с лицами, находящимися в местах принудительного содержания, отражает эволюционный путь их формирования. В них аккумулируются достижения науки, успешно апробированные в практической деятельности.

Во второй половине прошлого столетия проблемы, связанные с уголовным преследованием, дифференциацией уголовных наказаний, пенитенциарной практикой, обрели глобальный контекст. Во многом это было связано с гуманитарными катастрофами, которые стали следствием двух мировых войн и тоталитарных режимов. Эти события актуализировали проблемы, которые существовали в национальных рамках на протяжении нескольких столетий, и показали, что они могут принимать трансграничный масштаб.

Истоки стандартизации правил исполнения уголовных наказаний можно найти в изысканиях ученых естественной школы права (Ж.-Ж. Руссо, Вольтер), филантропов-подвижников (Д. Говард, Э. Фрай),

классической школы уголовного права (Ч. Беккариа, И. Бентам, Ф. фон Лист).

Стремление к обсуждению проблем в сфере исполнения уголовных наказаний представителями разных стран начинает оформляться в середине XIX в. Формой такого международного сотрудничества стали международные пенитенциарные конгрессы. I Международный конгресс состоялся в Лондоне в 1872 г., но ему предшествовала практика международных съездов, где предметом обсуждения наряду, например, с благотворительностью были и проблемы исполнения уголовных наказаний, в большей степени тех, которые были связаны с изоляцией осужденных от общества, и смертной казнью. Именно эти съезды были первым этапом в выработке международной повестки соблюдения прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также обеспечения им надлежащих условий содержания. Один из энтузиастов этого дела тюремный врач Г. Варентрапп, осознавая полезность объединения усилий всех интересующихся указанными проблемами, в 1846 г. организовал во Франкфурте-на-Майне международный съезд, где присутствовали многие видные представители пенитенциарной науки того времени. На съезде обсуждались проблемы, касающиеся тюремных систем, вопросы одиночного заключения¹.

Отличительной особенностью международных съездов был их частный характер, и принимаемые ими решения не имели для уполномоченных национальных или международных органов юридического значения. Вместе с тем такой формат обсуждения проблем в сфере уголовной юстиции получил дальнейшее развитие.

Второй этап стандартизации требований обращения с лицами, находящимися в местах принудительного содержания, связан с деятельностью международных пенитенциарных конгрессов. Они сохранили гуманистическую направленность и продолжили ее развитие. Антропоцентричная устремленность подтверждается повесткой выносимых на обсуждение вопросов. Как правило, предметом дискуссий становились требования, предъявляемые к условиям содержания осужденных, их дифференциация в зависимости от пола и возраста, осуществление общественного контроля за местами принудительного содержания, неэффективность отдельных видов наказаний, например смертной казни и др.

¹ См.: *Беляева Л. И.* Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей // *Вестник института: преступление, наказание, исправление.* 2012. № 1(17). С. 70.

Поиск решения прикладных проблем в уголовно-исполнительной сфере были не единственными на заседаниях конгрессов. Поскольку в их участии широко было представлено научное сообщество, то методологические вопросы изучения преступности и личности преступника также занимали существенное место. В частности, в 1878 г. на II Международном конгрессе в Стокгольме «было принято решение об образовании постоянной международной пенитенциарной комиссии. По замыслу организаторов, комиссия должна была обобщать статистические данные по тюремной проблематике, координировать деятельность различных тюремных организаций и издавать информационные бюллетени»².

С самого начала работы конгрессов ученые и практики из России были их постоянными участниками (I конгресс в Лондоне — 1872 г.; II в Стокгольме — 1878 г.; III в Риме — 1885 г.; IV в Петербурге — 1890 г., V в Париже — 1895 г.; VI в Брюсселе — 1900 г., VII в Будапеште — 1905 г.; VIII конгресс в Вашингтоне — 1910 г.)³. Однако на следующий IX конгресс, который состоялся в августе 1925 г. в Лондоне, представители от СССР не были приглашены⁴.

Данное решение стало свидетельством того, что вектор национальных интересов в сфере противодействия преступности начал приобретать контуры внутриполитической деятельности. При этом ученые — основатели Московского кабинета по изучению личности преступника и преступности прекрасно были осведомлены о пенитенциарной практике за рубежом и научных подходах в сфере исполнения уголовных наказаний. В частности, М. Н. Гернет был признан за рубежом одним из ведущих криминологов наряду с Энрико Ферри, Гансом фон Хентигом, Йоганном Глейспахом, Йоханом Тиреном, Луисом Хименесом де Асуа и др.

Следующий этап международного взаимодействия по вопросам соблюдения прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных, которых именуют в зарубежных источниках единым термином «заключенные», связан с деятельностью Организации Объединенных Наций. Начиная с 1955 г. под ее эгидой каждые пять лет проводились международные конгрессы по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Отличительной

особенностью этого этапа является институционализация процесса разработки и принятия документов, закрепляющих согласованную волю суверенных государств — участников международной организации.

Эпохальным событием в формировании наднационального правозащитного механизма стало принятие в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, закрепившей высшую ценность и неотъемлемость основных прав и свобод человека. В совокупности с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах и Международным пактом о гражданских и политических правах с его двумя факультативными протоколами они составили так называемый Международный билль о правах человека.

Первым международным документом, в котором были изложены основные правила обращения с лицами, лишенными свободы, стали Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе ООН по предотвращению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г. Этот документ стал результатом пересмотренной редакции Стандартных минимальных правил обращения с заключенными, разработанной ранее еще под эгидой Лиги Наций⁵.

Спустя более полувека вопрос о пересмотре принятых стандартов и адаптации их к новым реалиям был вынесен на обсуждение в 2010 г. Работа экспертов над проектом нового документа была завершена в начале 2015 г. В мае 2015 г. Венская комиссия Экономического и Социального Совета ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию одобрила предложенный проект Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, которые получили название «Правила Нельсона Манделы».

Они сохранили рекомендательный характер, о чем говорится в предварительных замечаниях. Так, в тексте отмечается, что изложенные правила не имеют целью подробное описание образцовой системы пенитенциарных учреждений, а предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления тюрьмами.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными по праву считаются правовой основой современной архитектуры защиты прав лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказа-

² *Петренко Н. И.* Влияние международных тюремных конгрессов на пенитенциарную систему Российской империи // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики.* 2012. № 5. С. 123.

³ См.: *Трунцевский Ю. В.* IX Международный пенитенциарный конгресс 1925 г.: мировая практика и работа Государственного института по изучению преступности и преступника // *Международное публичное и частное право.* 2022. № 3. С. 30.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Уткин В. А.* Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск, 1996. С. 7.

ние в виде лишения свободы⁶. Кроме того, их принятие, без сомнения, сказалось на дальнейшем правотворческом процессе по разработке специальных международных правовых актов, устанавливающих общие правила обращения с лицами, лишенными свободы. К ним прежде всего относится принятая в 1984 г. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая ввела понятие «пытка», установила требования к национальному превентивному механизму защиты конвенционных прав, а также учредила Комитет против пыток, наделенный контрольными функциями за исполнением требований Конвенции государствами, ее ратифицировавшими.

К числу наиболее значимых специальных международных правовых актов в области защиты прав и свобод лиц, лишенных свободы, принятых ООН, являются: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985 г.), Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (1990 г.), Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (1990 г.) и Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) (2010 г.).

Признание универсальных прав и свобод человека послужило основанием для распространения данной парадигмы на региональном уровне. В нашем случае региональным уровнем считаются континентальные системы обеспечения и защиты прав и свобод человека. В настоящее время известны несколько концептуальных документов, послуживших правовой основой для формирования региональных правозащитных механизмов. В частности, образованный в 1949 г. Совет Европы первым инициировал подготовку договора, заключенного его государствами-членами и названного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (известна также как Европейская конвенция по правам человека, далее — ЕКПЧ), вступившей в силу 3 сентября 1953 г. Согласно ст. 19 ЕКПЧ был учрежден Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ, Суд), который действует на постоянной основе. Основной целью ЕСПЧ является осуществление судебного контроля за исполнением положений ЕКПЧ.

Специальные международные правовые нормы нашли отражение на региональном уровне. В частно-

сти, после принятия ООН в 1984 г. Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Совет Европы через три года принял Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Она регламентировала механизм осуществления контроля за соблюдением государствами-участниками требований ст. 3 ЕКПЧ.

Несмотря на то что ряд провозглашаемых прав человека и гарантий их соблюдения имели конституционное значение для российской правовой системы, длительное время Россия находилась вне юрисдикции судебных и контрольно-надзорных механизмов Совета Европы⁷. Они распространили свое действие лишь с 1996 г., когда Российская Федерация вошла в состав Совета Европы и таким образом взяла на себя обязательства по имплементации в национальное законодательство и реализации в практике исполнения уголовных наказаний установленных стандартов обращения с заключенными.

Приоритетность цели по преобразованию уголовно-исполнительной системы России в соответствии с требованиями международных стандартов и конвенционных положений о соблюдении прав заключенных начали ощущаться после принятых политических решений об интеграции в европейское правовое пространство. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» реформирование уголовно-исполнительной системы было подчинено цели совершенствования системы исполнения уголовных наказаний Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Комитета министров Совета Европы о единых европейских пенитенциарных правилах. Первым шагом в этом направлении стала передача в 1998 г. системы исполнения уголовных наказаний из Министерства внутренних дел РФ в Министерство юстиции РФ.

Приоритетность соблюдения международных стандартов обеспечения условий содержания в следственных изоляторах и местах лишения свободы послужили приоритетом при разработке и реализации постановления Правительства РФ от 29 августа 2001 г. № 636 «О Федеральной целевой программе “Реформирование уголовно-исполнительной системы на 2002 — 2006 годы”». В распоряжении Правительства РФ от 7 июня 2006 г. № 839-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Развитие уголовно-исполнительной системы (2007—2016 гг.)”» (далее — Программа) отмечалось, что выполнение международных обязательств

⁶ Подробнее см.: Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: науч.-практ. пособие / под ред. В. П. Кашенова. М., 2012.

⁷ Подробнее см.: Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5—9.

является задачей государственной важности. Обеспечение реализации прав подсудимых и осужденных в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации и международных стандартов требует значительной государственной поддержки. Кроме того, в качестве обоснования указывалось, что разработка и принятие Программы позволит приступить к практической реализации требований Европейского комитета и обязательств, взятых Российской Федерацией при вступлении в Совет Европы, а также к выполнению ряда международных договоров, соглашений и конвенций, касающихся обеспечения прав и законных интересов подсудимых и осужденных, подписанных Российской Федерацией.

Направленность уголовно-исполнительной системы на гуманизацию условий содержания лиц, заключенных под стражу, и осужденных, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами сохранилась в действующей Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017—2025 годы)», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р. При этом реализация поставленной цели максимально конкретизирована и предусматривает реконструкцию и строительство следственных изоляторов, в которых условия содержания подозреваемых и обвиняемых будут соответствовать законодательству Российской Федерации и международным стандартам.

Более широкая интерпретация сохранилась в последней редакции (от 16 декабря 2021 г.) постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»». В данном документе к стратегическим приоритетам в сфере уголовно-исполнительной системы отнесено исправление осужденных, предполагающее обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого достоинства, соответствующих законодательству РФ и международным стандартам.

Говоря о концептуальных подходах к национальным приоритетам государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний в их взаимосвязи с соблюдением требований международных стандартов обращения с заключенными, нельзя оставить без внимания концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, которые последовательно были приняты в 2010 и 2021 гг.⁸

⁸ Распоряжения Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года», от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».

В частности, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (далее — Концепция) отмечалось: «Несмотря на существенные изменения, произошедшие в стране в последние годы, уголовно-исполнительная система во многом сохранила черты старой пенитенциарной системы, ориентированной на другое общество. Она не учитывает нынешнее состояние экономики, интеграцию Российской Федерации в международное правовое поле, международные стандарты обращения с заключенными и развитие гражданского общества». Указанные обстоятельства обусловили необходимость подготовки соответствующей Концепции, целевыми ориентирами которой стали:

«совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития...;

гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами...;

развитие международного сотрудничества с пенитенциарными системами иностранных государств, международными органами и неправительственными организациями».

Приоритет реализации международных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы продолжает оставаться целевым ориентиром ее развития, что предусмотрено действующей Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года.

Из проведенного анализа видно, что приверженность цели соблюдения международных стандартов, признание юрисдикции ЕСПЧ и обязательность исполнения принимаемых им судебных решений являлась на протяжении более четверти века одним из национальных приоритетов, определявших направление развития национальной пенитенциарной политики.

Денонсация Конвенции о защите прав человека и основных свобод и выход из-под юрисдикции институтов Совета Европы побуждают к анализу результатов пенитенциарной политики этого периода, а также определению стратегии дальнейшего совершенствования правозащитного механизма.

Стандартизация правил обращения с лицами, содержащимися под стражей или отбывающими наказание в виде лишения свободы, деятельность над национальных судебных инстанций существенно повлияли на совершенствование российской пенитенциарной политики и преобразование уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем эффективность такого воздействия нельзя оценить однозначно. Этот процесс имеет разноректорную природу, объединяя устремления на позитивные изменения в националь-

ной правовой системе и порождая определенные противоречия⁹.

Акцентируя внимание на позитивных сдвигах в системе исполнения уголовных наказаний, исследователи, как правило, среди основных аргументов называют сокращение численности лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Так, В. И. Селиверстов видит в этом результат продолжительной, последовательной и системной работы по гуманизации законодательства и правоприменительной практики¹⁰. Тренд на снижение численности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, подтверждается результатами статистического наблюдения, проводимого аналитической группой Лозаннского университета (Швейцария) по поручению Совета Европы.

Международные стандарты, регламентирующие правила уголовного правосудия, основываются на принципе *ultima ratio*, согласно которому лишение свободы или иные виды мер принуждения, связанные с изоляцией от общества, должны применяться в крайнем случае, когда достичь целей пресечения противоправной деятельности или наказания невозможно без направления подозреваемого, обвиняемого или осужденного в места принудительного содержания. Этот принцип наиболее рельефно выражен в нормах применительно к уязвимым категориям населения, таким как женщины, инвалиды и несовершеннолетние. Например, в п. 19.1 Пекинских правил определено: «Помещение несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока».

Принцип *ultima ratio* был имплементирован и на региональном уровне. Согласно п. 1 Рекомендации Комитета министров Совета Европы (99) 22 «О проблеме переполнения тюрем и увеличения числа лиц, находящихся под стражей», принятой 30 сентября 1999 г. на 68-м парламентском заседании Комитета Министров, отмечается: «Лишение свободы следует рассматривать в качестве крайней санкции или меры воздействия и, следовательно, применять в случае особой тяжести преступления, при условии, что любые другие санкции и меры воздействия явно неадекватны».

В связи с этим интересным представляется реализация данного принципа в национальной пенитенциарной политике России и некоторых иных стран, близких к ней по своей правовой системе.

⁹ Подробнее см.: Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5—16.

¹⁰ См.: Селиверстов В. И. Сокращение численности осужденных в местах лишения свободы: достижение или вызов уголовно-исполнительной системы // Сборник тезисов и докладов участников V Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление». Т. 1. Рязань, 2021. С. 18—19.

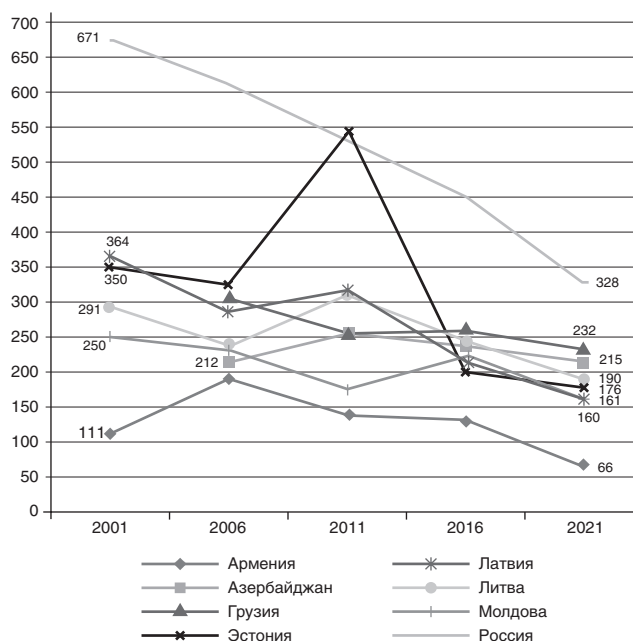

Рис. 1. Динамика численности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы (на 100 тыс. населения)¹¹

На рис. 1 видна динамика в изменении доли осужденных к лишению свободы в расчете на 100 тыс. человек населения, проживающего в стране, за период с 2001 по 2021 г. По данному показателю Россия стала лидером среди европейских стран по сокращению численности осужденных, которое было достигнуто посредством проведения правовых и организационных преобразований в уголовно-исполнительной системе. При этом численность осужденных в различных категориях снижалась неравномерно. Наибольшая корректировка произошла среди осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. С 2000 г. численность данной категории снизилась почти в 20 раз. Несомненно, это результат гуманизации правовой системы. При этом такая динамика стала вполне прогнозируемым результатом социально-демографических процессов, связанных с резким снижением рождаемости в стране в 1990-е гг.

Снижение количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, является обще-европейским трендом и наиболее явно просматривается на примере стран постсоветского пространства. Трансформация политических приоритетов,

¹¹ URL: https://wp.unil.ch/space/files/2023/04/SPACE-I_2021_FinalReport.pdf; https://wp.unil.ch/space/files/2011/02/SPACE-1_2009_English2.pdf. В статистическом отчете отсутствуют необходимые данные за 2001 г. по Грузии и Армении, а также за 2016 г. по России. Соответственно, для выявления непрерывной тенденции изменения анализируемого показателя в отношении Грузии и Армении взамен отсутствующих данных за 2001 г. использованы сведения за 2002 г.; по России вместо отсутствующих сведений за 2016 г. использованы данные за 2015 г.

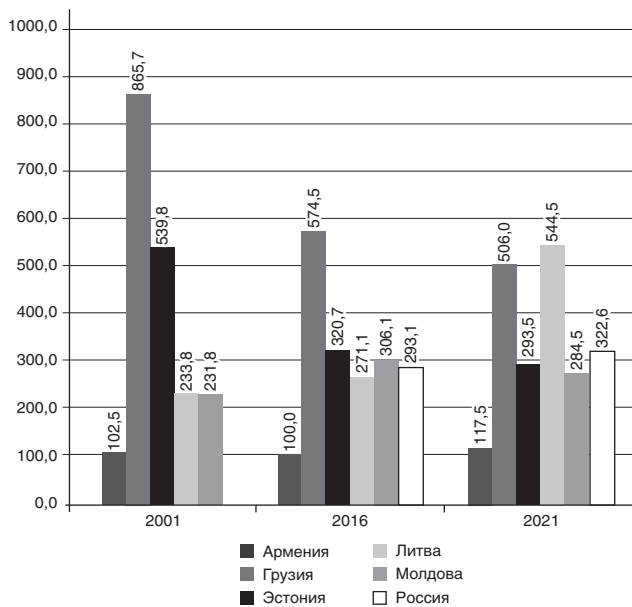

Рис. 2. Динамика численности лиц, в отношении которых применены альтернативные меры принуждения или наказания (на 100 тыс. населения)¹²

ориентир на имплементацию международных стандартов, гуманизация национального уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства позволили за несколько десятилетий снизить нагрузку на пенитенциарное ведомство. Вместе с тем на графике проиллюстрированы траектории процесса: эта динамика происходила не линейно, как, например, в Эстонии, Латвии, Армении, что свидетельствует о конкуренции международных ориентиров с национальными приоритетами.

Международные стандарты в сфере уголовного правосудия рассматривают реализацию принципа *ultima ratio* также за счет расширения сферы применения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. В соответствии с п. 2.7 Токийских правил применение мер, не предполагающих изоляцию осужденных от общества, должно реализовываться на практике принципы депенализации и декриминализации¹³. Целью такого подхода является рационализация политики в области уголовного правосудия с учетом необходимости соблюдения прав человека, требований социальной справедливости и потребностей правонарушителя в возвращении к нормальной жизни в обществе.

¹² URL: https://wp.unil.ch/space/files/2022/06/SPACE-II_2021_Final_report_220614.pdf; https://wp.unil.ch/space/files/2018/03/SPACE-II_report_2016_Final_100320.pdf; https://wp.unil.ch/space/files/2011/02/Council-of-Europe_SPACE-II-2011-E.pdf. За 2011 г. сведения по России не представлены в аналитическом обзоре SPACE II.

¹³ Подробнее см.: Криминализация и декриминализация как формы преобразования законодательства: монография / отв. ред. В. П. Кашенов. М., 2018.

В рекомендации № R (92)16 Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителей от общества», принятой 19 октября 1992 г., указывается, что целью таких мер является «поддержание необходимого и желательного равновесия между, с одной стороны, необходимостью защиты общества... и с другой стороны, учетом основной потребности правонарушителя в социальной интеграции».

В различных национальных моделях пенитенциарной политики реализация данного принципа не нашла линейного восходящего тренда, выразившегося в поступательном увеличении количества лиц, к которым были применены наказания или меры пресечения, альтернативные лишению свободы. Это свидетельствует о том, что понимание принципа баланса публичных и частных интересов имеет широкую национальную дискрецию.

Рассматривая данные, представленные на рис. 2, обратим внимание на ряд методологических замечаний, имеющих отношение к проведению статистического наблюдения. Во-первых, в отличие от мониторинга данных о применении наказаний, связанных с лишением свободы, системное представление данных государствами — членами Совета Европы начинается с 2011 г. До этого времени статистические сведения представлялись для обобщения нерегулярно. Во-вторых, фрагментарность данных по некоторым странам затрудняет более широкий анализ данного показателя. Вместе с тем имеющиеся сведения позволяют выделить как минимум три тенденции пенитенциарной политики в России и странах постсоветского пространства. Первая тенденция, заключающаяся в поступательном увеличении численности лиц, к которым были применены меры принуждения или наказания, не связанные с изоляцией таких лиц от общества, свойственна для Литвы и России. Вторая тенденция — нисходящая — характеризует ситуацию в Грузии и Эстонии, где отмечаются высокие показатели применения альтернативных санкций на начальном этапе, которые в дальнейшем корректируются в сторону сокращения такой практики. В Армении и Молдове наблюдается стабильная тенденция применения альтернативных видов санкций, не указывающая на кардинальные изменения в судебной практике.

Отмеченные процессы подчеркивают специфику имплементации международных стандартов в национальные правовые системы. Они позволяют оценить особенности восприятия правовых европейских ценностей и их гармонизацию с национальными приоритетами, ориентированными на обеспечение безопасности и правопорядка в обществе и государстве, а также создании необходимых условий для развития личности.

Наряду с позитивными изменениями процесс имплементации норм международных договоров сопровождался определенными сложностями, обусловленными различием взаимодействующих правопорядков. Международные стандарты обращения

с заключенными, как уже было отмечено, имеют рекомендательный характер и не предполагают описания образцовой модели исполнения наказаний. Их реализация требует учета социально-экономических, политических, географических и иных особенностей конкретного государства. Вместе с тем попытки поспешной интеграции без должного научного и экспертного обоснования явились причиной увлечения необоснованными «инновациями», принудительно внедряемыми в пенитенциарную практику. Одним из таких примеров может служить попытка резкого перехода от коллективной формы содержания, применяемой в российской уголовно-исполнительной практике, на покамерную, предусмотренную европейскими пенитенциарными правилами. Первоначальная редакция Концепции декларировала реформирование системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Совершенствование организационной структуры предполагало создание в сжатые сроки правовых и организационных условий для замены существующей системы исправительных учреждений на два вида — тюрьмы (общего, усиленного и особого режимов) и колонии-поселения, а также преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры. Очевидная необоснованность предлагаемой реформы вызвала критические замечания. В публикациях отмечалось, что попытки реализации Концепции принесли больше неудач, чем успехов. О необходимости внесения существенных корректив, устранения системных недостатков, а нередко просто об авантюризме разработчиков Концепции неоднократно писали ученые, правозащитники и практики¹⁴. Объективная невозможность реализации замысла коренной реформы организационной структуры уголовно-исполнительной системы послужила поводом для принятия распоряжения Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877-р, которым были внесены уже назревшие изменения в Концепцию, предусматривающие отказ от перехода на тюремный режим как основной вид режима отбывания наказания в виде лишения свободы.

Сложности исполнения решений ЕСПЧ, в которых устанавливались нарушения конвенционных прав осужденных, являются еще одним примером, свидетельствующим о проблемах гармонизации национальных и суверенных правопорядков¹⁵. Признание юрисдикции ЕСПЧ предоставило гражданам воз-

можность обращаться в международную судебную инстанцию за защитой нарушенных прав. Однако на существенные различия в правовом регулировании и правоприменении указывало не возросшее количество таких обращений, а характер принятых решений, которые ставили под сомнение конституционные основы. Так, в решении по делу «Анчугов и Гладков против России» ЕСПЧ признал конституционную норму об ограничении избирательного права осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы (ч. 3 ст. 32 Конституции РФ), противоречащей ст. 3 Протокола № 1 к ЕКПЧ в ее толковании Судом. Рассматривая данный прецедент, Конституционный Суд РФ в постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П указал на непоследовательность судебной практики наднациональной судебной инстанции, а также невозможность внесения изменений в российское законодательство, которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда. Мотивируя свое решение, Конституционный Суд подчеркнул, что для национальной правовой системы высшую юридическую силу имеет Конституция Российской Федерации, а взаимоотношения сторон международного договора основываются на консенсусных началах. Таким образом, эта позиция в очередной раз очертила границы правового суверенитета, которые должны соблюдаться наднациональными институтами при разрешении судебных споров.

Приведенными примерами имеющийся спектр несогласованностей, выявляющихся при имплементации конвенционных норм в национальную правовую систему, не исчерпывается. При этом они наглядно показывают последствия, которые могут породить дисбаланс в национальном законодательстве и пенитенциарной практике, что сказывается на обеспечении прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Можно сделать вывод, что международные стандарты обращения с заключенными за почти четверть века стали органичной частью национальных приоритетов и получили нормативное закрепление в общих и отраслевых документах стратегического планирования. Они в определенной степени выступали драйверами преобразования российской уголовно-исполнительной системы. Однако их имплементация показала и несовершенство слепого следования наднациональным предписаниям, поскольку такой подход может приводить к нарушению пределов правового суверенитета. Соответственно, изменившаяся правовая реальность ставит множество вопросов о векторах гармонизации международных стандартов и национальных приоритетов. Поиск ответов на них требует внимательного переосмысления опыта интеграции российской правовой системы в европейское пространство.

¹⁴ См.: Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // *Lex russica*. 2016. № 9(118). С. 189; Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2013. С. 15.

¹⁵ Подробнее см.: Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе / под общ. ред. В. В. Лазарева. М., 2019.

Список литературы

1. Беляева Л. И. Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 1(17).
2. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе / под общ. ред. В. В. Лазарева. М., 2019.
3. Криминализация и декриминализация как формы преобразования законодательства: монография / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2018.
4. Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9.
5. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: науч.-практ. пособие / под ред. В. П. Кашепова. М., 2012.
6. Петренко Н. И. Влияние международных тюремных конгрессов на пенитенциарную систему Российской империи // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2012. № 5.
7. Селиверстов В. И. Сокращение численности осужденных в местах лишения свободы: достижение или вызов уголовно-исполнительной системы // Сборник тезисов и докладов участников V Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление». Т. 1. Рязань, 2021.
8. Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // Lex russica. 2016. № 9(118).
9. Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4.
10. Трунцевский Ю. В. IX Международный пенитенциарный конгресс 1925 г.: мировая практика и работа Государственного института по изучению преступности и преступника // Международное публичное и частное право. 2022. № 3.
11. Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2013.
12. Уткин В. А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск, 1996.

References

1. Belyaeva L. I. International penitentiary congresses and the development of education on the education of juvenile offenders. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2012, no. 1(17), pp. 69—81. (In Russ.)
2. Lazarev V. V. (ed.). *Implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the Russian legal system*. Moscow, 2019. 416 p. (In Russ.)
3. Kashenov V. P. (ed.). *Criminalization and decriminalization as forms of reforming legislation*. Moscow, 2018. 280 p. (In Russ.)
4. Lazarev V. V. Philosophical Foundations of Implementation Activities. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 9, pp. 5—18. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.102.
5. Kashenov V. P. (ed.). *International legal standards in the criminal justice of the Russian Federation*. Moscow, 2012. 312 p. (In Russ.)
6. Petrenko N. I. The influence of international prison congresses on the penitentiary system of the Russian Empire. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki*, 2012, no. 5, pp. 123—125. (In Russ.)
7. Seliverstov V. I. Reducing the number of convicts in places of deprivation of liberty: achieving or challenging the penitentiary system. *Collection of abstracts and reports of participants in the V International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction"*. Vol. 1. Ryazan', 2021. Pp. 17—23. (In Russ.)
8. Seliverstov V. I. Criminal and penitentiary policy in the field of execution of deprivation of liberty: innovations in 2015. *Lex russica*, 2016, no. 9(118), pp. 188—204. (In Russ.)
9. Tikhomirov Yu. A. Law: A Moment of Stillness or Anticipatory Impact on Social Processes. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 4, pp. 5—16. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.038.
10. Truntsevskiy Yu. V. IX International Penitentiary Congress of 1925: world practice and the work of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2022, no. 3, pp. 29—32. (In Russ.)
11. Utkin V. A. *Alternative Sanctions in Russia: Status, Problems, Prospects*. Moscow, 2013. 67 p. (In Russ.)
12. Utkin V. A. *European Prison Rules and Problems of their Implementation*. Tomsk, 1996. 64 p. (In Russ.)

Информация об авторе

С. Н. Овчинников, ведущий научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат социологических наук

Information about the author

S. N. Ovchinnikov, Cand. Sci. (Sociology), Leading Researcher, Center of Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Поступила в редакцию 05.05.2023

Received 05.05.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Accepted 22.06.2023

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Оригинальная статья
УДК 342.56
DOI: 10.61205/jzsp.2023.053

Основные тенденции развития состязательной и инквизиционной форм судебного процесса в исторической парадигме: к поиску идеального судебного процесса

Петр Юрьевич Фесик

Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород, Россия, fesik84@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен процесс эволюции двух форм судебного процесса, существующих несколько тысячелетий. Гипотеза автора состоит в том, что в XIII в. в большей части европейских стран инквизиционный процесс постепенно вытеснил более древний состязательный процесс вследствие того, что канонический следственный порядок проник в светскую судебную практику Западной Европы. Англия в Средние века не последовала рецепции римского права, что оказало влияние на сохранение состязательного процесса в этой стране. Впоследствии инквизиционный и состязательный судебные процессы стали частью романо-германской и англосаксонской правовых семей, и подобная обособленность, за некоторыми исключениями, сохранилась до нашего времени. В то же время идет процесс сближения элементов инквизиционного и состязательного процессов, при этом все больше нарастает критика устоявшихся процедур.

Рассмотрение различных точек зрения относительно состязательного и инквизиционного (разыскного) процессов, включающее элементы сравнительного правоведения, позволило выявить особенности функционирования судебного процесса в разных государствах. Кроме того, выявлены различные мнения ученых-правоведов, а также рассмотрены перспективы развития судебного процесса.

Примененные методы исследования — сравнительно-правовой анализ и историко-правовой анализ позволили рассмотреть этапы развития двух форм судебного процесса в Древнем мире, Средние века и Новое время, а также провести анализ и сравнение характерных черт состязательного и инквизиционного судебных процессов.

В результате исследования установлено, что в настоящий период процессуальное право переживает серьезный кризис, при котором ни состязательный, ни инквизиционный процессы не удовлетворяют запросы общества на справедливое правосудие и равноправие сторон. Поэтому востребованными оказались иные формы разбирательства, в которых часто происходит отход от сущности судебных процедур.

Ключевые слова: суд, состязательный судебный процесс, инквизиционный судебный процесс, правосудие, судебная практика

Для цитирования. Фесик П. Ю. Основные тенденции развития состязательной и инквизиционной форм судебного процесса в исторической парадигме: к поиску идеального судебного процесса // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 85—97. DOI: 10.61205/jzsp.2023.053

Original article

The Main Trends in the Development of Adversarial and Inquisitorial Forms of Litigation in the Historical Paradigm: Towards the Search for an Ideal Litigation

Petr Ju. Fesik

Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia, fesik84@mail.ru

Abstract. The article examines the process of evolution of two forms of litigation that have existed for several millennia. The author's hypothesis is that in the 13th century, in most European countries, the inquisition process gradually replaced the older adversarial process due to the fact that the canonical investigative order penetrated into the secular judicial practice of Western Europe. England in the middle ages did not follow the reception of Roman law, which influenced the preservation of the adversarial process in this country. Subsequently, inquisitorial and adversarial trials became part of the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal families, and such isolation, with some exceptions, has survived to our time. At the same time, there is a process of convergence of elements of inquisitorial and adversarial processes, while criticism of established procedures is increasing.

Consideration of various points of view regarding adversarial and inquisitorial (investigative) processes, including elements of comparative law, allowed us to identify the peculiarities of the functioning of the judicial process in different states. In addition, various opinions of legal scholars have been identified, and prospects for the development of the judicial process have been considered.

The applied research methods — comparative legal analysis and historical and legal analysis allowed us to consider the stages of development of two forms of judicial process in antiquity, the middle ages and modern times, as well as to analyze and compare the characteristic features of adversarial and inquisitorial trials.

As a result of the study, it was found that at the present time procedural law is experiencing a serious crisis, in which neither adversarial nor inquisitorial processes satisfy the demands of society for fair justice and equality of the parties. Therefore, other forms of proceedings turned out to be in demand, in which there is often a departure from the essence of judicial procedures.

Keywords: court, adversarial litigation, inquisitorial litigation, justice, jurisprudence

For citation. Fesik P. Ju. The Main Trends in the Development of Adversarial and Inquisitorial Forms of Litigation in the Historical Paradigm: Towards the Search for an Ideal Litigation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 85—97. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.053

Разделы курса «История государства и права зарубежных стран», посвященные проблемам уголовно- и уголовно-процессуального права разных стран и разных исторических периодов, учат нас тому, что практически во всех цивилизациях две основные формы судебного процесса сменяли друг друга: состязательный и инквизиторский (разыскной).

Прежде всего следует определиться с терминами. Инквизиционным судебным процессом, по нашему мнению, следует называть процедуру, в которой контроль над судебным процессом возложен на судью, играющего активную роль. В дополнение к сведениям, которые стороны представят ему, судья может сам искать доказательства, чтобы обосновать собственное мнение. Инквизиционная процедура в настоящее время в тех или иных вариантах используется в большинстве стран Западной Европы и в Латинской Америке. Таким образом, следственная процедура противопоставляется состязательной процедуре, используемой в гражданских и — в англосаксонских странах — уголовных делах, где роль судей ограничивается ролью беспристрастного арбитра между сторонами.

Состязательная модель судебного процесса отдает предпочтение активной роли сторон. Процесс построен как противоречивое, публичное и во многом устное противостояние обвинения и защиты. Каждая из них должна доказать факты в поддержку своей позиции. Таким образом, власть судьи состоит в третейском разбирательстве, а не в инструктировании: речь идет, с одной стороны, об обеспечении справедливости судебного разбирательства, а с другой стороны, об удовлетворении спорящих сторон в соответствии с их требованиями, доводами и доказательствами. В рамках состязательной системы существует небольшая процессуальная и институциональная разница между гражданским правосудием и уголовным правосудием: в обоих случаях именно судья может разрешать конфликт интересов. Состязательная процедура суда в настоящее время сохранилась в странах англосаксонской правовой семьи и некоторых других.

Термин «разыскной процесс» используется в отечественной литературе по истории государства и права, видимо, потому, что термин «инквизиторский» слишком тесно связан с ведовскими процессами в Западной Европе и плохо соотносится с российским судопроизводством. Еще одним принятым в отечественной историко-правовой науке термином является «следствен-

ный процесс», само название которого делает акцент на роли предварительного расследования в судебном процессе. Появление термина «следственный процесс» относится к более позднему времени, чем процесс инквизиционный. Однако суть процедуры от этого не меняется. На наш взгляд, инквизиционный, разыскной и следственный процессы являются вариантами названия одного и того же явления.

Советская юридическая наука, следуя за формационным подходом, выделяла рабовладельческий тип судебного процесса, феодальный, буржуазный и социалистический, сводя их к единой форме исторического судебного процесса¹. Российские правоведы современного периода склонны выделять различные типы инквизиционного процесса, именуя его обвинительным и характеризуя то три², то четыре его разновидности³. Однако критерии, на основании которых создается такое разнообразие, весьма поверхностны. По нашему мнению, все же ближе к истине французские и германские историки права, которые признают лишь две модели судебного процесса, существовавшие и существующие во множестве вариантов, обусловленных субъективными факторами.

В данной статье мы предполагаем сравнить состязательный и инквизиционный уголовные процессы по их распространенности в разные исторические эпохи и выяснить актуальность их применения в современный период. Наша гипотеза состоит в том, что в XIII в. инквизиционный процесс постепенно заменил состязательный в большей части европейских стран как следствие проникновения канонического следственного порядка в светскую судебную практику Западной Европы, а также изменения формы монархии.

На наш взгляд, рассмотрение различных точек зрения по поводу состязательного и инквизиционного (разыскного) процессов, включающих элементы сравнительного правоведения, позволит выявить особенности функционирования судебной процедуры в разных государствах. Кроме того, к числу поставленных задач относится и выявление полярных точек зрения ученых-правоведов.

¹ См.: Хащина Э. Э. Типология судебного процесса: понятия и подходы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 3. С. 149—156.

² См.: Петрухин И. Л. Состязательность и правосудие // Государство и право. 1994. № 10. С. 129—134.

³ См.: Воскобитова Л. А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003. С. 24.

Примем за аксиому, что состязательная форма уголовного судебного процесса является более древней. По мнению французских правоведов, детально изучивших особенности функционирования судебной системы в античный период, ее название связано с тем, что эта форма процесса «была спровоцирована обвинением, и что она проходила в форме имитации борьбы, была организована в торжественных формах, между двумя противниками, арбитром в состязании которых являлся судья, который после вступления обеих сторон заканчивает процесс тем, что отдает победу тому или другому»⁴.

Французские и швейцарские юристы, рассматривая проблему эволюции этих двух форм судебного процесса, однозначно отдают предпочтение инквизиционному. По мнению А. Серани, состязательная форма судебного процесса и ее особенности делают возможность совершения судебной ошибки более вероятной, чем в инквизиционном процессе⁵. Кроме того, французы обращают внимание на то обстоятельство, что состязательная форма уголовного процесса позволяет вынести решение по делу, опираясь на признательные показания и не исследуя прочие виды доказательств⁶.

Соответственно, для англоязычных исследователей более справедливой и доступной представляется состязательная форма уголовного процесса.

Вместе с тем и в англоязычном юридическом мире существует весьма скептическое отношение к состязательному судебному процессу. Так, авторы монографии «Non-Adversarial Justice», опубликованной в 2009 г., попытались сформулировать ценности и принципы, лежащие в основе так называемого «несостязательного правосудия», и описать, как именно она может применяться на практике. При этом авторы отмечали, что даже для англо-американской юриспруденции данная концепция нова и еще менее известна в других странах, поэтому сочли необходимым представить то, что они считают широкой концепцией справедливости⁷.

В отечественной правовой науке принято разбирать отдельно каждый вид уголовного процесса. Особым вниманием исследователей в России пользовался и пользуется инквизиционный (разыскной) процесс⁸. Причем нередко исследователи отдают предпочтение изучению инквизиционного процесса, полагая, что уголовно-процессуальная деятельность невозможна

без регламентации запретов и дозволений⁹, либо отождествляют судопроизводство инквизиционных трибуналов с инквизиционным судебным процессом в целом, останавливаясь на негативных характеристиках, данных инквизиции, и полагая, что и для инквизиционного процесса характерны тайна и произвол¹⁰. Вместе с тем А. В. Аверин полагает, что в современный период вполне допустимым является сохранение института «тайного свидетеля», заимствованного как раз из практики инквизиционного процесса¹¹.

Исследование эволюции, взаимодействия или параллельного развития двух форм судебного процесса следует начать с выставления исторических вех, согласно которым можно наметить основной путь.

Как уже говорилось, более древней является состязательная форма судебного процесса. Она сложилась в Греции, особенно ярко проявившись в судебных процессах в Афинах, а затем и в Риме, где существовала до заката Римской республики. Попытаемся более внимательно рассмотреть известные нам судебные процессы Афин, сведения о которых сохранились прежде всего в судебных речах Лисия и Исократ, являющихся доказательством состязаний двух сторон в судебном заседании. И истец, и ответчик должны были аргументированно изложить свою позицию, ответить на ранее поставленные перед ними противной стороной вопросы и в целом представить выгодную для себя версию событий. Показательной в данном случае является речь Эвфилета, убившего совратителя своей жены Эратосфена и защищавшегося в афинском суде гелиастов с помощью речи, написанной Лисием. В речи представлена характеристика самого Эвфилета и его жены, кратко, но красноречиво описан скромный быт семьи и перемены в поведении молодой женщины после появления соблазнителя, которые должны были показать драматичность событий и повлиять на отношение гелиастов к обвиняемому. Сам текст речи превосходно выдержан стилистически, именно так должен был говорить простой честный человек, потерявший самое ценное — счастливую семейную жизнь. Лисий, составляя речь, отталкивался как раз от особенностей состязательного процесса, позволяющего использовать наиболее выигрышные аргументы, а в данном случае — психологическое воздействие на присяжных¹².

Развитие состязательного процесса в период существования Римской республики показывает, что известностью пользовались римские юристы, демон-

⁴ *Inchauspé D.* *Lerreur judiciaire.* Paris, 2010. P. 41—42.

⁵ См.: *Serani A.* *Lerreur judiciaire. D'où vient-elle et quelles sont ses répercussions?: Mémoire en vue de l'obtention de la Maîtrise universitaire en droit (Master of Law).* Genève, 2019. P. 5.

⁶ См.: *Piquerez G., Macaluso A.* *Procédure pénale Suisse.* Zürich, 2011. P. 25.

⁷ См.: *King M., Freiberg A., Batagol B., Hyams R.* *Non-Adversarial Justice.* Sydney, 2009.

⁸ См.: *Амплеева Т. Ю.* Розыскной процесс в Московском государстве // *Закон и право.* 2007. № 2. С. 112—113.

⁹ См.: *Орлов А. В.* Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // *Вестник Самарского юридического института.* 2019. № 1(32). С. 85—89.

¹⁰ См.: *Аверин А. В., Гроза Ю. А.* Инквизиция, тайные свидетели и современность // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2017. № 2. С. 103—112.

¹¹ Там же. С. 109—110.

¹² См.: *Лисий.* Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена // *Лисий.* Речи. М., 1994.

стрирующие ораторское искусство, которое приводило либо к оправданию, либо к осуждению участников процесса. Марк Антоний Оратор известен тем, что выступил обвинителем консулара Гнея Папирия Карбона только из-за желания прославиться и довел того до самоубийства страхом осуждения.

Деятельность известного римского юриста Марка Туллия Цицерона доказывает, что преимуществом обладала сторона судебного процесса, которой удавалось пригласить этого знаменитого судебного оратора. Хрестоматийными являются примеры речи в защиту Целия или против Гая Верреса. И если в процессе Верреса Цицерон представил результаты собственных розысков на Сицилии и сокрушил противную сторону как раз огромным количеством доказательств, для представления которых суду понадобилась целая вереница помощников с корзинами документов, то в защите Марка Целия Руфа Цицерон прибег к злословию и тщательно подготовленным характеристикам Клодии Пульхры и своего клиента. Знаменитую и легкомысленную красавицу Клодию Цицерон неоднократно называет распутницей, говоря, что ведет она себя беспутно и вызывающе, как продажная женщина, и обвиняет в инцесте, в то время как расточительство и любовные похождения самого Целия представлены как извинительные грешки молодости¹³. Защищая Целия, Цицерон не представляет ни одного доказательства, ссылаясь на городские сплетни, и выигрывает процесс только силой своего красноречия.

Приводя пример двух знаменитых судебных процессов древности, мы ставим целью показать, насколько разными и противоречивыми могли быть подходы одного и того же юриста к подготовке выступления в судебном состязательном процессе в зависимости от поставленных задач.

Недостатки и ограничения состязательной формы судебного процесса, а также изменение политической ситуации привели к тому, что Римская империя перешла к инквизиционному судебному процессу. По мнению ряда исследователей¹⁴, публичность, устный характер дебатов, влияние популярности и личного обаяния участников процесса на его исход вели к явной неэффективности правосудия, к тому же часто небезупречным был поиск доказательств в процессе, а с другой стороны, с течением времени стало все труднее находить граждан, не коррумпированных и желающих выступить в роли присяжного во время судебного процесса.

В более позднее время состязательный процесс встречается у франков и германцев. Эта система затем передавалась через германское право и существовала до «высокого Средневековья», когда сеньориальная юстиция и феодальные суды исполняли

роль трибунала. «Русская правда» на территории сначала единого Древнерусского государства, а затем обособившихся княжеств описывает состязательный процесс как в гражданском, так и уголовном судопроизводстве, мало их различая.

Уже в XIII в. путем процедурных изменений происходит переход от состязательного процесса к инквизиционному. Во всей Европе состязательная форма процесса исчезает, за исключением Англии. В Русском централизованном государстве существовала преемственность судопроизводства, сохранявшая состязательный процесс до середины XVI в. В Судебниках Ивана III и Ивана IV было указано на право участников процесса самостоятельно представлять суду доказательств; кроме того, сохранялся судебный поединок, древний вид доказательств-ордалий, практически не применявшийся к этому времени в европейских странах¹⁵. Судебник Ивана IV 1550 г. закрепляет инквизиционный (разыскной) процесс, создав формы процессуальных документов и введя досудебный следственный порядок разьяснения дела, пытку, розыск и вызов в суд. Вместе с тем элементы состязательного процесса сохранялись; например, судья мог потребовать от обеих сторон разьяснений по сути дела¹⁶. В делах по имущественным преступлениям состязательная форма процесса сохраняется полностью¹⁷.

Розыск в судебном процессе в России систематически начал вводить Петр I, в начале своего царствования определив порядок использования допросов и пыток в следствии¹⁸. Окончательно инквизиционный (разыскной) судебный процесс утвердился в русских землях в начале XVIII в., об этом свидетельствует сам принцип ведения предварительного расследования по формуле «Слово и дело»¹⁹. Также вступление в силу «Краткого изображения судебных процессов или тяжб» способствует окончательной замене состязательного процесса инквизиционным.

Инквизиционный процесс получил название от первоначальной формальной стадии, которая доминирует над всем процессом и обосновывает его решение, а именно расследование (inquiso)²⁰. Инквизиционный процесс отличается от состязательного тем, что

¹⁵ См.: Судебник 1497 г. Ст. 4, 5, 7; Судебник 1550 г. Ст. 9—12.

¹⁶ См.: Судебник 1550 г. Ст. 29.

¹⁷ См.: Судебник 1550 г. Ст. 37.

¹⁸ См.: Именной указ «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах».

¹⁹ См.: Богданов М. Н., Егоров А. М., Шленков А. Г. «Слово и дело государево» как формула допроса по государственным преступлениям в условиях развития абсолютизма в России, конец XVII—XVIII вв. Историко-правовой анализ // Закон и право. 2020. № 7. С. 36—40.

²⁰ См.: Serani A. Op. cit.

¹³ См.: Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Марка Целия Руфа // Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975.

¹⁴ См.: Piquerez G., Macaluso A. Op. cit. P. 43.

он более сложен и более систематизирован, чем последний. Кроме того, его основа — тайное расследование с целью обнаружения преступника и использование допроса или пытки для получения признания.

Инквизиционная процедура зародилась во времена Римской империи, а затем распространилась через суды церковной юрисдикции. Канонические суды с конца XII в. благодаря тому, что церковные судьи были также специалистами по римскому праву, распространили юрисдикцию на многие светские институты, их деятельность была хорошо продумана и организована и может служить образцом для современных светских судов. Тайное расследование, завершавшееся наказанием виновного, характерно также для фемических судов (*Vehmgericht*, фемгерихт) Вестфалии.

Фемгерихт нельзя назвать судебным процессом в полном смысле этого слова, хотя свою юрисдикцию он получил напрямую от императора Священной Римской империи. Сами судебные заседания проходили тайно, поэтому иногда фемический суд называют также «тихим судом» или «тайным судом». Предварительная розыскная деятельность также проводилась в тайне. Председатель суда, фрайграф, и члены суда, шеффены, не обладали публичностью, поэтому сами фемгерихты приобрели характер тайной организации, карающей там, где закон бессилён. Основой деятельности фемгерихта всегда было общественное мнение, не удовлетворенное тем, что виновник преступления уходил или якобы уходил от ответственности²¹. С течением времени фемические суды вышли за пределы Вестфалии и распространились по всем землям Германии, получив также признание в немецкой романтической литературе.

Форма уголовного процесса и следствия, возникшая как инквизиционная, мало изменилась до Нового времени. Более того, кодификация процессуальных норм некоторых государств Европы произошла именно благодаря инквизиционной процедуре²². Во Франции, например, схема следственной процедуры была установлена Ордонансом Блуа 1498 г.²³ и особенно Ордонансом Сен-Жермен-ан-Ле 1670 г.²⁴, известным как

Уголовный ордонанс, который стал процессуальным кодексом феодальной Франции. Ордонансы французских королей не только кодифицировали право уголовное и процессуальное, но и поставили правоприменение под контроль королевских судов.

Стадии процесса, такие как дознание, заключение прокурора, вызов и допрос обвиняемого, выбор экстраординарной или ординарной формы и вынесение решения суда практически повторяли процедуры канонических судов. Кроме того, процессуальное право Франции предусматривало гарантии отсутствия nepotизма в судебных органах, борьбу с коррупцией, наказание за нарушение судебной тайны²⁵.

В Германии и Испании принципы следственного производства также были кодифицированы во многом благодаря деятельности канонических судов.

По мнению Т. Е. Логиновой, создание германской «Каролины» означало введение новой правовой системы с четко обозначенными нормами уголовного и процессуального права²⁶.

Е. Ю. Калинина полагает, что в каноническом праве Испании под влиянием рецепции римского права возникли институты, которые впоследствии вошли в уголовное и процессуальное право объединенной Испании²⁷.

Страны, принадлежащие к англосаксонской правовой семье, такие как США, Англия и другие, признающие приоритет Common Law, не присоединились к этой системе и остались с состязательной процедурой суда.

Новации, которыми обогатился судебный процесс Англии в период установления абсолютизма, сделали возможным появление канцлерского суда справедливости, а также Звездной палаты и Высокой комиссии Елизаветы I. Именно два последних суда представляют собой инквизиционные трибуналы, которые должны были заниматься преступлениями против государства и особы монарха, а также преступлениями против церкви, что в определенной степени также представлялось преступлениями против монарха после реформы Генриха VIII. В деятельности Звездной палаты и Высокой комиссии присутствуют почти все признаки инквизиционного судебного процесса, которые позволяют считать их экстраординарными судебными органами.

²⁵ См.: Людовик XII. Ордонанс о суде и охране порядка в Королевстве 1498 года.

²⁶ См.: Логинова Т. Е. Характеристика норм уголовно-процессуального права в «Каролине» // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 3(9). С. 13.

²⁷ См.: Калинина Е. Ю. Развитие испанской системы права в рамках средневекового «правового возрождения» (рецепции римского права) внутри романо-германской правовой семьи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 6(814). С. 279.

²¹ См.: *Bridgewater P.* The Vehmgericht or secret tribunal // *Bridgewater P.* The German Gothic Novel in Anglo-German Perspective. Rodopi, 2013. P. 379—410. DOI: 10.1163/9789401209922_015.

²² См.: Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957; Большой уголовный ордонанс 1670 года.

²³ См.: *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / ed. by A. J. L. Jourdan; F.-A. Isambert; A. H. Taillandier.* Paris, 1821.

²⁴ *Ordonnance criminelle de Colbert* / "Full text of the Criminal Ordinance of 1670" (in French). URL: http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/ordonnance_criminelle_de_1670.htm.

В методах Звездной палаты отсутствовали гарантии свободы субъекта, которые предусмотрены процедурами общего права. Парламенты XV—XVI вв., признавая периодическую необходимость и полезность этих методов, пытались ограничить их использование причинами, выходящими за рамки или полномочия обычного суда.

Наиболее широко Звездная палата использовала свои полномочия при Генрихе VIII Тюдоре во время канцлерства Томаса Вулси (1515—1529 гг.). В дополнение к судебному преследованию беспорядков и других преступлений Вулси с повышенной энергией использовал этот суд против лжесвидетельства, клеветы, подлога, мошенничества, нарушений законодательства и прокламаций короля, а также любых действий, которые можно было бы считать нарушением общественного порядка. Вулси также призвал истцов обращаться к нему в первой инстанции, а не после того как им не удалось найти эффективное средство правовой защиты в обычных судах²⁸.

Дела начинались по ходатайству или поступлению секретной информации. В ходе расследования брались показания свидетелей, участие присяжных в судебных заседаниях не допускалось. Наказания, определяемые судом Звездной палаты, были произвольными и включали тюремное заключение, штраф, позорный столб, порку, клеймение и нанесение увечий, однако смертные приговоры никогда не выносились.

Деятельность Звездной палаты и Высокой комиссии была прекращена статутом Долгого парламента 1741 г. в самом начале английской буржуазной революции. Суды, использовавшие инквизиционный судебный процесс, никогда больше в Англии не возродились, их можно считать специфической чертой английского абсолютизма.

Таким образом, в Европе Нового времени складывается судебная система, в судопроизводстве которой преобладает инквизиционная форма судебного процесса.

Однако некоторое слияние этих двух форм возникло во время Французской революции, что привело к появлению смешанного уголовного процесса²⁹ во Франции конца XVIII—XIX вв.

В России развитие состязательного и инквизиционного процессов шло своим путем, можно отметить их практически параллельное развитие как состязательного, так и розыскного процесса в судах разной юрисдикции (общинного и церковного судов Древней Руси)³⁰, с преобладанием после XV в. форм инквизици-

онного процесса³¹. Однако после либеральных реформ Александра II и особенно судебной реформы 1864 г. были созданы условия для восстановления принципов судопроизводства, характерных для состязательного процесса. Разделение уголовного и гражданского процессов, утверждение двух различных по содержанию уставов судопроизводства восстановили состязательность, гласность, устность и другие характеристики, присущие состязательному судебному процессу хотя бы в гражданском судопроизводстве³².

Если говорить о XX—XXI вв., то очевидно, что модель состязательного правосудия продолжает действовать в Великобритании, а также в бывших колониальных владениях, включая Соединенные Штаты и Канаду в Северной Америке; Индию, Пакистан, Сингапур, Малайзию и Гонконг в Азии; Австралию и Новую Зеландию в южной части Тихого океана; Нигерию, Уганду, Кению и Танзанию в Африке. Инквизиционная модель, производная от права Римской империи, начиная со Средних веков господствовала во всей континентальной Европе, а также в странах, которые отчасти заимствовали свое современное законодательство из континентальной Европы, включая бывшие республики Советского Союза и социалистические страны советского блока, а также Японию, Корею и Китай.

Развитие судебного процесса в России и СССР в XX в. было тесно связано с огромными переменами в самой основе государственных и правовых институтов. Октябрьская революция 1917 г. не только сломала государство и право Российской империи и зарождавшегося буржуазного устройства, судебная система и процессуальные принципы были заменены полностью. В. И. Ленин, юрист по образованию, прекрасно понимал значение судебной системы и процедур следствия для всего государственного строя. Именно поэтому после перехода власти в руки II Съезда Советов упразднение всей системы судебных органов, за исключением мировых судов, которые воспринимались как представляющие интересы народа, стало решенным вопросом. Декреты о суде декларировали приоритет революционной совести и революционного правосознания, не раскрывая содержания этих понятий. Результатом стали рост правового нигилизма и произвола в судебных решениях³³.

Принципы нового процессуального права были утверждены Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., при этом был сразу же оговорен классовый характер права. Принцип революционного правосознания, выделение группы «социально опасных» лиц,

²⁸ См.: *Guy J. A. The Cardinal's Court: The Impact of Thomas Wolsey in Star Chamber // Michigan Law Review. 1979. Vol. 77. Iss. 3(38).*

²⁹ См.: *Piquerez G., Macaluso A. Op. cit. P. 40.*

³⁰ См.: Русская Правда. Пространная редакция, Церковный устав князя Ярослава Владимировича.

³¹ См.: Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г.
³² См.: *Петракова С. А. Эволюция принципа состязательности (на примере гражданского процессуального права) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 3. С. 34—40.*

³³ См.: *Кожевников М. В. История Советского суда / под ред. И. Т. Голякова. М., 1948.*

изначальное неравенство сторон в процессе придавали судопроизводству инквизиционный характер в его худших проявлениях. Эта особенность судебного процесса в раннем СССР была усилена мифологемой «царицы доказательств», приписываемой А. Я. Вышинскому, хотя сам Генеральный прокурор СССР подчеркивал, что описанная им необходимость получить данное процессуальное доказательство советскому праву не присуща³⁴.

Если говорить о современности, то российское процессуальное право содержит довольно любопытный феномен — декларацию принципов состязательного процесса³⁵ в сочетании с практикой процесса инквизиционного. Для более подробного раскрытия этого вопроса остановимся на неравенстве полномочий обвинения и защиты. Например, стороны не обладают равными правами проверки и оценки доказательств на досудебной стадии³⁶, текст нормы права абсолютно определенно возлагает эту задачу на представителей стороны обвинения и судью. защите остается только воспользоваться правом собирать письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу³⁷. Дисбаланс в положении сторон подчеркивается также судебной практикой.

Создание условий для достижения подлинно состязательного процесса представляет проблему, по-видимому, и для судебной власти Республики Казахстан. Председатель Верховного суда этого государства Ж. Асанов в июле 2019 г. (исполнял обязанности до 2022 г.) отметил, что перед судами Казахстана также стоит проблема обеспечения подлинного равенства сторон, раз уж судебный процесс по нормативным документам является состязательным. Асанов предложил довольно спорный способ обеспечения состязательности сторон, состоящий в том, что судья не должен предварительно знакомиться с делом, а имеет право получить от сторон обвинения и защиты только обвинительный акт и акт защиты; в таком случае, по мнению бывшего председателя Верховного суда Республики Казахстан, будет обеспечиваться и непредвзятость суда, и принцип равенства сторон³⁸.

Состязательная система основана на соревновании противоборствующих сторон, стремящихся убедить судью и присяжных, что их версия толкования фактов является наиболее убедительной. Представителям обеих сторон предлагается свободный выбор: какие вопросы предлагать, какие доказательства приводить в поддержку своих заявлений и каких сви-

детелей вызывать. Судья председательствует на судебном процессе и выносит решения по спорным вопросам процедуры и доказывания, задавая вопросы свидетелю только для уточнения доказательств, и завершает судебное разбирательство, подытоживая факты для присяжных и информируя их о соответствующем праве. Судья в состязательной системе не вправе исследовать что-либо помимо фактов и доказательств, представленных сторонами процесса; его роль в значительной степени пассивна; он беспристрастный судья, консультирующий присяжных по вопросам права.

Эта позиция резко отличается от роли судьи в инквизиционной системе судебного процесса, которая основана, как следует из названия, на расследовании дела, поэтому судья не ограничивается выслушиванием представлений сторон, но может ставить перед обвинением и защитой задачи для решения конкретных вопросов или вызывать конкретных свидетелей. Должность председательствующего судьи как «*juge d'instruction*», что переводится как «следственный судья» во французской системе уголовного правосудия, указывает на роль судьи в руководстве разбирательством. В отличие от состязательной системы роль инквизиционного процесса заключается не в установлении вины или невиновности одного конкретного лица, а в установлении истины. Таким образом, судья в качестве следственного судьи проводит расследование, которое включает допрос свидетелей и подозреваемых, выдачу ордеров на обыск и исследование доказательств с целью выявления как уличающих, так и оправдывающих доказательств. Представители обвинения и защиты внимательно следят за расследованием судьи и могут потребовать, чтобы он рассмотрел конкретные доказательства или принял определенные меры, но окончательная ответственность за линию расследования возлагается на судью. Если по завершении расследования судья решит, что против конкретного подозреваемого возбуждение дела оправдано, дело будет передано в судебное разбирательство.

Инквизиционный процесс с предшествующим расследованием, проводимым следственным судьей, рассматривается как средство установления истины. Принято считать, что состязательная система этого не делает.

В современный период существуют различные взгляды на преимущества и недостатки этих форм уголовного процесса.

По мнению директора Национального института перспективных исследований безопасности и правосудия Франции Д. Эншоспе, «англосаксы делают во время слушаний то, что французы поручают следствию: расследование дела»³⁹. Во время слушаний участник процесса предстает перед присяжными

³⁴ См.: Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1946.

³⁵ УПК РФ. Ст. 15.

³⁶ УПК РФ. Ст. 87—88.

³⁷ УПК РФ. Ст. 86.

³⁸ См.: Каким должен быть идеальный судебный процесс. URL: <https://www.zakon.kz/4977177-kakim-dolzhen-byt-idealnyy-sudebnyy.html?ysclid=ijvpfmvy4r918598683>.

³⁹ *Inchauspé D.* Op. cit. P. 5.

на публичном заседании. Досудебное расследование проходит быстро, неорганизованно и в принципе «собранные там улики непригодны к использованию во время судебного разбирательства: они служат только для оправдания направления дела в суд»⁴⁰. Кроме того, от обвинения не требуют раскрывать все дело защите или представлять доказательства, которые могут служить основанием для оправдания обвиняемого. Объективность такого процесса также оказывается под вопросом, поскольку жюри, состоящее из граждан, призванных вынести вердикт в суде, видит свое преимущество перед судьей.

Для англосаксонских судов устные и прямые показания свидетеля во время слушания имеют важное значение. И в настоящее время обвинительные приговоры, основанные исключительно на признании, по-прежнему разрешены судами, действующими на основе общего права. Действительно, «никаких подтверждений не требуется в Великобритании, и в Соединенных Штатах все, что требуется, это доказательство того, что преступление имело место, например, что тело было найдено»⁴¹. Поэтому, когда показания о признаках совершения преступления получены, следствие прекращается.

Таким образом, состязательный процесс имеет принципы, весьма благоприятные для защиты и, следовательно, для невинных людей, несправедливо обвиненных из-за быстрых слушаний после ареста, к числу которых относят коллегиальную проверку для наиболее серьезных преступлений, при этом доказательства, которые представляют суду, не были собраны предыдущими расследованиями. В практику состязательного процесса также включено обязательство для обвинения представить доказательства вины в сочетании с правом обвиняемого хранить молчание.

Кроме того, в состязательном процессе допускается лишь частичное раскрытие дела защитой, и поэтому простое признание, данное, например, под давлением полиции, может привести к осуждению невинного человека.

Наконец, поиск истины не одинаков в странах романо-германской правовой семьи, где он имеет центральное место в уголовном судопроизводстве, и в странах общего права, где используется другой подход для урегулирования конфликтов, более прагматичный подход к правосудию, выраженный, например, в сделке со следствием, в отличие от правосудия стран континентального права, где правовые принципы соблюдаются более четко.

С другой стороны, представители англоязычной правовой науки полагают, что судебный процесс никоим образом не предполагает поиска истины. Роль судьи в этой системе состоит в том, чтобы удержи-

вать баланс между спорящими сторонами, не принимая участия в их диспутах. Судья отнюдь не следователь, который стремится исправить недостатки дела с обеих сторон⁴².

Поскольку истец и ответчик в состязательной системе имеют свободу выбора в предоставлении доказательств суду, существует вероятность того, что истина во всей ее полноте вообще не будет раскрыта. Хотя состязательная система действует в рамках правил раскрытия информации, это не обязывает обе стороны быть полностью открытыми в отношении имеющихся у них доказательств; существует простое требование, чтобы они раскрывали любую информацию, которая конкретно запрошена их оппонентом. Конечно, это ограничивает представление доказательств: если неизвестно, что оно существует, оно не будет запрошено. Следовательно, в состязательной системе, если у защиты есть доказательства, неблагоприятные для их клиента, адвокаты могут просто игнорировать их и надеяться, что они не будут запрошены обвинением (и наоборот)⁴³.

В розыскной системе этого не произойдет, поскольку следственный судья отвечает за изучение всех доказательств, хотя адвокаты обеих сторон могут представить ему только выгодные для их клиентов доказательства, но не имеют возможности утаивать или скрывать их. Таким образом, этот подход кажется более эффективным способом установления истины в конкретном деле, поскольку нет ограничений на появление ключевых доказательств, поэтому все факты и доказательства доступны для изучения.

Роль следственного судьи гораздо более активна на всех этапах процесса разрешения спора, чем в состязательной процедуре — судье разрешается играть центральную роль в сборе и оценке доказательств до начала судебного разбирательства. Судья может решить, насколько весомы, надежны и правдоподобны доказательства. Эта активная роль в принятии окончательного решения контрастирует с гораздо более ограниченной ролью судьи в состязательном процессе, который лишь выносит решение о том, являются ли доказательства юридически надлежащими.

Различия заключаются также в порядке предъявления обвинения, в роли судьи и в средствах доказывания. В странах, сохранивших состязательный процесс, судебное разбирательство начинается с предъявления обвинения потерпевшим либо его родителями или другими родственниками противнику перед соответствующим органом государственной власти. В Великобритании и США подобную роль играет институт коронеров, которые выносят вердикт о том, было ли совершено преступление и в случае утвер-

⁴² См.: *Van Koppen P. J., Penrod S. D. (eds). Adversarial versus Inquisitorial Procedural Regimes // American Law and Economics Review. 2003. Vol. 2. P. 170—194.*

⁴³ *Ibid.*

⁴⁰ *Inchauspé D. Op. cit. P. 5.*

⁴¹ *Ibid. P. 8*

дительного вердикта передают дело в суд либо Большое жюри (Grand Jury). В случае отказа обвинителя от обвинения дело прекращается.

Если обвиняемый признается в совершении преступления, в котором его обвиняют, его вина подтверждается сразу, и рассмотрение обстоятельств дела в суде не производят, решение о назначении наказания остается за судьей.

Наконец, процедура имеет публичный, устный и состязательный характер.

Вместе с тем следственное производство зависит не только от инициативы сторон. В результате в странах позитивного права судья играет активную роль в судебном процессе и, следовательно, имеет полный контроль над ним. Таким образом, он может полагаться на доказательства, предоставленные ему сторонами, и, если он пожелает, самостоятельно искать другие доказательства, например запрашивая экспертизу, чтобы составить собственное мнение.

Если говорить о состоянии судебного процесса в Великобритании, которая многие столетия была столпом состязательного процесса, то следует констатировать, что в области уголовного правосудия Англии и Уэльса произошли масштабные реформы. После получивших широкое освещение в прессе судебных ошибок, таких как дело «Гилфордской четверки» (Guildford Four), появились казусы, когда приговоры к пожизненному заключению по делам о терроризме были отменены после длительного общественного обсуждения и скандалов в СМИ. В результате для пересмотра этих и им подобных дел в 1993 г. была создана Королевская комиссия по уголовному процессу (Royal Commission on Criminal Procedure), называемая также комиссией Рансимана, которая предложила целую систему реформ.

По утверждению Ф. Беллони и Ж. Ходжсон целью всех этих реформ «было создание процесса уголовного судопроизводства, который был бы административно эффективным и сводил к минимуму «риск» состязательного процесса»⁴⁴. Королевская Комиссия по уголовному процессу, по ее собственному утверждению, стремилась дать в основном практические рекомендации без основательной теоретической базы, но признавала, что ее рекомендации «справедливо можно интерпретировать как стремление сдвинуть систему в сторону следствия»⁴⁵.

Процедуры судебных процессов на европейском континенте также включают все больше противоборствующих элементов. Это происходит отчасти под влиянием Европейского суда по правам человека.

Этот суд, состоящий из судей с разным юридическим образованием, принадлежащих к разным системам судов, периодически вводит элементы состязательного

процесса в следственно-уголовную систему правосудия на континенте.

В то же время во Франции более 90% дел в уголовном процессе рассматриваются без следственного судьи⁴⁶. Все больше уголовных дел вообще разбираются в процедурах досудебного или внесудебного разбирательства, поскольку подследственные охотно идут на сделку со следствием. В тех системах суда, где формально продолжают существовать процедуры инквизиционного процесса, признание вины не должно допускаться, однако реальность такова, что в случаях, когда вина признается, официальные разбирательства относительно кратки, если не поверхностны⁴⁷.

В последнее десятилетие некоторые специалисты по процессуальному праву констатируют, что системы уголовного правосудия находятся в постоянном напряжении. Увеличение количества дел, переполненность судебных залов, рост числа заключенных и высокий уровень рецидивов привели к растущему разочарованию в системах, которые критиковались как дорогие, устаревшие, сложные, несправедливые, медленные и не учитывающие интересы жертв преступлений и общества в целом.

Одним из следствий этой критики стал поиск различных новаторских методов борьбы с преступностью и связанными с ней социальными проблемами. В ряде стран развились теории и практика восстановительного правосудия⁴⁸ и терапевтической юриспруденции⁴⁹, создав более инклюзивные, оптимистичные и позитивные рамки для систем правосудия и трансформировав способы понимания и функционирования государственных систем разрешения споров. В этих юрисдикциях рост интереса к различным способам разрешения споров отражает глубокое разочарование в традиционных методах конфронтации, присущих состязательной системе общего права.

Хотя терапевтическая юриспруденция и восстановительное правосудие являются наиболее известными из таких теорий, они не единственные, которые разрабатывались, формулировались и применялись на практике. Другие, в том числе альтернативное разрешение споров⁵⁰, целостное право⁵¹, суды по

⁴⁶ См.: *Freiberg A.* Post-Adversarial and Post-Inquisitorial Justice: Transcending Traditional Penological Paradigms. URL: <http://ssm.com/abstract=1609468>.

⁴⁷ См.: *McKillop B.* What Can We Learn from the French Criminal Justice System? // *Australian Law Journal*. 2002. Vol. 76. No. 1. P. 49—72.

⁴⁸ См.: *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / коммент. *Л. М. Карнозовой, С. А. Пашина*. М., 2002.

⁴⁹ См.: *Кубанцев С. П.* Терапевтическая юриспруденция: американская модель // *Право и политика*. 2005. № 8. С. 69—77.

⁵⁰ См.: *Котлярева В. В.* Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России. Самара, 2021.

⁵¹ См.: *Дворкин Р.* Империя права. М., 2021.

⁴⁴ *Belloni F., Hodgson J.* Criminal Injustice: An Evaluation of the Criminal Justice Process in Britain. Macmillan, 2000. P. 203.

⁴⁵ *Royal Commission on Criminal Procedure*, Report 1993. P. 3.

решению проблем, управленческое правосудие и теория «многодверного» суда («Multi-door Courthouse»), означающая вариативность в решении проблемы в гражданском процессе⁵², оказали влияние на формирование государственной политики и программы юридического образования.

Многие из этих нововведений могли бы рассматриваться инквизиционной системой правосудия, хотя и с должным учетом исторических, политических и культурных различий между двумя системами. Правоведы утверждают, что системы состязательного и инквизиционного правосудия должны трансформироваться, а не смешиваться, отсюда появляются термины «постсостязательное» и «постследственное» правосудие⁵³.

Новой обсуждаемой моделью также является «несостязательное правосудие», т. е. подход к гражданскому и уголовному процессу, предполагающий внесудебное решение спора, но включающий процедуры, используемые судами, которые идут вне судебных процессов при том условии, что в них участвуют как судьи, так и сотрудники суда. В этом состоит основное отличие «несостязательного правосудия» от ставшей уже признанной практики медиации — также внесудебной процедуры разрешения конфликта, изначально отрицавшей участие судей и сотрудников суда в процессе примирения сторон.

Основными предпосылками модели несостязательного правосудия являются предотвращение конфликта и тяжелых последствий конфликта, а не постконфликтные решения, сотрудничество. Цель подобной модели — найти истину, а не добиться разрешения споров, при котором все равно остается проигравшая сторона. Подобная модель основана на междисциплинарном, а не юридически ориентированном подходе.

Сьюзан Дайкофф предположила, что неконфликтные подходы к праву возникли по ряду причин: переход от четко определенных ценностей предыдущей эпохи к автономии, индивидуализму и приоритету личных прав и другим постмодернистским ценностям, а также развитие различных правовых теорий (правовой реализм, феминизм и критическая юриспруденция)⁵⁴. Личное и профессиональное разочарование в основанных на конфликте теориях и практиках права также привело к поиску более эффективных, продуктивных и удовлетворительных способов разрешения споров и решению юридических проблем.

В несостязательном правосудии имеются элементы, ряд которых более применим в следственной (ра-

зыской) системе судебного процесса, чем другие. К подобным элементам можно отнести: 1) отношения между общественностью и частными интересами; 2) отношения между судебной системой и идеей правосудия; 3) разницу между решением проблем сторон и разрешением споров; 4) важность процесса, а также результата; 5) важность партнерства; 6) роль судей; 7) важность междисциплинарности; 8) необходимость комплексного подхода.

Однако все рассуждения и полемики о новых формах разрешения конфликтов все же менее значительны, чем старый спор о преимуществах двух старейших форм судебного процесса.

Пожалуй, наиболее обоснованное представление о предмете дискуссии сформировала группа исследователей, которые посвятили несколько лет проведению экспериментов, целью которых являлось сравнение двух доминирующих типов юридических процедур, используемых в судебном разбирательстве: состязательной модели процесса, контролируемого противостоящими сторонами, и инквизиционной модели процесса, контролируемого судьями⁵⁵.

Отправной точкой экспериментов была теория Гордона Таллока, согласно которой следственное разбирательство, вероятно, будет более показательным и, следовательно, более точным, потому что «в состязательном разбирательстве большая часть ресурсов вкладывается тем, кто пытается ввести в заблуждение»⁵⁶.

В первой серии экспериментов был запущен процесс исследования конкурирующих теоретических гипотез путем аппроксимации условий с помощью стилизованных правил состязательной и инквизиционной процедур. В экспериментальных условиях было допущено преувеличение характерных черт двух систем до крайностей, преувеличение контроля присяжных (состязательного процесса) по сравнению с судебным контролем (инквизиторским процессом); признано допущение однозначно «правой» и «неправой» стороны при полном доступе к информации и распространение асимметричной информации между двумя противоборствующими и заинтересованными в победе сторонами таким образом, что «г-ну Неправильно» дана частная и порочащая информация, которую невозможно было проверить. Результаты показали, что в этих условиях «инквизиционная» система, контролируемая судьями, является более показательной, и более точной.

Затем провели вторую серию экспериментов с другой информационной структурой, наделив «г-на Пра-

⁵² См.: Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005. С. 189.

⁵³ См.: Смирнов А. В. 2050 год: постсостязательный процесс? // Материалы МАСП. Уголовная юстиция. Связь времен // URL: <https://www.iuaj.net/node/538?ysclid=ljvqzo6279322651640>.

⁵⁴ См.: Daikoff S. S. Law as a Headling Profession: The Comprehensive Law Movement // Pepperdine Dispute Resolution Law Journal. 2006. Vol. 6.

⁵⁵ См.: Block M. K., Parker J. S., Vyborna O., Dusek L. An Experimental Comparison of Adversarial Versus Inquisitorial Procedural Regimes // American Law and Economics Review. 2000. Vol. 2. No. 1. P. 170—194.

⁵⁶ Tullock G. Trials on trial: the pure theory of legal procedure. New York, 1980. P. 96.

вильно» разгадкой содержания порочащих сведений, которыми располагал «г-н Неправильно». В рамках этой структуры асимметричной, но коррелированной информации между сторонами относительная эффективность состязательной и инквизиционной систем полностью меняется на противоположную. С такой информационной структурой контролируемая представителями обвинения и защиты «состязательная» система теперь является и более показательной, и более точной, чем контролируемая судьями «инквизиционная» система.

В обоих экспериментах исследователи пришли к выводу, что состязательные и инквизиционные процедуры давали существенно разные результаты и их относительная эффективность в значительной степени зависит от структуры информации, доступной сторонам. Главный вывод исследователей состоит в том, что относительная эффективность двух систем по установлению фактов как с точки зрения «выявления» скрытых фактов, так и с точки зрения «точности» решения в значительной степени зависит от информационной структуры. При «частной» информационной структуре экспериментов первого типа более эффективной является следственная процедура, тогда как при «коррелированной» информационной структуре более эффективной является состязательная процедура.

Существует и другая точка зрения, согласно которой многие страны, традиционно использовавшие инквизиционные процедуры, приняли в новейший период состязательные модели представления доказательств в судебных процессах, отводящие адвокатам более заметную роль, а судьям менее заметную. В результате контроль над созданием юридических актов в судебных процессах перешли от судей к тяжущимся через посредство их доверенных юристов. Доказательства состязательного процесса формируются в основном из последовательности устных вопросов и ответов между адвокатами и свидетелями, тогда как в розыскных процессах судьи строят судебные акты главным образом с помощью письменных свидетельских показаний. Лингвистические характеристики представления доказательств в состязательном процессе имеют значение для общественного восприятия процессуальной справедливости и легитимности закона. По прогнозам исследователей в области социальной психологии, включение элементов состязательного судебного процесса в розыскной в части представления доказательств и последующие изменения в судебной практике будут положитель-

ными в одних аспектах, но потенциально отрицательными в других⁵⁷.

Выводы:

1) инквизиционная модель судебного процесса распространялась наиболее быстро и эффективно в тех странах в период Средневековья, где широкое признание получила рецепция римского права и сформировавшееся на этой основе каноническое право. Усиление деятельности церковных судов также способствовало распространению инквизиционной формы судебного процесса;

2) в странах, исторически склонных к сохранению состязательного судебного процесса, инквизиционные процедуры начинают усиливаться в период формирования абсолютной монархии, как было в Англии при Тюдорах, или России в период правления Петра I и его преемников;

3) в настоящее время обе судебные системы, состязательная и инквизиционная, демонстрируют неэффективность процедур, много несовершенств и недостатков, унаследованных от прошлого, тем более что само название инквизиционного процесса запятнано многочисленными эксцессами, например пытками, приведшими к осуждению значительного количества ни в чем не повинных людей. К порокам инквизиционного процесса также относится произвол, имевший место в результате отсутствия гласности и защиты. Скомпрометированной оказалась также состязательная форма судебного процесса, поскольку в ее основе не заложено поиска истины, а справедливое решение целиком зависит от качества и полноты представленной суду информации;

4) умножение различных форм досудебного или внесудебного урегулирования конфликтов, появление «несостязательного правосудия», «восстановительного правосудия» и проч. вполне могут подорвать веками складывавшийся авторитет судебной власти;

5) если ни одна из двух систем судебного процесса не обеспечивает удовлетворительного решения или гарантий соблюдения равенства сторон и справедливости, то для надлежащего отправления правосудия необходимо создать смешанную форму судебного процесса. Прогресс на пути к правовой цивилизации состоит в заимствовании у каждой из этих типов процедур их лучших элементов.

⁵⁷ См.: *Ainsworth J. Legal Discourse and Legal Narratives: Adversarial versus Inquisitorial Models // Language and Law-Linguagem e Direito. 2015. Vol. 2(1). P. 1—11.*

Список литературы

1. Belloni F., Hodgson J. *Criminal Injustice: An Evaluation of the Criminal Justice Process in Britain*. Macmillan, 2000.
2. Block M. K., Parker J. S., Vyborna O., Dusek L. *An Experimental Comparison of Adversarial Versus Inquisitorial Procedural Regimes // American Law and Economics Review. 2000. Vol. 2. No. 1.*
3. Bridgewater P. *The Vehmgericht or secret tribunal // Bridgewater P. The German Gothic Novel in Anglo-German Perspective*. Rodopi, 2013. DOI: 10.1163/9789401209922_015.
4. Daikoff S. *S. Law as a Headling Profession: The Comprehensive Law Movement // Pepperdine Dispute Resolution Law Journal. 2006. Vol. 6.*

5. Freiberg A. *Post-Adversarial and Post-Inquisitorial Justice: Transcending Traditional Penological Paradigms*. URL: <http://ssm.com/abstract=1609468>.
6. Inchauspé D. *L'erreur judiciaire*. Paris, 2010.
7. King M., Freiberg A., Batagol B., Hyams R. *Non-Adversarial Justice*. Sydney, 2009.
8. McKillop B. What Can We Learn from the French Criminal Justice System? // *Australian Law Journal*. 2002. Vol. 76. No. 1.
9. Piquerez G., Macaluso A. *Procédure pénale Suisse*. Zürich, 2011.
10. Serani A. *L'erreur judiciaire. D'où vient-elle et quelles sont ses répercussions?: Mémoire en vue de l'obtention de la Maîtrise universitaire en droit (Master of Law)*. Genève, 2019.
11. Tullock G. *Trials on trial: the pure theory of legal procedure*. New York, 1980.
12. Van Koppen P. J., Penrod S. D. (eds). *Adversarial versus Inquisitorial Procedural Regimes* // *American Law and Economics Review*. 2003. Vol. 2.
13. Аверин А. В., Гроза Ю. А. Инквизиция, тайные свидетели и современность // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2017. № 2.
14. Амплеева Т. Ю. Розыскной процесс в Московском государстве // *Закон и право*. 2007. № 2.
15. Богданов М. Н., Егоров А. М., Шленков А. Г. «Слово и дело государево» как формула допроса по государственным преступлениям в условиях развития абсолютизма в России, конец XVII—XVIII вв. Историко-правовой анализ // *Закон и право*. 2020. № 7.
16. Воскобитова Л. А. *Сущностные характеристики судебной власти*. Ставрополь, 2003.
17. Дворкин Р. *Империя права*. М., 2021.
18. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / коммент. Л. М. Карнозовой, С. А. Пашина. М., 2002.
19. Калинина Е. Ю. Развитие испанской системы права в рамках средневекового «правового возрождения» (рецепции римского права) внутри романо-германской правовой семьи // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Серия: Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 6(814).
20. Котлярева В. В. *Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России*. Самара, 2021.
21. Кубанцев С. П. *Терапевтическая юриспруденция: американская модель* // *Право и политика*. 2005. № 8.
22. Лисий. *Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена* // *Лисий. Речи*. М., 1994.
23. Логинова Т. Е. Характеристика норм уголовно-процессуального права в «Каролине» // *Вестник Пермского университета*. 2010. Вып. 3(9).
24. Марк Туллий Цицерон. *Речь в защиту Марка Целия Руфа* // *Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения*. М., 1975.
25. Носырева Е. И. *Альтернативное разрешение споров в США*. М., 2005.
26. Орлов А. В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // *Вестник Самарского юридического института*. 2019. № 1(32).
27. Петракова С. А. Эволюция принципа состязательности (на примере гражданского процессуального права) // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2019. Т. 1. № 3.
28. Петрухин И. Л. Состязательность и правосудие // *Государство и право*. 1994. № 10.
29. Хащина Э. Э. Типология судебного процесса: понятия и подходы // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2019. № 3.
30. Чельцов-Бебутов М. А. *Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах*. М., 1957.
31. Guy J. A. *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789* / ed. by A. J. L. Jourdan, F.-A. Isambert, A. H. Taillandier. Paris, 1821.
32. The Cardinal's Court: The Impact of Thomas Wolsey in Star Chamber // *Michigan Law Review*. 1979. Vol. 77. Iss. 3(38).
33. Кожевников М. В. *История Советского суда* / под ред. И. Т. Голякова. М., 1948.
34. Вышинский А. Я. *Теория судебных доказательств в советском праве*. М., 1946.
35. Ainsworth J. *Legal Discourse and Legal Narratives: Adversarial versus Inquisitorial Models* // *Language and Law-Linguagem e Direito*. 2015. Vol. 2(1).

References

1. Belloni F., Hodgson J. *Criminal Injustice: An Evaluation of the Criminal Justice Process in Britain*. Macmillan, 2000. 265 p.
2. Block M. K., Parker J. S., Vyborna O., Dusek L. An Experimental Comparison of Adversarial Versus Inquisitorial Procedural Regimes. *American Law and Economics Review*, 2000, vol. 2, no. 1, pp. 170—194.
3. Bridgewater P. The Vehmgericht or secret tribunal. In: Bridgewater P. *The German Gothic Novel in Anglo-German Perspective*. Rodopi, 2013. Pp. 541—590. DOI: 10.1163/9789401209922_015.
4. Daikoff S. S. Law as a Headline Profession: The Comprehensive Law Movement. *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*, 2006, vol. 6, pp. 1—63.
5. Freiberg A. *Post-Adversarial and Post-Inquisitorial Justice: Transcending Traditional Penological Paradigms*. 25 p. Available at: <http://ssm.com/abstract=1609468>.
6. Inchauspé D. *L'erreur judiciaire*. Paris, 2010. 542 p.

7. King M., Freiberg A., Batagol B., Hyams R. *Non-Adversarial Justice*. Sydney, 2009. 352 p.
8. McKillop B. What Can We Learn from the French Criminal Justice System? *Australian Law Journal*, 2002, vol. 76, no. 1, pp. 49—72.
9. Piquerez G., Macaluso A. *Procédure pénale Suisse*. Zürich, 2011. 575 p.
10. Serani A. *L'erreur judiciaire. D'où vient-elle et quelles sont ses répercussions?: Mémoire en vue de l'obtention de la Maîtrise universitaire en droit (Master of Law)*. Genève, 2019. 121 p.
11. Tullock G. *Trials on trial: the pure theory of legal procedure*. New York, 1980. 255 p.
12. Van Koppen P. J., Penrod S. D. (eds). Adversarial versus Inquisitorial Procedural Regimes. *American Law and Economics Review*, 2003, vol. 2, pp. 1—19.
13. Averin A. V., Groza Yu. A. Inquisition, secret witnesses and present. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2017, no. 2, pp. 103—112. (In Russ.)
14. Ampleeva T. Yu. Search process in the Moscow State. *Zakon i pravo*, 2007, no. 2, pp. 112—114. (In Russ.)
15. Bogdanov M. N., Egorov A. M., Shlenkov A. G. “Word and Case of the State” as a formula of interrogation on state crimes in conditions of development of absolutism in Russia in the late XVII—XVIII centuries: historical and legal analysis. *Zakon i pravo*, 2020, no. 7, pp. 34—40. (In Russ.)
16. Voskobitova L. A. *Essential characteristics of the judiciary*. Stavropol', 2003. 160 p. (In Russ.)
17. Dworkin R. *Law's Empire*. Moscow, 2021. 592 p. (In Russ.)
18. Zer Kh. *A new focus for Crime and Justice*. Moscow, 2002. 328 p. (In Russ.)
19. Kalinina E. Yu. Evolution of the Spanish legal system in the context of the medieval legal renaissance (the Roman law reception) within the Romano-Germanic legal system. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 2018. Iss. 6(814). Pp. 275—283. (In Russ.)
20. Kotlyareva V. V. *Alternative ways of settling and resolving disputes in Russia*. Samara, 2021. 104 p. (In Russ.)
21. Kubantsev S. P. Therapeutic jurisprudence: the American model. *Pravo i politika*, 2005, no. 8, pp. 69—77. (In Russ.)
22. Lysias. On the Murder of Eratosthenes. *Lysias. Speeches*. Moscow, 1994. 369 p. (In Russ.)
23. Loginova T. E. The description of criminal and procedural law norms in the Carolina. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2010, iss. 3(9), pp. 13—18. (In Russ.)
24. Marcus Tullius Cicero. Pro Caelio. In: Marcus Tullius Cicero. *Selected writings*. Moscow, 1975. 456 p. (In Russ.)
25. Nosyreva E. I. *Alternative Dispute Resolution in the USA*. Moscow, 2005. 320 p. (In Russ.)
26. Orlov A. V. The system of restrictive measures in Russia: the history of formation and the prospects of development. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2019, no. 1(32), pp. 85—89. (In Russ.)
27. Petrakova S. A. Evolution of the adversarial principle (on the example of civil procedural law). *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*, 2019, vol. 1, no. 3, pp. 34—40. (In Russ.)
28. Petrukhin I. L. Competition and Justice. *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no. 10, pp. 128—137. (In Russ.)
29. Khashchina E. E. Typology of judicial process: concept and approaches. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*, 2019, no. 3, pp. 149—156. (In Russ.)
30. Cheltsov-Bebutov M. A. *The course of Soviet criminal procedure law. Essays on the history of the court and the criminal process in the slave, feudal and bourgeois states*. Moscow, 1957. 839 p. (In Russ.)
31. Jourdan A. J. L., Isambert F.-A., Taillandier A. H. (eds). *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789*. Paris, 1821. 396 p.
32. Guy J. A. The Cardinal's Court: The Impact of Thomas Wolsey in Star Chamber. *Michigan Law Review*, 1979, vol. 77, iss. 3(38). 191 p.
33. Kozhevnikov M. V. *History of the Soviet Court*. Ed. by I. T. Golyakov. Moscow, 1948. 376 p. (In Russ.)
34. Vyshinskiy A. Ya. *Theory of judicial evidence in Soviet law*. Moscow, 1946. 219 p. (In Russ.)
35. Ainsworth J. Legal Discourse and Legal Narratives: Adversarial versus Inquisitorial Models. *Language and Law-Linguagem e Direito*, 2015, vol. 2(1), pp. 1—11.

Информация об авторе

П. Ю. Фесик, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Волжского государственного университета водного транспорта, кандидат юридических наук

Information about the author

P. Ju. Fesik, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Volga State University of Water Transport

Поступила в редакцию 22.01.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 22.01.2023

Accepted 22.06.2023

ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, АГРАРНОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Оригинальная статья
УДК 349.6(4+5)
DOI: 10.61205/jzsp.2023.054

Тенденции развития зарубежного законодательства об охране окружающей среды

Ольга Марковна Сакович

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, sakom4918@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9592-2822>

Аннотация. В статье исследуются современные подходы к решению экологических проблем в правовых системах государств Европы (Словении, Словакии, Сербии, Хорватии, Чехии) и Азии (Казахстана, Монголии). Анализируются общие направления развития экологического законодательства и традиционных эколого-правовых институтов. Отмечаются особенности формирования системы экологического законодательства в рассматриваемых европейских государствах с учетом геополитических условий их образования и членства в Европейском союзе. Подчеркивается роль международного права и права ЕС.

Исследование сосредоточено на анализе национальных законов об охране окружающей среды с кратким обзором природоохранного законодательства. Особо отмечены новый закон Словении 2022 г. и новые законы о пространственном планировании и градостроительстве Чехии и Словакии. Рассмотрены особенности применения инструментов охраны окружающей среды в законах отдельных государств, в частности оценки воздействия на окружающую среду (Хорватия, Казахстан, Монголия), экологического мониторинга, менеджмента и аудита (Словения). Сравниваются подходы к прекращению и ограничению вещных прав при экологическом мониторинге законодателей Словении и Хорватии. На примере правовых систем Сербии, Казахстана и Монголии рассмотрены экономические инструменты стимулирования природоохранной деятельности юридических и физических лиц. Отмечено закрепление в большинстве природоохранных законов торговли квотами на выброс парниковых газов в качестве экономического инструмента. Обращено внимание на формы регулирования в зарубежном природоохранном законодательстве изменения климата. Отмечена регламентация правомочий органов исполнительной власти и других органов и организаций в сфере управления окружающей средой.

Таким образом, в ходе сравнительно-правового исследования рассмотрены новые законодательные акты, отмечены особенности применения инструментов охраны окружающей среды, роль экономических инструментов в формировании ответственного отношения юридических и физических лиц и общества в целом к охране окружающей среды, значение договорного права в регулировании отношений частных и публичных лиц при реализации норм экологического права, т. е. выявлены общие черты и особенности правовых систем отдельных государств Европы и Азии. Наряду с законодательством автор статьи анализирует позиции российских ученых.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, правовой порядок, законодательство, оценка воздействия на окружающую среду, территориальное планирование, изменение климата, баланс интересов, экономические стимулы, экологический менеджмент, верификатор EMAS

Для цитирования. Сакович О. М. Тенденции развития зарубежного законодательства об охране окружающей среды // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 98—106. DOI: 10.61205/jzsp.2023.054

Original article

Trends in the Development of Foreign Legislation on Environmental Protection

Olga M. Sakovich

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, sakom4918@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9592-2822>

Abstract. This article explores modern approaches to solving environmental problems in the legal order of the states of Europe (Slovenia, Slovakia, Serbia, Croatia, Czech Republic) and Asia (Kazakhstan, Mongolia). The general directions of development of environmental legislation and traditional environmental legal institutions are analyzed. The features of the formation environmental legislation in the considered European states are noted, taking into account the geopolitical conditions of their formation and membership in the European Union. The role of international legal acts and EU law is emphasized.

The study focuses on the analysis of national laws on environmental protection with a brief overview of environmental legislation. The new Slovenian law of 2022 and the new laws on spatial planning and urban planning in the Czech Republic and Slovakia were highlighted in particular. The features of the application of environmental protection instruments in the laws of individual states, in particular, environmental impact assessment (Croatia, Kazakhstan, and Mongolia), environmental monitoring, management and audit (Slovenia) are considered. Approaches to the termination and restriction of property rights in environmental monitoring by the legislators of Slovenia and Croatia are compared. On the example of the legal orders of Serbia, Kazakhstan and Mongolia, economic instruments for stimulating the environmental activities of legal entities and individuals are considered. It was noted that in most environmental laws trading in greenhouse gas emission quotas as an economic instrument. Attention is drawn to the forms of regulation of climate change in foreign environmental legislation. The regulation of the powers of executive authorities and other bodies and organizations in the field of environmental management is noted.

Thus, in the course of a comparative legal study, new legislative acts were considered, the features of the application of environmental protection instruments, the role of economic instruments in shaping the responsible attitude of legal entities and individuals and society as a whole to environmental protection, the importance of contract law in regulating relations between private and public figures in the implementation of the norms of environmental law, that is, the common features and peculiarities of the legal order of individual states of Europe and Asia are revealed. Along with legislation, the article analyzes the positions of Russian scientists.

Keywords: environmental protection, law and order, legislation, environmental impact assessment, territorial planning, climate change, balance of interests, economic incentives, environmental management, verifier EMAS

For citation. Sakovich O. M. Trends in the Development of Foreign Legislation on Environmental Protection. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 98—106. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.054

Введение. Правовая охрана окружающей среды на протяжении многих лет является областью сравнительно-правовых исследований российских и зарубежных ученых. Современные природные катаклизмы заставляют научное сообщество по-новому смотреть на экологические проблемы, в том числе связанные с изменением климата. Государства посредством включения экологических норм в разные отрасли законодательства содействуют экологизации большинства видов экономической деятельности и формированию ответственного отношения общества к окружающей среде и природе. При этом С. А. Боголюбов считает метод экологизации универсальным и действенным способом природоохранного регулирования всех общественных отношений, имеющих причастность к окружающей человека среде¹. По мнению Н. И. Хлуденевой, на современном этапе общественного развития государство, опираясь на регулятивные возможности права, должно попытаться сбалансировать, а может быть, и примирить законы сохранения природы и потребительские интересы человека, равновесие между которыми нарушены в последнее время².

Предметом настоящего исследования является экологическое законодательство отдельных государств Европы (Словакии, Чехии, Словении, Хорватии и Сербии) и Азии (Казахстана и Монголии). Выбор правовых порядков государств продиктован стремлением выявить национальные подходы к правовому решению общих экологических проблем, требующих консолидации сил государства и общества и баланса публичных и частных интересов. В указанных зарубежных государствах правовая охрана окружающей среды регулируется эколо-

гическими и другими законами. Особенностью европейских правовых порядков является наличие наряду с законами об охране окружающей среды также законов об охране природы и ландшафтов, которыми преимущественно регулируются территориальные системы экологической устойчивости, особо охраняемые территории, виды дикой флоры и фауны и др. Охрана и использование отдельных объектов природы в европейских странах регулируются специальными законами. Схожий порядок регулирования существует в Монголии, тогда как в Казахстане экологическое законодательство кодифицировано, а охрана окружающей среды регулируется Экологическим кодексом.

Европа. Исследование правовых порядков вышеуказанных европейских государств начнем с истории их образования. До начала 1990-х гг. они входили в состав федераций — Чехословакии (ЧСФР) и Югославии (СФРЮ), процесс распада которых разительно отличался. Если разделение Чехословакии на два государства, так называемый «бархатный развод», произошло мирно, то распад Югославии длился долго по причине серьезных политических и национальных конфликтов. Образовавшиеся после распада федераций суверенные государства в разное время приступили к созданию национального экологического законодательства. В XXI в. большинство государств (кроме Сербии) были приняты в Европейский союз, поэтому законодательные страны — члены ЕС — Чехии, Словакии, Словении и Хорватии, а также кандидата в члены ЕС Сербии при разработке природоохранного законодательства помимо геополитических интересов своих государств руководствуются правом ЕС. Основными регуляторами охраны окружающей среды в большинстве европейских стран являются законы об окружающей среде³.

¹ См.: Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права: учебник для магистров. М., 2011. С. 32.

² См.: Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография. М., 2014. С. 9.

³ Подробнее см.: Источники экологического права / отв. ред. С. А. Боголюбов. М., 2023. С. 93—108 (автор — О. М. Сакович).

Мирный распад Чехословакии в 1993 г. обусловил переход Закона об охране окружающей среды от 5 декабря 1991 г. в правовом порядке образовавшихся суверенных государств в качестве национальных законов Чехии⁴ и Словакии⁵. За прошедшие 30 лет содержание этих законов, имеющих одну структуру и объем, менялось в соответствии с коррекцией самого понятия охраны окружающей среды и модификацией эколого-правовых институтов. В частности, декларированная в них обязательная оценка воздействия на окружающую среду регулируется одноименными законами Чехии 2001 г. и Словакии 2005 г. Самостоятельную сферу правового регулирования представляет управление отходами, которое в Чехии регулируется Законом об отходах 2020 г., а в Словакии — законами «Об отходах» 2015 г. и «О плате за удаление отходов» 2018 г.

В Чехии и Словакии происходит обновление правового регулирования территориального планирования и градостроительства, затрагивающее комплекс разных экологических проблем. Долгое время на территории двух государств действовал Закон о строительстве 1976 г., от которого первой по истечении 30 лет отказалась Чехия, где в 2006 г. был принят Закон о территориальном планировании и правилах строительства (Строительный закон), а в 2021 г. новый Закон о строительстве, вступивший в силу с 1 июля 2023 г. В Словакии Строительный закон 1976 г. пока действует, поскольку принятые в 2022 г. законы «О территориальном планировании» и «О строительстве» вступают в силу только с 1 апреля 2024 г.

Изменение климата в Чехии и Словакии нашло отражение в законах, регулирующих использование альтернативных источников энергии, сокращение выбросов парниковых газов, систему торговли эмиссионными квотами. В 2021 г. в Чехии принят Закон о мерах перехода к низкоуглеродной энергетике, устанавливающий экономические стимулы инвестирования в атомную энергетику.

В рассматриваемых государствах *бывшей Югославии* правотворчество в сфере экологии активизировалось в начале XXI в. с принятием законов об охране окружающей среды в 2004 г. в Словении и Сербии и в 2007 г. в Хорватии, отличающиеся по структуре и содержанию от рассмотренных ранее законов Чехии и Словакии. С 1 января 2023 г. в Словении вступил в силу новый Закон об охране окружающей среды⁶ от 16 марта 2022 г., состоящий из 15 частей и 263 статей.

Согласно Пояснительной записке Правительства Словении⁷ «новый Закон является фундаментальным

системным нормативным актом, “горизонтально” регулирующим эколого-правовые институты и меры охраны окружающей среды». По сравнению с ранее действовавшим Законом 2004 г. в новом Законе подробнее регулируются управление отходами, оценка воздействия на окружающую среду, экологический контроль, включена глава об изменении климата, затронута сфера вещных прав на недвижимость. Определены полномочия органов исполнительной власти и других органов и организаций в сфере управления окружающей средой.

К новеллам относятся положения о «прогнозировании загрязнения окружающей среды и изменения климата», которыми на Министерство окружающей среды и территориального планирования (далее — Министерство окружающей среды) возлагается подготовка прогнозов выбросов загрязняющих веществ и прогнозов изменения климата, а также выдача на основе открытого конкурса государственных разрешений на эмиссию (ст. 54). Разрешение Министерства окружающей среды требуется для добровольного участия частных и государственных организаций в системе экологического менеджмента и аудита EMAS. Условия, которым должна соответствовать организация-претендент, определяются правилами ЕС. Верификатором EMAS может быть только юридическое лицо, аккредитованное данным Министерством и отвечающее другим установленным Законом требованиям. В обязанности верификатора EMAS входит ведение учета аккредитованных контролеров EMAS и представление информации о них Министерству окружающей среды (ежемесячно или по запросу); записи контролеров EMAS согласно Закону являются общедоступными. По запросу Министерства контролер EMAS должен предоставить всю информацию о процедурах проверки отдельных организаций, а Министерство — обеспечить защиту данных, составляющих коммерческую тайну (ст. 68—69).

В разделе «Изменение климата» определены цели государственной политики и долгосрочной климатической стратегии, а также полномочия образованного при Правительстве Совета по климату. К числу экономических инструментов охраны окружающей среды, как и во многих зарубежных странах, отнесена торговля правами на выброс парниковых газов в ЕС и регулируются процедуры выдачи разрешений на выброс и проведения аукционов, а также определяются цели использования полученных в результате средств. Правовой опыт зарубежных стран в области сохранения климата и торговли эмиссионными квотами в качестве источника финансирования сокращения выбросов парниковых газов, по мнению российских ученых, представляет интерес для науки и законодательной практики России⁸.

⁴ Zákon č. 17/1992 Sb. o životním prostředí.

⁵ Zákon č. 17/1992 Zb. o životnom prostredí.

⁶ Zakon o varstvu okolja (ZVO-2) (UradniklistRS, št. 44/22).

⁷ Obrazložitev vlade slovenije z dne 29. marca 2021 k novemu zakonu o varstvu okolja 007-529/2020/546 Ljubljana, 29.10.2021 EVAštevilk — Vladahttp://84.39.218.201 › VLADNAGRADIVA.NSF.

⁸ Подробнее см.: Сакович О. М., Никонов Р. В. Правовое обеспечение сокращения выбросов парниковых газов: зару-

В целях поддержания баланса частных и публичных интересов в природоохранной деятельности словенским законодателем введен термин «экологическая функция недвижимости». Предусмотрена возможность установления особого режима пользования недвижимым имуществом, правами собственности и другими вещными правами, осуществления деятельности в отношении природных объектов, отнесенных к особо охраняемым природным территориям или природным ценностям. При этом меры обеспечения экологической функции имущества определяются Законом об охране окружающей среды и природоресурсными законами (п. 3 ст. 17).

В данном контексте следует рассматривать установленный словенским Законом и законодательствами других стран правовой режим ограничения или прекращения вещных прав при экологическом мониторинге (ст. 149). По Закону мониторинг состояния окружающей среды может осуществляться непосредственно Министерством охраны природы Словении совместно с Министерством сельского и лесного хозяйства, общественным институтом, учрежденным государством, или, на основании концессии, аккредитованными юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

В связи с экологическим мониторингом на собственников земельных участков возлагается обязанность предоставить допуск для установки и эксплуатации сооружений и измерительных приборов, проведения земляных и буровых работ, пробной отработки, забора грунта и растений и других необходимых работ. При проведении данных работ подрядчик должен минимально влиять на использование и состояние земель, а по завершении работ восстановить их прежнее состояние. До начала работ с собственником земли должен быть заключен договор, которым предусматривается компенсация на время проведения мониторинга, а по окончании работ — соглашение о компенсации снижения стоимости земли в случае невозможности восстановления прежнего состояния. Если по причине установленных ограничений (вещных обременений) пользование земельным участком невозможно, собственник вправе получить денежную или натуральную компенсацию в порядке, установленном Законом о пространственном планировании.

В хорватском Законе об охране окружающей среды от 14 июня 2013 г.⁹ регулирование вещных прав в связи с экологическим мониторингом имеет особенности. В статье 147 констатируется, что необходи-

мость наблюдения за состоянием окружающей среды обуславливает заинтересованность государства в прекращении или ограничении права собственности и иных вещных прав на недвижимое имущество, на котором уже находятся, или должны быть установлены объекты и/или средства контроля за состоянием окружающей среды. Собственник земельного участка имеет право на возмещение рыночной стоимости отчужденной части недвижимого имущества, а процедура прекращения или ограничения права собственности и иных вещных прав осуществляется в соответствии с Законом об экспроприации и определении компенсации 2017 г. Уполномоченное на проведение мониторинга лицо обязано преимущественно использовать земли, находящиеся в государственной собственности (органа регионального или местного самоуправления или г. Загреб), выбирая при этом места, где меньше всего будет затронуто регулярное землепользование. В процессе проведения работ по установке оборудования или измерительных приборов уполномоченное лицо обязано минимально влиять на режим землепользования, а по окончании — восстановить первоначальное состояние земельного участка.

В целях мониторинга состояния окружающей среды уполномоченное лицо должно заключить договор с государством (органом регионального или местного самоуправления, г. Загреб или управляющим государственным имуществом лицом) и собственником земли. При этом на землях оборонного значения порядок размещения оборудования и проведения работ для экологического мониторинга регулируется специальным законом, а на морском побережье уполномоченному лицу требуется получить концессию на целевое землепользование в соответствии со специальным законом.

Сравнивая содержание приведенных норм словенского и хорватского законов, отметим следующее: в Хорватии изначально сделан акцент на государственном характере экологического мониторинга и рекомендовано преимущественное использование земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности; в Хорватии и Словении осуществление связанных с мониторингом работ и права собственников на компенсацию ограничений режима пользования земельным участком или снижения его рыночной стоимости регулируется договором, стороной которого в Хорватии является орган регионального или местного самоуправления или лицо, управляющее государственной собственностью, между тем в Словении правовой статус заинтересованной в мониторинге стороны договора не достаточно ясен.

Завершая рассмотрение природоохранного законодательства Словении, подчеркнем комплексный характер Закона об охране окружающей среды, поскольку только им на сегодняшний день регулиру-

бежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С. 83—92; Право и климат планеты / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. А. Боголюбов, Н. В. Кичигин. М., 2018. § 2 гл. I (автор — С. А. Боголюбов), § 2 гл. II (автор — Н. В. Кичигин).

⁹ Zakonozastititokoliša (NN80/13(1659 — 118/18).

ются общественные отношения, связанные с оценкой воздействия на окружающую среду, экологическим мониторингом и аудитом, управлением отходами, использованием экономических механизмов стимулирования природоохранной деятельности, изменением климата и др. Вместе с тем правовая защита биоразнообразия, природного баланса, особо охраняемых территорий и др. осуществляется Законом об охране природы 2014 г. Пространственное планирование и градостроительство с 2017 г. регулируются двумя разными законами.

Исследуя правовой порядок Хорватии, вернемся к вышеуказанному Закону об охране окружающей среды, состоящему из 15 частей и 279 статей. Законом определяются принципы охраны окружающей среды и ее компонентов от различных видов воздействия, инструменты охраны окружающей среды, включая оценку воздействия, экологический мониторинг, участие общественности в решении экологических проблем, экологический контроль и др. Важнейшим инструментом защиты окружающей среды является оценка воздействия на окружающую среду, которая проводится в рамках подготовки к предполагаемому вмешательству до выдачи разрешения на его проведение. Исследуя проблемы законодательства России об экологической оценке, Н. В. Кичигин рассмотрел правовые истоки и этапы развития института оценки воздействия на окружающую среду, включенного в законодательство большинства государств мира, а также отметил появление новых направлений — оценки влияния хозяйственной деятельности на климатические изменения и оценки последствий для инфраструктуры¹⁰. Согласно хорватскому закону оценка воздействия вмешательства в окружающую среду призвана обеспечивать реализацию принципа предосторожности на этапе планирования вмешательства, чтобы свести к минимуму его воздействие и добиться максимально возможного сохранения качества окружающей среды. Эти цели достигаются путем адаптации предполагаемого вмешательства к возможностям его принятия окружающей средой определенной территории. Оценка воздействия на окружающую среду включает оценку приемлемости вмешательства в экологическую сеть, процедуру оценки, исследование воздействия и принятие соответствующего решения (ст. 76—94). Компетенцией в данной области обладают Министерство сельского хозяйства, лесного хозяйства, водного хозяйства и охраны окружающей среды Хорватии (далее — Министерство), а также региональные и местные органы исполнительной власти. Проводится оценка воздействия на окружающую среду на основании заявления инициатора воздействия (заявителя). В процессе оценки исследуются необходимые данные, документация, пояснения и описания (в текстовой и графиче-

ческой формах), заключения о приемлемости такого вмешательства или необходимости природоохранных мер, включая экологический мониторинг, в случае положительной оценки. Произведенная с учетом последних научных данных оценка является основой экспертного заключения. Уполномоченное на проведение оценки лицо несет ответственность за его подготовку и содержание. Установлены сроки проведения оценки — четыре месяца с даты получения официального запроса инициатора вмешательства.

Помимо Закона об охране окружающей среды проблемы экологии регулируются многими законами (включая Закон об охране природы 2013 г.) и подзаконными актами Правительства и Министерства. Обеспечение экологической стабильности территорий регулируется Законом о территориальном планировании и проектировании 2015 г. В 2021 г. принят новый Закон об управлении отходами. В целях своевременного реагирования на изменения климата, гармонизации энергопотребления и сокращения выбросов парниковых газов приняты законы «О возобновляемых источниках энергии и эффективной когенерации» 2015 г., «Об изменении климата и охране озонового слоя» 2019 г., «Об энергоэффективности» 2021 г.

Действующий в Сербии Закон об охране окружающей среды от 14 декабря 2004 г.¹¹, состоящий из 10 частей и 130 статей, регулирует интегрированную систему охраны окружающей среды, которой обеспечивается реализация прав человека на жизнь в здоровой окружающей среде и устойчивое развитие экономики. Под окружающей средой понимается совокупность природных и созданных человеком ценностей, взаимодействие которых образует окружающую среду, т. е. пространство и условия жизни. На государство, автономные края, единицы местного самоуправления, юридические и физические, возлагается ответственность за негативное воздействие на состояние окружающей среды.

В обязанность юридических и физических лиц входит соблюдение установленных законом экологических требований. Уделено внимание экономическим стимулам природоохранной деятельности, в частности предусмотрено включение затрат на охрану окружающей среды в состав инвестиционных и производственных расходов физических и юридических лиц. Так, юридические и физические лица, которые производят и реализуют отвечающую экологическим требованиям продукцию, применяют современные технологии, используют возобновляемые источники энергии (солнце, ветер, биогаз и др.) и экологическое оборудование и устройства, могут получить льготы по налоговому, таможенному и иным платежам или быть освобождены от их уплаты на условиях и в порядке, определенных специальным законом (ст. 101).

¹⁰ См.: Источники экологического права ... С. 55.

¹¹ Закон о заштити животне средине (Службени гласник РС, бр. 135/2004-29—95/2018-267).

Материально стимулируются потребители, систематически возвращающие бывшие в употреблении и морально устаревшие устройства или их части, продукцию или упаковку, производители полиэтиленовых пакетов, а также операторы предприятий по переработке и утилизации отходов, сборщики отходов и другие лица системы управления отходами. Для перечисленных лиц на условиях и в порядке, определенных Законом об обращении с отходами, предусмотрены субсидии и льготы по кредитам. Правительство Сербии определяет вид, размер, критерии, условия и способ премирования, а также классификацию пользователей указанных льгот с учетом установленной классификации операторов и других субъектов управления отходами, определенных Законом об обращении с отходами. Эти положения сербского закона полностью соответствуют позиции Н. И. Хлуденевой, отмечающей немаловажную роль в стимулировании активности природопользователей к снижению негативного воздействия на окружающую среду мер государственного поощрения экологически ответственного поведения¹².

Наряду с законами «Об охране окружающей среды» 2004 г. и «Об охране природы» 2009 г. в Сербии действуют другие природоохранные законы, в том числе: «Об оценке воздействия на окружающую среду» 2004 г., «Об управлении отходами» 2009 г., «О комплексном предотвращении и контроле загрязнения окружающей среды» 2004 г., «Об организации пространства и строительстве» 2013 г. Защита климата регулируется законами «Об использовании возобновляемых источников энергии» 2021 г., «Об энергоэффективности и рациональном использовании энергии» 2021 г., «Об изменении климата» 2021 г.

Законом об изменении климата помимо других важных аспектов определены меры ограничения выбросов парниковых газов автомобильным транспортом. Таким образом, наряду с операторами установок и эксплуатантами воздушных судов участниками регулируемых этим законом отношений являются производители, продавцы, покупатели и пользователи легковых автомобилей. Например, установлено, что в целях информирования потребителей в местах покупки или аренды новых автомобилей требуется обеспечить доступность данных об экономии топлива и выбросах CO₂ конкретными автомобилями. Ограничение выброса парниковых газов транспортными средствами находится в центре внимания законодателей и ученых европейских государств и России. В частности, правовой опыт Франции в этой области рассмотрен Р. В. Никоновым¹³.

¹² См.: Хлуденева Н. И. Эколого-правовые ограничения и стимулы экономической деятельности в России: монография. М., 2023. С. 155.

¹³ См.: Право и климат планеты ... С. 149—154.

Представленный обзор природоохранного законодательства отдельных европейских государств позволяет отметить актуальность их содержания, «перекличку» с другими законами и подзаконными актами, а также схожие подходы к правовому регулированию общих экологических проблем. При этом нельзя забывать важную роль права ЕС в законотворческой деятельности в области охраны окружающей среды государств — членов ЕС.

Азия. Как отмечалось, в *Казахстане* действует Экологический кодекс от 2 января 2021 г. (№ 400-VI)¹⁴, состоящий из трех частей и 418 статей. Государственное регулирование охраны окружающей среды осуществляется посредством установления обязательных экологических требований и административно-правовых инструментов, в числе которых: лицензирование деятельности в области охраны окружающей среды, оценка воздействия на окружающую среду, государственная экологическая экспертиза, мониторинг окружающей среды и природных ресурсов, государственный экологический контроль, регулирование выбросов и поглощения парниковых газов.

Под оценкой воздействия на окружающую среду понимается процедура выявления, изучения, описания и оценки (на основе проведенных исследований) возможного существенного воздействия на окружающую среду при реализации намечаемой деятельности (ст. 64—79). Перечислены виды деятельности и объекты воздействия, требующие обязательного проведения оценки, определены стадии оценки, которыми являются: рассмотрение заявления о намечаемой деятельности в целях определения ее соответствия требованиям закона, а также скрининга воздействия; определение сферы оценки воздействия; подготовка отчета о возможном воздействии; оценка качества отчета; вынесение заключения по результатам оценки воздействия; последующий анализ фактического воздействия при реализации намеченной деятельности, если необходимость его проведения установлена законом.

По общему правилу лицо, намеренное осуществлять деятельность, требующую обязательной оценки воздействия на окружающую среду, должно в электронной форме подать заявление в уполномоченный орган охраны окружающей среды, после чего данное лицо признается инициатором оценки воздействия на окружающую среду или скрининга воздействия на окружающую среду (далее — инициатор оценки). При этом предусмотрена возможность добровольного обращения инициатора деятельности, не подлежащей обязательной оценке, или оператора конкретного объекта с заявлением о проведении оценки воздействия.

¹⁴ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520 (дата обращения: 21.02.2023).

Подробно регламентируется деятельность исполнительных органов административно-территориальных единиц по информированию общественности о поступившем заявлении. При наличии оснований уполномоченный орган в области охраны окружающей среды может инициировать оценку трансграничного воздействия предполагаемой деятельности.

Подготовка отчета о возможном воздействии осуществляется физическим и (или) юридическим лицом, имеющим лицензию на выполнение работ и оказание услуг в области охраны окружающей среды (далее — составитель отчета). Организацию и финансирование работ по оценке воздействия на окружающую среду и подготовке проекта отчета о возможном воздействии обеспечивает инициатор оценки за свой счет. По завершении разработки проекта отчета о возможном воздействии инициатор оценки или составитель проекта, действующий по договору с инициатором, направляет проект отчета в уполномоченный орган охраны окружающей среды. Регулируется проведение общественных слушаний по проекту отчета, в том числе повторных. В случае несогласия инициатора с высказанными в ходе слушаний замечаниями спорные вопросы разрешаются экспертной комиссией — коллегиальным, консультативно-совещательным органом, создаваемым для рассмотрения каждого проекта отчета о возможном воздействии на окружающую среду. Инициатор оценки и члены экспертной комиссии вправе приглашать на заседания независимых экспертов из числа научных работников и признанных специалистов-практиков. Решения экспертной комиссии принимаются не менее чем 2/3 голосов всех ее членов.

По результатам оценки составляется заключение, которое размещается уполномоченным органом охраны окружающей среды на официальном интернет-ресурсе и направляется в электронной форме указанным в законе лицам. Выводы и условия, содержащиеся в заключении, учитываются всеми государственными органами при выдаче разрешений, принятии уведомлений и иных административных процедурах, связанных с реализацией намечаемой деятельности. Срок действия заключения составляет три года.

Составитель отчета несет гражданско-правовую ответственность перед инициатором оценки за качество отчета и полученные в ходе оценки результаты в соответствии с заключенным ими договором. При этом составитель отчета и инициатор оценки несут солидарную ответственность за сокрытие полученных данных о воздействии на окружающую среду и предоставление недостоверных сведений при проведении оценки. Контроль за соблюдением требований экологического законодательства при проведении оценки воздействия на окружающую среду осуществляется уполномоченным органом охраны окружающей среды.

Внимание уделено экономическим механизмам регулирования охраны окружающей среды, в частности рыночным механизмам управления эмиссиями в окружающую среду, экологическому страхованию, экономическому стимулированию деятельности, направленной на охрану окружающей среды, рыночным механизмам сокращения выбросов и поглощения парниковых газов.

Экономическими мерами стимулирования направленной на охрану окружающей среды деятельности помимо налоговых льгот и гарантированной покупки электроэнергии, произведенной посредством энергетической утилизации отходов, являются организация передачи и адаптации «зеленых» технологий и содействие привлечению «зеленых» инвестиций, а также предоставление государственной поддержки в рамках «зеленого» финансирования на условиях и в порядке, установленных законами Казахстана.

К рыночным механизмам ограничения выбросов парниковых газов отнесена торговля углеродными единицами, при этом в самом Кодексе отсутствует регулирование торговли квотами на выбросы парниковых газов. Квотирование выбросов парниковых газов в Казахстане осуществляется на основе национальных планов распределения квот посредством выдачи сертификатов на выбросы, а Кодексом регулируется осуществление мониторинга, отчетности и контроля (верификации) выбросов парниковых газов регулируемые компаниями и установками.

Анализируя перспективы развития экологического законодательства России и Казахстана, С. А. Боголюбов, в частности, отметил, что требование неуклонного и всестороннего исполнения провозглашенных природоохранных правил может составить приемлемый правовой аспект современной социально-экономической и экологической деятельности и развития адекватного ей экологического законодательства, призванного регулировать, а не только провозглашать общественные отношения¹⁵.

В Монголии основным природоохранным законом является состоящий из 59 статей Закон о защите окружающей среды от 30 марта 1995 г.¹⁶, цели которого — обеспечение права людей на здоровую и безопасную окружающую среду, гармонизация социально-экономического развития и экологического баланса, сохранение окружающей среды для нынешних и будущих поколений, надлежащее использование природных ресурсов и восстановление природного потенциала (ст. 1). Законом регулируется использование традиционных инструментов охраны окружающей среды — оценки воздействия на окружающую

¹⁵ Гармонизация и развитие экологического законодательства Казахстана и России: сб. статей / отв. ред. С. А. Боголюбов, Б. Ж. Абдраим, А. А. Мукашева. Астана, 2013. С. 29.

¹⁶ Байгальборчныгхамгаалахтухай. URL: legalinfo.mn > detail (дата обращения: 08.07.2023).

среду, экологического мониторинга и аудита, экологического контроля, а также экономических стимулов охраны окружающей среды.

Оценка воздействия на окружающую среду проводится с целью сохранения ее первоначального состояния, разработки и реализации мер по предотвращению его ухудшения, а также регулирования использования природных ресурсов (ст. 7 Закона). По общему правилу граждане, предприятия и организации, предполагающие использовать природные ресурсы в производственных целях, обязаны предварительно за свой счет провести оценку возможного воздействия на окружающую среду или оплатить стоимость уже проведенной оценки. Оценка воздействия осуществляется уполномоченными на это предприятиями или организациями и утверждается Министерством природы, окружающей среды и туризма (далее — Министерство). Право на проведение оценки воздействия на окружающую среду Министерство предоставляет предприятиям и организациям, соответствующим общим требованиям Закона о лицензировании и требованиям Закона об окружающей среде, относительно состава оценочной группы и ее информационно-технического оснащения. Так, не менее трети оценочной группы должны быть штатными профессиональными сотрудниками данного предприятия или организации, а также обладать соответствующими приборами и оборудованием, методологией экологической оценки, одобренной аккредитованной профессиональной организацией и базой данных по вопросам оценки воздействия на окружающую среду.

Под экологическим аудитом в законе понимается независимая деятельность по проверке исполнения природоохранного законодательства, национальных программ развития и оценки воздействия на окружающую среду, предполагающая подготовку заключений с учетом профессиональных мнений и консультаций. Расходы на оценку, анализ, экспертизу и мониторинг, необходимые для расследования экологических преступлений, финансируются Фондом окружающей среды и климата Монголии.

Экологический контроль охраны и восстановления окружающей среды и целевого использования природных ресурсов осуществляется Министерством. Инспекторы государственной охраны (пограничной, таможенной, ветеринарной, санитарной, эпидемиологической, горнодобывающей и др.), а также сотрудники, на которых в соответствии с законом возложена ответственность за осуществление контроля, могут быть наделены правами государственного экологического инспектора и выполнять инспекционные обязанности. Государственным инспектором экологического контроля назначается лицо, имеющее образование в области экологии или высшее образование и опыт работы в данной области. Законом определены площади подконтрольных одному инспекто-

ру рабочих зон, размеры которых (в гектарах) зависят от принадлежности к конкретной местности (высокогорной, лесной, степной, пустынной, пригородной). Правительством определяются перечень территорий, подпадающих под зонирование, а также размер площади, за которую будет отвечать один специалист по охране природы в заповедно-природном комплексе, с учетом классификации, режима охраны и нагрузки на особо охраняемые земли. Для содействия осуществлению экологического контроля на местах может быть назначен эколог-активист. Государственные органы и органы местного самоуправления финансируют расходы на реализацию мероприятий по охране окружающей среды, восстановление ее ресурсов, контроль исполнения нормативных правовых актов в области охраны окружающей среды за счет средств государственного и местных бюджетов.

В Монголии, как и в других государствах, регулируется применение экономических стимулов деятельности, направленной на охрану окружающей среды. Согласно ст. 54 Закона государство поощряет граждан, предприятия и организации, внедряющие передовые методы, нетоксичные, безопасные, незагрязняющие и безотходные технологии в целях охраны окружающей среды, надлежащего использования и восстановления ее ресурсов, снижения вредного воздействия на окружающую среду. Финансовая поддержка за счет государственного бюджета обеспечивается экологическому образованию, охране окружающей среды и восстановлению природных ресурсов.

Правительством определяется порядок стимулирования граждан, предприятий и организаций, а согласно закону 15% дохода от продажи незаконно заготовленных и собранных природных ресурсов губернатором соответствующей провинции, сума, столицы или района выплачивается государственному инспектору, обнаружившему нарушение в профессиональной деятельности инспекции или добровольного защитника природы. Порядок исчисления премий утверждается членами Правительства, отвечающими за Фонд окружающей среды и климата.

Губернатор сумщины (административная единица второго уровня) и района выплачивает денежное вознаграждение в определенном законом размере (из поступлений от платы за пользование природными ресурсами) гражданам, объединениям и общественным организациям, которые предоставляют уполномоченным организациям и должностным лицам актуальную информацию о нарушениях природоохранного законодательства.

Доходы от реализации незаконно добытых и конфискованных природных ресурсов, а также от реализации конфискованных оружия, транспортных средств, машин и оборудования, использованных для совершения преступлений или правонарушений, подлежат зачислению в Фонд окружающей среды и климата. Таким образом, цель гармонизации соци-

ально-экономического развития и экологического баланса в Монголии осуществляется путем сочетания мер ограничения и материального поощрения (стимулирования) физических и юридических лиц. Наряду с Законом об охране окружающей среде в Монголии действуют законы «О мониторинге водного климата и окружающей среды» 1997 г., «Об особо охраняемых природных территориях» 1994 г., «О плате за загрязнение атмосферного воздуха» 2010 г., «Об оценке воздействия на окружающую среду» 2012 г., «Об отходах» 2017 г. и др.

Заключение. Проведенное исследование правопорядков некоторых государств Европы и Азии позволяет выявить общие черты и направления развития природоохранного законодательства. Особенно европейскими правопорядками является наличие наряду с законами об охране окружающей среды законов об охране природы и ландшафтов, регулирующих свой блок природоохранных отношений. Однако основными регуляторами общественных отношений в сфере охраны окружающей среды в большинстве рассматриваемых государств являются законы об охране окружающей среды, а в Казахстане эту функцию выполняет Экологический кодекс. Содержащееся в данных законах регулирование ин-

струментов охраны окружающей среды при наличии общих черт имеет различия и, как правило, дополнено специальными законами и подзаконными актами. Различны применяемые экономические меры стимулирования юридических и физических лиц к экологизации своей деятельности: налоговые и кредитные льготы для производителей и потребителей, гарантированная покупка электроэнергии, денежные вознаграждения за информацию о нарушениях природоохранного законодательства (Монголия) и др. Заслуживает внимания использование договорного регулирования отношений, возникающих между собственниками недвижимости и публичными юридическими лицами при экологическом мониторинге (Словения и Хорватия), между инициаторами оценки воздействия и составителями соответствующих отчетов (Казахстан), а также пользование на основе концессии морским побережьем в целях экологического мониторинга (Хорватия). Самостоятельной сферой правового регулирования (кроме Монголии) является изменение климата; соответствующие положения включаются в законы об охране окружающей среды и другие природоохранные законы, тогда как в Сербии и Хорватии приняты законы об изменении климата.

Список литературы

1. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права: учебник для магистров. М., 2011.
2. Гармонизация и развитие экологического законодательства Казахстана и России: сб. статей / отв. ред. С. А. Боголюбов, Б. Ж. Абдраим, А. А. Мукашева. Астана, 2013.
3. Источники экологического права: монография / отв. ред. С. А. Боголюбов. М., 2023.
4. Право и климат планеты: научное издание / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. А. Боголюбов, Н. В. Кичигин. М., 2018.
5. Сакович О. М., Никонов Р. В. Правовое обеспечение сокращения выбросов парниковых газов: зарубежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4.
6. Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография. М., 2014.
7. Хлуденева Н. И. Эколого-правовые ограничения и стимулы экономической деятельности в России: монография. М., 2023.

References

1. Bogolyubov S. A. *Actual problems of environmental law: textbook*. Moscow, 2011. (In Russ.)
2. Bogolyubov S. A., Abdraim B. Zh., Mukasheva A. A. (eds). *Harmonization and development of environmental legislation in Kazakhstan and Russia*. Astana, 2013. (In Russ.)
3. Bogolyubov S. A. (ed.). *Sources of environmental law*. Moscow, 2023. 344 p. (In Russ.)
4. Tikhomirov Yu. A., Bogolyubov S. A., Kichigin N. V. (eds). *Law and climate of the planet*. Moscow, 2018. 180 p. (In Russ.)
5. Sakovich O. M., Nikonov R. V. Legal Support for Reducing Greenhouse Gas Emissions: Foreign Experience. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 83—92. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2022.051.
6. Khludeneva N. I. *Defects in legal regulation of environmental protection*. Moscow, 2014. (In Russ.)
7. Khludeneva N. I. *Environmental and legal restrictions and incentives for economic activity in Russia*. Moscow, 2023. (In Russ.)

Информация об авторе

О. М. Сакович, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук

Information about the author

O. M. Sakovich, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Поступила в редакцию 16.03.2023
Принята к публикации 22.06.2023

Received 16.03.2023
Accepted 22.06.2023

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Оригинальная статья
УДК 347.771.78
DOI: 10.61205/jzsp.2023.055

Особенности правового статуса видеоигры как объекта права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовое исследование

Владислав Юрьевич Хлапотин

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, KhlapotinVlad@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2703-1483>

Аннотация. В настоящее время одним из наиболее динамично развивающихся направлений креативной экономики является индустрия видеоигр. Увеличение оборота и популярности этой индустрии обуславливает необходимость ее подробного правового исследования. Существует ряд объективных проблем, возникающих в определении релевантного правового режима видеоигр, а также в области охраны, защиты и управления ими. В совокупности данные проблемы демонстрируют актуальность исследования, которое направлено на обоснование на теоретическом уровне места видеоигр в существующей системе объектов интеллектуальной собственности, практико-ориентированное обобщение, анализ и систематизацию существующей правоприменительной практики в данной области.

Задачи исследования: изучить детерминанты сложности выработки универсального понятия «видеоигры» как объекта права интеллектуальной собственности; определить круг потенциальных субъектов интеллектуальных прав на видеоигры; сформировать критерии охраноспособности составляющих элементов видеоигры; рассмотреть особенности судебной защиты интеллектуальных прав на видеоигры в отечественном и зарубежном праве.

Вывод: в исследовательской и научной литературе более корректным является использование термина «видеоигра». Применение норм отечественного законодательства о программах к отношениям по поводу разработки, охраны, защиты и управления видеоигр в настоящее время не является релевантным. Субъектами авторских прав на отдельные входящие в состав видеоигры элементы выступают лица, чьим непосредственным творческим трудом данные элементы были созданы. Из рассмотренных положений и приведенных примеров из отечественной и зарубежной доктрины и практики следует, что каждый из аудиовизуальных элементов видеоигры может получить охрану при соответствии необходимым критериям охраноспособности. Использование гражданско-правовых способов защиты интеллектуальных прав на видеоигру может варьироваться в зависимости от выбранной правообладателем стратегии. В существующих условиях для многих разработчиков видеоигр на территории России оптимальным будет использование режима коммерческой тайны или охраны своих разработок в качестве секрета производства (ноу-хау).

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, авторское право, патентное право, товарные знаки, игровая индустрия, видеоигра, правовой режим видеоигры, сложный объект

Для цитирования. Хлапотин В. Ю. Особенности правового статуса видеоигры как объекта права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 107—119. DOI: 10.61205/jzsp.2023.055

Original article

Features of the Legal Status of a Video Game as an Object of Intellectual Property Rights: Comparative Legal Research

Vladislav Y. Khlapotin

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, KhlapotinVlad@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2703-1483>

Abstract. Currently, one of the most dynamically developing areas of the creative economy is the video game industry. The increase in turnover and popularity of this industry necessitates its detailed legal research. There are a number of objective problems that arise in determining the relevant legal regime for video games and in the field of legal protection and management. Taken together, these problems demonstrate the relevance of the research, which is aimed at substantiating at the theoretical level the place of video games in the existing system of intellectual property objects, and practice-oriented generalization, analysis and systematization of the current law enforcement practice in this area.

Research objectives: to study the determinants of the complexity of developing a universal concept of “video games” as an object of intellectual property rights; to identify the range of potential subjects of intellectual property rights to video games; to form criteria for the protectability of the constituent elements of a video game; to consider the features of judicial protection of intellectual property rights to video games in domestic and foreign law.

Conclusion: in the research and scientific literature, it is more correct to use the term “video game”. The application of the norms of domestic legislation on programs to relations regarding the development, protection and management of video games is currently not relevant. The subjects of copyright for individual elements included in the video game are the persons who directly created these elements. On the basis of the provisions considered and the examples given from domestic and foreign doctrine and practice, it follows that each of the audiovisual elements of a video game can receive protection if it meets the necessary criteria for protection. The use of civil law methods to protect intellectual property rights to a video game may vary depending on the strategy chosen by the copyright holder. Under the current conditions, for many video game developers in Russia, it would be optimal to use the trade secret regime or protect their developments as a production secret (know-how).

Keywords: intellectual property law, copyright, patent law, trademarks, gaming industry, video game, video game legal regime, complex object

For citation. Khlapotin V. Y. Features of the Legal Status of a Video Game as an Object of Intellectual Property Rights: Comparative Legal Research. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 107—119. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.055

Введение. В настоящее время одним из наиболее динамично развивающихся направлений креативной экономики является игровая индустрия, и речь в данном случае идет не об азартных играх. В частности, согласно данным аналитического портала GamesIndustry в 2022 г. объем чистой прибыли, которые игры принесли своим разработчикам, составил 184,3 млрд долл., что на 4,2% меньше, чем в прошлом году¹. По-прежнему самым прибыльным сегментом рынка остается мобильный, доход которого составил 92,2 млрд (снижение на 6,2%), за ним следует консольный сегмент — 51,8 млрд (снижение на 4,2%) и, наконец, РС (англ. «personal computer») — 38,2 млрд (рост на 1,8%).

Практически аналогичная по динамике ситуация наблюдается в отечественном рынке игровой индустрии. Согласно данным MY.GAMES² его объем в 2021 г. составил 165,6 млрд руб. с увеличением на 1% (на контрасте — в 2020 г. он составил 35%). В отличие от мирового рынка отечественные геймеры отдадут предпочтение платформе РС: доход 78,1 млрд руб. (убыток на 4,6%); на втором месте — рынок мобильных игр с 73,8 млрд руб. (рост на 10%); на последнем — консоли с показателями 13,6 млрд руб. (убыток на 5%).

Мы полностью разделяем позицию Анны Пьеховки³: как и в случае с другими произведениями, системообразующим ядром, основой и базисом игр всегда была, является и будет являться различная интеллектуальная собственность. По сравнению с традиционными использующими авторско-правовую охрану произведениями видеоигры являются сложным по своей внутренней структуре сочетанием таких элементов, как компьютерные программы, изображе-

ния, рисунки, аудиовизуальный контент, литературные произведения, товарные знаки, музыка, озвучивание, художественные исполнения и т. д. По нашему мнению, увеличение как оборота, так и популярности игровой индустрии в совокупности обуславливают необходимость более тщательного, углубленного и многостороннего правового исследования данного явления современной креативной экономики.

Однако в настоящее время в связи с этим представляется возможным выделить ряд следующих проблемных аспектов:

1) проблемы, возникающие в определении релевантного (т. е. наиболее приближенного к специфике) правового режима видеоигр (условно группа так называемых теоретических проблем). Среди пока немногочисленных специалистов и исследователей в данной области не был сформулирован однозначный ответ на вопрос, что с точки зрения права представляет собой компьютерная/видеоигра, т. е. отсутствуют базовые исходные для дальнейших исследований термины и существуют сложности в области выработки на как минимум теоретическом уровне универсальных дефиниций. Это, по большей части, связано опять же со сложным многоступенчатым, многоэлементным составом современных игр, в производство которых, как правило, вовлечено большое количество разных специалистов, разрабатывающих различные претендующие на защиту творческие элементы. При этом может показаться, что игры состоят преимущественно из идей, концепций, принципов, методов, процессов, систем и способов — т. е. масса тех объектов, на которые в силу п. 5 ст. 1259 ГК РФ действие авторского права не распространяется;

2) проблемы, возникающие в области охраны, защиты и управления видеоиграми (условно группа так называемых практических проблем). Более того, как правило, игры не привязаны территориально к конкретной стране, рынком их дистрибуции (при типичном сценарии размещения на онлайн-сервисах цифрового распространения, таких как Epic Games Store, GameFly, GOG, Green Man Gaming, Humble Bundle, itch.io, Steam, Xbox PC и т. п.) является практически весь мир, следовательно, необходимо учи-

¹ GamesIndustry.biz presents... The Year in Numbers 2022. URL: <https://www.gamesindustry.biz/gamesindustrybiz-presents-the-year-in-numbers-2022> (дата обращения: 25.12.2022).

² См.: Объем российского рынка игр в 2021 году. URL: <https://cloud.mail.ru/public/aUzH/giZL15DNG> (дата обращения: 11.11.2022).

³ См.: Пьеховка А. На стыке мира видеоигр и права ИС // Журнал ВОИС. 2021. № 2. С. 9.

тывать существующие во всех соответствующих юрисдикциях особые правила. С каждым годом количество споров, их динамика и суммы как в самих компаниях (достаточно вспомнить ряд внутренних корпоративных и трудовых конфликтов в Activision Blizzard и Ubisoft⁴), так и по поводу различных объектов интеллектуальной собственности (некоторые будут рассмотрены в рамках данного исследования) только увеличивается. Но в условиях порой неоднозначного правового регулирования не всегда удается успешно разрешать практические внутренние вопросы; их решение тем более весьма затруднительно в случае возникновения судебного разбирательства в отношении того или иного объекта.

Детерминанты сложности выработки универсального понятия «видеоигры» как объекта права интеллектуальной собственности. В связи с существующим платформенным (PC, консоли, мобильные, VR) и жанровым (экшен, стратегия, аркада, варгейм, квест, адвенчура, файтинг, РПГ, спортивная и т. д.) разнообразием видеоигр неизменно возникает множество проблемных аспектов, связанных с их идентификацией.

По нашему мнению, в исследовательской и научной литературе более корректным является использование термина «видеоигра», который по сравнению с термином «компьютерная игра» охватывает более широкий круг платформ (а следом и все соответствующие субъекты и объекты), не ограничиваясь исключительно PC. Особенно это проявляется при изучении научных и исследовательских работ, публикаций, посвященных анализу различных правовых проблем в области игровой индустрии, в содержании которых нередко употребляется термин «компьютерная игра». На практике это создает ситуацию, когда иные существующие на других платформах видеоигры *de facto* окажутся вне рамок научной, исследовательской и правовой дискуссии по причине не совсем правильного понимания некоторыми представителями юридического сообщества объема основных терминов. Акцент аналогичного рода был сделан И. В. Чувствиновым⁵, с позицией которого мы в данном случае полностью солидарны.

В зарубежной исследовательской литературе существуют три основные теории, направленные на понимание того, что представляет собой видеоигра.

Сторонники так называемой теории повествования рассматривают видеоигры в качестве новой фор-

мы повествования, определяя их таким образом к одной категории наряду с литературой и кинематографом, но отмечая при этом их ярко выраженный репрезентативный характер⁶.

В рамках так называемой теории игровой природы ее сторонники (по большей части непосредственные разработчики) фокусируются на функциональных, а не повествовательных аспектах, как бы демонстрируя преимущество классических игровых механик в новой цифровой среде и определяя видеоигры как вымышленную и непредсказуемую деятельность⁷ или добровольное интерактивное действие⁸, или вовсе игры традиционные⁹.

В рамках так называемой теории интерактивной выдумки (от англ. — *interactive functions*) видеоигры рассматриваются как предоставленная игрокам некая выдуманная, вымышленная реальность, в пределах которой находятся существующие там объекты, и мир, функционирующий по собственным законам¹⁰.

Действующая редакция ГК РФ термина «видеоигра» и его трактовки не содержит. Как отмечено выше, в различных доктринальных исследованиях и судебной практике можно обнаружить преобладание обозначения «компьютерная игра», что опять же приводит к возникновению ряда противоречий, которые выражаются в некой неопределенности по отношению к правовому режиму видеоигр в качестве сложносоставного объекта прав интеллектуальных, а также дихотомии в области квалификации видеоигры с точки зрения действующего законодательства в качестве мультимедийного продукта (ст. 1240 ГК РФ) и/или программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). При этом определение компьютера в действующем законодательстве также отсутствует, при этом из формулировки ст. 1261 ГК РФ программа для ЭВМ — это совокупность команд и данных, которая представлена в объективной форме и предназначена для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств, т. е. ЭВМ относится к компьютерным устройствам. Раскрытие термина «ЭВМ» можно обнаружить в содержании ГОСТ 19781-90¹¹: это вычислительная ма-

⁶ См.: Murray J. *Hamlet on the Holodeck*. Cambridge, 1998. P. 52.

⁷ См.: Caillois R. *Les jeux et les hommes*. Gallimard, 1967. P. 211.

⁸ См.: Zimmerman E. *Narrative, Interactivity, Play, and Games*. Cambridge, 2004. P. 37.

⁹ См.: Juul J. *Half Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds*. Cambridge, 2005. P. 36—43.

¹⁰ См.: Walton K. *Mimesis as Make-Believe: On the Foundations of the Representational Arts*. Cambridge, 1990. P. 154.

¹¹ Государственный стандарт СССР ГОСТ 19781-90 «Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения» (утв. и введен в действие постановлением Государственного комитета СССР по управлению качеством продукции и стандартам от 27 августа 1990 г. № 2467).

⁴ Главные скандалы 2021 года в игровой индустрии: от токсичности до неудачных релизов. URL: <https://skillbox.ru/media/gamedev/glavnye-skandaly-2021-goda-v-igrovoy-industrii/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵ См.: Чувствинов И. В. Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3(33). С. 102—111.

шина, основные устройства которой выполнены на электронных компонентах. В связи с этим мы полностью разделяем мнение М. А. Рожковой¹², Е. Р. Крайновой и И. М. Ивлевой¹³ и других ученых, которые указывали, что идентификация видеоигры в качестве программы на сегодняшний момент не является актуальной и может быть только в отношении самых первых видеоигр.

В течение длительного периода отечественные суды квалифицировали видеоигры преимущественно в качестве программ для ЭВМ¹⁴, иная судебная практика, в которой как видеоигры, так и мобильные приложения стали рассматриваться как сложные объекты с точки зрения ст. 1240 ГК РФ, возникла относительно недавно¹⁵. Однако опять же существующая в настоящее время отечественная судебная практика в силу ее определенных особенностей не включает подробный исчерпывающий юридический анализ и обоснование отнесения видеоигр к ЭВМ или сложным объектам, в связи с чем обратимся к обоснованиям, имеющим место в научной и исследовательской литературе.

Как указывает В. В. Архипов¹⁶, одной из наиболее серьезных проблем является определение правового статуса компьютерной игры как объекта интеллектуальных прав; по мнению данного автора, видеоигру представляется возможным квалифицировать в качестве сложного объекта.

Аналогичные позиции высказывают и другие исследователи. Например, Е. С. Котенко¹⁷ в качестве признаков видеоигры как мультимедийного продукта указывает его выражение в цифровой форме и функционирование в процессе непосредственного взаимодействия с конечным пользователем. Идентичные точки зрения можно обнаружить в работах

Е. А. Моргуновой¹⁸ и К. М. Бубновой¹⁹, которые также отмечают именно интерактивность как отличительную черту данных объектов. Интерактивность — это возможность игрока активно участвовать в выборе собственных действий и прохождении игрового сюжета. Более того, упоминания об аспекте интерактивности можно обнаружить и в специализирующемся в разработке видеоигр сообществе, о чем, например, указывали L. Manovich²⁰ или J. Schreier²¹.

Сторонники различных подходов в области определения видеоигр рассматривают интерактивность с разных точек зрения. В частности, последователь теории повествования С. Crawford²² указывает, что привлекательность видеоигр связана с их возможностью сочетать как саму историю, так и непосредственное участие игроков в ней. С точки зрения сторонников теории игровой природы Е. Zimmerman и К. Salen²³ интерактивность является базовым, по умолчанию имеющимся свойством любой видеоигры свойством, без наличия которого сам игровой процесс будет невозможен. А в призме теории интерактивной выдумки интерактивность интегрирована в понимание дефиниции автоматически. Однако встречаются и позиции, в соответствии с которыми видеоигру можно идентифицировать в качестве составного произведения, а именно — базы данных²⁴.

По нашему мнению, идентификация видеоигры в качестве объекта интеллектуальных прав будет во многом определяться выбранным способом защиты. В связи с этим острым является вопрос, в качестве какого объекта будут охраняться, защищаться и управляться права на совокупность внутриигровых элементов, например моделей и текстур, в случае их незаконного заимствования. Но с другой стороны, при идентификации видеоигры в качестве состоящего из других объектов интеллектуальных прав сложного объекта подобное нарушение можно будет рассматривать как нарушение прав на часть произведения.

¹² См.: Рожкова М. А. Современная компьютерная игра — это не программа для ЭВМ // A modern computer game is not a computer program // Закон.ру. 2021. 15 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremennaya_kompyuternaya_igra_eto_ne_programma_dlya_evm__a_modern_computer_game_is_not_a_computer#_ftnref1 (дата обращения: 11.11.2022).

¹³ См.: Крайнова Е. Р., Ивлева И. М. К вопросу о гражданско-правовом статусе компьютерных игр // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. С. 58.

¹⁴ См., например, апелляционное определение Московского городского суда от 26 июня 2015 г. по делу № 33-15908/2015.

¹⁵ См., например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 ноября 2020 г. № C01-1162/2020 по делу № А32-56176/2019.

¹⁶ См.: Архипов В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61—69.

¹⁷ См.: Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М., 2013. С. 36.

¹⁸ См.: Моргунова Е. А. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. М., 2012. С. 54.

¹⁹ См.: Бубнова К. М. Компьютерные игры. Проблемы авторско-правовой защиты // Авторское право. XXI век: сб. науч. ст. М., 2010. С. 236.

²⁰ См.: Manovich L. The Language of New Media. Cambridge, 2001. P. 54.

²¹ См.: Schreier J. Blood, sweat, and pixels: the triumphant, turbulent stories behind how video games are made. New York, 2017. P. 10—14.

²² См.: Crawford C. The Art of Computer Game Design. URL: https://www.digitpress.com/library/books/book_art_of_computer_game_design.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

²³ См.: Zimmerman E., Salen K. Rules of play: Game design fundamentals. Boston, 2003. P. 38.

²⁴ См., например: Чувствинов И. В. Указ. соч. С. 102—111.

Другой особенностью, демонстрирующей возможность квалификации видеоигры в качестве сложного объекта интеллектуальных прав, выступает ее сложная многоступенчатая, многоэлементная внутренняя структура, которая, как обоснованно отмечает Е. С. Гринь²⁵, является совокупностью отдельно охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, неотделимых друг от друга по причине их единого назначения.

Таким образом, исходя из приведенных научных точек зрения представляется возможным выделить ряд признаков видеоигр как сложных объектов интеллектуальных прав:

интерактивность — свойство, благодаря которому осуществляется процесс непосредственного взаимодействия пользователя с видеоигрой;

сложность внутренней структуры объекта — свойство, проявляющееся в многоэлементном составе видеоигр из различных результатов интеллектуальной деятельности, которые неотделимы друг от друга по причине их единого назначения;

объективная выраженность в цифровой (электронной) форме — свойство, которое прямо опосредовано с игрой как мультимедийным продуктом.

Субъекты интеллектуальных прав на видеоигры. С течением времени число вовлеченных в разработку видеоигр значительно увеличилось. Если на этапе становления индустрии для создания конкурентоспособного продукта можно было обойтись небольшой командой, то сейчас процесс разработки крупного AAA-проекта по масштабу и бюджету может быть сопоставим со съемками блокбастера.

По нашему мнению, принимающих участие в разработке видеоигр субъектов можно квалифицировать следующим образом:

продюсер — осуществляет контроль всех участвующих в создании игры членов команды;

геймдизайнеры — осуществляют проектирование игрового процесса в зависимости от масштабности игры и ее жанра; существуют дизайнеры уровней, дизайнеры игровых механик, дизайнеры контента, дизайнеры интерфейса и т. д.;

художники — осуществляют проектирование визуальной составляющей видеоигры посредством создания различных предварительных материалов, концепт-артов, фоновых изображений, текстур окружения и персонажей, пользовательского интерфейса и т. д.;

саунд-дизайнеры — осуществляют разработку звуковых эффектов и других связанных с видеоигрой звуковых элементов;

программисты — осуществляют разработку и/или адаптацию кода игры;

владельцы смежных прав — привлекаемые к созданию движений персонажей видеоигры и записи их голоса исполнители и актеры, а также создатели используемых фонограмм;

не вносящие творческого вклада в создание игры лица — привлекаемые специалисты в области маркетинга, менеджмента, тестировщики, юристы, консультанты в музыкальной, спортивной, военно-исторической области т. д.

В данном случае наличие авторских прав у участников процесса создания видеоигры зависит от характера их непосредственного вклада в рабочий процесс: если в результате будут созданы оригинальные произведения, в таком случае и у создателей в отношении таких произведений возникнут авторские права. Если же при создании игры будут использованы уже существующие результаты интеллектуальной деятельности, то необходимо будет получить разрешение от их правообладателя/правообладателей, например при использовании фотографий, рисунков или музыки.

Особое внимание необходимо уделить установлению исчерпывающего перечня задействованных в создании видеоигры лиц. Например, если при разработке программного кода задействовано множество программистов, определить объем вклада каждого из них в итоговую, окончательную версию кода весьма затруднительно, а для признания авторского права такой вклад должен быть еще и творческим. Возможным решением проблемы является максимально подробная поэтапная фиксация вклада каждого из программистов посредством составления соответствующей отчетной документации. Аналогичные проблемы могут возникнуть в случае если в коде видеоигры будут использоваться сторонние элементы, принадлежащие лицам, не входящим в команду разработчиков. Если игра создается несколькими лицами совместно, то в рамках ст. 1258 ГК РФ они могут быть признаны соавторами, созданное ими произведение должно использоваться совместно, если соглашением между ними не будет предусмотрено иное.

В создании видеоигры особая роль принадлежит продюсеру. Действующее законодательство предусматривает особые условия и правила для организатора создания сложного объекта, направленные на упрощение приобретения прав на использование результатов интеллектуальной деятельности, вошедших в состав сложного объекта. В частности, в случае патентования программ или того же графического пользовательского интерфейса в качестве правообладателя также выступает продюсер, в качестве которого может выступать не только физическое, но и юридическое лицо. Наиболее приближенной к реальности является ситуация, когда лицо, организовавшее создание сложного объекта — видеоигры, выступает в качестве работодателя по отношению к другим лицам, задействованным в разработке; в та-

²⁵ См.: Гринь Е. С. Объекты авторских прав // Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М., 2017. С. 75—100.

ком случае дополнительно будут действовать положения о служебных произведениях.

В соответствии со ст. 1295 ГК РФ, если иное не предусмотрено гражданско-правовым или трудовым договором между работодателем и автором, исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, при этом постановление Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» гласит, что для признания произведения служебным необходимо, чтобы оно входило в пределы должностных обязанностей работника. В данном случае основными вопросами являются, во-первых, определение рамок трудовых обязанностей работника; во-вторых, входило ли в их круг создание спорного произведения. Позиция отечественных судов в данном отношении основана на необходимости предоставления подтверждающих наличие служебного (технического) задания документов; доказательств создания программы определенными субъектами в определенный период времени; актов приема-передачи служебного произведения и иных свидетельствующих о создании объекта в рамках исполнения служебных обязанностей документов²⁶.

При этом весь комплекс авторских прав изначально возникает у автора произведения, так как в соответствии с п. 2 ст. 1295 ГК РФ если в течение трех лет с момента предоставления произведения в его распоряжение работодатель не начнет его использование, не передаст его другому лицу, или же не сообщит его непосредственному автору о сохранении его произведения в тайне, то в таком случае исключительное право на служебное произведение возвращается его изначальному автору. Аналогичные положения можно обнаружить в законодательстве Франции²⁷ и Германии²⁸.

Критерии охраноспособности составляющих элементов видеоигры. Ранее мы неоднократно упоминали, что современные как AAA (англ. «A lot of resources, a lot of money, a lot of times», т. е. высокобюджетные) так и indie (от англ. «independent» — независимые) видеоигры не ограничиваются исключительно программной составляющей, а являются упорядоченной совокупностью взаимосвязанных разнообразных нематериальных объектов. В частности, с точки

зрения отечественного законодательства в видеоигре могут использоваться следующие объекты:

объекты авторских прав: сценарий и/или положенное в его основу произведение; художественные и музыкальные произведения, которые могут специально разрабатываться для определенной видеоигры; персонажи; фотографии, карты и т. п.;

объекты смежных прав: базы данных и фонограммы (не только музыкальные произведения, но и необходимые для наполнения вымышленной вселенной различные звуки окружения и т. п.);

сложные объекты: аудиовизуальные и анимационные произведения, в состав которых входят объекты смежных прав — исполнение роли, пение, чтение, иное исполнение в рамках данного аудиовизуального произведения, которое осуществляется в рамках его создания, и т. п.;

иные объекты интеллектуальных прав: промышленный образец или пользовательский интерфейс и т. п.;

не относящиеся к интеллектуальной собственности объекты: образ той или иной известной личности; отдельно взятые компоненты локации и т. д.

Зарубежные исследователи A. S. Lipson, R. D. Brain²⁹ отмечают, что видеоигры включают три основные группы: 1) компьютерный код; 2) визуальные элементы (статичные объекты и анимация, текстовые отображения); 3) аудиоэлементы (музыкальные композиции, записи звуков и эффекты).

Как упоминалось ранее, в процессе разработки создается сценарий, подробнейшим образом прорабатывается мир и его законы, игровые локации, персонажи, их образ, характеры и особенности взаимодействия с внешним миром и друг с другом. Однако в силу своего существования не все объекты получают правовую охрану, они должны соответствовать определенным критериям охраноспособности, которые естественным образом варьируются в зависимости от применяемого права.

В качестве основы авторско-правовой охраны выступает Бернская конвенция 1886 г.³⁰, Соглашение ТРИПС³¹, Договор ВОИС по авторскому праву³² и др. На уровне национальных законодательств данные положения, как правило, реципируются в том или ином виде, но сам объем предоставляемой охраны и средств защиты может отличаться.

²⁶ См., например, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 апреля 2019 г. № 09АП-13578/2019-ГК по делу № А40-202764/18.

²⁷ Law on the Intellectual Property Code of July 1, 1992, No. 92-597 // Industrial Property and Copyright. 1998. Vol. 7-8. No. 3. Art. 1.

²⁸ См.: Ramos A., Lypez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/copyright/en/activities/pdf/comparative_analysis_on_video_games.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

²⁹ См.: Lipson A. S., Brain R. D. Computer and Video Game Law: Cases, Statutes, Forms, Problems and Materials. Durham, 2009. P. 54.

³⁰ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г.

³¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г.

³² Договор ВОИС по авторскому праву и Согласованные заявления в отношении Договора ВОИС по авторскому праву (приняты Дипломатической конференцией) (Женева, 20 декабря 1996 г.).

Например, во Франции требования в области охраноспособности сформулированы в действующем национальном законодательстве весьма лаконично, устанавливая, что охраняются права авторов в отношении всех продуктов интеллектуального труда, вне зависимости от их вида, формы выражения, достоинств или цели³³. Критерий оригинальности там формируется доктриной и судебной практикой и нередко трактуется как выражение личности автора произведения. Подобного рода подход был воспринят европейской судебной практикой. Например, в деле *Infopaq*³⁴ указывалось, что интеллектуальное творение принадлежит автору в том случае, если отражает его личность. Указанные дела в дальнейшем заложили особенности механизма доктрины «free creative choices», т. е. свободных творческих выборов³⁵. Судебная практика Великобритании до вынесения судом ЕС решения по делу *Infopaq* основывалась на том, что произведение рассматривается в качестве оригинального только в том случае, если является результатом навыков и усилий автора, это так называемая доктрина «sweat of the brow», т. е. работы в поте лица³⁶, которая больше фокусируется не на защите выражения творческой мысли автора того или иного произведения, а на вложенных им в создание произведения усилиях.

Для того чтобы получить авторско-правовую охрану в США, произведение должно соответствовать критериям креативности (т. е. творческого характера создания) и оригинальности. Критерий креативности означает наличие некоторого объема интеллектуального труда³⁷, а критерий оригинальности обозначает, что только то произведение, которое обязано своим непосредственным созданием автору, было создано самостоятельно, а не скопировано³⁸. Более того, Верховный суд США указывал, что в осно-

ве авторских прав находится именно акт законодателя³⁹. В течение долгого времени в США преобладала рецепированная из Великобритании доктрина «sweat of the brow», но благодаря решению Верховного суда по делу «*Feist Publications, Inc. v. Rural Telephone Service Co.*»⁴⁰ отныне в законодательстве и практике укрепилась доктрина «creative selection doctrine», т. е. доктрина творческого выбора, которая представляла правовую охрану произведениям исключительно при их соответствии минимальным требованиям творческого характера, что более соответствовало европейскому подходу в данной области.

В России в качестве объектов авторских прав рассматриваются произведения науки, литературы и искусства, вне зависимости от достоинств, назначения произведения и способов его выражения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ). В соответствии с п. 80 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом, т. е. презюмируется именно творческий характер произведения. Одними из наиболее часто встречающихся в содержании множественных отечественных судебных актов критериев творчества являются: понимание творчества как интеллектуальной деятельности, результатом которой является создание ранее не известного интеллектуального продукта⁴¹; новизна и оригинальность⁴²; новизна, оригинальность и уникальность⁴³; новизна, уникальность и неповторимость произведения⁴⁴; самостоятельная созидательная деятельность⁴⁵.

Таким образом, для того чтобы произведение было охраноспособным, необходимо чтобы оно: относилось к области науки, литературы и искусства; существовало в объективной форме; отвечало установленным требованиям оригинальности. Говоря о

federal/appellate-courts/F2/821/800/255560/ (дата обращения: 11.11.2022).

³⁹ *Wheaton v. Peters*, 33 U. S. 591 (1834). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/33/591>.

⁴⁰ *Feist Publications, Inc. v. Rural Telephone Service Co.*, 499 U. S. 340 (1991). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/499/340/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁴¹ См., например, постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 ноября 2018 г. № 20АП-6893/2018 по делу № А68-3943/2018.

⁴² См., например, апелляционное определение Самарского областного суда от 18 марта 2019 г. по делу № 33-3053/2019.

⁴³ См., например, постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 марта 2018 г. № 09АП-3596/2018-ГК, 09АП-3604/2018-ГК, 09АП-3607/2018-ГК, 09АП-3608/2018-ГК, 09АП-3610/2018-ГК по делу № А40-128427/14.

⁴⁴ См., например, определение Московского городского суда от 21 ноября 2017 г. № 4г-11363/2017.

⁴⁵ См., например, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 апреля 2014 г. № 09АП-46070/2013-ГК по делу № А40-97747/12-19-771.

³³ См.: *Кашанин А. В.* Минимальные стандарты охраноспособности произведений в практике французских судов // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2009. № 5. С. 97.

³⁴ *Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening* (C-5/08) EU:C:2009:465 (16 July 2009). URL: https://h2o.law.harvard.edu/text_blocks/8422 (дата обращения: 11.11.2022).

³⁵ См.: *Lukoševičienė A.* On Author, Copyright and Originality: Does the Unified EU Originality Standard Correspond to the Digital Reality in Wikipedia // *Masaryk University Journal of Law and Technology*. 2017. No. 11. P. 221.

³⁶ См.: *Rahmatian A.* Originality in UK Copyright Law: The Old “Skill and Labour” Doctrine Under Pressure // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2013. No. 44. P. 4—34.

³⁷ *Baltimore Orioles, Inc. v. Major League Baseball Players Ass’n*, 805 F.2d 663, 668 n. 6 (7th Cir.1986). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/805/663/171206/> (дата обращения: 11.11.2022).

³⁸ *Reader’s Digest Ass’n v. Conservative Digest, Inc.*, 821 F.2d 800, 806 (D. C. Cir.1987). URL: <https://law.justia.com/cases/>

специфике в данном случае видеоигр на примере входящих в их состав аудиовизуальных элементов, отметим следующее. Вне зависимости от того, были ли написаны определенные музыкальные композиции специально для игры, или существовали ранее в случае, если они обладают творческим характером, они, естественно, будут охраняться. Например, в Германии даже незначительный уровень творческого вклада лица, осуществившего переработку чужого музыкального произведения, рассматривается как достаточный для предоставления ему минимальной охраноспособности⁴⁶.

Заслуживающим рассмотрения является вопрос об охраноспособности такого элемента, как пользовательский интерфейс. В частности, Суд ЕС отмечает, что так называемый графический пользовательский интерфейс может быть защищен как объект авторского права только в случае если он соответствует предъявляемым требованиям к оригинальности⁴⁷. А расположение или конфигурацию всех составляющих данный интерфейс компонентов отражает оригинальным образом только когда его внешний вид не обусловлен исключительно техническими требованиями.

В США в настоящее время практика предоставления авторско-правовой охраны графическому интерфейсу аналогична европейской. Однако ранее она была более обширной, в частности в 1986 г. судом было установлено, что нелитеральные элементы компьютерной программы (в том числе дизайн) будут являться охраноспособными при условии, что они не будут сливаться, смешиваться с идеей данной программы⁴⁸. В этом же году в рамках другого дела судом была расширена сфера защиты нелитеральных элементов компьютерной программы, когда все элементы произведения, в том числе текст, его расположение, художественные произведения и связь между ними рассматривались как единое целое⁴⁹. Но с течением времени объем защиты в отношении интерфейсов стал сужаться, в результате в практике стал доминировать новый подход в области оценки как кода компьютерной программы, так и ее нелитеральных

компонентов, например, в громком процессе Apple Computer Inc. против Microsoft Corporation⁵⁰ каждый спорный элемент графического интерфейса рассматривался и анализировался судом отдельно. Подобный подход можно обнаружить и в Российской Федерации⁵¹.

В США таким если не максимально универсальным, то, по крайней мере, предоставляющим определенные возможности решением стало патентование. В соответствии с § 171 Закона США о патентах 35 U.S.C.⁵² графическим пользовательским интерфейсам предоставляется патентная защита в качестве промышленного образца только в том случае, если они соответствуют требованиям:

новизны, т. е. любой не обладающий специальными знаниями в области применения промышленного образца человек должен воспринимать его как новый; неочевидности, т. е. промышленный образец не должен следовать из известного уровня техники; декоративности, т. е. дизайн промышленного образца не должен определяться исключительно функциональными требованиями.

С точки зрения американского патентного законодательства патентную защиту интерфейс может получить только в том случае, если он является одновременно декоративным и функциональным, но не чисто функциональным⁵³.

В связи с этим рассмотрим некоторые интересные видеоигровые патентные решения, которые были зарегистрированы в США:

компанией Nintendo of America Inc был зарегистрирован патент № US 6935954B2⁵⁴; его предметом является метод организации видеоигры и ее уровней, которые могут варьироваться в зависимости от показателя степени безумия персонажа;

компанией Sony Interactive Entertainment LLC патентом № US 20210023453⁵⁵ был зарегистрирован

⁵⁰ Apple Computer, Inc. v. Microsoft Corp., 35 F.3d 1435 (9th Cir. 1994). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/35/1435/605245/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵¹ См. постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 сентября 2014 г. № C01-816/2014 по делу № А60-33580/2013. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=7579#Dq0RzvSOPGCu1yoa> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵² U. S. Patents Act (Designs) 35 U. S.C. §§ 171-173 and 289 and Code of Federal Regulations, 37 C. F.R. 1. URL: <https://wipo.int/ru/text/130046> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵³ См.: Stigler R. Ooey GUI: The Messy Protection of Graphical User Interfaces // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. 2014. Vol. 12. No. 3. P. 240.

⁵⁴ Patent No. US 6935954B2 Sanity System for Video Game. URL: <https://patents.google.com/patent/US6935954B2/en> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵⁵ Patent No. US20210023453 — Use of machine learning to increase or decrease level of difficulty in beating video

⁴⁶ См.: *Кашанин А. В.* Практика авторско-правовой охраны произведений с незначительным уровнем творческого характера в иностранных правовых порядках // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2012. № 9, 10. С. 90.

⁴⁷ См.: *Bezpečnostní softwarová asociace — Svaz softwarové ochrany v. Ministerstvo kultury* (2010) Caseno.C-393/09. Court of Justice of the European Union, ECR I-13971.

⁴⁸ См.: *Whelan Assoc., Inc. v. Jaslow Dental Lab., Inc.*, 797 F.2d 1222, 1240 (3d Cir. 1986). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/797/1222/104748/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁴⁹ См.: *Broderbund Software, Inc. v. Unison World, Inc.*, 648 F. Supp. 1127 (N. D. Cal. 1986). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/648/1127/1431057/> (дата обращения: 11.11.2022).

способ машинного обучения в целях уменьшения или увеличения уровня сложности в сражениях с противниками;

компанией Tencent Technology (Shenzhen) Company Limited патентом № US 20200346113⁵⁶ был зарегистрирован интерфейс виртуального рюкзака персонажа;

компанией Zynga Inc. был зарегистрирован патент № US 20200222814⁵⁷ в области механики совместной дипломатии (т. е. усиления одних персонажей/единиц за счет союзных) для онлайн-игр.

В Российской Федерации охрана пользовательского интерфейса посредством использования патентов представляется теоретически возможной. В соответствии с положениями п. 1 ст. 1352 ГК РФ «промышленному образцу предоставляется правовая охрана, если по своим существенным признакам он является новым и оригинальным». Новизна подразумевает, что определенная совокупность существенных признаков данного промышленного образца не становится известной из ставших общедоступными в мире сведений до даты его приоритета. Оригинальность означает определенную совокупность существенных признаков данного промышленного образца, связанных с творческим характером и особенностями изделия. При этом обусловленные исключительно технической функцией составные элементы из области охраны могут быть (и скорее всего будут) исключены.

Более того, нередкой практикой является использование в видеоиграх, являющихся аудиовизуальными произведениями, видеовставок, или когда в самом процессе игры на экран выводится определенный текст, который при соблюдении условий охраноспособности также может охраняться авторским правом. Кроме того, существует практика разработки определенных шрифтов специально для игр, которые, как отмечает А. Киселева, также могут при соблюдении установленных условий получить авторско-правовую защиту⁵⁸.

Таким образом, по нашему мнению, из рассмотренных положений и приведенных примеров из отечественной и зарубежной доктрины и практики следует, что как минимум каждый из аудиовизуальных

элементов видеоигры может получить охрану при соответствии необходимым критериям охраноспособности.

Особенности судебной защиты интеллектуальных прав на видеоигры. Так или иначе, но перед многими разработчиками иногда встает вопрос о защите интеллектуальных прав в отношении видеоигр, так как в каждый проект, особенно AAA уровня, вкладывается огромное количество финансовых, трудовых и временных ресурсов, поэтому представляется очевидным, что создатели заинтересованы получить максимум прибыли и нацелены на предельно возможное пресечение и преследование незаконного использования принадлежащего им продукта.

Все встречающиеся способы нарушения прав на видеоигры можно разделить на две большие группы: 1) нарушение происходит в пределах договора о предоставлении исключительных прав на видеоигру; 2) нарушивший права на видеоигру субъект не связан с правообладателем договорными отношениями.

Основы судебной практики в области рассмотрения подобных нарушений были заложены в США в 1980-е гг. Например, в деле «Stern Elec. Inc. v. Kaufman»⁵⁹ судом было указано, что копирование элементов существующих игр является довольно серьезной угрозой для всей индустрии электронных игр. В деле «Midway Mfg. Co. v. Dirkschneider»⁶⁰ предметом разбирательства стало утверждение истца, что ответчиком были нарушены права на принадлежащие ему игры Rally-X, Galaxian и Pac-Man, на что суд отметил, что из приведенных как истцом, так и ответчиком сравнений игр следует, что данные игры практически идентичны — в таких случаях исследование сходств и различий отдельных элементов игр судами не осуществляется, так как был установлен факт прямого копирования.

Отметим некоторые наиболее крупные юридические конфликты в игровой индустрии в 2021 г. в сфере интеллектуальной собственности.

В области авторских прав:

процесс по иску Национальной ассоциации музыкальных издателей США (NMPA) к Roblox о нарушении авторских прав на музыкальные произведения на сумму 200 млн долл. завершился подписанием мирового соглашения⁶¹;

процесс по иску Nintendo к владельцу пиратского портала RomUniverse завершился в пользу Nintendo,

game opponent. URL: <https://patents.google.com/patent/US20210023453A1/en> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵⁶ US Patent Application for Virtual Backpack Interface Patent Application (Application #20200346113). URL: <https://patents.justia.com/patent/20200346113> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵⁷ US Patent Application for Collaborative Diplomacy Mechanics Patent Application (Application #20200222814). URL: <https://patents.justia.com/patent/20200222814> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵⁸ См.: Киселева А. Шрифт как объект авторского права в России и США // Авторское право и смежные права. 2015. № 5. С. 21—24.

⁵⁹ Stern Elec. Inc. v. Kaufman 523 F. Supp. 635, 638 (E. D.N. Y. 1981). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/523/635/2298329/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶⁰ Midway Mfg. Co. v. Dirkschneider 5 543 F. Supp. 466 (D. Neb. 1981). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/543/466/1460981/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶¹ NMPA and Roblox Strike Industry-Wide Agreement. URL: <https://corp.roblox.com/2021/09/nmpa-roblox-strike-industry-wide-agreement/> (дата обращения: 11.11.2022).

с владельца сайта взыскана компенсация в размере 2,1 млн долл.⁶²;

процесс по иску Take-Two Interactive к разработчикам модификаций к играм GTA 3 и GTA Vice City⁶³;

Московский городской суд обязал временно заблокировать доступ на сервисе YouTube к трейлеру игры Atomic Heart, в котором звучала композиция группы «Мираж»⁶⁴;

дизайнер подала иск к компании Capcom о незаконном использовании ее фотографий в играх компании⁶⁵;

создатель персонажа предъявил иск к Activision и Infinity Ward о нарушении ими авторских прав⁶⁶.

В области товарных знаков:

Epic Games предъявила иск к производителю смарт-очков Nreal по поводу смешения принадлежащих им обозначений⁶⁷;

Activision подала иск к студии Fizzer по поводу запрета использования последней обозначения игры Warzone⁶⁸;

окружной суд в США отклонил иск производителя игр Atari к онлайн-маркету Redbubble о нарушении исключительных прав на товарные знаки⁶⁹.

В области патентных прав:

процесс по иску Nintendo к Colopl по пяти патентным нарушениям в пределах игры White Cat Project

завершился подписанием мирового соглашения на сумму 30 млн долл.⁷⁰;

Activision Blizzard выиграла спор по патенту на технологию, который длился с 2012 г.⁷¹;

Valve не смогла оспорить решение, по которому она обязана за нарушение патентных прав на Steam Controller выплатить Ironburg Inventions 4 млн долл.⁷²;

суд обязал Supercell выплатить Gree за нарушение ее патентов 92,2 млн долл.⁷³

К сожалению, подавляющее большинство возникающих споров в отечественной практике в данной области сосредоточены на незаконном использовании персонажей или продаже контрафактных экземпляров видеоигр. Однако в силу объективных причин изначально глобального характера игровой индустрии в ближайшей перспективе представляется, что рано или поздно в отечественной практике подобные споры возникнут и для того, чтобы не изобретать колесо заново. Необходимо обратиться к существующему зарубежному опыту в данной области и учесть все положительные и отрицательные стороны того или иного подхода.

С точки зрения ст. 1252 ГК РФ возможными способами защиты исключительного права являются: предъявление к нарушителю требования о признании права; о пресечении действий, создающих угрозу нарушения права или нарушающих его; об изъятии материального носителя; о возмещении убытков/выплате компенсации; о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием при этом действительного правообладателя. Наиболее распространенным является способ охраны объектов при помощи товарных знаков, посредством которых можно защищать связанные с видеоигрой и ее персонажами наименования и логотипы. При применении данного способа необходимо учитывать, что: регистрация осуществляется в одном или нескольких классах, действующих на территории страны регистрации товаров и услуг; такой товарный знак будет действовать только в той юрисдикции, в пределах которой он был за-

⁶² Nintendo of America, Inc. v. Matthew Storman, Case No. CV 19-7818-CBM-(RAOx). URL: <https://torrentfreak.com/images/storman-judgment.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶³ Take-two interactive software, Inc. v. Angleo Papenhoff, Theo Morra, Eray Orçunus, and Adrian Graber. URL: <https://torrentfreak.com/images/3-21-cv-06831-Take-Two-v-Papenhoff-answer-to-complaint-212222.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶⁴ Определение Московского городского суда от 7 июля 2021 г. № 2и-6327/2021.

⁶⁵ Juracek v. Capcom Co., Ltd. Civil Action No. 3:21-cv-00775. URL: <https://www.courtlistener.com/docket/59963205/1/juracek-v-capcom-co-ltd/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶⁶ Clayton Haugen v. Activision Publishing, Inc. Case 2:21-cv-00035. URL: <https://torrentfreak.com/images/2-21-cv-00035-Clayton-Haugen-v-Activision-Complaint-210202.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶⁷ Epic Games, Inc. v. Shenzhen Tairuo Technology Co., Ltd No. 5:21-CV-224. URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.nced.187547/gov.uscourts.nced.187547.1.0.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶⁸ Activision Publishing, Inc. v. Warzone.com, LLC Case No. 2:21-cv-3073. URL: <https://www.mygamecounsel.com/wp-content/uploads/sites/32/2021/04/2021-04-08-ActivisionVsWarzoneLawsuit.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶⁹ Atari Interactive, INC v. Redbubble, INC Case 18-cv-03451-JST. URL: <https://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/legaldocs/byvrjkgjeve/IP%20ATARI%20TRADEMARKS%20verdict.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).

⁷⁰ Nintendo gets \$30m from Colopl in patent suit settlement. URL: <https://www.gamesindustry.biz/articles/2021-08-04-nintendo-gets-usd30m-from-colopl-in-patent-suit-settlement> (дата обращения: 11.11.2022).

⁷¹ Worlds, Inc., v. Activision Blizzard, Inc., Blizzard Entertainment, Inc. and Activision Publishing, Inc. Civil Action No. 12-10576-DJC. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-mad-1_12-cv-10576/pdf/USCOURTS-mad-1_12-cv-10576-3.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

⁷² Valve Fails to Nullify \$4M Jury Verdict in Steam Controller Patent Infringement Case. URL: <https://archive.esportsobserver.com/valve-scutf-patent-trial/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁷³ Gree, Inc. v. Supercell OY (No. 2:19-cv-00237-J RG-RSP). URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.txed.190463/gov.uscourts.txed.190463.265.0.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).

регистрирован, а регистрация всех товарных знаков в пределах одной видеоигры по международной системе может обойтись в весьма внушительную сумму. В связи с этим более надежным является охрана патентная, особенно для занимающихся передовыми разработками крупных компаний; в то же время она требует еще больше временных и материальных затрат. Кроме того, многие не заинтересованы в раскрытии в публичных базах данных информации обо всех особенностях запатентованного объекта.

Заключение

1. По нашему мнению, в исследовательской и научной литературе более корректным является использование термина «видеоигра». Нормы отечественного законодательства о программах к отношениям по поводу разработки, охраны, защиты и управления видеоигр применяться в настоящее время не могут. Видеоигры как сложные объекты интеллектуальных прав обладают признаками интерактивности, сложности внутренней структуры, объективной выраженности в цифровой (электронной) форме. Предлагаем предварительную, модельную трактовку и понимание дефиниции «видеоигра» как выраженного в цифровой форме и предназначенного для функционирования на различных электронно-вычислительных устройствах мультимедийного продукта, включающего самостоятельно охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, неразрывность которых друг от друга обусловлена их единым назначением.

2. Субъектами авторских прав на отдельные входящие в состав видеоигры элементы выступают лица, чьим непосредственным творческим трудом данные элементы были созданы: продюсеры; гейм-дизайнеры; художники; саунд-дизайнеры; программисты; владельцы смежных прав; лица, не вносящие творческий вклад в создание игры. Наиболее приближенной к реальности является ситуация, когда организовавшее создание сложного объекта — видеоигры — лицо выступает в качестве работодателя по отношению к другим лицам, задействованным в разработке; в таком случае дополнительно будут действовать положения о служебных произведениях. Одним из возможных вариантов решения проблемы разграничения их творческого вклада в создание видеоигры является максимально подробная поэтапная фиксация вклада каждого из задействованных в раз-

работке лиц посредством составления соответствующей отчетной документации.

3. Из рассмотренных положений и приведенных примеров из отечественной и зарубежной доктрины и практики следует, что как минимум каждый из аудиовизуальных элементов видеоигры при соответствии необходимым критериям охраноспособности может получить охрану. Из анализа зарубежных порядков следует, что для получения различными элементами видеоигры защиты необходимо, чтобы они входили в перечень охраняемых объектов и отвечали минимально установленным законодательством требованиям к их оригинальности. Одним из наиболее эффективных в данном отношении способов является патент, с помощью которого можно зарегистрировать различные игровые элементы, такие как метод организации видеоигры, способы машинного обучения, графические интерфейсы, уникальные механики и проч., главное, чтобы они соответствовали критериям новизны и индивидуального характера (ЕС); новизны, очевидности и декоративности (США); новизны и оригинальности (РФ). С точки зрения отечественного законодательства в видеоигре могут использоваться объекты авторских и смежных прав, сложные объекты, иные объекты, не относящиеся к интеллектуальной собственности.

4. Использование гражданско-правовых способов защиты интеллектуальных прав на видеоигру может варьироваться в зависимости от выбранной ее правообладателем стратегии: в случае если она будет защищаться в качестве сложного объекта не только авторско-правовыми способами, но и посредством патентов (механики, графического интерфейса и т. п.) и товарных знаков, перечень подлежащих охране объектов будет значительно расширен. В зарубежных порядках, как следует из приведенных примеров, такая практика является вполне обыденным явлением, что, к сожалению, нельзя сказать о практике отечественной, подавляющее большинство возникающих споров в которой сосредоточены на незаконном использовании персонажей или продаже контрафактных экземпляров видеоигр. В существующих условиях для многих разработчиков видеоигр на территории РФ оптимальным будет использование режима коммерческой тайны или охраны своих разработок в качестве секрета производства (ноу-хау).

Список литературы

1. Caillois R. *Les jeux et les hommes*. Gallimard, 1967.
2. Crawford C. *The Art of Computer Game Design*. URL: https://www.digitpress.com/library/books/book_art_of_computer_game_design.pdf (дата обращения: 11.11.2022).
3. Чувствинов И. В. Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3(33).
4. Juul J. *Half Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds*. Cambridge, 2005.
5. Lipson A. S., Brain R. D. *Computer and Video Game Law: Cases, Statutes, Forms, Problems and Materials*. Durham, 2009.
6. Lukoševičienė A. On Author, Copyright and Originality: Does the Unified EU Originality Standard Correspond to the Digital Reality in Wikipedia // Masaryk University Journal of Law and Technology. 2017. No. 11.

7. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge, 2001.
8. Murray J. *Hamlet on the Holodeck*. Cambridge, 1998.
9. Rahmatian A. Originality in UK Copyright Law: The Old “Skill and Labour” Doctrine Under Pressure // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2013. No. 44.
10. Ramos A., Lypez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. *The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches*. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/copyright/en/activities/pdf/comparative_analysis_on_video_games.pdf (дата обращения: 11.11.2022).
11. Schreier J. *Blood, sweat, and pixels: the triumphant, turbulent stories behind how video games are made*. New York, 2017.
12. Stigler R. Ooey GUI: The Messy Protection of Graphical User Interfaces // *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*. 2014. Vol. 12. No. 3.
13. Walton K. *Mimesis as Make-Believe: On the Foundations of the Representational Arts*. Cambridge, 1990.
14. Zimmerman E. *Narrative, Interactivity, Play, and Games*. Cambridge, 2004.
15. Zimmerman E., Salen K. *Rules of play: Game design fundamentals*. Boston, 2003.
16. Архипов В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // *Закон*. 2015. № 11.
17. Бубнова К. М. Компьютерные игры. Проблемы авторско-правовой защиты // *Авторское право. XXI век: сб. науч. ст. М.*, 2010.
18. Гринь Е. С. Объекты авторских прав // *Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.*, 2017.
19. Кашанин А. В. Минимальные стандарты охраноспособности произведений в практике французских судов // *Вестник Арбитражного суда города Москвы*. 2009. № 5.
20. Кашанин А. В. Практика авторско-правовой охраны произведений с незначительным уровнем творческого характера в иностранных правовых порядках // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2012. № 9, 10.
21. Киселева А. Шрифт как объект авторского права в России и США // *Авторское право и смежные права*. 2015. № 5.
22. Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М., 2013.
23. Крайнова Е. Р., Ивлева И. М. К вопросу о гражданско-правовом статусе компьютерных игр // *Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза*, 2019.
24. Моргунова Е. А. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. М., 2012.
25. Пьеховка А. На стыке мира видеоигр и права ИС // *Журнал ВОИС*. 2021. № 2.
26. Рожкова М. А. Современная компьютерная игра — это не программа для ЭВМ // *Закон.ру*. 2021. 15 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremennaya_kompyuternaya_igra_eto_ne_programma_dlya_ev_m_a_modern_computer_game_is_not_a_computer#_ftnref1 (дата обращения: 11.11.2022).

References

1. Caillois R. *Les jeux et les hommes*. Gallimard, 1967.
2. Crawford C. *The Art of Computer Game Design*. Available at: https://www.digitpress.com/library/books/book_art_of_computer_game_design.pdf (accessed 11.11.2022).
3. Chuvstvinov I. V. Video Games and Intellectual Property: Peculiarities of Rights Protection in Non-Literal Copying. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2021, no. 3(33), pp. 102—111. (In Russ.).
4. Juul J. *Half Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds*. Cambridge, 2005.
5. Lipson A. S., Brain R. D. *Computer and Video Game Law: Cases, Statutes, Forms, Problems and Materials*. Durham, 2009.
6. Lukoševičienė A. On Author, Copyright and Originality: Does the Unified EU Originality Standard Correspond to the Digital Reality in Wikipedia. *Masaryk University Journal of Law and Technology*, 2017, no. 11.
7. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge, 2001.
8. Murray J. *Hamlet on the Holodeck*. Cambridge, 1998.
9. Rahmatian A. Originality in UK Copyright Law: The Old “Skill and Labour” Doctrine Under Pressure. *International Review of Intellectual Property and Competition Law*, 2013, no. 44.
10. Ramos A., Lypez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. *The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches*. Available at: https://www.wipo.int/export/sites/www/copyright/en/activities/pdf/comparative_analysis_on_video_games.pdf (accessed 11.11.2022).
11. Schreier J. *Blood, sweat, and pixels: the triumphant, turbulent stories behind how video games are made*. New York, 2017.
12. Stigler R. Ooey GUI: The Messy Protection of Graphical User Interfaces. *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*, 2014, vol. 12, no. 3.
13. Walton K. *Mimesis as Make-Believe: On the Foundations of the Representational Arts*. Cambridge, 1990.
14. Zimmerman E. *Narrative, Interactivity, Play, and Games*. Cambridge, 2004.
15. Zimmerman E., Salen K. *Rules of play: Game design fundamentals*. Boston, 2003.
16. Arkhipov V. V. Intellectual property in the industry of computer games: problems of theory and practice. *Law*, 2015, no. 11, pp. 61—69. (In Russ.).

17. Bubnova K. M. Computer games. Problems of copyright protection. *Copyright. XXI century*. Moscow, 2010. (In Russ.)
18. Grin E. S. Copyright objects. *Intellectual Property Law*. Vol. 2: Textbook. Ed. by L. A. Novoselova. Moscow, 2017. (In Russ.)
19. Kashanin A. V. Minimum standards for the protection of works in the practice of French courts. *Bulletin of the Arbitration Court of the City of Moscow*, 2009, no. 5. (In Russ.)
20. Kashanin A. V. The practice of copyright protection of works with an insignificant level of creative nature in foreign legal orders. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2012, no. 9, 10. (In Russ.)
21. Kiseleva A. Font as an object of copyright in Russia and the USA. *Copyright and Related Rights*, 2015, no. 5, pp. 21—24. (In Russ.)
22. Kotenko E. S. *Copyright for multimedia product*. Moscow, 2013. (In Russ.)
23. Krainova E. R., Ivleva I. M. On the issue of the civil law status of computer games. *Modern jurisprudence: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the XIX International Scientific and Practical Conference*. Penza, 2019. (In Russ.)
24. Morgunova E. A. *Protection of rights to the results of intellectual activity and means of individualization*. Moscow, 2012. (In Russ.)
25. Piekhovka A. At the intersection of the world of video games and IP law. *WIPO Journal*, 2021, no. 2. (In Russ.)
26. Rozhkova M. A. A modern computer game is not a computer program. *Zakon.ru*, 2021, November 15. (In Russ.) Available at: https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremennaya_kompyuternaya_igra_eto_ne_programma_dlya_evm_a_modern_computer_game_is_not_a_computer#_ftnref1 (accessed 11.11.2022).

Информация об авторе

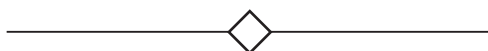
В. Ю. Хлапотин, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. ResearcherID: HCG-8864-2022

Information about the author

V. Y. Khlapotin, Postgraduate Student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. ResearcherID: HCG-8864-2022

Поступила в редакцию 15.11.2022
Принята к публикации 22.06.2023

Received 15.11.2022
Accepted 22.06.2023

Оригинальная статья
УДК 342.7:341.64 (4-672ЕС)
DOI: 10.61205/jzsp.2023.056

Защита прав человека в практике Суда ЕС: от истоков к современности

Яна Игоревна Лебедева

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, lebedeva.ioanna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2982-5642>

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена выходом Российской Федерации из европейской системы защиты прав человека, что создает необходимость поиска иных моделей внешнего контроля за соблюдением прав человека. Одной из них является защита прав человека органами интеграционного правосудия. Несмотря на то что интеграция в Евразийском экономическом союзе имеет чисто экономический характер, опыт интеграционных объединений показывает, что даже при такой парадигме защита основных прав человека все-таки может осуществляться. Преимуществом в связи с этим является постепенный характер формирования каталога прав человека. Опыт Европейского союза показывает, что даже не имея нормативной основы, подобной Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, можно обеспечивать эффективную защиту прав и свобод в практике органа интеграционного правосудия. Правовой анализ в настоящем исследовании начинается с периода 1970-х гг., когда Суд ЕС определил основные характеристики наднациональной системы защиты прав человека. В 1980—1990-х гг. он постепенно расширял круг защищаемых прав. На рубеже эпох правозащитные подходы Суда ЕС были обобщены в Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г. Автор статьи рассматривает первые прецеденты, рассмотренные на основании данной Хартии после придания последней статуса первичного источника права. В заключение дан анализ недавних решений по делам *Melloni* и *M.A.S.*, в которых Суд ЕС сформулировал весьма неоднозначный подход в отношении сферы действия Хартии ЕС об основных правах.

Ключевые слова: интеграционное право, Европейский союз, Суд Европейского союза, Хартия Европейского союза об основных правах, права человека, конституционное право, конституционные традиции

Для цитирования. Лебедева Я. И. Защита прав человека в практике Суда ЕС: от истоков к современности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 120—131. DOI: 10.61205/jzsp.2023.056

Original article

Human Rights Protection in the Practice of the EU Court of Justice: from the Origins to the Present

Iana I. Lebedeva

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lebedeva.ioanna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2982-5642>

Abstract. The relevance of present study is due to the withdrawal of the Russian Federation from the European system of human rights protection, which creates the need to search for other models of external control over the observance of human rights. One of them is the protection of human rights by integration justice bodies. Despite the fact that integration in the Eurasian Economic Union is purely economic in nature, the experience of integration associations shows that even with such a paradigm, the protection of fundamental human rights can still be carried out. The advantage in this regard is the gradual formation of the human rights catalogue. The experience of the European Union shows that even without a regulatory framework similar to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, it is possible to ensure effective protection of rights and freedoms in the practice of the integration justice body. The legal analysis in this study begins with the period of the 1970s, when the EU Court determined the main features of the supranational system of human rights protection. In the 1980s and 1990s, the Court gradually expanded the range of protected rights. At the turn of the epochs, the human rights approaches of the EU Court were summarized in the Charter of Fundamental Rights of the European Union in 2000. The author of the article examines the first precedents considered after the latter was given the status of the primary source of law. In conclusion, an analysis is given of recent decisions in the *Melloni* and *M.A.S.* cases, in which the EU Court formulated a very ambiguous approach regarding the scope of the EU Charter of Fundamental Rights.

Keywords: integration law, European Union, Court of Justice of the European Union, Charter of Fundamental Rights of the European Union, human rights, constitutional law, constitutional traditions

For citation. Lebedeva I. I. Human Rights Protection in the Practice of the EU Court of Justice: from the Origins to the Present. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 120—131. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.056

Интеграционные объединения современности становятся все более распространенной формой экономического сотрудничества государств. Их деятель-

ность часто сопряжена с передачей суверенных полномочий, которая приводит к формированию новых органов публичной власти. Несмотря на эффектив-

ность таких объединений, формирование подобных институций вызывает необходимость распространения на них идеалов демократии, прав человека и верховенства права. В Европейском союзе вопросы демократического дефицита, отсутствие подотчетности наднациональных институтов по правам человека начинают обсуждаться с 1970-х гг., когда Европейские сообщества сделали первые шаги на пути своего становления. Учрежденный в 2014 г. Евразийский экономический союз также становится объединением государств, которые разделяют не только общие экономические, но и иные интересы в различных областях. Не исключением является и область прав человека, которая должна развиваться в направлении большей защищенности субъектов права. Утвержденная в рамках региональной организации свобода внутреннего рынка предполагает, что гражданин одного государства-члена должен быть уверен в наличии высоких сопоставимых гарантий соблюдения прав человека во время нахождения или коммерческого присутствия в другом государстве. Это вновь приводит к идее о необходимости обеспечения безопасности и законности в пространстве, которое охватывает организация экономической интеграции¹. По этой причине перед Евразийским экономическим союзом неизбежно встанет проблема расширения интеграционного измерения в сторону механизмов охраны и защиты прав человека, если объединение желает развивать свой изначальный потенциал. В то же время Суд ЕАЭС уже зарекомендовал себя в качестве эффективного механизма разрешения споров², в том числе в отношении актов и действий органов Союза. Именно посредством деятельности органа интеграционного правосудия возможно восприятие современных стандартов защиты основных прав даже при отсутствии у интеграционного объединения компетенции в отношении защиты прав человека и единого правозащитного каталога прав и свобод. Именно такая картина наблюдается сейчас в ЕАЭС, развитие которого требует оценки правовых подходов иных интеграционных объединений, в первую очередь Европейских сообществ, которые столкнулись с указанными вызовами раньше и продолжают уже под эгидой Союза решать их и в настоящее время.

¹ См.: Ковлер А. И., Лебедева Я. И. Защита прав человека *stricto sensu* судами интеграционных объединений: опыт сравнительного анализа // Международное правосудие. 2022. № 4(44). С. 36.

² Подробнее об отдельных аспектах разрешения споров международными судами см.: Капустин А. Я., Ковлер А. И., Белялова А. М., Лебедева Я. И., Фокин Е. А. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 116—134.

Становление системы защиты прав человека в практике Суда ЕС. С самого начала функционирования Суд Европейских сообществ³ осуществлял защиту частных лиц от неправомерных действий государств-членов при реализации последними учредительных договоров и актов вторичного права. По своему содержанию защищаемые права имели экономический характер. В то же время органы и институты Сообществ не имели каких-либо формальных обязательств по охране прав человека при принятии правовых актов и осуществлении политических мер. Отсутствие подотчетности институтов и органов по правам человека наряду с нарождающейся проблемой демократического дефицита могло привести к утрате доверия со стороны населения государств-членов в отношении новых органов публичной, но не государственной власти.

К началу 1970-х гг. данные тенденции становятся все более очевидными. Конституционные и иные высшие суды начинают ограничивать действие наднационального права на своей территории в связи с отсутствием гарантий соблюдения прав человека⁴. Это ставило под сомнение принципы прямого действия и верховенства права Сообществ в правовых системах государств-членов, а также подрывало его эффективность и единообразие⁵. Л. Бесселинк отмечает, что формирование каталога основных прав в Европейском союзе никогда не являлось самоцелью правовой системы. Данная защита рассматривается скорее как инструмент обеспечения верховенства, прямого действия и эффективности коммунитарного права⁶. М. Клэс также подтверждает, что разработка наднациональных стандартов защиты прав человека имела целью убедить национальные суды принять безоговорочное верховенство⁷.

Поэтому Сообществам было необходимо доказать свою приверженность правам человека. Уже в 1969 г. наметились первые ориентиры, каким об-

³ Суд был учрежден на основании Парижского договора об учреждении ЕОУС 1951 г. Подробнее см.: *Traité instituant la Communauté Européenne du Charbon et de l'Acier* (18 Avril 1951). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:11951K/TXT> (дата обращения: 29.05.2023).

⁴ См., например: BVerfG. 22 BVerfGE 293. *Case EEC Regulations Constitutionality*. Decision of 18 October 1967; BVerfG. 37 BVerfGE 271. *Case Solange I*. Decision of 29 May 1974.

⁵ Подробнее о становлении указанных квалификационных характеристик правового порядка ЕС в практике Суда см.: *Международное правосудие как фактор интеграции: монография* / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. И. Ковлера. М., 2019. С. 38—63 (автор гл. 2 «Решения Суда Европейского Союза как фактор формирования европейской интеграции» — Я. И. Лебедева).

⁶ См.: *Besselink L. The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni* // *European Law Review*. 2014. Vol. 39. Iss. 4. P. 531.

⁷ См.: *Claes M. The National Courts' Mandate in the European Constitution*. Oxford, 2006. P. 419.

разом будет осуществляться такая защита. В пункте 7 решения по делу *Stauder*⁸ Суд указал, что основные права предусмотрены в качестве общих принципов права Сообщества и защищаются Судом. Иными словами, Суд намеревался осуществить правовую рецепцию общепризнанных правовых стандартов в области прав человека. Однако Сообщества не располагали, да и сейчас не располагают компетенцией по принятию правовых актов в указанной области. Поэтому такая рецепция будет осуществляться посредством толкования Судом Европейских сообществ актов Союза с учетом общепризнанных прав человека в каждом конкретном деле⁹. Такое заимствование правовых стандартов осуществлялось им с учетом собственной интерпретации содержания тех или иных прав и свобод.

Через год после дела *Stauder* было вынесено одно из ключевых решений в истории европейской интеграции — *Internationale Handelsgesellschaft*¹⁰. В соответствии с обстоятельствами дела немецкая компания получила лицензию на экспорт кукурузы под условием внесения депозита, который гарантировал исполнение экспортных обязательств. Поскольку эти обязательства не были исполнены, депозит был взыскан в соответствии с применимыми регламентами Совета Европейских сообществ. Представители фирмы утверждали, что предусмотренная регламентами система депозита является неправомерной в свете свободы экономической деятельности и права собственности, которые предусмотрены в Основном законе Германии.

Административный суд г. Франкфурт-на-Майне, который рассматривал указанное дело, направил преюдициальный запрос в Суд Европейских сообществ. Национальный суд придерживался позиции, что верховенство наднационального права должно уступать принципам Основного закона Германии. В решении Суда Сообществ такая позиция не получила подтверждения. Суд подчеркнул, что право ЕЭС представляет собой независимый источник права. Поэтому на действительность мер Сообщества и их действие не могут повлиять утверждения о том, что они противоречат основным правам, сформулированным в конституции государства, либо являются принципом национальной конституционной структуры (п. 3). По мнению Суда, уважение основных прав составляет неотъемлемую часть права Сообществ. Их

защита должна быть обеспечена в рамках структуры и целей Сообщества (п. 4). Однако после рассмотрения системы лицензирования, предусмотренной регламентами в свете свободы экономической деятельности и права собственности, она была сочтена правомерной.

Не удовлетворившись позицией Суда Европейских сообществ, Административный суд направил запрос в Федеральный конституционный суд (далее — ФКС) Германии, что привело к вынесению решения по делу *Solange I* 1974 г.¹¹ Последний указал, что при наличии конфликта между правом Сообществ и гарантиями основных прав, предусмотренными Основным законом, последние имеют преимущественную силу до тех пор, пока компетентные органы Сообщества не разрешат указанный конфликт в соответствии с механизмами, предусмотренными учредительным договором (п. 24). Конституционный суд заметил, что на момент вынесения Решения по делу *Solange I* на уровне Сообществ не был сформирован даже минимальный каталог основных прав (п. 23).

Такая позиция ставила перед Судом Сообществ непростую задачу ускорить формирование правозащитного каталога. Начало этого процесса связывают с принятием решения по делу *Nold II* 1974 г.¹² Истец, немецкая компания *Nold*, указывал, что одно из решений, принятых Европейской комиссией, привело к нарушению свободы предпринимательской деятельности и права собственности, которые защищаются Основным законом Германии. Несмотря на то что эти права прямо не проистекали из учредительных договоров, Суд указал, что они составляют неотъемлемую часть общих принципов права, соблюдение которых он обеспечивает (п. 13). Следовательно, такие права являются частью собственной правовой системы Сообществ. Их содержание он устанавливает на основе толкования и сравнительно-правового анализа конституций государств-членов и международных договоров, участниками которых они являются¹³.

¹¹ BVerfG. 37 BVerfGE 271. Case *Solange I*. Decision of 29 May 1974.

¹² CJEC. Case 4-73. *J. Nold, Kohlen- und Baustoffgroßhandlung v. Commission of the European Communities*. Judgment of 14 May 1974.

¹³ Подробнее см. абз. 2, 3 п. 13 решения по делу: «Суду надлежит черпать вдохновение из конституционных традиций, общих для государств-членов, и поэтому он не может поддерживать меры, которые несовместимы с основными правами, признанными и защищаемыми конституциями этих государств... Аналогично международные договоры о защите прав человека, которые разрабатывались или были подписаны государствами-членами, могут содержать руководящие принципы, которые должны соблюдаться в рамках права Сообщества». В зарубежной теории европейского права также фигурирует понятие «источники вдохновения» в отношении норм, которые заимствуются из международных догово-

⁸ CJEC. Case 29/69. *Erich Stauder v. City of Ulm, Sozialamt*. Judgment of 12 November 1969.

⁹ Подробнее о данном механизме см.: *Гаджиев Х. И.* Судебное правотворчество в международном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 118—129.

¹⁰ CJEC. Case 11-70. *Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel*. Judgment of 17 December 1970.

Нарушение прав человека не было установлено, однако Суд дал дополнительные ориентиры в отношении механизма формирования общих принципов. Во-первых, внутреннюю структуру общего принципа образует не только само право, но и конкретные основания его ограничения. Такие ограничения могут быть оправданы общими целями, преследуемыми Сообществом, при условии, что сущность этих прав остается нетронутой. Например, права собственника должны рассматриваться в свете социальной функции собственности (п. 14). Среди недопустимых рассматриваются ограничения, обусловленные защитой чисто коммерческих интересов и возможностей, неопределенность которых является частью самой сути экономической деятельности (абз. 4 п. 14).

Другое знаковое решение в контексте формирования общих принципов права было вынесено по делу *Rutili* 1975 г.¹⁴ В нем Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — ЕКПЧ, Конвенция) была рассмотрена в целом в качестве особого «источника вдохновения» (п. 32). Со временем Конвенция начинает отводиться особая роль при формулировании общих принципов, о чем ясно свидетельствует п. 3 ст. 6 Договора о Европейском союзе (в ред. Лиссабонского договора). Подобное восприятие Конвенции привело к идее о том, что Европейский союз может присоединиться к ней в качестве участника. Присоединение было провозглашено в качестве цели Союза в п. 2 ст. 6 Договора о ЕС. Европейская комиссия продолжает переговоры в соответствии с намеченной целью, однако Суд ЕС видит многочисленные препятствия на пути ее реализации. В основном они связаны с особым характером правовой системы Союза¹⁵.

ров и иных актов о правах человека, внешних по отношению к правовой системе ЕС. В качестве примера см.: *Kosta V., de Witte B.* Human rights norms in the Court of Justice of the European Union // Human rights norms in 'other' international courts / ed. by *M. Scheinin*. Cambridge, 2019. P. 264—265, 268, 270.

¹⁴ CJEC. Case 36-75. Roland Rutili v. Ministre de l'intérieur. Judgment of 28 October 1975. В данном деле рассматривалась договорная свобода передвижения, которая не имеет статуса общепризнанного права человека. Тем не менее ценность решения заключается в том, что в нем Суд впервые определяет содержание понятия «общественный порядок» (англ. — public policy) как одного из главных ограничений в отношении реализации прав и свобод.

¹⁵ Подробнее о проблематике присоединения ЕС к ЕКПЧ см.: *Энтин К. В.* Присоединение Евросоюза к ЕКПЧ // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 108—124; *Рябова В. О.* Присоединение Европейского Союза к европейской «Конвенции о защите прав человека и основных свобод»: проблемы и перспективы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 1. С. 172—185; *Исполинов А. С.* Суд Европейского Союза против присоединения ЕС к Европейской Конвенции по правам человека (при-

В последующем каталог основных прав в прецедентной практике Суда ЕС только расширялся. Среди далеко не полного перечня можно отметить гражданские права — право на уважение частной и семейной жизни¹⁶, свободу выражения мнений¹⁷ и др. Утверждались антидискриминационные положения, например запрет дискриминации на основании возраста¹⁸. Разрабатывались и экономические права, которые прямо не вытекают из учредительных договоров, в частности право собственности и иных имущественных прав¹⁹. Среди процедурных прав фигурирует презумпция невиновности²⁰, а также право на судебное разбирательство в течение разумного срока²¹.

Таким образом, основные права в качестве общих принципов, разрабатываемых в практике Суда, становятся частью собственной правовой системы ЕС. Тот факт, что они являются результатом сравнительно-правового исследования конституционных традиций государств-членов²², подкрепляемого положе-

чины и следствия) // Международное правосудие. 2015. № 1. С. 118—134; *Рябова В. О.* Взаимодействие Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека по делам о защите прав человека после Лиссабонского договора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; *Исполинов А. С.* В поисках новой парадигмы: Суд ЕС и ЕСПЧ спустя три года после Заключения № 2/13 // Международное правосудие. 2018. № 2. С. 16—27.

¹⁶ CJEC. Case 136/79. National Panasonic (UK) Limited v. Commission of the European Communities. Judgment of 26 June 1980. CJEC; Case 249/86. Commission of the European Communities v. Federal Republic of Germany. Judgment of 18 May 1989.

¹⁷ CJEC. Case 260/89. Elliniki Radiophonia Tiléorassi AE and Panellinia Omospondia Syllogon Prossopikou v. Dimotiki Etairia Pliroforissis and Sotirios Kouvelas and Nicolaos Avdellas and others. Judgment of 18 June 1991; CJEU (Third Chamber). C-250/06. United Pan-Europe Communications Belgium SA and Others v. Belgian State. Judgment of 13 December 2007.

¹⁸ CJEC. Case 144/04. Werner Mangold v. Rüdiger Helm. Judgment of 22 November 2005.

¹⁹ CJEC. Case 44/79. Liselotte Hauer v. Land Rheinland-Pfalz. Judgment of 13 December 1979.

²⁰ CJEU (Second Chamber). Case C-344/08. Criminal proceedings against Tomasz Rubach. Judgment of 16 July 2009.

²¹ CJEC. Case 185/95 P. Baustahlgewebe GmbH v. Commission of the European Communities. Judgment of 17 December 1998.

²² «Общие конституционные традиции» (синоним — общее конституционное наследие) является довольно сложным понятием и заслуживает отдельного рассмотрения. В определенном смысле оно пересекается с понятием «европейский консенсус», которое используется в практике Европейского суда по правам человека. Подробнее см.: *Fichera M., Pollicino O.* The Dialectics Between Constitutional Identity and Common Constitutional Traditions: Which Language for Cooperative Constitutionalism in Europe? // German Law Journal. 2019. Iss. 8. P. 1097—1118.

ниями международных договоров по правам человека (в первую очередь, ЕКПЧ), позволяет сделать вывод, что общие принципы не полностью независимы от правовой культуры и традиций государств-членов. Однако такое сравнение является для Суда инструментом правовой рецепции, а значит, результаты этого сравнения не связывают его при формулировании собственного правозащитного подхода.

Довольно успешное развитие практики Суда ЕС в данном направлении привело к росту авторитета интеграционного объединения, а значит, к упрочению принципов прямого действия и верховенства наднационального права в правовых порядках государств-членов. В связи с этим знаковым становится решение по делу *Solange II*, которое было принято ФКС Германии в 1986 г.²³ Он установил презумпцию соответствия уровня защиты основных прав на уровне ЕС стандартам Основного закона (п. 59). В практическом смысле жалобы в Конституционный суд рассматриваются в качестве приемлемых, если заявители смогут продемонстрировать, что защита основных прав на наднациональном уровне ниже, чем та, которую ФКС презюмирует по делу *Solange II*²⁴.

Таким образом, после принятия решения по делу *Solange II* недостаточный уровень защиты основных прав на время перестает быть фактором, который ослабляет верховенство и прямое действие наднационального права. На первый план в практике конституционных и иных высших судов выходит проблематика превышения органами и институтами Союза предоставленных им полномочий в результате прогрессивного развития европейского права. Часто подобное расширение предполагает передачу полномочий, которые являются неотъемлемыми для суверенного государства и затрагивают фундаментальные политические и конституционные структуры государства-члена. Такие вопросы начинают формировать содержание понятия национальной или конституционной идентичности²⁵; его рассмотрение выходит за рамки настоящего исследования.

Принятие Хартии ЕС об основных правах. Важнейшим событием, которым был отмечен рубеж эпох, стало принятие в 2000 г. Хартии ЕС об основных (fundamental — в ряде переводов «основополагающих», «фундаментальных») — правах. Она была принята в качестве декларативного документа. Со-

гласно абз. 5 преамбулы Хартия прямо рассматривается в качестве кодификации общих принципов права, т. е. прав человека, сформулированных в практике Суда ЕС. В отношении государств-членов, которые сделали оговорки об ограниченном применении Хартии на своей территории, например Польши и Чехии, продолжают применяться общие принципы права. Иными словами, эти государства все равно обязаны соблюдать общие принципы при претворении в жизнь права Союза.

Структура Хартии прокладывает «мостик» между общими принципами и основополагающими ценностями Союза, предусмотренными в ст. 2 Договора о ЕС, — человеческим достоинством, свободой, равенством, солидарностью и др. Так и все права, предусмотренные в Хартии, разделены на созвучные европейским ценностям главы — «Достоинство», «Свободы», «Равенство», «Солидарность», «Гражданство» и «Правосудие»²⁶.

Изначально Суд ЕС использовал Хартию только в качестве инструмента толкования при рассмотрении конкретных дел²⁷. Однако со временем значение Хартии неуклонно возрастало. Лиссабонский договор 2007 г. закрепил за ней статус обязательного источника права, равного по силе учредительным договорам (п. 1 ст. 6 Договора о ЕС). В январе 2010 г. Суд ЕС в решении по делу *Kücükdeveci*²⁸ впервые прямо сослался на новый правовой статус Хартии в качестве обязательного источника первичного права (п. 22). Тем не менее в отличие от учредительных договоров сфера действия Хартии является намного более ограниченной. Согласно п. 1 ст. 51 Хартия адресуется институтам и органам Союза, а также государствам-членам, но лишь тогда, когда последние обеспечивают претворение в жизнь права Союза. В соответствии с указанными сферами дела Суда ЕС, в которых применяется Хартия, можно подразделить на две группы.

Первую группу образуют дела, в которых нормы вторичного права проверяются Судом на соответствие свободам, изложенным в Хартии ЕС об основных правах. В качестве примера можно привести решение по делу *Jasna Detiček*, которое было вынесено через несколько дней после придания Хартии

²³ BVerfG. 2 BvR 197/83. Case *Solange II*. Decision of 22 October 1986.

²⁴ BVerfG. 102 BVerfGE 147. Case *Banana Market Regulation*. Decision of 7 June 2000. Para. 62.

²⁵ См., например: *Васильева Т. А.* Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 32—58.

²⁶ Подробнее см.: *Лебедева Я. И.* Ценности Европейского Союза: понятие, правовая природа и влияние на конституционное право суверенных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 2. С. 130—147.

²⁷ Подробнее см.: Court of First Instance (Second Chamber). Case T-54/99. *Max.mobil Telekommunikation Service GmbH v. Commission*. Judgment of 30 January 2002; Court of First Instance (First Chamber). Case T-177/01. *Jégo-Quérel & Cie SA v. Commission*. Judgment of 3 May 2002 и др.

²⁸ CJEU (Grand Chamber). Case C-555/07, *Seda Küçükdeveci v. Swedex GmbH & Co. KG*. Judgment of 19 January 2010.

обязательной силы²⁹. Согласно обстоятельствам дела компетентный итальянский суд наделил отца несовершеннолетнего ребенка единоличным правом опеки в рамках бракоразводного процесса с матерью — гражданкой Словении Я. Детичек. В день вынесения решения мать вместе с ребенком выехала в Словению. В последующем словенским судом было вынесено решение о принудительном исполнении решения итальянского суда.

Обходя тонкие коллизионные вопросы, которые поднимаются в данном деле, перейдем непосредственно к толкованию ст. 20 Регламента 2201/2003 от 27 ноября 2003 г. о юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и определению родительской ответственности³⁰ в свете ст. 24 Хартии ЕС об основных правах (п. 53—60 решения по делу *Detiček*). В пункте 3 ст. 24 Хартии находят отражение основные права ребенка, среди которых фигурирует поддержание на регулярной основе личных отношений и прямых контактов с обоими родителями. Указанное правомочие безусловно представляет собой интерес ребенка. Следовательно, «ст. 20 Регламента... не может толковаться таким образом, которое приводит к игнорированию этого фундаментального права» (п. 55). По этой причине противоправное отчуждение ребенка, которое принято в одностороннем порядке одним из родителей, чаще всего лишает ребенка возможности поддерживать отношения с другим родителем (п. 56). По этой причине ст. 20 не может толковаться так, что будет способствовать легитимации последствий неправомерного поведения одного из родителей (п. 57).

Суд ЕС также указал, что право ребенка на поддержание регулярных и прямых контактов с обоими родителями не является абсолютным — его ограничение может иметь место, если наличествуют иные, превосходящие данное право интересы ребенка (п. 58). Тем не менее сбалансированная и разумная оценка интересов ребенка должна производиться в ходе разбирательства в суде, который выносит решение по существу и обладает юрисдикцией в соответствии с положениями Регламента № 2201/2003 (п. 60 решения по делу *Detiček*).

Другим знаковым делом о соответствии актов вторичного права Хартии является дело *Schecke and Eifert*, решение по которому также было принято в 2010 г.³¹ В данном деле Суд ЕС аннулировал отдель-

ные положения Регламента № 1290/2005 от 21 июня 2005 г. о финансировании общей сельскохозяйственной политики³², которые предусматривали обязательное опубликование имен получателей определенных сельскохозяйственных субсидий, поскольку это могло привести к непропорциональному вмешательству в их частную жизнь. Суд ЕС признал прозрачность бюджета Союза в качестве законной цели, представляющей общественный интерес. Однако этот интерес не был сбалансирован с правом физических лиц на неприкосновенность частной жизни, предусмотренном в ст. 7 и 8 Хартии. Таким образом, толкование Регламента в свете Хартии привело к результатам, отличным от тех, которые могли бы быть продиктованы его буквальным толкованием.

Вторая категория дел охватывает ситуации, когда Суд оценивает меры, которые принимаются государствами-членами при претворении в жизнь права Союза, на соответствие Хартии. Отличительной особенностью данной категории дел является необходимость существования источника вторичного права, который был имплементирован государством-членом и применяется на его территории. В данной ситуации, по выражению председателя Суда ЕС К. Лёнарта (К. Lenaerts), Хартия выступает в качестве «тени права ЕС»³³. На практике большое количество источников национального права могут быть рассмотрены в свете гарантий Хартии, поскольку так или иначе принимаются во исполнение актов Союза. Существует известный фейк (поскольку таких подсчетов в действительности не проводилось), что до 80% национальных актов полностью или частично принимаются во исполнение права ЕС. Безусловно, эти цифры явно преувеличены, что не отменяет общий посыл, так как многие национальные акты действительно «претворяют в жизнь право Союза».

В данной категории в качестве значимого выступает дело *McB*, которое также датируется 2010 г.³⁴ Согласно обстоятельствам дела гражданин Ирландии *McB* и гражданка Великобритании *L. E.* (имена не раскрываются), которые не состояли в законном браке, имели трех несовершеннолетних детей. С 2008 г. пара проживала в Северной Ирландии. По причине жестокого обращения со стороны сожителя мать уехала вместе с детьми, что *McB* в последующем характеризовал в суде как похищение по смыслу Конвенции о гражданско-правовых аспектах междуна-

²⁹ CJEU (Third Chamber). *Jasna Detiček v. Maurizio Sgueglia*. Judgment of 23 December 2009.

³⁰ Council Regulation (EC) No. 2201/2003 of 27 November 2003 concerning jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and the matters of parental responsibility, repealing Regulation (EC) No. 1347/2000.

³¹ CJEU (Grand Chamber). *Volker und Markus Schecke GbR (C-92/09) and Hartmut Eifert (C-93/09) v. Land Hessen*. Judgment of 9 November 2010.

³² Council Regulation (EC) No. 1290/2005 of 21 June 2005 on the financing of the common agricultural policy.

³³ См.: *Lenaerts K.* Keynote speech at the Conference “Making the EU Charter of Fundamental Rights a reality for all” of 12 November 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/charter_lenaerts12.11.19.pdf.

³⁴ CJEU (Third Chamber). *C-400/10. J. McB v. L. E.* Judgment of 5 October 2010.

родного похищения детей 1980 г. Он обратился в Высокий суд Англии и Уэльса, куда были перемещены дети, с целью вернуть их в Северную Ирландию — место постоянного проживания. По мнению истца, национальное право, которое препятствует установлению опеки и возвращению детей, противоречит его праву на уважение частной и семейной жизни, предусмотренное в ст. 7 Хартии в свете понятия «опека», определенного в Регламенте № 2201/2003. Помимо этого, перемещение ребенка противоречит праву ребенка на постоянные личные взаимоотношения и на регулярное общение со своим родителем (п. 3 ст. 24 Хартии), которым является McV.

В первую очередь, Суд ЕС указал, что «право на совместное проживание с ребенком и воспитание» (право опеки) является автономным понятием Регламента № 2201/2003. Однако порядок определения лица, владеющего правом опеки, остается в единоличном ведении государства-члена, в котором проживал ребенок до своего перемещения. По этой причине Суд применил положение Хартии, согласно которому она «не создает никакой новой компетенции для... Союза, и не изменяет компетенции и задач, определенных договорами» (п. 2 ст. 51). По этой причине несмотря на то, что многие положения об определении права на опеку претворяют в жизнь право Союза, указанный вопрос выходит за сферу компетенции ЕС. Если бы установление правил по определению опеки входило в компетенцию ЕС, то Суд, вероятно, рассмотрел бы указанные национальные правила на соответствие Хартии.

Суд истолковал понятие «право на совместное проживание с ребенком и воспитание» (право опеки), предусмотренное регламентом, что в значительной степени предрешило исход дела в национальном суде. Суд указал, что ст. 7 Хартии должна толковаться в свете ЕКПЧ и практики Европейского суда по правам человека³⁵. По этой причине он начал исследование права на частную и семейную жизнь по Европейской конвенции. Со ссылкой на дела *Guichard*³⁶ и *Balbontin*³⁷ Суд ЕС указал, что предоставление опеки матери, а не отцу в целом не противоречит ст. 8 ЕКПЧ. Однако биологический отец должен иметь возможность просить национальный суд признать его в качестве опекуна. При оценке того, кто должен являться опекуном, необходимо принимать во внимание обстоятельства его рождения, характер взаимоотношений с родителями, а также возможности

и умения каждого в отношении воспитания и ухода за детьми. Учет этих фактов направлен на обеспечение наилучших интересов ребенка в соответствии со ст. 24 Хартии.

Иное противоречило бы ст. 8, а также представляло бы неправомерную дискриминацию по смыслу ст. 14 Хартии. Внутреннее семейное право может предусматривать, что признание права опеки для целей дальнейшего возвращения детей должно быть осуществлено до перемещения матерью своих детей. В противном случае такое перемещение представляет собой осуществление матерью, которая является единственным законным опекуном, права на свободу передвижения (ст. 20, 21 Договора о функционировании Европейского союза), а также права определять место жительства детей. Указанное не должно лишать отца права доступа к ребенку в будущем. В частности, Суд ЕС указал на необходимость уважения основных прав ребенка, предусмотренных ст. 24 Хартии. В любом случае ребенок должен иметь возможность на регулярной основе поддерживать личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, в том числе биологическим отцом, даже если он не имеет права опеки³⁸.

Указанное дело иллюстрирует всю сложность применения Хартии. В первую очередь, оно прямо обусловлено разделением компетенции между ЕС и государствами-членами. Если Союз не располагает компетенцией в отношении каких-либо положений национального права, они не могут быть истолкованы в свете Хартии. В подобных обстоятельствах Суд ЕС все-таки пытается помочь национальному суду, который обращается с запросом. В частности, указанная помощь может осуществляться через прояснение автономных понятий права Европейского союза. Такое прояснение может опосредованно повлиять на исход дела.

В качестве другого примера второй категории дел можно рассмотреть дело *Deutsche Energiehandels- und Beratungsgesellschaft mbH (DEB)* 2010 г.³⁹ Согласно фактическим обстоятельствам компания DEB подала иск в немецкий суд против правительства Германии. Истец указал, что ФРГ допустила задержку в имплементации Директивы о правовой помощи⁴⁰. Это привело к сохранению дискриминации в отношении доступа добывающих компаний, одной из которых являлась DEB, к газораспределительным сетям. В итоге компания недополучила прибыль в раз-

³⁵ Хартия может установить более высокие правовые стандарты, а полное соблюдение стандартов ЕКПЧ в свете практики Европейского Суда представляет «минимальный стандарт» Хартии.

³⁶ ECHR (Second Section). *Guichard v. France*. Application No. 56838/00. Decision of 2 September 2003.

³⁷ ECHR (Grand Chamber). *Balbontin v. United Kingdom*. Application No. 39067/97. Decision of 14 September 1999.

³⁸ CJEU (Grand Chamber). Case C-540/03. European Parliament v. Council of the European Union. Judgment of 27 June 2006.

³⁹ CJEU (Fourth Chamber). Case C-279/09. *Deutsche Energiehandels- und Beratungsgesellschaft mbH v. Germany*. Judgment of 22 December 2010.

⁴⁰ Council Directive 2002/8/EC of 27 January 2003 to improve access to justice in cross-border disputes by establishing minimum common rules relating to legal aid for such disputes.

мере 3,7 млрд евро, что усугубило и без того тяжелое финансовое положение предприятия. По причине значительных убытков компания не могла произвести предоплату судебных издержек в размере более 274 тыс. евро. Кроме того, в распоряжении компании не было финансовых средств для оплаты услуг адвоката, участие которого в судебном процессе по законодательству Германии является обязательным.

В вопросе предоставления бесплатной юридической помощи юридическим лицам немецкое законодательство является чрезвычайно строгим. В частности, такая помощь предоставляется только в случае, если отказ в ней противоречит общественным интересам. По этой причине, обращаясь с ходатайством о предоставлении бесплатного адвоката, компания должна была доказать, что будущее решение способно затронуть значительную часть населения или деловых кругов. Берлинский апелляционный суд (далее также — национальный суд) не усмотрел наличия в деле общественных интересов. Более того, он указал, что отказ в данном случае соответствует и Основному закону, который в толковании ФКС Германии выдвигает более строгие условия предоставления бесплатной юридической помощи юридическим лицам. Однако национальный суд обеспокоился несколько иным вопросом: не нарушает ли отказ в юридической помощи в рассматриваемом деле эффективность права Союза.

По инициативе самого Суда ЕС преюдициальный запрос был переформулирован. Причина, по которой Суд отказался рассмотреть проблему в свете принципа эффективности, остается не совсем ясной. Вместо этого положения немецкого права были рассмотрены на соответствие ст. 47 Хартии «Право на эффективное обжалование и на доступ к беспристрастному суду». В первую очередь, Суд обратил внимание на п. 3 указанной статьи, согласно которому «лицам, которые не располагают достаточными средствами, предоставляется юридическая помощь в той мере, в которой данная помощь необходима для обеспечения эффективного доступа к правосудию». По мнению Европейской комиссии, вступившей в данное дело, термин «лицо» (нем. — Person), который используется в рассматриваемой статье, обозначает не только физическое лицо. Кроме того, остальные положения гл. VI Хартии «Правосудие» также адресуются как физическим, так и юридическим лицам.

Далее Суд ЕС приступил к детальному рассмотрению конституционных традиций государств-членов, а также практики Европейского суда. Первый из указанных «источников вдохновения» не внес какой-либо ясности: не во всех государствах-членах юридическим лицам предоставляется бесплатная помощь защитника, а там, где она предоставляется, — часто различия в отношении коммерческих и некоммерческих юридических лиц.

В целом юридическая помощь юридическим лицам во многих государствах-членах является довольно ограниченной.

Весьма подробно была рассмотрена практика ЕСПЧ. В частности, Европейский суд в деле *Airley*⁴¹ указал, что государству следует предусмотреть юридическую помощь в тех случаях, когда отсутствие такой помощи сделало бы невозможным реализацию эффективного средства правовой защиты. Указанная позиция в полной мере соответствует фактическим обстоятельствам дела *DEB*. При этом указание публичного интереса в качестве единственного основания для предоставления бесплатной юридической помощи и снижения процессуальных расходов не соответствует стандартам ЕКПЧ. По мнению ЕСПЧ, должны также учитываться иные обстоятельства, такие как важность разбирательства для заявителя, сложность применимого права, способность заявителя эффективно себя представлять, значимость исхода дела. Для уточнения финансового положения юридического лица могут приниматься во внимание такие факты, как организационно-правовая форма компании, финансовое положение участников общества, цели деятельности юридического лица и др.

Таким образом, положения немецкого права в отношении ограничений при предоставлении бесплатной юридической помощи и снижении судебных расходов были признаны прямо противоречащими Хартии ЕС об основных правах.

Отдельные проблемы действия Хартии на современном этапе. Наиболее активная дискуссия разворачивается вокруг ст. 53 Хартии, согласно которой она не может устанавливать стандарты, которые являются более низкими, чем предусмотренные международным правом (особенно ЕКПЧ), а также конституциями государств-членов. Исходя из прямого смысла ст. 53, в случае, когда гарантии прав человека, предусмотренные конституцией государства-члена, выше, чем те, которые предоставляет Хартия, первые обладают искомым приоритетом. Практическое действие ст. 53 можно наблюдать на основании позиций Суда ЕС по делам *Melloni* и *M.A.S.*

Согласно обстоятельствам дела *Melloni* гражданин Италии Стефано Меллони был заочно осужден уголовным судом Испании на 10 лет. Во исполнение итальянского ордера на арест Национальная аудиенция Испании⁴² приняла решение о его выдаче. Рамочное решение о европейском ордере на арест, которое регулирует данный вопрос, представляет собой источник вторичного права. Согласно ст. 4а указанного решения для выдачи заочно осужденного должны быть удовлетворены всего две минимальные гаран-

⁴¹ ECHR (Grand Chamber). *Airey v. Ireland*. Application No. 6289/73. Decision of 9 October 1979.

⁴² Компетентный судебный орган Испании, который рассматривает вопросы экстрадиции.

тии: (1) лицо проинформировано о дате и месте судебного заседания, и (2) в судебном разбирательстве лицо было представлено защитником.

Конституционный суд Испании считал, что указанные немногочисленные гарантии в отношении выдачи лица, которое подвергается заочному осуждению, не соответствуют более высоким стандартам Конституции Испании в отношении права на справедливое судебное разбирательство. На первый взгляд, позиция Конституционного суда довольно ясна — национальные конституционные стандарты в данном случае оказались выше, чем стандарты Рамочного решения. Значит, согласно ст. 53 Хартии должны применяться именно они.

В ответе на преюдициальный запрос Суд ЕС остановился на следующих ключевых соображениях. Во-первых, он указал, что Рамочное решение о европейском ордере на арест было принято с целью создания упрощенной и эффективной системы экстрадиции, основанной на принципе доверия между государствами-членами. Иными словами, основой системы экстрадиции в ЕС является уверенность, что все государства-члены (в том числе запрашивающее) имеют высокие и сопоставимые стандарты защиты основных прав. Это является ключевой причиной обеспечения Рамочным решением малого количества правовых гарантий.

По нашему мнению, аргумент, основанный на уверенности государства в том, что права его граждан соблюдаются в полной мере, является весьма легкомысленным. Ни одно государство в современном мире не может оставить гражданина беззащитным перед лицом иностранных государств и их органов власти. Рамочное решение, по сути, лишает государства-члены и их граждан такой защиты. Суд ЕС решил проигнорировать буквальное толкование ст. 53, которое не позволяет снижать национальные конституционные стандарты. Вместо этого было принято решение исследовать Рамочное решение на соответствие ст. 47, 48 Хартии, которые закрепляют положения о справедливом судебном разбирательстве. Суд ЕС со ссылкой на практику ЕСПЧ указал на достаточность минимальных гарантий Рамочного решения для защиты лиц, осужденных заочно.

Тем не менее это еще не все сюрпризы, которые подготовил Суд ЕС в отношении толкования ст. 53 Хартии. Он непосредственно связал рассматриваемое разбирательство с принципом верховенства. Согласно п. 58—62 решения Суда возможность не применять нормы права ЕС (в данном случае Рамочное решение), которые полностью соответствуют Хартии, «подрывает принцип верховенства». Суд уточняет, что никакая норма, даже конституционная, не может подрывать действие (в более дословном переводе — эффективность) права ЕС на территории государства-члена (п. 59). Суд соглашается с тем, что при исполнении права ЕС государства могут прини-

мать во внимание соответствующие национальные стандарты защиты основных прав. Однако их учет не должен затрагивать «уровень защиты, предусмотренный Хартией».

Суд ЕС в данном деле настаивает на приоритете стандартов защиты, предусмотренных Хартией, даже если они ниже конституционных. Впоследствии в деле *M.A.S.* уточнено, что указанное справедливо только в случае, если в данном конфликте норм присутствует источник вторичного права. Таким образом, решение по делу *Melloni* кажется довольно «глухим» по отношению к конституционным особенностям государств-членов. Более того, оно указывает, что взаимодействие правовых порядков является для Суда более важной проблемой, чем защита прав человека в абсолютных терминах. Как указал Суд в деле *Siragusa*⁴³ со ссылкой на прецедент *Melloni*, «необходимо избегать ситуации, при которой уровень защиты основных прав варьируется в зависимости от соответствующего национального права таким образом, что может подрывать единство, верховенство и эффективность права ЕС» (п. 31—32 решения).

Из этого следует, что Суд ЕС от подхода, проникнутого ответственностью за защиту основных прав в результате громких решений серии *Solange*, пришел к толкованию Хартии, приводящему к их умалению. В то же время преамбула Хартии гласит, что Европейский союз «помещает человеческую личность в центр своей деятельности» (абз. 2). Однако решение по делу *Melloni* демонстрирует обратное: основные права не могут затронуть ряд соображений, которые имеют преобладающее значение.

В 2017 г. Судом ЕС было принято решение по делу *M.A.S. (Taricco II)*⁴⁴. Ключевым вопросом данного дела также стал механизм действия ст. 53 Хартии. Юридическая общественность находилась в ожидании, применит ли Суд ст. 53 Хартии (в ее буквальном прочтении) или правило *Melloni*, которое прямо ей противоречит.

Согласно обстоятельствам дела граждане Италии *M.A.S.* и *M.B.* обвинялись в совершении мошенничества с НДС в крупном размере. Определенный процент (определяемый на периодической основе) от собранного государствами-членами НДС является одним из источников бюджета Союза. Поэтому они обязаны обеспечить эффективный сбор налога, а также предоставить эквивалентную национальной защите финансовых интересов Союза (ст. 325 Договора о функционировании ЕС). Однако уголовное право Италии не предусматривало такую эквивалентную защиту. В частности, сроки привлечения к уголов-

⁴³ CJEU (Tenth Chamber). Case C-206/13. *Cruciano Siragusa v. Regione Sicilia*. Judgment of 6 March 2014.

⁴⁴ CJEU (Grand Chamber). Case C-42/17. *Criminal proceedings against M.A.S. and M.B.* Judgment of 5 December 2017.

ной ответственности за серьезное мошенничество, затрагивающее финансовые интересы Союза, были менее продолжительными, чем предусмотренные за аналогичные преступления, посягающие на доходы итальянского бюджета.

Указанная особенность привела к тому, что срок привлечения к уголовной ответственности М.А.С. и М.В. истекли. В случае наличия эквивалентной защиты на момент рассмотрения дела Конституционным судом Италии, а затем Судом ЕС они все еще подлежали бы уголовной ответственности. Положение о сроках привлечения к ответственности содержится в Уголовном кодексе Италии и, по мнению Конституционного суда, имеют материально-правовую природу. По общему правилу, положения, которые противоречат праву ЕС, должно быть незамедлительно отказано в применении национальным судом. Не исключением являются и уголовные законы. Однако в данной ситуации отказ в применении положений Уголовного кодекса грубо нарушал принцип законности, установленный в ст. 25 Конституции Италии.

Согласно толкованию указанной статьи Конституционным судом Италии принцип законности в данном случае означает, что сроки привлечения к ответственности должны быть разумно предсказуемы нарушителями в момент совершения преступления. Кроме того, нормы уголовного закона не могут быть изменены постфактум таким образом, чтобы это ухудшало положение обвиняемых. В таком случае принцип законности, предусмотренный в ст. 25 Конституции, несовместим с положениями первичного права, требующего обеспечить эффективную защиту финансовых интересов Союза.

Сроки привлечения к уголовной ответственности устанавливаются государствами-членами самостоятельно. Положения о сроках не могут быть объектом гармонизации или унификации на уровне Союза, а значит, не могут регулироваться положениями вторичного права. Это является первым существенным различием с делом *Melloni* — отсутствие нормы вторичного права, которая должна исполняться государством-членом по всей строгости принципа верховенства и эффективности. Иными словами, в настоящем деле отсутствует потребность «проталкивать» соблюдение акта вторичного права.

Суд ЕС подчеркнул, что законность является мета-принципом любого правопорядка как ЕС, так и государств-членов (см п. 50 решения). Он предусмотрен не только в конституционном праве Италии, но и в ст. 49 Хартии ЕС об основных правах, которая уточняет принцип законности и пропорциональности при определении преступлений и наказаний. В данном отношении стандарты ст. 7 ЕКПЧ также высоки, а значит, Хартия не может устанавливать более низкие правовые гарантии. Кроме того, принцип законности в части уголовных наказаний неуклонно со-

блюдается во всех правовых системах государств-членов и является неотъемлемой частью их конституционной традиции.

В итоге Суд сделал вывод: принцип законности имеет столь высокое значение, что если национальный суд после тщательного анализа установит, что норма вторичного права ставит его под удар, он «не обязан отклонять положения... Уголовного кодекса», в том числе о сроках привлечения к уголовной ответственности (п. 59). Таким образом, выводы Суда привели к прочтению ст. 53 Хартии буквально — конституционные стандарты основных прав, принятые в государстве-члене, могут возобладать над более скромными стандартами Хартии.

Выводы. Система защиты прав человека в правопорядке Европейского союза может формироваться при отсутствии правозащитного документа, подобного Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это формирование осуществляется постепенно на основании заимствования положений международных договоров и иных актов о правах человека. Чтобы осуществлять такую защиту, интеграционному объединению можно не состоять в ЕКПЧ. В отдельных случаях такое участие может противоречить его интересам. Кроме того, толкование наднационального права в свете прав человека интеграционным судом учитывает, и даже основывается на разделяемых всеми государствами-членами конституционных и иных политико-правовых традициях. В целом защита прав человека укрепляет авторитет организации экономической интеграции, способствует усилению его характеристик и действия в национальном праве государств-участников. В последующем на основании реальных достижений, продемонстрированных судом, может быть сформулирован собственный правозащитный инструмент. Однако принятие такого акта (вероятно, в форме международного договора) будет находиться во власти суверенных государств — членов объединения. Таким образом, государства-члены остаются «хозяевами» как указанного акта, так и учредительных договоров организации.

Тем не менее определенные трудности возникают в отношении сферы действия такого акта. Не всегда ясно, когда такой акт подлежит применению при рассмотрении конкретного дела в обычных национальных судах. Это предполагает необходимость дополнительной квалификации судей судов всех инстанций в отношении указанного, весьма непростого аспекта наднационального права. Подобные коллизии обычно трудноразрешимы. Наибольшие проблемы возникают в сфере уголовной юстиции, где органы уголовного преследования и суды не могут отказать в следовании уголовному закону, даже если предусмотренные им стандарты ниже, чем предполагаются правом наднациональным, которому суды

и иные органы власти также обязаны следовать. Кроме того, возникают значительные трудности в решении вопроса о соотношении такого акта с национальной конституцией, в случае если она предоставляет более высокие правовые гарантии, что делает соот-

ветствующие наднациональные гарантии неприменимыми. В дополнение могут возникнуть разночтения в отношении толкования прав и свобод интеграционным судом и конституционными судами государств-членов.

Список литературы

1. Besselink L. The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni // *European Law Review*. 2014. Vol. 39. Iss. 4.
2. Claes M. *The National Courts' Mandate in the European Constitution*. Oxford, 2006.
3. Fichera M., Pollicino O. The Dialectics Between Constitutional Identity and Common Constitutional Traditions: Which Language for Cooperative Constitutionalism in Europe? // *German Law Journal*. 2019. Iss. 8.
4. Kosta V., de Witte B. Human rights norms in the Court of Justice of the European Union // *Human rights norms in 'other' international courts* / ed. by M. Scheinin. Cambridge, 2019.
5. Васильева Т. А. Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского союза в поисках конституционной идентичности // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2019. Т. 14. № 2.
6. Гаджиев Х. И. Судебное правотворчество в международном правосудии // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 3.
7. Исполинов А. С. В поисках новой парадигмы: Суд ЕС и ЕСПЧ спустя три года после Заключения № 2/13 // *Международное правосудие*. 2018. № 2.
8. Исполинов А. С. Суд Европейского Союза против присоединения ЕС к Европейской Конвенции по правам человека (причины и следствия) // *Международное правосудие*. 2015. № 1.
9. Капустин А. Я., Ковлер А. И., Беялова А. М., Лебедева Я. И., Фокин Е. А. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2020. № 6.
10. Ковлер А. И., Лебедева Я. И. Защита прав человека *stricto sensu* судами интеграционных объединений: опыт сравнительного анализа // *Международное правосудие*. 2022. № 4(44).
11. Лебедева Я. И. Ценности Европейского Союза: понятие, правовая природа и влияние на конституционное право суверенных государств // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. Т. 18. № 2.
12. *Международное правосудие как фактор интеграции: монография* / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. И. Ковлера. М., 2019.
13. Рябова В. О. Взаимодействие Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека по делам о защите прав человека после Лиссабонского договора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
14. Рябова В. О. Присоединение Европейского Союза к европейской «Конвенции о защите прав человека и основных свобод»: проблемы и перспективы // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2015. № 1.
15. Энтин К. В. Присоединение Евросоюза к ЕКПЧ // *Московский журнал международного права*. 2012. № 3.

References

1. Besselink L. The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni. *European Law Review*, 2014, vol. 39, iss. 4, pp. 531-552.
2. Claes M. *The National Courts' Mandate in the European Constitution*. Oxford, 2006. 818 p.
3. Fichera M., Pollicino O. The Dialectics Between Constitutional Identity and Common Constitutional Traditions: Which Language for Cooperative Constitutionalism in Europe? *German Law Journal*, 2019, iss. 8, pp. 1097—1118.
4. Kosta V., de Witte B. Human rights norms in the Court of Justice of the European Union. *Human rights norms in 'other' international courts*. Ed. by M. Scheinin. Cambridge, 2019. Pp. 263—268.
5. Vasileva T. A. The Court of Justice of the EU and Constitutional Courts of EU Member States in Search of Constitutional Identity. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2019, vol. 14, no. 2, pp. 32—58. (In Russ.)
6. Hajiyev Kh. I. Judicial Legislation in International Justice. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, no. 3, pp. 118—129. (In Russ.)
7. Ispolinov A. S. In search of a new paradigm: the European Court of Justice and the European Court of Human Rights three years after Opinion No. 2/13. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2018, no. 2, pp. 16—27. (In Russ.)
8. Ispolinov A. S. Second Veto of the Court of Justice of the European Union on the Accession of the European Union to the European Convention on Human Rights. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2015, no. 1, pp. 118—134. (In Russ.)
9. Kapustin A. Ya., Kovler A. I., Belyalova A. M., Lebedeva Ya. I., Fokin E. A. Inter-State Applications in International Courts: History and Prospects. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 6, pp. 116—134. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2020.056.
10. Kovler A. I., Lebedeva Ya. I. Protection of Human Rights *stricto sensu* by the Courts of Integration Associations: Experience of Comparative Analysis. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2022, no. 4(44), pp. 36—50. (In Russ.)
11. Lebedeva I. I. EU Values: Concept, Legal Nature and Impact on the Constitutional Law of Sovereign States. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 130—147. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2022.029.

12. Khabrieva T. Y., Kovler A. I. (eds). *International Justice as a Factor of Integration*. Moscow, 2019. 192 p. (In Russ.)
13. Ryabova V. O. *The interaction of the Court of the European Union and the European Court of Human Rights on Affairs for the Protection of Human Rights after the Lisbon Treaty*. Cand. diss. Moscow, 2016. 188 p. (In Russ.)
14. Ryabova V. O. European Union Accession to the European Convention on Human Rights: Problems and Perspectives. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*, 2015, no. 1, pp. 172—185. (In Russ.)
15. Entin K. V. The Accession of the European Union to the ECHR. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2012, no. 3, pp. 108—124. (In Russ.)

Информация об авторе

Я. И. Лебедева, научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН

Information about the author

I. I. Lebedeva, Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Поступила в редакцию 29.05.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 29.05.2023

Accepted 22.06.2023

Оригинальная статья
УДК 347.51(597)
DOI: 10.61205/jzsp.2023.057

Субъективное условие ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности в праве Социалистической Республики Вьетнам

Куанг Хюу Нгуен

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, Kekip1994.hlu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2333-1286>

Аннотация. Вина владельца источника повышенной опасности (ИПО) — субъективное условие, которое не требуется для возникновения ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности. Однако в Гражданском кодексе Социалистической Республики Вьетнам отсутствует разграничение применения указанного основания между случаем, когда вред причинен владельцем ИПО гражданину, не являющемуся владельцем ИПО, и случаем, когда вред причинен владельцам ИПО в результате взаимодействия двух источников повышенной опасности. В цивилистической науке Вьетнама существуют два противоположных мнения ученых и судов.

Цели исследования: уточнение мнения вьетнамских ученых при изучении вопроса о значении вины владельца ИПО как субъективного основания ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности и выявление точки зрения судов при рассмотрении и разрешении дел, связанных с причинением подобного вреда.

Для достижения указанных целей в рамках исследования применялись научные методы анализа и синтеза.

Результаты и выводы. В цивилистической науке Вьетнама отрицание вины владельца ИПО является распространенной позицией, признаваемой большинством ученых. С точки зрения вьетнамских судов нельзя отрицать факт вины владельца ИПО. В случае, когда вред причинен владельцам ИПО в результате взаимодействия двух источников повышенной опасности суды определяют ответственность в зависимости от степени вины каждого из владельцев ИПО. Это рассматривается как исключение из специального деликта. Автор исследования предлагает определять вину владельца ИПО по таким критериям, как его осмотрительность и заботливость по отношению к предмету материального мира при его эксплуатации. Также предлагается внесение ряда дополнений в Гражданский кодекс СРВ для устранения пробелов в законодательстве, повышения эффективности и обеспечения последовательности в применении законов Вьетнама.

Ключевые слова: деликтная ответственность, ответственность владельца источника повышенной опасности, вина владельца источника повышенной опасности, гражданская наука Вьетнама, взаимодействие источников повышенной опасности

Для цитирования. Нгуен К. Х. Субъективное условие ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности в праве Социалистической Республики Вьетнам // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 132—139. DOI: 10.61205/jzsp.2023.057

Original article

The Subjective Condition of Liability for Causing Harm by a Source of Increased Danger in the Law of the Socialist Republic of Vietnam

Quang Huy Nguyen

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, Kekip1994.hlu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2333-1286>

Abstract. The fault of the owner of the source of increased danger (SID) is a subjective condition that is not required for the occurrence of liability for causing harm by the source of increased danger. However, the Civil Code of the Socialist Republic of Vietnam does not distinguish the application of this ground between the case when the damage is caused by the SID owner to a citizen who is not the SID owner, and the case when the damage is caused to the SID owners as a result of the interaction of two sources of increased danger. In the civil science of Vietnam, there are two opposing opinions of scientists and courts.

Research objectives: to clarify the opinion of Vietnamese scientists when studying the question of the significance of the SID owner's guilt as a subjective basis for liability for causing harm by SID and to identify the point of view of the courts when considering and resolving cases related to causing such harm.

To achieve these goals, scientific methods such as analysis and synthesis were used in the framework of the study.

Results and conclusions. In the Vietnamese civil science, denying the guilt of the SID owner is a common position recognized by most scientists. From the point of view of the Vietnamese courts, it is impossible to deny the fact of the SID owner's guilt. In the case when harm is caused to SID owners as a result of the interaction of two sources of increased danger, the courts determine liability depending on the degree of guilt of each of the SID owners. This is regarded as an exception to the special tort. The author of the study suggests determining the guilt of the SID owner by such criteria as his prudence and care for the object of the material

world during its operation. It is also proposed to introduce a number of amendments to the Civil Code of Vietnam to eliminate gaps in legislation, increase efficiency and ensure consistency in the application of Vietnamese laws.

Keywords: tort liability, liability of the owner of a source of increased danger, guilt of the owner of a source of increased danger, civil science of Vietnam, interaction of sources of increased danger

For citation. Nguyen Q. H. The Subjective Condition of Liability for Causing Harm by a Source of Increased Danger in the Law of the Socialist Republic of Vietnam. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 132—139. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.057

Помимо объективных условий ответственности за причинение вреда, таких как наличие вреда, противоправные действия (бездействие) причинителя вреда, причинно-следственная связь между противоправным действием и наступившим вредом, вина лица, причинившего вред, рассматривается как субъективное условие ответственности за причинение вреда¹. В гражданской науке Вьетнама предлагается исключить элемент вины из условий, порождающих ответственность за причинение вреда действием источника повышенной опасности (далее — ИПО)².

Во Вьетнаме при определении условия возникновения ответственности за причинение вреда действием ИПО существуют две противоположные точки зрения. По мнению ученых, одним из условий для привлечения владельца ИПО к ответственности является факт причинения вреда действием ИПО³. Однако суды придерживаются позиции, что вред должен быть возмещен владельцем ИПО в случаях причинения вреда его противоправным действием⁴.

При исследовании вопроса о вине владельца ИПО вьетнамскими учеными формулируется подход, согласно которому вина трактуется с точки зрения причинения вреда непосредственно действием ИПО. В силу вышеупомянутого подхода вместо уточнения понятия вины владельца ИПО ученые сосредотачивают внимание на поиске аргументов для отрицания этого условия при определении ответственности владельца ИПО. Большинство ученых считают, что в причинении вреда ИПО всегда отсутствует вина его владельца, поскольку вред как условие ответ-

ственности, по их мнению, был причинен в результате действия данного источника как предмета материального мира, а объект не может быть виновен в причинении вреда.

С точки зрения С. К. Нгуена, ответственность за причинение вреда действием ИПО является особой разновидностью деликтной ответственности. Возмещение вреда в этом случае имеет место, если в процессе хранения и эксплуатации данного источника отсутствует вина владельца и вред был причинен исключительно в результате действия именно этого источника как объекта⁵.

В. Х. Нгуен косвенно соглашается с данным утверждением. Он отмечает, что «вина — это элемент, связанный с противоправным поведением человека (субъекта). Действие считается виновным, если на момент совершения данного действия источника повышенной опасности владелец имеет полную возможность распознать и контролировать его. То есть вина не может существовать вне сознательного человеческого поведения»⁶. При этом с точки зрения вышеназванного ученого ответственность в порядке ст. 601 ГК СРВ 2015 г. возникает только тогда, когда вред был причинен действием ИПО. Соответственно, действие ИПО как объекта права не может считаться виновным, поскольку не является сознательным действием⁷.

Имея аналогичное мнение, Т. Х. Й. Ву пишет, что если вред возник исключительно из-за вины лица при управлении, хранении и эксплуатации источника повышенной опасности, то данный вред возмещается в порядке ст. 584 Гражданского кодекса Социалистической Республики Вьетнам 2015 г. (далее — ГК СРВ): «Лицо, совершившее действия, посягающие на жизнь, здоровье, честь, достоинство, репутацию, имущество, права и иные законные интересы других лиц, в результате которых причиняется вред, обязано его возместить, за исключением случая, предусмотренного настоящим кодексом»⁸. «Если вред возник не по вине лица, осуществляющего управление,

¹ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд. М., 2006. С. 679.

² См.: *Do V. D. Tort Liability in Vietnam — Court Decisions and Commentaries*. 1st ed. Vol. 1. Ho Chi Minh, 2014. P. 136—144. (In Viet.); *Do V. D. Tort Liability in Vietnam — Court Decisions and Commentaries*. 2nd ed. Vol. 2. Ho Chi Minh, 2014. P. 464. (In Viet.)

³ См.: *Nguyen V. H. Responsibility for causing damage to property in accordance with the civil law of Vietnam*. Cand. diss. Hanoi, 2017. (In Viet.); *Vu T. H. Y. Liability for harm caused by a source of increased danger // Research project of the Hanoi Law University*. Hanoi, 2009. P. 126. (In Viet.)

⁴ См.: *Нгуен К. Х. Проблема определения условий гражданско-правовой ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности в цивилистической науке Вьетнама // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022. Т. 24. № 4. С. 156. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/149-159.

⁵ См.: *Nguyen X. Q. Some legal questions about liability for harm caused by a source of special danger // Legal Science*. 2011. No. 3. P. 34—38. (In Viet.) URL: <https://tapchikhplvn.hcmulaw.edu.vn/module/xemchitietbaibao?oid=42b2f86c-602e-48b1-b553-bbdcf78857b7> (дата обращения: 30.01.2023).

⁶ *Nguyen V. H. Op. cit.* P. 32.

⁷ *Ibid.* P. 33.

⁸ URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx> (дата обращения: 28.02.2023).

хранение и эксплуатацию ИПО, а в результате действия ИПО, то в этом случае норма ГК СРВ, регулирующая ответственность за причинение вреда действием ИПО, применяется для разрешения вопроса о возложении на владельца ИПО обязательства по возмещению вреда»⁹.

Вопрос о вине владельца ИПО также обсуждается в работе Хоанг Дао и Т. Л. Х. Ву. В отличие от других точек зрения они отрицают категорию вины не только владельца ИПО, но и всех других субъектов ответственности за причинение вреда действием ИПО. По их словам, «под обязанностью по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности, следует понимать обязательство, возникшее в результате действия самого источника, при котором вред причиняется в отсутствие вины каких-либо субъектов»¹⁰. Обосновывая свою точку зрения, они пишут, что, во-первых, названием ст. 601 ГК СРВ «Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности», законодатели делают акцент на особенности данного источника, действие которого вполне может причинять вред другому человеку, в данном случае — действием ИПО. Во-вторых, вина всегда связана с конкретным человеком. Лицо считается виновным, когда оно обладает полной дееспособностью и осознает, что совершаемое им действие противоречит закону, но все же совершает это действие. Поэтому нецелесообразно учитывать виновность объекта права как источника повышенной опасности¹¹. По мнению автора, с этим утверждением нельзя согласиться, потому что «отсутствие вины каких-либо субъектов в причинении вреда» действием ИПО означает одновременно отрицание категории вины не только владельца источника, но и потерпевшего, приводящее к отрицанию категории основания освобождения от возмещения вреда, или уменьшения его размера, которые предусматриваются ст. 585 и 601 ГК СРВ.

Появление и распространение непосредственно или косвенного отрицания категории вины владельца ИПО в цивилистической науке Вьетнама, на взгляд автора, обусловлены ошибочным определением условий гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действием ИПО. Однако утверждение, что факт причинения вреда действием ИПО как объектом — и это одно из условий привлечения владельца ИПО к ответственности, — является неприемлемым, поскольку ИПО — лишь объ-

ект гражданского права и рассмотрение причинения вреда без обращения к таким правовым категориям, как субъект гражданского права, его действия (бездействие), недопустимо¹². Полагаем, что отрицание вины владельца ИПО учеными Вьетнама представляется противоречащим воле законодателя, которая отражается в том, что владелец ИПО несет ответственность даже в случае отсутствия вины. Исходя из данного положения можно лишь подтвердить, что установление вины владельца ИПО как субъективное условие для возникновения ответственности за причинение вреда действием ИПО не требуется¹³. Но это абсолютно не является основанием для введения и распространения категории отрицания вины владельца ИПО.

В рамках данной статьи предлагаем исследовать вину владельца с позиции правоприменительной практики суда, в соответствии с которой вина будет рассмотрена в корреляционной связи с возложением ответственности за причинение вреда действием ИПО, когда вред был причинен действием именно владельца ИПО. Если действие владельца ИПО играет роль в причинении вреда, то в соответствии с данным подходом не следует отрицать категорию вины владельца этого источника, а наоборот, ей необходимо уделить больше внимания, поскольку особенности основания и условий возникновения ответственности владельца ИПО необходимо разграничивать в случае причинения вреда владельцем ИПО гражданину, не являющемуся владельцем ИПО, и случае причинения вреда владельцам ИПО в результате взаимодействия двух ИПО.

Если особенность первого случая, когда вред причинен взаимодействием ИПО и гражданина, заключается в том, что ответственность владельца ИПО всегда наступает исходя из специального деликта — ответственности владельца ИПО даже без его вины (независимо от причинения вреда гражданину виновным или невиновным поведением причинителя, последний все равно несет ответственность как владелец ИПО), то возникает вопрос относительно второго случая: действует ли данный принцип, если вред причинен владельцам ИПО в результате взаимодействия двух ИПО?

В гражданском законодательстве Вьетнама отсутствует ответ на указанный вопрос. Более того, в цивилистической науке Вьетнама отсутствует исследование, которое связывается с рассматриваемым вопросом. Однако на практике нередко встречаются ситуации, в которых вред причиняется владельцам ИПО вследствие взаимодействия двух ИПО.

⁹ *Vu T. H. Y. Op. cit.* P. 126.

¹⁰ *Hoang Dao, Vu T. L.H. Guilt in liability for causing harm by a source of increased danger // Legislative research. 2013. No. 13(245). P. 34—40. (In Viet.) URL: <http://www.lappphap.vn/Pages/TinTuc/207248/Yeu-to-loi-trong-trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra.html> (accessed 28.02.2023).*

¹¹ *Ibid.* P. 35.

¹² *См.: Нгуен К. Х. Указ. соч. С. 156.*

¹³ *См.: Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учеб. пособие. М., 2013. С. 100; Агбалова Е. Н. Деликтные обязательства: учеб. пособие. Волгоград, 2021. С. 83.*

Уточним и выявим мнение суда путем анализа судебных решений, принятых для разрешения дел такого рода.

20 декабря 2015 г. Ле Тхи Х. ехала на мотоцикле и столкнулась с мотоциклом, которым управлял Ле Хонг К., в результате чего Ле Тхи Х. получила серьезную травму. 21 декабря 2015 г. Ле Тхи Х. умерла.

8 апреля 2017 г. Ле Ван Т. — муж погибшей подал в суд иск о взыскании суммы возмещения вреда жизни Ле Тхи Х. и компенсации причиненного ему морального вреда на общую сумму 154 615 000 донгов.

Суд первой инстанции при изучении обстоятельств дела частично удовлетворил иск Ле Ван Т. и обязал Ле Хонг К. возместить причиненный вред жизни и моральный вред Ле Ван Т.¹⁴

Не соглашаясь с решением суда первой инстанции, 8 августа 2017 г. истец Ле Ван Т. подал жалобу в апелляционный суд.

Суд апелляционной инстанции на основании протокола осмотра и схемы места ДТП, предоставленных органом следственной полиции, установил, что причиной ДТП стало управление мотоциклом Ле Тхи Х. в нетрезвом состоянии. Концентрация этанола в ее крови составляла 80,76 мг/100 мл — выше предписанного уровня 50 мг/100мл, что является нарушением п. 8 ст. 8 ПДД. Управление транспортным средством без контроля скорости и выездом на левую сторону дороги на 0,85 м нарушает п. 1 ст. 17 ПДД. В то же время Ле Тхи Х., управляя транспортным средством, имеющим объем 124 см³, без прав на управление мотоциклом в установленном законом порядке, нарушила подп. «а» п. 2 ст. 59 ПДД. Исходя из вышеперечисленных факторов нарушения можно утверждать, что вина Ле Тхи Х. является основной причиной, непосредственно приведшей к ДТП.

Суд апелляционной инстанции отмечает, что вред жизни был причинен Ле Тхи Х. (одному из владельцев ИПО) при отсутствии вины Ле Хонг К. (другого владельца ИПО) и возмещению не подлежит, поскольку для возложения на Ле Хонг К. как на причинителя вреда обязанности по возмещению вреда необходимо иметь основание и определенные условия, в которые должна быть включена вина причинителя. Однако в данном деле вред причинен потерпевшей при отсутствии вины причинителя. В связи с этим суд апелляционной инстанции подчеркнул, что решение суда первой инстанции было неверным. Вместо удовлетворения иска необходимо было в нем отказать¹⁵.

16 ноября 2017 г. Чан Тхи Д. ехала на мотоцикле, на котором находился Чан Ван М. Выезжая на дорогу, Чан Тхи Д. столкнулась с автомобилем, движущимся во встречном направлении, которым управлял Хюинь Ван А. В результате ДТП Чан Тхи Д. погибла, Чан Ван М. получил серьезную травму и был доставлен в больницу; оба транспортных средства были сильно повреждены¹⁶.

23 апреля 2018 г. Нгуен Тхань С. — муж погибшей, подал иск, требуя от Хюинь Ван А. возместить вред, причиненный жизни Чан Тхи Д., и моральный ущерб на общую сумму 225 600 000 донгов.

Суд на основании протокола осмотра места ДТП, предоставленного органом следственной полиции, установил, что причиной ДТП стал выезд Чан Тхи Д. на мотоцикле на проезжую часть для транспортных средств, движущихся в противоположном направлении. В этом случае вред жизни потерпевшей причинен полностью по ее вине. В связи с этим суд освободил Хюинь Ван А. как владельца ИПО от ответственности, ссылаясь на норму общих положений деликтного обязательства (ст. 584 ГК СРВ), согласно которой причинитель освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен потерпевшему не по его вине.

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении и разрешении дела, в котором вред был причинен в результате взаимодействия источников повышенной опасности по вине одного из владельцев ИПО, суд освобождает невиновного владельца ИПО от обязанности по возмещению вреда, поскольку в данном случае отсутствуют условия для возникновения деликтной ответственности. Иными словами, если вред причинен одному из владельцев ИПО исключительно по его вине в результате взаимодействия двух источников повышенной опасности, то для разрешения вопроса о привлечении причинителя вреда к ответственности суд отходит от принципа «безвиновной ответственности владельца ИПО», применяя общие положения о деликтной ответственности.

При этом во всех случаях причинения вреда в результате взаимодействия ИПО суды отходят от принципа безвиновной ответственности владельца ИПО, потому что вред может быть причинен по вине не только одного из владельцев, но и обоих владельцев ИПО.

Чтобы охарактеризовать позицию суда при рассмотрении и разрешении дела, в котором вред причинен

¹⁴ Постановление № 18/2017/DS-ST Народного суда района Т провинции Лонган от 27 июля 2017 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности (на вьетн. яз.).

¹⁵ Постановление № 225/2017/DS-PT Народного суда провинции Лонган от 28 сентября 2017 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опас-

ности (на вьетн. яз.). URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta30296t1cvn/chi-tiet-ban-an> (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁶ Постановление № 72/2018/DS-ST Народного суда города Камау провинции Камау от 20 июня 2018 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности (на вьетн. яз.). URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta130377t1cvn/chi-tiet-ban-an> (дата обращения: 28.02.2023).

вследствие вины обоих владельцев ИПО, проанализируем ряд дел.

7 апреля 2016 г. Нгуен Дык Х., выезжая на мотоцикле на дорогу, столкнулся с автомобилем, принадлежащим Чыонг Динь Т. После аварии Нгуен Дык Х. получил серьезные травмы и 30 апреля 2016 г. скончался. В результате судебно-медицинской экспертизы было установлено, что причиной смерти Нгуен Дык Х. стала черепно-мозговая травма, ушиб головного мозга.

Суд на основании отчета об окончании проверки и заключения по проверке сведений о преступлении от 29 декабря 2016 г. следственного управления полиции определил, что основной причиной данной аварии стало управление Нгуен Дык Х. мотоциклом с превышением разрешенной скорости и нарушении положения подп. «с» п. 6 ст. 6 Указа Правительства Вьетнама № 171/2013/ND-CP от 13 ноября 2013 г. В то же время Чыонг Динь Т., перевозивший каучуковые деревья на транспортном средстве, превысил установленный лимит скорости, припарковал свой автомобиль недалеко от обочины, нарушив положения п. «б» ч. 3 ст. 18 ПДД.

На основании вышеуказанных доказательств установлено, что вред был причинен Нгуен Дык Х. в результате виновно-противоправного действия обоих владельцев ИПО. В связи с этим суд определил, что степень вины Нгуен Дык Х. составляет 60%, Чыонг Динь Т. — 40%. В итоге суд уменьшил размер возмещения вреда на 60% в пользу Чыонг Динь Т.¹⁷

12 апреля 2021 г. произошло ДТП, участниками которых стал Хюинь Тхань Д. и Нгуен Ван С., управлявшие мотоциклами и следующие в противоположных направлениях. В результате ДТП Хюинь Тхань Д. скончался по дороге в больницу.

Суд на основании протокола осмотра и схемы места ДТП установил, что основными причинами ДТП стало управление транспортным средством Нгуен Ван С. в состоянии алкогольного опьянения и выезд на встречную полосу. Факт употребления алкоголя при управлении транспортным средством был также констатирован и в отношении Хюинь Тхань Д.

При рассмотрении и разрешении дела и основываясь на представленных доказательствах, суд пришел к выводу, что в причинении вреда жизни потерпевшему виновны обе стороны. При этом степень вины каждого из них определяется судом, согласно которому степень вины Нгуен Ван С., причинителя вреда — владельца ИПО, составляет 70%, а 30% определяются как степень вины потерпевшего — другого владельца ИПО. В связи

с этим суд частично освободил владельца ИПО от ответственности, уменьшив сумму компенсации за причиненный вред на 30%¹⁸.

При рассмотрении и разрешении дел, в которых вред причинен взаимодействием источников повышенной опасности их владельцам, суды часто отходят от принципа безвиновной ответственности владельца ИПО, применяя общие положения о деликтной ответственности для освобождения невиновного владельца ИПО от ответственности или уменьшения размера ответственности в зависимости от степени вины каждого из владельцев ИПО. Это рассматривается как исключение из специального деликта.

Закрепленное законом правило об ответственности владельца ИПО независимо от вины имеет исключение: при разрешении дела, связанного с причинением вреда взаимодействием ИПО, суды определяют размер ответственности каждого владельца ИПО в зависимости от степени вины. В этом случае нельзя отрицать вину владельца ИПО, как предлагают некоторые вьетнамские ученые. Необходимо выяснить и определить понятие вины владельца ИПО, поскольку во-первых, вина владельца ИПО является решающим обстоятельством, в зависимости от которого размер возмещения вреда определяется судом при причинении вреда в результате взаимодействия ИПО, а во-вторых, в ГК СРВ отсутствует легальное понятие вины.

Разработке понятия вины вьетнамские ученые уделяют большое внимание¹⁹.

Согласно вьетнамскому словарю «вина— это то, что неправильно, чего не должно быть в поведении или действии»²⁰. Это общепринятое понимание вины в повседневной жизни.

С точки зрения В. К. Нгуен и Т. Х. Чан, вина понимается как субъективное психологическое отношение лица, нарушающего гражданско-правовое обязательство, отражающее восприятие этим лицом своего поведения и отношение к последствиям от по-

¹⁷ Постановление № 11/2017/DS-ST Народного суда района Бок Тан Уйен провинции Биньзыонг от 28 августа 2017 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности (на вьетн. яз.). URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta25054t1cvn/chi-tiet-ban-an> (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁸ Постановление № 74/2022/DS-PT Народного суда провинции Баклиеу от 28 июля 2022 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности (на вьетн. яз.). URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta969530t1cvn/chi-tiet-ban-an> (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁹ См.: *Nguyen Ph. T. Guilt in the obligation to compensate for damage caused by violation of intellectual property rights — Comparison with the provisions of the civil legislation of the Vietnam // People's Court. 2018. (In Viet.)* URL: <https://tapchitoaan.vn/loi-trong-trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-xam-pham-quyen-so-huu-tri-tue-so-sanh-voi-quy-dinh-cua-blds-2> (дата обращения: 28.02.2023).

²⁰ Institute of Linguistics, Vietnamese Dictionary. Hong Duc Publishing, edited by Hoang Phe. 1992. P. 581. (In Viet.) URL: http://www.vienngonnguhoc.gov.vn/bai-viet/tai-ban-tu-dien-tieng-viet_575.aspx (дата обращения: 28.02.2023).

ведения²¹. Данное утверждение можно встретить в статье исследователя В. Ш. Ле²².

Имея аналогичное мнение, Ч. Т. Фунг пишет: «Что касается элемента вины, то он всегда связан с психологическими и когнитивными факторами людей с вредным поведением»²³. Позднее в другой работе он подчеркивает, что вину следует понимать с психологической точки зрения — как отражение сложных психологических факторов человека, которые непосредственно влияют на поведение человека. Поведение человека является результатом его психологического самовыражения в определенном пространстве и времени²⁴.

Ученые Хоанг Дао и Т. Л. Х. Ву считают, что вина — это внутреннее психологическое состояние субъекта по отношению к своему поведению и его последствиям. Вина всегда связана с конкретным человеком. Лицо считается виновным, когда оно обладает правоспособностью и полной дееспособностью, по своей воле осознает, что совершаемое им действие противоречит закону, но все же совершает такое действие²⁵. Лица, не способные осознавать и контролировать свои действия, освобождаются только от уголовной, но не от гражданской ответственности.

При обсуждении вопроса о понятии вины психологический подход признается большинством вьетнамских ученых. В соответствии с данным подходом вину следует понимать как психологическое отношение правонарушителя в форме умысла или неосторожности к своим противоправным действиям и их последствиям.

Определение вины согласно психологическому подходу, с точки зрения автора, является несовершенно, поскольку он построен на методах исследования и познаниях другой науки. Данный подход обсуждался М. И. Брагинским и В. В. Витрянским, которые писали, что психологический подход представляет собой следствие «искусственного привнесения в цивилистику чуждых ей положений и методов исследования гражданско-правовых проблем из других наук и областей познания». По их мнению, вину следует понимать как «непринятие каких-либо мер нарушителем для предотвращения неблагоприятных результатов своих действий»²⁶.

²¹ См.: *Nguyen V. K., Tran T. H. Scholarly Commentary on the Civil Code of the Socialist Republic of Vietnam 2015*. People's Public Security Publishing House, 2017. 1127 p. (In Viet.)

²² См.: *Le V. S. Some Thoughts on Wine in Civil Law // People's Court*. 2004. No. 11. P. 32. (In Viet.)

²³ *Phung Tr. T. Guilt in joint and several liability for causing harm // Jurisprudence*. 1997. No. 5. P. 23—27. (In Viet.)

²⁴ См.: *Phung Tr. T. Guilt and liability for causing harm // People's Court*. 2004. No. 10. P. 2—5. (In Viet.)

²⁵ См.: *Hoang Dao, Vu T. L. H. Op. cit.* P. 36.

²⁶ *Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 1. Общие положения. 2-е изд. М., 1999. С. 721.*

Рассматриваемый подход также подвергался критике вьетнамского ученого К. А. Фам, которая отмечает, что «в гражданском праве Вьетнама вина не может рассматриваться как психологическое состояние, восприятие субъектом поведения и его последствий»²⁷. В качестве аргументов данного утверждения она указала: «В юридической науке Вьетнама понятие вины формируется на основе психологического подхода под влиянием взглядов правоведов бывшего Советского Союза, которые строили понятие вины на следующих двух методах исследования: во-первых, указанный подход представляет собой насильственное введение в гражданско-правовую науку положений и методов исследования других научных дисциплин, таких как психология, уголовно-правовая наука и т. д. Во-вторых, появление взглядов на психологическое состояние вины в гражданско-правовой ответственности определялось идеологией советского общества. Психологическое объяснение понятия вины убедительно утверждает, что вина есть понятие историческое, классовое. Каждый класс имеет свое представление о праве, порожденное известными производственными отношениями»²⁸. То есть психологический подход, по мнению К. А. Фам, подходит только для правовой мысли советского периода. В наше время вину следует понимать по-другому. В качестве альтернативы данному определению она предлагает строить понятие вины на основе осмотрительности и заботливости, которые субъект проявляет при исполнении своих обязанностей. Физическое или юридическое лицо считается невиновным, если оно приняло все меры к надлежащему исполнению обязательства, которые выражаются в необходимой осмотрительности и заботливости, соответствующих характеру обязательства и условиям гражданского оборота.

По мнению автора настоящей статьи, вина является юридическим понятием и для выяснения ее природы достаточно правовых знаний. Нет необходимости определять вину путем использования познания других наук. В связи с этим автор предлагает определять вину в гражданском праве как уровень соответствующей закону осмотрительности и заботливого отношения лица к своим обязанностям в форме умысла или неосторожности. Невиновным признается лицо, проявляющее достаточные осмотрительность и заботливость, соответствующие требованиям закона и характеру ситуации, в которой был причинен вред. Однако это относится к вине в форме неосторожности. А умышленная вина отражается в

²⁷ *Pham K. A. The concept of guilt in civil liability // Legal Science*. 2003. No. 3. P. 32—36. (In Viet.) URL: <https://phapluatdansu.edu.vn/2008/02/13/22/04/5411/> (дата обращения: 28.02.2023).

²⁸ *Ibid.* P. 36.

намеренных действиях или бездействии определенного лица, направленных на причинение вреда другому лицу.

На основании общего понятия вины можно определить вину владельца ИПО как проявление его осмотрительности и заботливости к предмету материального мира при его использовании или эксплуатации. Невиновным владельцем ИПО является лицо, которое при использовании предметов материального мира проявляет достаточные осмотрительность и заботливость, требуемые в соответствии с характером ситуации. Умысел и неосторожность являются формой вины, в которой владелец ИПО совершает виновное действие при причинении вреда.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в цивилистической науке Вьетнама отрицание вины владельца ИПО является распространенной позицией, признаваемой большинством ученых вследствие ошибочного определения условия ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности. Утверждение, что фактор причинения вреда действием ИПО как объектом является одним из условий для привлечения владельца ИПО к ответственности, неприемлемо, поскольку ИПО — лишь объект гражданского права и рассмотрение причинения вреда без обращения к таким правовым категориям, как субъект гражданского права, его действие и средства причинения вреда, недопустимо.

В то же время вьетнамскими судами формулируется позиция, которая состоит в том, что вред должен быть возмещен владельцем ИПО, когда он своим противоправным действием причиняет вред другому. По мнению автора настоящей статьи, нельзя отрицать факт вины владельца ИПО, а, наоборот, необходимо уделить ему внимание, поскольку, во-первых, в случае, когда вред причинен взаимодействием ИПО, суды отходят от специального принципа безвиновной ответственности владельца ИПО, определяя размер возмещения вреда в зависимости от степени вины каждого из владельцев ИПО. Это рассма-

тривается как исключение из специального деликта. Во-вторых, в ГК СРВ нет легального понятия вины. На основе исследования различных взглядов вьетнамских ученых о понятии вины в гражданском праве автор предлагает определить вину владельца ИПО по таким критериям, как его осмотрительность и заботливость по отношению к предмету материального мира при его эксплуатации. В связи с этим невиновным владельцем ИПО является лицо, которое при использовании предметов материального мира проявляет достаточные осмотрительность и заботливость, требуемые в соответствии с характером ситуации. Умысел и неосторожность являются формой, в которой владелец ИПО совершает виновное действие при причинении вреда.

Кроме того, в качестве преодоления пробелов в законодательстве, повышения эффективности и обеспечения последовательности в применении закона предлагаем включить в ст. 601 ГК СРВ 2015 г. следующие положения.

1. «Вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам, возмещается на общих основаниях (статья 584 ГК СРВ)».

2. «При причинении вреда жизни или здоровью владельцев источников повышенной опасности в результате их взаимодействия вред возмещается на общих основаниях (статья 584 ГК СРВ), то есть по принципу ответственности за вину. При этом необходимо иметь в виду следующее:

а) вред, причиненный одному из владельцев по вине другого, возмещается виновным;

б) при наличии вины только владельца, которому причинен вред, он ему не возмещается;

в) при наличии вины обоих владельцев размер возмещения определяется соразмерно степени вины каждого;

г) при отсутствии вины владельцев во взаимном причинении вреда (независимо от его размера) ни один из них не имеет права на возмещение вреда друг от друга».

Список литературы

1. Do V. D. Tort Liability in Vietnam — Court Decisions and Commentaries. 1st ed. Vol. 1. Ho Chi Minh, 2014. (In Viet.)
2. Do V. D. Tort Liability in Vietnam — Court Decisions and Commentaries. 2nd ed. Vol. 2. Ho Chi Minh, 2014. (In Viet.)
3. Hoang Dao, Vu T. L.H. Guilt in liability for causing harm by a source of increased danger // Legislative research. 2013. No. 13(245). (In Viet.) URL: <http://www.lapphap.vn/Pages/TinTuc/207248/Yeu-to-loi-trong-trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra.html> (accessed 28.02.2023).
4. Le V. S. Some Thoughts on Wine in Civil Law // People's Court. 2004. No. 11. (In Viet.)
5. Nguyen Ph. T. Guilt in the obligation to compensate for damage caused by violation of intellectual property rights — Comparison with the provisions of the civil legislation of the Vietnam // People's Court. 2018. (In Viet.) URL: <https://tapchitoaan.vn/loi-trong-trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-xam-pham-quyen-so-huu-tri-tue-so-sanh-voi-quy-dinh-cua-blds-2> (дата обращения: 28.02.2023).
6. Nguyen V. H. Responsibility for causing damage to property in accordance with the civil law of Vietnam. Cand. diss. Hanoi, 2017. (In Viet.)
7. Nguyen V. K., Tran T. H. Scholarly Commentary on the Civil Code of the Socialist Republic of Vietnam 2015. People's Public Security Publishing House, 2017. 1127 p. (In Viet.)

8. Nguyen X. Q. Some legal questions about liability for harm caused by a source of special danger // *Legal Science*. 2011. No. 3. (In Viet.) URL: <https://tapchikhplvn.hcmulaw.edu.vn/module/xemchitietbaibao?oid=42b2f86c-602e-48b1-b553-bbdcf78857b7> (дата обращения: 30.01.2023).
9. Pham K. A. The concept of guilt in civil liability // *Legal Science*. 2003. No. 3. (In Viet.) URL: <https://phapluatdansu.edu.vn/2008/02/13/22/04/5411/> (дата обращения: 28.02.2023).
10. Phung Tr. T. Guilt and liability for causing harm // *People's Court*. 2004. No. 10. (In Viet.)
11. Phung Tr. T. Guilt in joint and several liability for causing harm // *Jurisprudence*. 1997. No. 5. (In Viet.)
12. Vu T. H. Y. Liability for harm caused by a source of increased danger // Research project of the Hanoi Law University. Hanoi, 2009. (In Viet.)
13. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства: учеб. пособие. Волгоград, 2021.
14. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 1. Общие положения. 2-е изд. М., 1999.
15. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд. М., 2006.
16. Нгуен К. Х. Проблема определения условий гражданско-правовой ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности в цивилистической науке Вьетнама // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022. Т. 24. № 4 DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/149-159.
17. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учеб. пособие. М., 2013.

References

1. Do V. D. *Tort Liability in Vietnam — Court Decisions and Commentaries*. 1st ed. Vol. 1. Ho Chi Minh, 2014. (In Viet.)
2. Do V. D. *Tort Liability in Vietnam — Court Decisions and Commentaries*. 2nd ed. Vol. 2. Ho Chi Minh, 2014. (In Viet.)
3. Hoang Dao, Vu T. L. H. Guilt in liability for causing harm by a source of increased danger. *Legislative research*, 2013, no. 13(245). (In Viet.) Available at: <http://www.lapphap.vn/Pages/TinTuc/207248/Yeu-to-loi-trong-trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra.html> (accessed 28.02.2023).
4. Le V. S. Some Thoughts on Wine in Civil Law. *People's Court*, 2004, no. 11. (In Viet.)
5. Nguyen Ph. T. Guilt in the obligation to compensate for damage caused by violation of intellectual property rights — Comparison with the provisions of the civil legislation of the Vietnam. *People's Court*, 2018. (In Viet.) Available at: <https://tapchitoaan.vn/loi-trong-trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-xam-pham-quyen-so-huu-tri-tue-so-sanh-voi-quy-dinh-cua-blts-2> (accessed 28.02.2023).
6. Nguyen V. H. *Responsibility for causing damage to property in accordance with the civil law of Vietnam*. Cand. diss. Hanoi, 2017. (In Viet.)
7. Nguyen V. K., Tran T. H. *Scholarly Commentary on the Civil Code of the Socialist Republic of Vietnam 2015*. People's Public Security Publishing House, 2017. 1127 p. (In Viet.)
8. Nguyen X. Q. Some legal questions about liability for harm caused by a source of special danger. *Legal Science*, 2011, no. 3. (In Viet.) Available at: <https://tapchikhplvn.hcmulaw.edu.vn/module/xemchitietbaibao?oid=42b2f86c-602e-48b1-b553-bbdcf78857b7> (accessed 30.01.2023).
9. Pham K. A. The concept of guilt in civil liability. *Legal Science*, 2003, no. 3. (In Viet.) Available at: <https://phapluatdansu.edu.vn/2008/02/13/22/04/5411/> (accessed 28.02.2023).
10. Phung Tr. T. Guilt and liability for causing harm. *People's Court*, 2004, no. 10. (In Viet.)
11. Phung Tr. T. Guilt in joint and several liability for causing harm. *Jurisprudence*, 1997, no. 5. (In Viet.)
12. Vu T. H. Y. Liability for harm caused by a source of increased danger. *Research project of the Hanoi Law University*. Hanoi, 2009. (In Viet.)
13. Agibalova E. N. *Tort liabilities*. Volgograd, 2021. 112 p. (In Russ.)
14. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. *Contract law*. Book 1: General provisions. 2nd ed. Moscow, 1999. (In Russ.)
15. Sukhanov E. A. (ed.). *Civil Law: textbook*. Vol. 4. 3rd ed. Moscow, 2006. (In Russ.)
16. Nguyen Q. H. The problem of determining the conditions of civil legal responsibility for cause of harm by a source of increased danger in civil science of Vietnam. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 149—159. (In Russ.) DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/149-159.
17. Shevchenko A. S., Shevchenko G. N. *Tort Liabilities in Russian Civil Law*. Moscow, 2013. 133 p. (In Russ.)

Информация об авторе

К. Х. Нгуен, аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Information about the author

Quang Huy Nguyen, Postgraduate Student, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Поступила в редакцию 21.03.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 21.03.2023

Accepted 22.06.2023

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 343.2

DOI: 10.61205/jrp.2023.058

**Уголовная ответственность юридических лиц
в постсоциалистических государствах
(рецензия на монографии профессора А. В. Федорова:
Уголовная ответственность юридических лиц
в постсоветских государствах (М., 2022);
Уголовная ответственность юридических лиц
в постсоциалистических государствах
Азиатско-Тихоокеанского региона (М., 2022))**

Михаил Иванович Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, mkleandrov@igpran.ru

Для цитирования. Клеандров М. И. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах (рецензия на монографии профессора А. В. Федорова: Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах (М., 2022); Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона (М., 2022)) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 140—144. DOI: 10.61205/jzsp.2023.058

Book Review

**Criminal Liability of Legal Entities in Post-Socialist States
(review of the monographs: Criminal Liability of Legal Entities
in Post-Soviet States (Moscow, 2022);
Criminal Liability of Legal Entities in Post-Socialist States
of the Asia-Pacific Region (Moscow, 2022) by professor A. V. Fedorov)**

Mikhail I. Kleandrov

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mkleandrov@igpran.ru

For citation. Kleandrov M. I. Criminal Liability of Legal Entities in Post-Socialist States (review of the monographs: Criminal Liability of Legal Entities in Post-Soviet States (Moscow, 2022); Criminal Liability of Legal Entities in Post-Socialist States of the Asia-Pacific Region (Moscow, 2022) by professor A. V. Fedorov). *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 140—144. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.058

В XXI в. во многих странах мира, включая большинство постсоциалистических государств, одним из новых направлений развития законодательства стало введение института уголовной ответственности юридических лиц.

В Российской Федерации такой ответственности нет, однако проблема формирования института уголовной ответственности юридических лиц в нашей стране медленно, но неуклонно становится все более значимой, причем с двух сторон: как со стороны осознания необходимости привлечения юридических лиц к уголовной ответственности в случае совершения уголовных правонарушений соответствующего состава, так и со стороны защиты юридических лиц в случае необоснованного привлечения их к уголовной ответственности¹.

Без института уголовной ответственности юридических лиц (как, кстати, и без института уголовного проступка) «линейка» право- и нормонарушений, и, следовательно, ответственности за их совершение не будет единой².

Известно, что результаты прорывных научно-правовых исследований, к числу которых, без сомнения, относятся рецензируемые монографии профессора А. В. Федорова — сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, с методологической точки зрения не могут состояться, если не будут «стереоскопичными», т. е. не будут замкнуты рамками статичности в сегменте одного государства. Таким исследованиям присущ темпоральный вектор — прослеживание проблематики развития исследуемой проблемы из прошлого

¹ Уже имеют место случаи привлечения к уголовной ответственности российских юридических лиц органами других государств.

² Подробнее см.: Клеандров М. И. О единой «линейке» регулирования ответственности за право- и нормонарушения // Государство и право. 2022. № 10. С. 7—17.

через настоящее в будущее с охватом одноименной зарубежной проблематики.

А. В. Федоровым — автором монографий «Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах»³ (далее — монография 1) и «Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона»⁴ (далее — монография 2) — темпоральный вектор не обойден вниманием.

В монографии 1 подробно рассмотрен институт уголовной ответственности юридических лиц в государствах, в советский период входящих в СССР, а в досоветский период — в состав Российской Империи, когда это были времена единого правового пространства. Речь идет о сегодняшних постсоветских государствах Балтии (Литве, Эстонии, Латвии), Закавказья (Грузии, Азербайджане, Армении), об Украине, о Молдове, Кыргызстане; в монографии 2 рассмотрен данный институт в Китае, во Вьетнаме и в Монголии — странах, в которых можно отметить немало общего с советской и постсоветской правовыми системами.

Вместе с тем А. В. Федоров в глобальном масштабе отмечает, что в настоящее время уголовное законодательство об ответственности юридических лиц имеет место почти в половине всех государств мира, и подавляющая часть населения мира живет именно в этих странах (монография 1, с. 227).

На основе проведенного исследования уголовной ответственности юридических лиц за рубежом А. В. Федоров приходит к выводу, что институт уголовной ответственности юридических лиц является комплексным правовым институтом, основу которого составляют нормы уголовного и уголовно-процессуального права соответствующих государств. В этот институт входят нормы конституционного, гражданского и административного права, относящиеся к публичным и частным юридическим лицам, а также нормы исполнительного законодательства, регулирующие исполнение судебных решений в отношении юридических лиц.

Переходя к анализу рецензируемых монографий, отметим обоснованное А. В. Федоровым базовое положение о том, что уголовная ответственность юридических лиц в капиталистических странах появилась как необходимая составляющая государственного механизма регулирования рыночных отношений. В социалистических странах, где предприятия не могли находиться в частной собственности, такая ответственность отсутствовала.

³ См.: Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах. М., 2022. 248 с. Монография посвящена 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

⁴ См.: Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона. М., 2022. 144 с.

Последующее введение уголовной ответственности юридических лиц в бывших странах социалистического лагеря (уголовная ответственность юридических лиц установлена в Албании, Венгрии, во Вьетнаме, в Китае, Монголии, Польше, Румынии, на Кубе, в образовавшихся на территории Чехословакии новых государствах — Чехии и Словакии, во всех 10 государственных образованиях на территории бывшей Югославии, имеющих собственное уголовное законодательство, а также в государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве) обусловлено происходящими в них процессами формирования и развития рыночных отношений.

При этом А. В. Федоров приходит к выводу, что без введения института уголовной ответственности юридических лиц современное общество недостаточно защищено от корпоративной преступности (преступности юридических лиц), направленной на получение максимальной прибыли любой ценой, а честный бизнес попадает в неравные конкурентные условия по сравнению с бизнесом криминальным.

Одновременно отмечается, что в странах бывшего социалистического лагеря принятие законов об уголовной ответственности юридических лиц не всегда обусловлено осознанной объективной потребностью в соответствующем уголовно-правовом институте, как это, например, имело место в Китае, а является формальным выполнением требований международных организаций, стремлением обозначиться в качестве государств, чья политика соответствует современным стандартам борьбы с преступностью.

Так, в Литве установление уголовной ответственности юридических лиц было связано не только с переходом от социалистической экономики к рыночной, но и во многом обусловлено необходимостью приведения литовского национального законодательства в соответствие с нормами ряда актов Европейского союза, а также выполнением требований Организации экономического сотрудничества и развития к государствам, входящим в эту организацию.

В рецензируемых монографиях А. В. Федоров не ограничивается анализом законодательства того или иного государства, регулирующего юридическую ответственность юридических лиц, но анализирует соответствующую научную литературу, точки зрения и позиции ученых по этой проблеме.

Отметим наиболее значимые, по мнению рецензента, моменты, которые содержатся в рассматриваемых монографиях.

А. В. Федоров отмечает, что в мире имеют место два варианта законодательного закрепления уголовной ответственности юридических лиц. В одних странах приняты специальные уголовные законы об ответственности юридических лиц, имеющие комплексный характер; в других — соответствующие нормы включены в национальные уголовный и уголовно-процессуальный законы. В рассматриваемых

А. В. Федоровым государствах избран второй вариант законодательного закрепления уголовной ответственности юридических лиц.

Представляет интерес отраженный в рецензируемых монографиях поиск ответа на вопрос о том, какие именно юридические лица являются субъектами уголовной ответственности. Проведенный автором анализ национальных законодательств рассмотренных государств показывает, что к уголовной ответственности могут быть привлечены любые юридические лица, за исключением тех, в отношении которых указано, что они не подлежат уголовной ответственности.

Так, действующим законодательством Литвы установлено, что государство, муниципалитет, государственное и муниципальное учреждение и орган, а также международная общественная организация не несут уголовную ответственность. Согласно Пенициарному кодексу Эстонии нормы об уголовной ответственности юридических лиц не применяются в отношении публичных юридических лиц: государства, международной организации, единицы местного самоуправления и публично-правового юридического лица. Аналогичные ограничения предусмотрены в законодательствах Латвии, Молдовы, Грузии и Азербайджана.

Как отражено в монографии 2, в ст. 30 Уголовного кодекса Китая перечислены виды организаций, которые могут быть субъектами корпоративных преступлений: компания, предприятие, учреждение, орган, общественная организация, при этом гражданским законодательством Китая установлено, что организации могут быть двух видов — юридические лица и без образования юридического лица.

Организация — юридическое лицо обладает гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью и в соответствии с законодательством самостоятельно обладает гражданскими правами и несет гражданскую ответственность. Согласно ст. 58 Гражданского кодекса КНР юридическое лицо должно быть создано в соответствии с законодательством, иметь собственное наименование, организационную структуру, место нахождения, имущество или денежные средства. Условия и порядок создания юридического лица устанавливаются законодательством и подзаконными актами. Гражданским кодексом КНР предусмотрены три вида юридических лиц:

1) коммерческие юридические лица. В статье 76 ГК КНР определено, что коммерческим юридическим лицом является юридическое лицо, учрежденное с целью извлечения прибыли и ее распределения между акционерами и иными участвующими в нем своими капиталами лицами. К коммерческим юридическим лицам относятся компании с ограниченной ответственностью, акционерные общества с ограниченной ответственностью и иные предприятия — юридические лица;

2) некоммерческие юридические лица. Согласно ст. 87 ГК КНР некоммерческим юридическим лицом признается юридическое лицо, созданное в общественно полезных или иных некоммерческих целях, не распределяющее полученную прибыль между своими инвесторами, учредителями или участниками. К некоммерческим юридическим лицам относятся бюджетные учреждения, общественные объединения, фонды, организации социального обслуживания;

3) особые виды юридических лиц. К особым (специальным) видам юридических лиц в ст. 96 ГК КНР отнесены государственные органы — юридические лица, сельские коллективные хозяйские кооперативные организации — юридические лица, а также первичные (низовые) массовые организации самоуправления — юридические лица.

Организации без образования юридического лица, как определено в ст. 102 ГК КНР, не обладая статусом юридического лица, могут в соответствии с законом осуществлять сделки от своего имени. К организациям без образования юридического лица относятся индивидуальные частные предприятия, товарищества, организации без образования юридического лица поставщиков профессиональных услуг и ряд других организаций. Организации без образования юридического лица в соответствии с законом подлежат государственной регистрации.

Вместе с тем субъектом преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом КНР, может быть не любая организация, а лишь специально названная в Особенной части УК, причем за конкретные виды преступлений.

Во Вьетнаме к уголовной ответственности могут быть привлечены не любые юридические лица, а только те, которые признаются коммерческими (корпоративными). Гражданским кодексом Вьетнама (ст. 75) установлено, что коммерческое юридическое лицо — это юридическое лицо, основной целью которого является извлечение прибыли, и его прибыль распределяется между его членами. К коммерческим юридическим лицам относятся предприятия и другие хозяйствующие субъекты. Создание, деятельность и прекращение коммерческого юридического лица должны осуществляться в соответствии с положениями ГК Вьетнама, Закона о компаниях и других соответствующих законов. Коммерческую деятельность в этом государстве могут вести: общество с ограниченной ответственностью, открытое акционерное общество (корпорация), партнерство и индивидуальное (частное) предприятие. При этом к уголовной ответственности могут быть привлечены как национальные, так и иностранные коммерческие юридические лица.

Юридические лица несут ответственность только в случае совершения деяний, во-первых, запрещенных уголовным законом, и, во-вторых, за которые

предусмотрена возможность ответственности юридических лиц. При этом указанные деяния совершаются физическими лицами, а ответственность за них предусмотрена как для физических, так и для юридических лиц, в интересах которых соответствующие противоправные деяния совершены. Таким образом, в национальном законе определяются уголовно наказуемые деяния, а затем из их числа определяются те, за которые возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц.

Уголовная ответственность заключается в применении к юридическим лицам уголовных санкций: в одних странах — это уголовные наказания, в других — иные меры уголовно-правового характера.

Из проведенного А. В. Федоровым анализа следует, что не всегда характер и степень общественной опасности деяния являются определяющим основанием для установления ответственности юридических лиц. Нередко законодатель определяет целесообразность такой ответственности исходя из иных оснований.

Обращено внимание и на законодательную технику, используемую при установлении уголовной ответственности юридических лиц.

Например, в Китае, как указывает А. В. Федоров в монографии 2, уголовная ответственность организаций за корпоративные преступления наступает лишь в случаях, когда об этом прямо указано в статьях Особенной части УК КНР с использованием двух вариантов конструкции норм об ответственности организаций за корпоративные преступления.

Первый вариант состоит в том, что в статьях, предусматривающих ответственность за конкретные преступления, не указывается, что за их совершение могут быть привлечены к уголовной ответственности организации. В отдельные параграфы глав Особенной части УК КНР включены специальные статьи, где перечислены преступления, за которые установлена уголовная ответственность организаций. Всего в Особенной части семь статей, содержащих перечни таких преступлений. Например, в ст. 150 параграфа 1 главы 3 «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка» Особенной части УК КНР указано: «Если преступления, предусмотренные в статьях 140—148 настоящего параграфа, совершены организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководитель организации и другие непосредственно ответственные лица наказываются в соответствии с указанными статьями».

Второй вариант — указание в статье, предусматривающей ответственность за определенное преступление, что к организации применяется уголовное наказание (постатейный вариант установления ответственности организаций). Например, в части третьей ст. 152, устанавливающей ответственность за

контрабанду порнографических предметов, контрабанду отходов, указано: «Если преступление, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, совершено организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица наказываются в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи».

В настоящее время в 118 статьях УК КНР предусмотрены преступления, за которые установлена ответственность организаций. А. В. Федоров в монографии 2 представил развернутую классификацию корпоративных преступлений (подразделив их на чистые корпоративные и смешанные корпоративные преступления).

В Монголии по сравнению с Китаем значительно меньше деяний, за которые предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц. В настоящее время она предусмотрена лишь 33 статьями Особенной части УК Монголии.

Весьма интересны, по нашему мнению, рассмотренные А. В. Федоровым уголовно-правовые санкции, предусмотренные в государствах для юридических лиц.

Для лиц, не сведующих в теме, тем более неюристов, основное возражение против признания института уголовной ответственности юридических лиц — «ведь нельзя же организацию (предприятие) посадить в тюрьму». В рецензируемых монографиях А. В. Федорова этой стороне проблемы отводится соответствующее место. Если кратко, из проведенного профессором анализа следует, что к юридическим лицам могут быть применены штраф, конфискация имущества, лишение лицензии, ликвидация юридического лица и ряд других санкций, ограничивающих или запрещающих отдельные виды деятельности юридических лиц. Основной санкцией, предусмотренной в законодательствах всех государств, при этом является штраф.

В рецензируемых монографиях рассматриваются имеющие место в постсоциалистических государствах модели уголовной ответственности юридических лиц, а также условия, при которых совершаемые физическими лицами противоправные деяния являются основанием для привлечения юридических лиц к уголовной ответственности.

Палитра научной проработки, законодательно закрепления и использования на практике уголовной ответственности юридических лиц за рубежом, во всяком случае в государствах, рассмотренных А. В. Федоровым в рецензируемых монографиях, обширна, устойчива и востребована правоприменительной практикой.

Комментировать более подробно содержание обеих монографий А. В. Федорова смысла нет — их надо читать, над ними надо работать.

А. В. Федоровым проработано огромное количество источников — как отечественных, так и зарубежных. И профессор отнюдь не считает себя первопроходцем в данной проблематике, более того, он подчеркивает: «Российскими специалистами опубликовано уже более тысячи работ, посвященных уголовной ответственности юридических лиц. Несколько сотен авторов высказали свою позицию по этому вопросу. Большинство современных исследователей приходят к выводу, что уголовная ответственность юридических лиц необходима для регулирования рыночных отношений» (монография 1, с. 227—228). Да и сам А. В. Федоров, автор более 700 научных работ, опубликовал около 200 работ по проблематике уголовной ответственности юридических лиц, в том числе интересную статью «Смертная казнь (ликвидация) юридического лица как уголовное наказание и привлечение к уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности: зарубежный опыт»⁵.

⁵ Федоров А. В. Смертная казнь (ликвидация) юридического лица как уголовное наказание и привлечение к уголовной

В то же время А. В. Федоров отмечает, что в настоящее время российские специалисты в области уголовного права делятся на две группы — сторонников и противников уголовной ответственности юридических лиц. Дискуссии между ними, в ходе которых приводятся и обосновываются доводы «за» и «против», имеют нередко весьма бурный и эмоциональный характер (монография 1, с. 225).

Рецензируемыми монографиями (как и иными своими работами по данной проблеме) А. В. Федоров вносит немалый вклад в эту дискуссию. В монографии 1 (с. 230) он подчеркивает: «В настоящей работе лишь начато рассмотрение уголовных и уголовно-процессуальных норм института уголовной ответственности юридических лиц в их взаимосвязи. Впереди большая работа по изучению нового направления развития законодательства — уголовной ответственности юридических лиц». Пожелаем профессору А. В. Федорову дальнейших успехов на этом поприще!

ответственности юридического лица после прекращения его деятельности: зарубежный опыт // Юридический мир. 2020. № 4. С. 18—23.

Информация об авторе

М. И. Клеандров, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ

Information about the author

M. I. Kleandrov, Dr. Sci. (Law), Prof., Corr. Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Поступила в редакцию 23.05.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 23.05.2023

Accepted 22.06.2023

Рецензия

УДК 341.17

DOI: 10.61205/jrp.2023.059

Рецензия на монографию «The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons» (под ред. С. Ю. Марочкина, Ю. С. Безбородова (2022 г.))*Адель Ильсиярович Абдуллин¹, Рустем Шамилевич Давлетгильдеев², Дмитрий Викторович Зарубин³*^{1, 2, 3}Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия¹adelabdouline@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-8029>²roustem.davletguldeev@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5412-9027>³dimaaa95.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2273-8626>

Для цитирования. Абдуллин А. И., Давлетгильдеев Р. Ш., Зарубин Д. В. Рецензия на монографию «The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons» (под ред. С. Ю. Марочкина, Ю. С. Безбородова (2022 г.)) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 145—148. DOI: 10.61205/jzsp.2023.059

Book Review

Book Review of the Monograph “The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons” (S. Yu. Marochkin, Yu. S. Bezborodov (eds) (2022))*Adel I. Abdullin¹, Rustem Sh. Davletgildeev², Dmitry V. Zarubin³*^{1, 2, 3}Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia¹adelabdouline@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-8029>²roustem.davletguldeev@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5412-9027>³dimaaa95.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2273-8626>

For citation. Abdullin A. I., Davletgildeev R. Sh., Zarubin D. V. Book Review of the Monograph “The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons” (S. Yu. Marochkin, Yu. S. Bezborodov (eds) (2022)). *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 145—148. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.059

Создание Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС) было объявлено 15 июня 2001 г., а 7 июня 2002 г. принята Хартия ШОС (вступила в силу 19 сентября 2003 г.), которая, «определив цели и ключевые направления сотрудничества... заложила прочную правовую основу функционирования организации, представила миру яркий пример нового прочтения общепризнанных основ межгосударственного взаимодействия»¹.

Сегодня членами ШОС являются восемь стран, шесть из которых (Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан) являются основателями ШОС, два государства стали членами ШОС в более позднее время (в 2017 г. — Индия и Пакистан), в отношении Исламской Республики Иран и Республики Беларусь осуществляется работа по повышению статуса до уровня государств-членов.

Необходимость усиленной научной разработки ШОС обуславливается, в частности, некоторой напряженностью межгосударственных отношений России с западными странами и усилением развития восточного направления международного сотрудничества в настоящее время. В связи с этим не вызывает сомнений актуальность вышедшей в 2022 г. коллективной монографии «The Shanghai Cooperation Organization:

Exploring New Horizons» под редакцией С. Ю. Марочкина и Ю. С. Безбородова.

Данный научный труд подготовлен авторским коллективом, включающим широкий круг авторитетных и молодых ученых из разнообразных государств — членов ШОС (России, Индии, Казахстана, Китая, Узбекистана, Киргизии). В общей сложности в работе над данной монографией приняли участие 32 автора, что свидетельствует о проведенной широкомасштабной интеграции разнообразных точек зрения и представлений по поставленным исследовательским вопросам. Редакторы монографии С. Ю. Марочкин и Ю. С. Безбородов отмечают, что «в проекте участвуют представители различных областей знаний — политологии, международных отношений, международного права, юриспруденции, истории, финансов, физико-математических и экономических наук» (с. 4). Выбор такого подхода к формированию авторского коллектива, на наш взгляд, обеспечивает всестороннюю и разноплановую доктринальную проработку рассматриваемого в монографии предмета.

Авторы сквозь призму правового регулирования уделяют внимание экономическим, гуманитарным, правовым, торговым, трудовым, миграционным, экологическим аспектам деятельности ШОС, а также ключевым для данной международной организации вопросам межгосударственного сотрудничества в сфере безопасности и обороны. Такой объемный по содержанию предмет исследования, по нашему мнению, позволил

¹ Алимов Р. К. Хартия Шанхайской организации сотрудничества — компас организации // Обозреватель — Observer. 2017. № 6. С. 7.

сформировать более целостное научное представление об основных направлениях международной деятельности в рамках ШОС.

Авторы проводимого исследования отмечают: «Основная цель — показать, что исследование проблем ШОС осуществляется не в статике (текущее состояние Организации и ее деятельность), а в динамике: чем была ШОС во времена ее создания, чем она является сейчас и как она работает, каковы ее потенциалы в будущем» (с. 4—5). Проведение данного исследования с применением ретроспективного подхода, на наш взгляд, является его безусловным преимуществом, поскольку рассмотрение проблемных вопросов деятельности ШОС, оторванное от ее историко-правового развития, не покажет предпосылок их возникновения и будущих перспектив для их решения.

Рецензируемая монография получила широкий доктринальный отклик, что подтверждается значительным числом написанных на нее научных рецензий и обзоров².

Очевидно, что невозможно отразить все аспекты проведенного монографического исследования в рамках одной рецензии. В связи с этим обратим внимание на некоторые из них.

Монография открывается с рассмотрения истории становления ШОС, а также с исследования правовых основ ее построения и функционирования. Этим вопросам посвящена первая часть данного научного труда «Building a basis. Roots and grounds», состоящая из четырех глав.

Первая глава имеет название «The formation and institutional development of the SCO. Historical and legal aspects». По мнению авторов О. Поршневой, М. Рахимова и С. Разинкова, с 2001 по 2020 г. ШОС прошла четыре этапа своего институционального развития: 1) институциональное строительство, в котором основное внимание уделялось борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001—2004 гг.); 2) развитие торгово-экономического, политического и культурного сотрудничества государств — членов ШОС (2004—2008 гг.); 3) ослабление сотрудничества в рамках ШОС и ее бюрократизация, характеризующаяся общим и декларативным рассмотрением вопросов, касающихся основных направлений ее деятельности (2008—2014 гг.); 4) вывод ШОС на качественно новый уровень, характе-

ризующийся повышением эффективности межгосударственного сотрудничества (с 2015 г.) (с. 11—12). Подчеркивается, что «в своем развитии ШОС прошла несколько этапов ... при сохранении региональной безопасности в качестве важного приоритета своей повестки дня» (с. 20).

Во второй главе «International legal background and aspects of the SCO member states intercommunication» авторы М. Сарсембаев и Ю. Безбородов, говоря о членстве в ШОС, выделили четыре критерия, которым должны соответствовать государства для участия в данной международной организации: 1) региональный и географический — территория государств Евразийского континента и Южной Азии; 2) субъективный — суверенность (независимость) государства; 3) соответствие государства целям, задачам и принципам ШОС; 4) необходимость присоединения к совокупности нормативных документов, действующих в рамках ШОС (с. 29—30). Решением Совета глав государств — членов ШОС от 11 июня 2010 г. утверждено Положение о порядке приема новых членов в ШОС. Данный документ закрепил, в частности, критерии, которым должны соответствовать государства, желающие вступить в данную международную организацию; среди них, например, ненахождение в состоянии вооруженного конфликта с другим государством или государствами, отсутствие санкций, наложенных Советом Безопасности ООН³.

В третьей главе «The SCO and security cooperation» авторами Е. Михайленко, А. Оспановой, М. Лагутиной дается теоретическая оценка моделям развития ШОС, а также рассматривается деятельность ШОС в обозначенной сфере с 2001 по 2014 г. (начальный период) и начиная с 2015 г. (период изменения подхода ШОС к политическому и военному сотрудничеству). Кроме того, исследуются перспективы военно-политического сотрудничества в рамках ШОС в Большой Азии. Отмечается, что «политика невмешательства и отсутствие строгости в принятии решений, возможно, делают ШОС более привлекательной для новых партнеров, превращая ее в глобальный режим борьбы с терроризмом» (с. 47).

В четвертой главе «Countering extremism on the SCO's Agenda» авторы А. Абашидзе и К. Лябах рассматривают правовую основу противодействия экстремизму в рамках ШОС, национальное законодательство государств — членов ШОС в обозначенной сфере, а также прогнозируют возможные сценарии дальнейшего развития деятельности ШОС в данном направлении. Авторы также подчеркивают: «ШОС продвинулась в своей деятельности больше, чем ООН, приняв две конвенции по противодействию экстремизму» (с. 63).

Далее монографическое исследование переходит в русло отдельных актуальных и перспективных направлений деятельности ШОС. Этим вопросам посвящена

² См., например: Табаринцева-Романова К. М. Рецензия на коллективную монографию «The Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons» // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 97—98; Кузьмин В. А. Рецензия на книгу «The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons» / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. New York; London, 2022. 263 p. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. № 4. С. 809—811; Sean Morris P. Book Review of Sergey Marochkin and Yury Bezborodov (eds), *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons* // Chinese Journal of International Law. 2022. Vol. 21. Iss. 3. P. 643—646.

³ Подробнее см.: Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества. URL: <http://rus.sectsco.org/load/204187/> (дата обращения: 12.03.2023).

вторая часть под названием «Moving through the levels of cooperation», включающая пять глав.

Первая глава «Convergence of Western and Asian legal values in the SCO perspective» посвящена поиску ответов на три вопроса: 1) особенности и специфика национальных правовых ценностей в странах ШОС; 2) наличие (отсутствие) антагонистического конфликта между европейскими правовыми ценностями, признанными мировым сообществом универсальными, и правовыми ценностями стран ШОС; 3) возможность компромисса и сближения этих ценностей. Авторы главы О. Винниченко, Е. Гладун, Ж. Бусурманов справедливо отмечают, что «западная концепция прав человека, претендующая на универсальность, должна быть дополнена и расширена в связи с наличием различных историко-правовых ценностей, традиций и представлений о правах человека в разных правовых культурах» (с. 79).

Во второй главе «Humanitarian cooperation in the SCO. Current situation and development features» авторы О. Богатырева и А. Орозобекова отмечают, что «в исследовании выявлены препятствия, мешающие более тесному сотрудничеству в гуманитарной сфере: цивилизационное разнообразие и отсутствие общих объединяющих ценностей. Однако главным препятствием для развития как культурных связей, так и единого евразийского образовательного пространства является языковая проблема» (с. 97). Представляется, что благодаря обнаружению авторами указанных затруднений на них будет обращено более пристальное внимание в целях разработки и принятия соответствующих мер для их успешного преодоления.

В третьей главе «SCO and convergence of member states labour legislation. Foundation, opportunities, and prospects» авторы Л. Зайцева и К. Раманкулов уделили особое внимание участию государств — членов ШОС в межгосударственном сотрудничестве в рамках МОТ. Действительно, важность МОТ для международно-правового регулирования труда необычайно высока. Э. М. Аметистов по праву называет ее «главным центром международной нормативной деятельности по вопросам труда»⁴. В связи с этим авторы справедливо представили ратификацию важнейших конвенций МОТ в качестве одного из способов сближения трудового законодательства государств — членов ШОС (с. 111).

В четвертой главе «Possibilities and perspectives for regulating labor migration in the SCO member countries» авторы Т. Лузина и А. Хамзин основными задачами ШОС в сфере трудовой миграции называют: 1) предотвращение нелегальной миграции, торговли людьми, а также информирование мигрантов об их правах и обязанностях; 2) содействие дальнейшему развитию миграционной политики; 3) продолжение работы по приведению национального миграционного законода-

тельства в соответствие с универсальными международными стандартами; 4) содействие успешной адаптации иммигрантов и соблюдение их прав (с. 123). Кроме того, авторы справедливо обращают внимание на назревшую «необходимость в разработке, гармонизации и унификации нормативно-правовой базы ШОС, которая позволила бы более глубоко регулировать вопросы, связанные с трудовой миграцией» (с. 127).

В пятой главе «International legal forms of interaction between the SCO and EAEU» авторы Ж. Кулжабаева и А. Ойнарова рассматривают вопросы, касающиеся потенциала ШОС и ЕАЭС в развитии регионального сотрудничества и особенности взаимоотношений между данными международными организациями. Авторами разработан алгоритм, направленный на развитие сотрудничества между ШОС и ЕАЭС, который включает: 1) подписание меморандума о взаимопонимании между указанными международными организациями; 2) получение ЕАЭС статуса партнера по диалогу, а также наблюдателя при ШОС; 3) активизация отношений стран ЕАЭС и ШОС с помощью экономического пояса Шелкового пути; 4) диалоговое партнерство (с. 141—142).

Завершающая часть монографического исследования «Looking ahead. To new prospects and horizons» состоит из шести глав и посвящена вопросам дальнейшего развития и становления новых направлений деятельности ШОС.

В первой главе «Economic interaction within the SCO. New horizons in the era of turbulence» авторы О. Архипова и А. Чукреев обращают внимание на ряд обстоятельств, снижающих возможности расширения межрегионального торгово-экономического сотрудничества ШОС, а именно: 1) относительно невысокий объем торговли некоторых государств — членов данной международной организации; 2) объективную невозможность расширения взаимной торговли и международного сотрудничества отдельными государствами — членами ШОС (с. 160).

Вторая глава называется «Research on the legal mechanism for SCO energy cooperation». В юридической науке отмечается, что «энергетика — важнейшая составляющая экономического сотрудничества в рамках ШОС»⁵, однако авторы главы Мин Цигун и Гун Нань справедливо подчеркивают, что «энергетическая проблема больше не является только экономической; это стало стратегическим вопросом ... Взаимодополняемость экономик государств ШОС закладывает основу их энергетического сотрудничества, а энергетическое сотрудничество ШОС способствует обеспечению региональной энергетической безопасности, удовлетворению потребностей роста энергопотребления стран-членов, содействию быстрому экономическому и социальному развитию стран-членов» (с. 176—177).

⁴ Аметистов Э. М. Международное право и труд: Факторы имплементации международных норм о труде. М., 1982. С. 15.

⁵ Быков А. И. Энергетическое сотрудничество в рамках ШОС // Российское предпринимательство. 2009. № 2-1. С. 112.

В третьей главе «SCO transport and logistic assistance to the states of the Central Asia region» авторы Ж. Исакова и А. Мухамеджанов отмечают, что «ключевым фактором, определяющим успешность и эффективность дальнейшего сотрудничества в реализации транспортных проектов на пространстве Организации, станет реализация политики солидарности в транспортно-логистической сфере. Это, в частности, предполагает согласование шагов по устранению технических, технологических и административных барьеров, гармонизации нормативных правовых актов, стандартизации товаров и услуг между государствами-членами» (с. 193).

В четвертой главе «Prospects of the evolving SCO mandate. From a security focus towards an increased economic and strategic partnership with India» авторы К. Дживеди и А. Бава пишут, что «Индия должна взять на себя ведущую роль в реформировании мандата ШОС, переведя ее с ориентированной исключительно на безопасность на направленную с большим акцентом на экономическое развитие и торговлю» (с. 211).

Пятая глава, именуемая «Environmental protection as a challenge to the SCO» посвящена анализу международно-правовой базы экологического сотрудничества ШОС, исследованию перспектив этого сотрудничества и др. В юридической науке вопросы международно-правовой охраны окружающей среды представляют значительный интерес⁶, что обуславливает особую актуальность исследований обозначенной проблемы в рамках ШОС. Авторы Цинь Тяньбао и А. Солнцев от-

мечают, что «в последнее время в рамках ШОС появились уникальные экологические инициативы (развитие экологического благополучия городов, реестр экологических проблем ШОС, фонд защиты ледников и др.), которые требуют развития и поддержки» (с. 224). Кроме того, справедливо отмечается целесообразность принятия единой конвенции ШОС по охране окружающей среды, которая помогла бы выстроить и упорядочить все экологические инициативы на общих принципах (с. 224).

В шестой главе «Some thoughts on the efficiency and perspectives of the SCO» авторы С. Марочкин и Ю. Безбородов справедливо отмечают, что «перспективы ШОС определяются тем, насколько она способна к самообновлению, самокритике, работе над ошибками, насколько эффективно и своевременно может организовать координацию и противостоять современным глобальным угрозам. В этом контексте наиболее эффективными и действенными представляются следующие меры: осмысление опыта развития других международных организаций, учет рекомендаций и выводов научного и экспертного сообществ, заинтересованных в совершенствовании Организации, укреплении ее консолидирующих принципов, повышении эффективности» (с. 235). Надеемся, что рекомендации авторов найдут практическую реализацию и окажут благоприятное воздействие на совершенствование ШОС.

В заключение отметим, что рецензируемая монография вносит значительный вклад в развитие правовой науки. С одной стороны, она приглашает к обсуждению заявленной темы, а с другой — служит ориентиром для будущих юридических исследований, касающихся евразийской интеграции, международного права и других правовых наук. Кроме того, нельзя не отметить практическую значимость данного научного труда. Выявленные проблемы межгосударственного сотрудничества в рамках ШОС и предложенные по ним решения могут оказать положительное влияние на будущее развитие и функционирование данной международной организации.

⁶ См., например: Кукушкина А. В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 218—225; Исаков И. И. Энергетическое сотрудничество государств в рамках международных организаций (институтов) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 81—85; Ильинская О. И. Некоторые проблемы договорного регулирования международных отношений в области охраны окружающей среды // Lex russica. 2019. № 3. С. 45—59.

Информация об авторах

А. И. Абдуллин, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор

Р. Ш. Давлетгильдеев, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор

Д. В. Зарубин, аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

Information about the authors

A. I. Abdullin, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of the Department of International and European Law, Kazan (Volga Region) Federal University

R. Sh. Davletgildeev, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of the Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University

D. V. Zarubin, Postgraduate Student, Department of International and European Law, Kazan (Volga Region) Federal University

Поступила в редакцию 14.03.2023

Принята к публикации 22.06.2023

Received 14.03.2023

Accepted 22.06.2023

Персоналия

УДК 06.091.5:34

DOI: 10.61205/jzsp.2023.060

Homo iudicialis: краткая история завтрашнего правосудия. К юбилею А. И. Ковлера

Михаил Львович Гальперин^{1, 2}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

²Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Для цитирования. Гальперин М. Л. Homo iudicialis: краткая история завтрашнего правосудия. К юбилею А. И. Ковлера // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 149—154. DOI: 10.61205/jzsp.2023.060

Personalia

Homo Iudicialis: A Brief History of Future Justice. To the Anniversary of A. I. Kovler

Mikhail L. Galperin^{1, 2}

¹National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

²Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S. S. Alexeev, Moscow, Russia

For citation. Galperin M. L. Homo Iudicialis: A Brief History of Future Justice. To the Anniversary of A. I. Kovler. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 149—154. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.060

Как читатель догадался из названия, настоящий очерк, посвященный 75-летию Анатолия Ивановича Ковлера, написан в жанре подражания популярным в последние годы книгам Юваля Харари, который в провокационной манере памфлета (где трудно понять, серьезен автор или смеется) пытается через оригинальные интерпретации настоящего и прошлого расширить представления читателя о будущем¹. А. И. Ковлер, обладая, с одной стороны, глубочайшими познаниями, интеллектуальным подходом к глобальным юридическим проблемам, безграничным гуманизмом, мудростью, основательностью и смелостью в продвижении новых подходов к праву, центральным из которых является антропологический, а с другой — непревзойденным талантом ироничной, образной и доступной подачи студентам, коллегам и власть предержащим юридического материала, вдохновил нас на такой свободный формат посвящения. По примеру Харари, будем при этом защищаться профессорской должностью и докторской степенью от критики стиля изложения, который The Guardian назвала чрезвычайно увлекательным, но тяготеющим к подгонке фактов, преувеличениям и сенсационности².

¹ См.: Харари Ю. Sapiens. Краткая история человечества. Пер. с англ. М., 2017; Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего (Homo Deus. A Brief History of Tomorrow). Пер. с англ. М., 2018.

² «Much of Sapiens is extremely interesting, and it is often well expressed. As one reads on, however, the attractive features of the book are overwhelmed by carelessness, exaggeration and sensationalism» (Sapiens: A Brief History of Humankind by Yuval Noah Harari — review. URL: <https://www.theguardian.com/books/2014/sep/11/sapiens-brief-history-humankind-yuval-noah-harari-review>).

Как 75-летие Всеобщей декларации прав человека побудило именинника провести инвентаризацию содержания основных свобод в современную эпоху «пришествия “человека цифрового” (homo numericus) на смену “человеку индустриальному”»,³ так и его юбилей вдохновил нас взглянуть на то, каким будет правосудие будущего (прежде всего, по гражданским делам) с точки зрения человека⁴; какими через 10—20 лет будут реальные принципы судопроизводства не на страницах учебников и кодексов, а в головах людей: ученых, адвокатов, истцов, ответчиков и, конечно, самих судей — всех, кого можно считать «человеком судебным» (homo iudicialis), к кому наверняка относит себя и юбиляр, вклад которого в осмысление миссии международного и национального судопроизводства невозможно переоценить.

Тысячу раз прав А. И. Ковлер, утверждая, что «жизнь человека как существа социального претерпела радикальные изменения. “Человек юридический”, еще несколько десятилетий назад представлявшийся как законопослушный гражданин, следующий предписаниям позитивного права — права

³ Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 6.

⁴ Нельзя не согласиться с А. И. Ковлером в том, что действие права никогда не соответствовало умозрительным схемам, какими бы совершенными они ни были, а подчиняется социолого-антропологической парадигме действий конкретного человека и человеческих общностей. Наступление «цифровой эпохи» не способно это изменить (Там же. С. 22).

государства, — дезориентирован. Казалось, “огосударствленное” правовое бытие человека достигло своей завершенности... В реальности все оказалось сложнее»⁵. Эта нарастающая дезориентация в правовом пространстве тем мучительнее, чем больше она касается судебной власти, т. е. той части государственного механизма, незыблемость и стабильность которой заставляет людей надеяться на справедливость и верить в право, несмотря на изменчивость законов и суровую реальность их применения. Тяжело спорить с тем, что сами по себе современные технологии, алгоритмы искусственного интеллекта не способны пока помочь юристу вернуться в поле спокойствия и стабильности. Напротив, цифровое развитие обостряет проблему отчуждения личности, ее замыкания в виртуальном мире, несмотря на появление различных видов «мнимой коллективности» (группы в социальных сетях и telegram-каналы, узкие сообщества «по интересам»)»⁶.

Именно поэтому внешний технологический облик будущего правосудия (которому и посвящено подавляющее большинство популярных прогнозов и предсказаний), не скроем, любопытен, но не так значим, как его *человеческое измерение*. Цифровая форма правосудия — не самоцель, намного важнее содержание, причем не такое, какое нам хотелось бы видеть, а такое, каким оно скорее всего будет, исходя из того, что происходит уже сейчас.

Итак, пять предсказаний о правосудии будущего.

1. Распроцедуривание. Реальность такова, что чрезвычайные обстоятельства не позволяют законодателю при формулировании норм материального права (как частного, так и публичного) достаточно обстоятельно описать процессы их применения, регламенты действия частных лиц и публичных органов как при выдаче каких-либо разрешений, так и при ограничении прав. Часто при принятии нормативного правила просто невозможно спрогнозировать, как оно будет применяться. Так, за последний год мы стали свидетелями появления целой системы известных указов в экономической сфере, в которых алгоритм принятия юридически значимых актов описан общим образом, а у правоприменителя появилась ранее немыслимая дискреция в определении не только порядка принятия решения, но и его условий, а также возможность ситуативного внесудебного толкования норм, устанавливающих его собственную компетенцию»⁷.

⁵ Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа). С. 7.

⁶ Там же.

⁷ См., например, указы Президента РФ от 25 апреля 2023 г. № 302 «О временном управлении некоторым имуществом», от 30 июня 2022 г. № 416 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций», от 5 августа 2022 г.

Со студенческой скамьи мы помним напутствие фон Иеринга: «Форма — это заклятый враг любого произвола и сестра-близнец свободы»⁸. Как следствие, процессуальная форма принятия решений органами власти (прежде всего судом) предполагалась нормативной, обязательной, системной, универсальной⁹. Именно это заставляло нас терпеть формализм, рассчитывая, что он же есть и наша гарантия от произвола. Но теперь наоборот: свобода и безопасность видятся в гибкости и избирательности правоприменения.

Как на эти тенденции может ответить правосудие, у которого материальное право выбивает почву из-под ног, лишая четких и формальных стандартов правовой оценки поведения субъектов? Ответом судей будет их более свободное отношение и к собственным правилам процедуры, даже в обращении с процессуальными сроками. Например, в одном из недавних определений Верховного Суда РФ заместитель его председателя, несколько раз процитировав соответствующую норму АПК РФ, которая ни в буквальном, ни в каком другом толковании не позволяла восстановить срок на обжалование в кассационном порядке судебного постановления, и не приведя ни одного обстоятельства, свидетельствующего об уважительности его пропуска, все равно удовлетворила ходатайство о восстановлении срока «с целью предоставления гарантий реализации гражданами права на судебную защиту и правовой определенности»¹⁰.

2. Процессуальная справедливость. С точки зрения классического понимания судопроизводства как установленной законом четкой последовательности действий, ни для суда, ни для другого участника процесса справедливость не может выступать в качестве критерия выбора того или иного варианта поведения. Принцип справедливости в государстве, чья правовая система основана на статутном праве, является *принципом нормотворчества*. *Законодатель должен быть справедливым*. А вот уже справедливое законодательство делает справедливым и судебное решение, выносимое на его основании, и производство по

№ 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций».

⁸ Цит. по: Брановицкий К. Л. Понятие и значение судебного руководства рассмотрением дела по существу в гражданском процессе Германии // Закон. 2014. № 4. С. 177.

⁹ См., например: Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 122—127.

¹⁰ Определение ВС РФ от 2 сентября 2022 г. по делу № 304-ЭС22-6536. Подробнее см.: Гальперин М. Л. Нужна ли третьей стороне объективная беспристрастность? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 ноября 2022 года № 304-ЭС22-6536 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3(109). С. 4—16.

принудительному исполнению последнего¹¹. Судья не может изменить закон своим решением, не вправе отступить от текста нормативного акта, даже если это противоречит его убеждениям. Пожалуй, единственное исключение — Конституционный Суд РФ, который может облечь свои представления о должном в форму рассуждений о неконституционности закона. *Но вскоре ситуация кардинально поменяется во всей судебной системе: каждый суд станет конституционным.*

Как сотни лет назад в Англии, исходя из соображений совести родилось право справедливости, которое по известному выражению лорда-канцлера в деле «Dudley v. Dudley» (1705 г.) есть «моральная сила, которая ограничивает, смягчает и исправляет суровость, жестокость и условность общего права»¹², так и отечественные суды идут по пути исправления, как им кажется, несправедливости, несовершенства и пробельности писаного закона. В последние годы существования Высший Арбитражный Суд РФ не стеснялся творить право, сплетая из идеи справедливости не просто понятия, а новые правовые институты, даже отдаленно не закрепленные в законе. Так, напомним, у нас появилась судебная неустойка (астрент)¹³.

Более актуальный пример — практика Конституционного Суда не просто признания закона неконституционным, но «через голову» законодателя предельно подробного описания (не только абстрактными фразами, но и конкретными цифрами)¹⁴ того, как отношения должны нормативно регулироваться. Суд объясняет такие свои позиции необходимостью достижения *справедливости*¹⁵, что однажды позволи-

ло одному остроумному заявителю в конституционной жалобе объединить в общий предмет оценки святую для каждого цивилиста ст. 8 ГК РФ и ленинский Декрет «О суде», поскольку они оба, по его мнению, позволяют суду не руководствоваться законом, а основывать свою позицию на революционной совести и революционном же правосознании. Ирония заключается в том, что в попытке уклониться от погружения в этот тонкий вопрос Конституционный Суд призвал на помощь как раз формальный довод о том, что спорный советский декрет утратил силу еще в 1928 г.¹⁶

Революций больше никто не хочет, поэтому революционные совесть и правосознание будут заменены в судебных постановлениях более приятными на слух словосочетаниями «*социальная направленность регулирования*»¹⁷ и «*социальная направленность правосудия*». Однако их смысл останется прежним (каким он был в английском канцлерском суде в XV в. и в советском трибунале в начале XX в.) — дать свободу судье из благородных побуждений решить дело в противоречии с законом или в его отсутствие, причем объясняя свое решение не мучительно собранной головоломкой из отрывочных ссылок на нормативные акты, а прямым обращением к тем самым справедливости и целесообразности, как бы они ни именовались с учетом исторического момента. Соображения справедливости заставят суды «на ходу» ребалансировать права тяжущихся, проявляя патернализм в отношении той стороны процесса, которая, по их мнению, требует большей защиты (будь то потребитель в отношениях с энергоснабжающей организацией или государство в споре с налогоплательщиком).

Найти для таких подходов общие основания, в том числе в Конституции, не составит особого труда. Но для того чтобы такие основания были действительно юридическими, не только судьям, а всем нам придется освоить искусство толкования права.

3. Возрожденное судебное толкование. Если правоприменение станет менее формальным, но более интуитивным, ориентированным не на букву, а на дух права, правовую политику, можно про-

(к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением КС РФ от 19 октября 2021 г.).

¹⁶ См. определение КС РФ от 25 января 2018 г. № 70-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барышева Евгения Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Гражданского кодекса Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также Декретом СНК РСФСР “О суде”».

¹⁷ См. постановление КС РФ от 13 июля 2023 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Ф. Нестеренко».

¹¹ Подробнее см.: Гальперин М. Л. Обращение взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина: существует ли нормативное решение? // Закон. 2013. № 10. С. 111—124.

¹² Цит. по: Белых В. С. К вопросу об оформлении доверенности по праву Шотландии // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 34—41.

¹³ См. постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта».

¹⁴ См., например, постановление КС РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Царегородской», где суд указал, что «в отсутствие соответствующего правового регулирования и с учетом установленного действующим законодательством в качестве общего правила ограничения размера допустимых удержаний из заработной платы работника снижение размера указанных премиальных выплат во всяком случае не должно приводить к уменьшению размера месячной заработной платы работника более чем на 20 процентов».

¹⁵ См. п. 1.3 «Справедливость и юридическое равенство» Методологических аспектов конституционного контроля

гнозировать наступление эпохи судебного толкования. Она грядет и в силу той простой предпосылки, что из-за технологических и социально-экономических факторов общественные отношения уже не могут быть урегулированы исчерпывающим образом (это же является и причиной распроецирования, о чем сказано выше). Чтобы избежать разрушительной казуистичности, ситуативности регулирования, нам, наконец, придется научиться использовать общие абстрактные нормы, выжимая из них конкретные правовые позиции все более изощренными методами толкования. И если сегодня, оперируя сельскохозяйственными терминами, для получения нужного количества подсолнечного (или оливкового — кто какое предпочитает) масла достаточно одного холодного отжима, то совсем скоро не обойтись и несколькими горячими.

Автор настоящей статьи оканчивал университет два десятилетия назад, имея в багаже от силы 3-4 правила толкования из ст. 431 ГК РФ (и это не упрек любимым преподавателям и самому себе, просто больше знать не требовалось): буквальное, системное, исходя из намерений и поведения сторон. В известном труде «Читая право»¹⁸ (который автор теперь заставляет штудировать своих студентов) судья Верховного суда США Антонин Скалиа развернуто сформулировал по крайней мере 57 канонов (canons) толкования нормативного текста, которые могут пригодиться и нам, особенно после конституционной реформы 2020 г., которая принесла специальный термин «истолкование».

Прочитываем новое второе предложение ст. 79 Конституции РФ: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их *истолковании*, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Сама эта норма может толковаться по-разному.

Во-первых, можно предположить, что словосочетание «не подлежат исполнению» относится не к решениям межгосударственных органов, а к самим положениям международных договоров, хотя это противоречит буквальному смыслу нормы. Но именно такое понимание стало основой для внесенных во исполнение конституционных поправок одинаковых изменений во все процессуальные кодексы. Например, в ст. 13 АПК РФ теперь указано: «Не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации (а не решений органов, как в тексте Конституции. — *М. Г.*) в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом».

Последняя фраза также заставляет задуматься, поскольку допускает как минимум три варианта толкования. Что значит «может быть установлено»? Может быть установлено и в другом порядке, не предусмотренном законом, либо должно быть установлено исключительно в порядке, определенном законом¹⁹, либо не допускается применение международного договора в любом случае, но можно при желании, «для пущей уверенности» еще формально подтвердить наличие противоречия до или после неприменения соответствующего положения? И еще один вопрос толкования: в Конституции используется слово «исполнение», а в процессуальных кодексах — «применение». Это одно и то же?

Во-вторых, что понимается под «истолкованием, противоречащим Конституции»? Что противоречит: результат толкования, т. е. новое юридическое правило, изложенное в решении межгосударственного органа, или метод толкования — прием интерпретации нормы международного договора, или и то и другое?

Обсуждая новеллы российского законодательства, мы незаметно затронули четыре каноны толкования²⁰ из сборника судьи Скалиа.

Правила восприятия текста будут не только орудием в национальных и международных юридических, политических и экономических баталиях. Они могут поменять сам образ судьи. По словам американских судей, возможность *эволютивного* толкования заставляет в США оценивать кандидатов на судебные должности не столько с точки зрения таких традиционных критериев, как беспристрастность, знание права или профессиональная репутация, сколько на основании того, «смогут ли они разглядеть в конституции право на однополые браки». Следовательно, отбор судей становится политическим процессом. Люди захотят видеть на должностях судей тех, кто поменяет или не поменяет право определенным образом²¹. Такие подходы к назначению судей мы наблюдаем в международных трибуналах²².

Кстати, как раз богатейший опыт международного правосудия, от части которого и были призваны оградить отечественную правовую систему упомянутые конституционные поправки, может все же оказаться весьма полезным и нам (причем как положительный, так и отрицательный) в плане использования абстрактных положений (типа процессуальной и ма-

¹⁹ Речь, очевидно, идет о гл. XIII¹ Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

²⁰ Supremacy-of-Text Principle, Mandatory/Permissive Canon, Last-Antecedent Canon, Surplusage Canon.

²¹ См.: *Scalia A., Garner B. A.* Op. cit. P. 84.

²² Подробнее см.: *Гальперин М. Л.* Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 12. С. 181—189.

¹⁸ См.: *Scalia A., Garner B. A.* Reading Law: The Interpretation of Legal Texts. 1st ed. 2012.

териально-правовой справедливости), отработанных технологий толкования права, облечения в юридическую форму социального, исторического и психологического, что блестяще демонстрировал юбиляр в его особых мнениях к постановлениям ЕСПЧ²³.

4. Сегментация видов судопроизводства. Дифференциация материального права (международного и национального), его расползание по десяткам отраслей и подотраслей с собственными задачами и «стейкхолдерами» неизбежно приведет к размежеванию процессуальных режимов, в которых дела, проистекающие из этих отраслей, должны рассматриваться. Несмотря на возникновение в 2014 г. единого высшего суда — Верховного, концепция общего Гражданского процессуального кодекса²⁴, кажется, уже крепко забыта, не говоря уже про попытки сближения цивилистических видов процесса с уголовным. Таким образом, про единство процесса в обозримом будущем можно забыть.

Гражданское, арбитражное, административное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях будут развиваться каждое в своей логике и идеологии, что в практических терминах может привести к ослаблению межотраслевой преюдиции, противоречивым позициям по аналогичным делам. Причем у каждой судебной ветви (и каждой веточки на ней) могут сформироваться собственные представления о стандартах и бремени доказывания, понимании состязательности, диспозитивности и равноправия сторон, доступа к правосудию.

5. Дисконтирование права на иск. Неумолимый рост количества дел, рассматриваемых судами, будет толкать последних на поиск все более радикальных механизмов искусственного снижения нагрузки процессуальными методами.

Пока это происходит подспудно. Верховный Суд уже предложил²⁵ ввести обязанность подателя заявления о выдаче судебного приказа самому предварительно уведомлять об этом ответчика с приложением всех документов. В этом же законопроекте содержится предложение вовсе упразднить договорную подсудность, избавив практикующих юристов от многолетней практики включения в коммерческие кон-

тракты ссылок на столичные суды, независимо от местоположения сторон. Принятие этой нормы может дать мощный толчок развитию третейского разбирательства, поскольку соответствующие споры, скорее всего, уйдут не в региональные государственные суды, как полагают авторы идеи, а в московские третейские учреждения.

Нагрузка на государственные суды, может, и упадет, и выровняется, но они рискуют потерять роль эксклюзивного толкователя и правоприменителя в ключевых сферах коммерческого оборота. Так, полвека назад в Англии почти все крупные финансовые, строительные, морские, страховые дела навсегда ушли из королевских судов в суды третейские²⁶.

В целом, несмотря на конституционные декларации о гарантиях безусловной и безграничной юрисдикционной защиты прав, сначала судьи, а затем и законодатель будут двигаться в сторону более прагматичного взгляда на пределы права на иск как в материальном, так и процессуальном смыслах. В условиях, когда уже сейчас, по официальной статистике, в среднем из шести присужденных рублей в исполнительном производстве взыскивается всего один²⁷, приходит осознание, что экономические законы на судебной стадии развития обязательства работают точно так же, как и в досудебной, а подача иска не сильно повышает вероятность взыскания долга в полном объеме.

Вслед за техническими барьерами для обращения за юрисдикционной защитой (необходимость указания определенного набора идентификаторов ответчика, соблюдения обязательного претензионного порядка урегулирования спора, самостоятельного предварительного уведомления определенным образом должника и т. п.) придут нормы об авансировании взыскателем в исполнительном производстве процессуальных расходов, о пороге задолженности для возбуждения судебного и исполнительного производств, об автоматическом завершении безуспешного взыскания по истечении определенного периода и т. д. В условиях приближения к конституционному порогу ограничений прав должников при сохранении тяжелой ситуации с фактическим исполнением процессуальное право обратится к статусу взыскателя, перераспределив риски затруднительности или невозможности взыскания долга между ним, должником и государством²⁸.

Еще раз отметим, что все это откроет новые возможности для внесудебных, негосударственных форм защиты, прежде всего третейского разбирательства и нотариата.

²³ Выделим особое мнение судьи А. И. Ковлера к постановлению Большой палаты ЕСПЧ от 8 июля 2004 г. по делу «Илашку и другие против Молдавии и России» (Pașcu and others v. Moldova and Russia) (№ 48787/99) — без преувеличения выдающееся в масштабе всего международного права — и по форме, и по содержанию.

²⁴ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)).

²⁵ URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31714/.

²⁶ URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2016/03/lcj-speech-bailli-lecture-20160309.pdf>.

²⁷ URL: <http://fssprus.ru/statistics/>.

²⁸ Подробнее см.: Гальперин М. Л. Принципы исполнительного производства. Версия 2.0 // Закон. 2017. № 10. С. 90—109.

Что все эти общие тенденции значат в практическом плане?

Во-первых, интуитивное правоприменение не предполагает развернутого логического объяснения каждого принятого решения, что уже сейчас заставляет судей пытаться избавиться от нормативной обязанности мотивировать свои акты. Из-за этого исчезнет традиционная система судебных прецедентов с вычленением *ratio decidendi* и примеркой его на факты другого дела в попытке определить юридический исход последнего. Изменяются и стандарты правовой оценки позиции суда нижестоящего судом вышестоящим. Кассация превратится в еще одну апелляцию.

Во-вторых, все большее значение в тех делах, которые все же останутся в сфере судебного разрешения, будут иметь устные выступления, талант и навыки убеждения, что наполняет юридическую практику новым содержанием.

Наконец, в-третьих, в правосудии, основанном не на формальном законодательстве, построенном на простых категорических силлогизмах, а на интуитивной ситуативной справедливости, ограничено место для искусственного интеллекта. При отсутствии четких алгоритмов принятия судьей решения все сложнее будет выстраивать сколько-либо достоверный прогноз на исход судебного дела (даже поначалу кажущегося простым и типовым)²⁹. Как судье, так и представителям сторон все больше придется полагаться

²⁹ Мы еще очень далеки от реального внедрения машинночитаемого права даже в базовых материальных отраслях. См., например: Янковский Р., Вашкевич А., Иванов А., Наумов В., Незнамов А., Щекин Д. Машинночитаемое право: правовой вызов современности // Закон. 2021. № 10. С. 20 — 26.

Информация об авторе

М. Л. Гальперин, заведующий кафедрой международного правосудия НИУ ВШЭ, профессор Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека (2017—2021 гг.), доктор юридических наук

Information about the author

M. L. Galperin, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of International Justice, HSE University; Professor at the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S. S. Alexeev

Поступила в редакцию 16.08.2023

Принята к публикации 17.08.2023

на человеческую интуицию и чутье, что позволяет раскрыть творческий потенциал юридической профессии.

Если уважаемый читатель сомневается в обоснованности написанного выше, пусть задастся вопросом: как часто в последние пару лет судебное решение по делу, которое он вел, становилось для него в той или иной степени неожиданным? Наверняка часто, как и у автора статьи. И это не вопрос нашего с читателем профессионализма, действия «внепроцессуальных» факторов или квалификации судьи, как бы ни хотелось в это верить проигравшей стороне. Это свидетельство идущих глобальных изменений.

В заключение вслед за юбилеем напомним: чтобы в непростую пору сохранить ясность мыслей, бодрость духа и уверенность в правильности избранного профессионального пути, нельзя терять веру в вечную, в каком-то смысле библейскую, миссию правосудия. В словосочетании «человек судебный» ключевое слово первое. Преодоление страха, недоверия, взаимного отчуждения, стремление к общению и сотрудничеству — вот то, что всегда вело человечество к свету.

Законы жанра заставляют нас завершить статью цитатой Юваля Харари: «Подлинное отличие человека от шимпанзе — этот таинственный клей, соединяющий большие группы людей, от семьи до нации»³⁰. В этом чудодейственном клее всегда будет место юридическому. В отличие от всех других прогнозов в нашей статье этот наверняка точный.

³⁰ URL: <https://www.livelib.ru/quote/42427396-sapiens-kratkaya-istoriya-chelovechestva-yuval-harari?ysclid=11c3y2a7nl897473994>.

МОНИТОРИНГ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Материалы подготовили: Н. А. Голованова (Великобритания, Ирландия, Канада), Ф. А. Лещенков (Германия), А. Н. Пилипенко (Франция), О. М. Сакович (Испания, Сербия, Словакия, Хорватия, Чехия), Н. Ю. Трещеткова (Польша)

Великобритания

Первичное законодательство

Закон о передвижных домах (плата за рекламу) от 2 мая 2023 г. (11)

Закон об обеспечении тайны голосования от 2 мая 2023 г. (12)

Закон о занятости (распределение чаевых) от 2 мая 2023 г. (13)

Закон от 2 мая 2023 г. о внесении дополнений в Закон о пенсиях 2004 г. (14)

Закон об общественном порядке от 2 мая 2023 г. (15)

Закон о высшем образовании (свобода слова) от 11 мая 2023 г. (16)

Закон о защите от увольнения (беременность и отпуск по семейным обстоятельствам) от 24 мая 2023 г. (17)

Закон о неоплачиваемом отпуске для работников с обязанностями по уходу от 24 мая 2023 г. (18)

Закон о снабжении электроэнергией (разрешение споров о компенсации) от 24 мая 2023 г. (19)

Закон об уходе за новорожденными (отпуск и оплата труда работников, отвечающих за детей, получающих неонатальный уход) от 24 мая 2023 г. (20)

Закон о Северной Ирландии (временные меры) от 24 мая 2023 г. (21)

Закон о сделках с движимым имуществом (Шотландия) от 4 мая 2023 г. (3)

Вторичное законодательство

Правила микрочипирования кошек и собак (Англия) от 25 апреля 2023 г. (468)

Германия

Закон о перезапуске цифровизации энергетического перехода от 22 мая 2023 г.

Закон об усилении защиты лиц, сообщающих о нарушениях, от 31 мая 2023 г.

Закон о содействии инклюзивному рынку труда от 6 июня 2023 г.

Постановление о порядке утверждения и проведении экзаменов по курсам специалистов в области пассажирских перевозок от 11 мая 2023 г.

Постановление о профессиональном обучении производителей стекольного оборудования от 15 мая 2023 г.

Третье постановление о внесении изменений в постановление о налоге на медицинские изделия от 19 мая 2023 г.

Постановление о повышенных требованиях к должной осмотрительности при передаче криптоактивов от 22 мая 2023 г.

Постановление о внесении изменений в правила лицензирования психотерапевтов от 25 мая 2023 г.

Двадцать третье постановление о внесении изменений в приложения к Закону о наркотиках от 1 июня 2023 г.

Постановление о модернизации порядка проведения экзаменов по медицинским специальностям от 7 июня 2023 г.

Ирландия

Закон об Агентстве по охране окружающей среды (аварийное производство электроэнергии) (внесение изменений) от 10 марта 2023 г. (6)

Закон о здравоохранении (внесение изменений) от 4 апреля 2023 г. (7)

Закон о балансе между работой и личной жизнью от 4 апреля 2023 г. (8)

Закон о половых преступниках (внесение изменений) от 5 апреля 2023 г. (9)

Закон о безопасности пациентов (обязательное раскрытие поставщиками медицинских услуг информации об определенных инцидентах, связанных с предоставлением медицинской услуги) от 2 мая 2023 г. (10)

Закон о финансах от 15 мая 2023 г. (11)

Закон о судах от 19 мая 2023 г. (12)

Испания

Закон 1/2023 от 20 февраля 2023 г. о сотрудничестве в интересах устойчивого развития и глобальной солидарности (BOE-A-2023-4512)

Закон 3/2023 от 28 февраля 2023 г. о занятости (BOE-A-2023-5365)

Закон 4/2023 от 28 февраля 2023 г. о реальном и фактическом равенстве трансгендеров и гарантиях прав членов ЛГБТ (BOE-A-2023- 5366)

Органический закон 2/2023 от 22 марта 2023 г. об университетской системе образования (BOE-1-3-7500)

Органический закон 3/2023 от 28 марта 2023 г., вносящий поправки в Органический закон 10/1995 от 23 ноября 1995 г. —

Уголовный кодекс, касающиеся жестокого обращения с животными (BOE-A-2023-7935)

Закон 7/2023 от 28 марта 2023 г. о защите прав и благополучия животных (BOE-A-2023-7936)

Органический закон 4/2023 от 27 апреля 2023 г. о внесении поправок в Органический закон 10/1995 от 23 ноября 1995 г. — Уголовный кодекс, касающихся преступлений против сексуальной свободы, а также о внесении поправок в Органический закон 5/2000 от 12 января 2000 г. — Уголовно-процессуальный кодекс, касающихся уголовной ответственности несовершеннолетних (BOE-A-2023-10213)

Закон 9/2023 от 19 мая 2023 г. о неотложных мерах по устранению чрезвычайной засухи в Каталонии (BOE-A-2023-13448)

Канада

Закон о Федеральной программе поддержки лиц, страдающих от расстройств аутистического спектра, от 30 марта 2023 г. (SC 2023, с. 2)

Закон об ассигнованиях на 2023 — 2024 гг. от 30 марта 2023 г. (SC 2023, с. 4)

Закон о Международном дне родного языка от 27 апреля 2023 г. (SC 2023, с. 5)

Закон о защите пенсий от 27 апреля 2023 г. (SC 2023, с. 6)

Закон от 27 апреля 2023 г. о внесении изменений в Уголовный кодекс и Закон о судьях (насилие в отношении интимного партнера) (SC 2023, с. 7)

Закон о потоковом вещании в Интернете от 27 апреля 2023 г. (SC 2023, с. 8)

Закон о борьбе с принудительным и детским трудом в цепочках поставок от 11 мая 2023 г. (SC 2023, с. 9)

Закон об учреждении Дня продовольствия от 11 мая 2023 г. (SC 2023, с. 10)

Польша

Приняты:

Закон от 26 января 2023 г. «Об изменении законодательства в целях устранения излишних административно-правовых барьеров»

Закон от 9 марта 2023 г. «О Национальной онкологической сети»

Закон от 14 апреля 2023 г. «О системах сертификации транспортных средств и их оборудования»

Закон от 14 апреля 2023 г. «О Государственной комиссии по изучению российского влияния на внутреннюю безопасность Польской Республики в 2007—2022 гг.»

Внесены изменения в:

Закон от 26 июня 1974 г. «Трудовой кодекс»

Закон от 28 июля 1983 г. «О налоге на наследство и дарение»

Закон от 15 июля 1987 г. «Об Уполномоченном по гражданским правам»

Закон от 7 октября 1992 г. «О региональных счетных палатах»

Закон от 27 октября 1994 г. «О платных автострадах, а также Национальном дорожном фонде»

Закон от 6 июня 1997 г. «Уголовно-процессуальный кодекс»

Закон от 6 июня 1997 г. «Уголовный кодекс»

Закон от 6 июня 1997 г. «Уголовно-исполнительный кодекс»

Закон от 22 августа 1997 г. «О публичной Службе крови»

Закон от 20 июня 1997 г. «Право дорожного движения»

Закон от 21 мая 1999 г. «Об оружии и боеприпасах»

Закон от 21 декабря 2000 г. «О техническом надзоре»

Закон от 6 сентября 2001 г. «Фармацевтическое право»

Закон от 6 сентября 2001 г. «О дорожном транспорте»

Закон от 5 августа 2010 г. «О защите закрытой информации»

Закон от 28 апреля 2011 г. «О системе информации в здравоохранении»

Закон от 9 июня 2011 г. «О поддержке семей и системе приемных семей»

Закон от 6 марта 2018 г. «Об Уполномоченном по делам малого и среднего предпринимательства»

Закон от 23 октября 2018 г. «О правительственном Фонде развития дорог»

Опубликованы единые тексты:

Закона от 25 сентября 1981 г. «О государственных предприятиях»

Закона от 17 мая 1989 г. «О гарантиях свободы совести и вероисповедания»

Закона от 6 января 2000 г. «Об Уполномоченном по правам ребенка»

Закона от 26 октября 2000 г. «О товарных биржах»

Закона от 9 ноября 2000 г. «О создании польского Агентства по развитию предпринимательства»

Закона от 15 декабря 2000 г. «О жилищных кооперативах»

Закона от 4 февраля 2011 г. «О международном частном праве»

Закона от 12 декабря 2013 г. «Об иностранцах»

Закона от 19 декабря 2014 г. «О морском рыболовстве»

Закона от 15 января 2015 г. «Об охране животных, используемых в научных или образовательных целях»

Закона от 15 сентября 2017 г. «О Национальном институте свободы — Центре развития гражданского общества»

Закона от 17 декабря 2020 г. «О стратегических резервах»

Сербия

Этический кодекс нотариуса от 12 апреля 2023 г. ("Sl.glasnikRS", br. 28/2023)

Положение от 26 апреля 2023 г. об утверждении плана управления водами на территории Республики Сербии до 2027 года ("Sl.glasnikRS", br. 33/2023)

Закон от 29 апреля 2023 г. об электронных коммуникациях ("Sl.glasnikRS", br. 35/2023)

Закон от 29 апреля 2023 г. о безопасных для здоровья условиях труда (о безопасности и здоровье труда) ("Sl.glasnikRS", br. 35/2023)

Словакия

Закон от 27 февраля 2023 г. об охране атмосферного воздуха и внесении поправок в некоторые законы (č. 146/2023 Z.z.)

Закон от 28 марта 2023 г. о предоставлении субсидий для восстановления исторических железнодорожных транспортных средств (č. 134/2023 Z.z.)

Закон от 28 марта 2023 г. о внесении изменений в Закон № 15/2005 Сб. о защите видов диких животных и растений путем регулирования торговли с ними, а также об изменении Закона № 145/1995 Сб. об административных сборах (č. 135/2023 Z.z.)

Закон от 3 мая 2023 г. о транспортных средствах, транспортных средствах для перевозки скоропортящихся пищевых продуктов и внесении поправок в другие законы (č. 183/2023 Z.z.)

Закон от 3 мая 2023 г. о реестре судимости и внесении поправок в некоторые законы (č. 192/2023 Z.z.)

Закон от 10 мая 2023 г. о сборах за загрязнение воздуха (č. 190/2023 Z.z.)

Закон от 16 мая 2023 г. о реализации проекта «Культурная столица Европы» и внесении изменений в Закон № 199/2020 Сб. о предоставлении субсидий в ведение Министерства культуры Словацкой Республики (č. 196/2023 Z.z.)

Словения

Закон от 22 марта 2023 г. о трансграничном оказании услуг (Ur.l. RS, št. 40/23)

Закон от 28 марта 2023 г. о внесении изменений в Закон о макропруденциальном надзоре за финансовой системой (Ur.l. RS, št. 42/23)

Закон от 28 марта 2023 г. о внесении изменений в Закон о занятости, самозанятости и работе иностранцев (Ur.l. RS, št. 42/23)

Закон от 18 апреля 2023 г. о внесении изменений в Закон о страховании (Ur.l. RS, št. 48/23)

Закон от 18 апреля 2023 г. о внесении изменений в Закон об иностранцах (Ur.l. RS, št. 48/23)

Закон от 18 апреля 2023 г. о ратификации Протокола о привилегиях и иммунитетах Единого патентного суда (Ur.l. RS, št. MP 3/23)

Закон от 18 апреля 2023 г. о внесении изменений в Закон об информационной безопасности (Ur.l. RS, št. 49/23)

Закон от 18 апреля 2023 г. о внесении изменений в Закон о мерах по управлению кризисными ситуациями в сфере энергоснабжения (Ur.l. RS, št. 49/23)

Закон от 18 апреля 2023 г. о внесении поправок в Закон о чрезвычайном вмешательстве для решения проблемы высоких цен на энергию (Ur.l. RS, št. 49/23)

Закон от 18 апреля 2023 г. о внесении изменений в Закон об административных спорах (Ur.l. RS, št. 49/23)

Закон от 21 апреля 2023 г. о внесении изменений в Закон об учете в сфере труда и социального обеспечения (Ur.l. RS, št. 50/23)

Закон от 21 апреля 2023 г. о внесении изменений в Закон о некоторых концессионных соглашениях (Ur.l. RS, št. 50/23)

Закон от 23 мая 2023 г. о ратификации Протокола о поправках к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Ur.l. RS, št. MP 5/23)

Закон от 23 мая 2023 г. о мерах вмешательства для предотвращения вредных последствий при продлении прав и концессий на добычу полезных ископаемых (Ur.l. RS, št. 63/23)

Закон от 25 мая 2023 г. об инфраструктуре для альтернативных видов топлива и содействии переходу на альтернативные виды топлива на транспорте (Ur.l. RS, št. 62/23)

Франция

Закон № 2023-171 от 9 марта 2023 г. о различных положениях по адаптации законодательства Европейского союза в сферах экономики, здравоохранения, труда, транспорта и сельского хозяйства

Закон № 2023-175 от 10 марта 2023 г. об ускорении производства возобновляемых источников энергии

Закон № 2023-221 от 30 марта 2023 г. об укреплении баланса в коммерческих отношениях между поставщиками и дистрибьюторами

Закон № 2023-265 от 13 апреля 2023 г. о содействии доступа всем учащимся к услугам общественного питания по умеренным ценам

Закон № 2023-305 от 24 апреля 2023 об объединении секторов производителей с расширенной ответственностью бытовой упаковки и производителей бумаги

Закон № 2023-378 от 19 мая 2023 г. об улучшении надзора за медицинскими центрами

Закон № 2023-379 от 19 мая 2023 г. об улучшении доступа к медицинской помощи через доверие к медицинским работникам

Закон № 2023-451 от 9 июня 2023 г. о регулировании коммерческого влияния и борьбе с эксцессами влиятельных лиц в социальных сетях

Закон № 2023-479 от 21 июня 2023 г. об облегчении прохождения экзамена и получения водительских прав

Закон № 2023-491 от 22 июня 2023 г. об ускорении процедур, связанных со строительством новых ядерных установок вблизи существующих ядерных объектов и их эксплуатацией

Декрет № 2023-439 от 5 мая 2023 г. об оказании денежной помощи рыболовецким компаниям

Декрет № 2023-441 от 5 июня 2023 г. о социальной поддержке вооруженных сил

Декрет № 2023-457 от 12 июня 2023 г., устанавливающий различные предписания о юридической помощи

Декрет № 2023-461 от 14 июня 2023 г. о создании Национального торгового совета

Декрет № 2023-478 от 20 июня 2023 г. об обязанности выставления в продажу непереработанных свежих фруктов и овощей без упаковки, полностью или частично изготовленной из пластика

Декрет № 2023-480 от 21 июня 2023 г. о статусе судей Счетной палаты и должностей аудитора, советника-докладчика и старшего советника на срочной (пять лет) службе

Декрет № 2023-484 от 21 июня 2023 г. о статусе членов Государственного совета

Декрет № 2023-489 от 21 июня 2023 г. о защите работников от рисков, связанных с ионизирующим излучением

Декрет № 2023-492 от 21 июня 2023 г. об указании места происхождения мяса для предприятий общественного питания, предлагающих только блюда на вынос или доставку

Декрет № 2023-493 от 22 июня 2023 г., принятый во исполнение Ордонанса № 2023-483 от 21 июня 2023 г., о предоставлении некоторыми компаниями и филиалами информации, касающейся налога на прибыль

Декрет № 2023-497 от 22 июня 2023 г. о порядке информирования общественности о ценах на предложения новых и подержанных книг

Декрет № 2023-498 от 22 июня 2023 г. об обработке персональных данных, необходимых для анализа медицинской деятельности организаций здравоохранения

Декрет № 2023-499 от 22 июня 2023 г. о создании системы обработки персональных данных под названием «Информационная система санитарного контроля и безопасности» (SI-VSS)

Декрет № 2023-504 от 22 июня 2023 г. о различных предписаниях, касающихся экологической экспертизы планов и программ

Декрет № 2023-505 от 23 июня 2023 г. о передаче фонда «Институт арабского мира» под экономический и финансовый контроль государства

Хорватия

Закон от 7 апреля 2023 г. об удобрениях (NN 39/2023 (672))

Закон от 24 мая 2023 г. о внесудебном производстве (NN 59/2023 (996))

Закон от 24 мая 2023 г. о Реестре госслужащих и централизованном исчислении заработной платы на государственной службе (NN 59/2023 (997))

Закон от 24 мая 2023 г. о защите коллективных интересов и прав потребителей (NN 59/2023 (998))

Чехия

Закон от 7 марта 2023 г. о надзоре за товарным рынком и внесении изменений в некоторые связанные с этим законы (č. 87/2023 Sb.)

Закон от 10 мая 2023 г. о едином экологическом мнении (č. 148/2023 Sb.)

НОВЫЕ КНИГИ

Издано Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Конституционно-правовые ориентиры противодействия коррупции. Противодействие коррупции как национальный приоритет в практике, науке и образовании: материалы Десятого и Одиннадцатого Евразийских антикоррупционных форумов (Москва, 20 апреля 2021 г., 20 апреля 2022 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023. 448 с.

В книге представлены материалы Десятого и Одиннадцатого Евразийских антикоррупционных форумов, организованных Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации при поддержке Счетной Палаты Российской Федерации и Международной антикоррупционной академии. В Сборник материалов включены доклады, выступления, научные сообщения и статьи представителей международных организаций, научных и экспертных организаций, государственных органов из России и зарубежных государств, а также Рекомендации Десятого и Одиннадцатого Евразийских антикоррупционных форумов.

Constitutional Waymarks in Combating Corruption. Combating Corruption as a National Priority in Practice, Science and Education: Materials of the Tenth and Eleventh Eurasian Anti-Corruption Forums (Moscow, April 20, 2021, 2022). Ed. by T. Y. Khabrieva. Moscow, 2023. 448 p.

The book presents the materials of the Tenth and Eleventh Eurasian Anti-Corruption Forums, organized by the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation with the support of the Accounts Chamber of the Russian Federation and the International Anti-Corruption Academy. The Collection of materials includes reports, speeches, scientific reports and articles by representatives of international organizations, scientific and expert organizations, government agencies from Russia and foreign countries, as well as Recommendations of the Tenth and Eleventh Eurasian Anti-Corruption Forums.

* * *

Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023. Том I: Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения (1923—2015) / Т. Я. Хабриева, Е. А. Прянишников, С. А. Боголюбов и др. 528 с.; Том II: Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения (2016—2023) / Т. Я. Хабриева, В. Р. Авхадеев, С. Б. Бальхаева и др. 496 с.; Том III: Научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения (теория права, история права, сравнительное правоведение, международное право) / Т. Я. Хабриева, Н. В. Путило, Д. А. Пашенцев и др. 304 с.; Том IV: Научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения (публичное право) / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба и др. 368 с.; Том V: Научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения (частное право) / Т. Я. Хабриева, С. А. Синицын, П. В. Степанов и др. 304 с.

В настоящем издании публикуется летопись российской юридической науки, неразрывно связанная с вековой историей Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Это дань памяти выдающимся ученым-юристам России, труды которых послужили основой отечественных научно-правовых школ, а также рассказ о современных исследованиях права и законодательства в контексте общественных и государственных событий. Рассматриваются этапы и условия развития отечественной научно-правовой мысли, отражающей созидательный потенциал юриспруденции и вклад Института в решение актуальных проблем правового регулирования. В томах III—V Летописи последовательно изложен процесс формирования и реализации научно-правовых идей, что направлено на совершенствование научной методологии, развитие теории науки, сохранение и пополнение юридического наследия России.

Chronicle of the Russian Legal Science: in 5 vol. Ed. by T. Y. Khabrieva. Moscow, 2023. Volume I: Pages of the History of the Institute of Legislation and Comparative Law (1923—2015) / T. Y. Khabrieva, E. A. Pryanishnikov, S. A. Bogolyubov, etc. 528 p.; Volume II: Pages of the History of the Institute of Legislation and Comparative Law (2016—2023) / T. Y. Khabrieva, V. R. Avkhadeev, S. B. Balkhaeva, etc. 496 p.; Volume III: Scientific Schools of the Institute of Legislation and Comparative Law (theory of law, history of law, comparative law, international law) / T. Y. Khabrieva, N. V. Putilo, D. A. Pashentsev, etc. 304 p.; Volume IV: Scientific Schools of the Institute of Legislation and Comparative Law (Public Law) / T. Y. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba. 368 p.; Volume V: Scientific Schools of the Institute of Legislation and Comparative Law (Private Law) / T. Y. Khabrieva, S. A. Sinitsyn, P. V. Stepanov, etc. 304 p.

This publication publishes a chronicle of Russian legal science, inextricably linked with the century-long history of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. This is a tribute to the memory of the

outstanding legal scholars of Russia, whose works served as the basis for domestic scientific and legal schools, as well as a story about modern studies of law and legislation in the context of social and state events. The stages and conditions for the development of domestic scientific and legal thought, reflecting the creative potential of jurisprudence and the contribution of the Institute to solving urgent problems of legal regulation, are considered. Volumes III—V of the Chronicle reveal the historical stages and conditions of the development of Russian scientific and legal thought, which clearly shows the process of scientific search, allows us to comprehend its achievements, contributes to the improvement of scientific methodology, preservation and replenishment of the legal heritage of Russia.

* * *

Незабываемые имена уголовно-правовой науки: очерк / отв. ред. Т. Я. Хабриева; предисловие: В. А. Колокольцев. М., 2023. 128 с.

Представленный очерк посвящен выдающимся ученым-юристам, в разное время осуществлявшим научную деятельность в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП, Государственном институте по изучению преступности и преступника, ВИЮН, ВНИИСЗ) и заложившим основы современного уголовного и уголовно-процессуального права, криминологии, криминалистики, судебной экспертизы и правовой статистики. Государственный институт по изучению преступности и преступника был создан по инициативе и при участии НКВД РСФСР. В Институте была внедрена новаторская методология организации научных исследований, что позволило создать уникальную уголовно-правовую школу. При этом ее представители и их доктринальные разработки в сфере противодействия преступности оказали непосредственное влияние на становление юридической науки и научных школ в системе МВД СССР и России. Издание приурочено к 100-летию Института и призвано отразить фундаментальные идеи его уголовно-правовой школы, которые вписаны в летопись юридической науки, реализованы в законодательстве и правоприменительной практике, способствовали развитию научного и кадрового потенциала органов внутренних дел. Предлагаемый вниманию читателя очерк послужит основой для дальнейшей работы по исследованию и сохранению традиций российской правовой мысли, а также популяризации юридической науки.

Unforgettable Names of Criminal Law Science: Study. Ed. by T. Y. Khabrieva; foreword by V. A. Kolokoltsev. Moscow, 2023. 128 p.

The essay is dedicated to outstanding legal scholars who carried out various scientific activities at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (State Institute for the Study of Crime and Criminal, VIYUN, VNIISZ) and laid the foundations of modern criminal law and criminal procedure, criminology, forensic examination, and legal statistics. The State Institute for the Study of Crime and the Criminal was created on the initiative and with the participation of the NKVD of the RSFSR. An innovative methodology for organizing scientific research which was introduced at the Institute, made it possible to create a unique criminal law school. At the same time, its representatives and their doctrinal developments in the field of combating crime had a direct impact on the formation of legal science and scientific schools in the system of the Ministry of Internal Affairs of the USSR and Russia, as well as preserving the continuity of its scientific traditions. The publication is dedicated to the 100th anniversary of the founding of ILCL and is intended to reflect the fundamental ideas of the representatives of the criminal law school of the Institute, which are forever inscribed in the annals of legal science, implemented in legislation and law enforcement practice, and had a significant impact on the development of the scientific and personnel potential of the internal affairs bodies. The essay brought to the attention of the reader may serve as the basis for further work on the study and preservation of the traditions of Russian legal thought, as well as the popularization of legal science.

* * *

У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта): монография / Ю. В. Трунцевский, Л. И. Беляева; предисловие Т. Я. Хабриевой. М., 2023. 240 с.

Монография представляет собой историко-правовое исследование процесса создания Кабинета по изучению личности преступника и преступности (1923 г.), который послужил началом становления Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Подробно рассматривается роль первого руководителя Института — выдающегося советского ученого и государственного деятеля Евсея Густавовича Ширвиндта в развитии отечественной криминологической науки. Особое внимание уделено личности Е. Г. Ширвиндта и его вкладу в организацию первого научно-исследовательского криминологического Института страны, систематизацию уголовного и исправительно-трудового законодательства. Анализируются передовые для своего времени идеи и достижения Института: комплексная методика изучения «преступности через преступника», опирающаяся на эмпирический материал (правовую статистику и правоприменительную практику); позиционирование преступности в качестве феномена, детерминированного социально-экономическими факторами; формирование социальной типологии личности преступника; развитие системы исправительно-трудовой политики; унификация системы назначения и исполнения наказаний; смещение акцента с репрессивного на воспитательное значение уголовного наказания.

At the Origins of Russian Legal Science (to the 130th anniversary of Evsei Gustavovich Shirvindt): Monograph / Yu. V. Truntsevsky, L. I. Belyaeva; foreword by T. Y. Khabrieva. Moscow, 2023. 240 p.

The monograph is a historical and legal study of the process of creating the Cabinet for the Study of the Personality of the Criminal and Crime (1923), which served as the beginning of the formation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. The role of the first head of the Institute, the outstanding Soviet scientist and statesman Yevsey Gustavovich Shirvindt, in the development of Russian criminological science is considered in detail. Particular attention is paid to the personality of E. G. Shirvindt and his contribution to the organization of the first research institute of criminology in the country, the systematization of criminal and correctional labor legislation. The Institute's advanced ideas and achievements are analyzed: a comprehensive methodology for studying "crime through a criminal", based on empirical material (legal statistics and law enforcement practice); positioning of crime as a phenomenon determined by socio-economic factors; formation of a social typology of the offender's personality; development of a system of corrective labor policy; unification of the system of appointment and execution of punishments; a shift in emphasis from the repressive to the educational value of criminal punishment.

* * *

Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023. 384 с. DOI 10.12737/207331.

В монографии проведен анализ влияния научных исследований и юридико-доктринальных оценок на практику правоприменения Верховного Суда Российской Федерации. Особое внимание уделено научным трудам судей высшей судебной инстанции, анализу определений Верховного Суда, постановлений Пленума и Президиума Верховного Суда, в которых рассматриваются дискуссионные вопросы юридической науки и судебной практики. Раскрываются проблемы применения как материального, так и процессуального права. Проанализированы межотраслевые особенности судебной деятельности, вопросы применения положений международного публичного и частного права.

Doctrinal Foundations of the Jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation: Monograph / T. Y. Khabrieva, A. I. Kovler, R. A. Kurbanov; ed. by T. Y. Khabrieva. Moscow, 2023. 384 p. DOI 10.12737/207331.

The monograph analyzes the impact of scientific research and legal and doctrinal assessments on the law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is paid to the scientific works of the judges of the highest judicial instance, the analysis of the rulings of the Supreme Court, the judgments of the Plenum and the Presidium of the Supreme Court, which address controversial issues of legal science and judicial practice. The problems of application of both substantive and procedural law are revealed. The intersectoral features of judicial activity, application of the international public and private law provisions in the practice of the Supreme Court are analyzed.

* * *

Исполнительная власть и государственное управление: качество и эффективность: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Управление через право» / редкол. А. С. Емельянов, А. Ф. Ноздрачев, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова. М., 2023. 261 с.

2 марта 2022 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации состоялась II Международная научно-практическая конференция «Управление через право» на тему «Разрешительная деятельность в механизме государственного управления». Конференция прошла в смешанном формате и привлекла значительное внимание научного сообщества, представителей органов исполнительной власти и общественных организаций. В мероприятиях Международной конференции приняли участие более 180 человек не только из России, но и из Казахстана, Беларуси и других стран. Международная научно-практическая конференция была посвящена обсуждению наиболее актуальных вопросов государственного управления, в том числе эффективности и результативности государственного управления, осуществления судебной власти как гаранта эффективности государственного управления, проведенной реформы «регуляторной гильотины» и государственного контроля (надзора), модернизации правовой концепции разрешительной деятельности государства, ее сущности и роли в регламентации экономических отношений, обобщению наилучших зарубежных практик разрешительной деятельности государства.

Executive power and state administration: quality and efficiency: Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference "Management through law". Editorial team: A. S. Emelyanov, A. F. Nozdrachev, S. M. Zyryanov, A. V. Kalmykova. Moscow, 2023. 261 p.

On March 2, 2022, at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, the II International Scientific and Practical Conference "Governance through Law" was held on the topic "Permissive activity in the mechanism of public administration". The conference was held in a mixed format and attracted significant attention from the scientific community, representatives of executive authorities and public organizations. More than 180 people not only from Russia, but also from Kazakhstan, Belarus and other countries took part in the events of the International Conference. The international scientific and practical conference was devoted to the discussion of the most pressing issues of public administration, including

the effectiveness and efficiency of public administration, the implementation of the judiciary as a guarantor of the effectiveness of public administration, the reform of the “regulatory guillotine” and state control (supervision), the modernization of the legal concept of the licensing activities of the state, its essence and role in the regulation of economic relations, generalization of the best foreign practices of the licensing activities of the state.

* * *

Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации: научно-практическое пособие / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов и др.; отв. ред. Л. К. Терещенко. М., 2023. 244 с.

Процесс цифровизации существенно меняет привычные отношения, роль и задачи государства, его функции, ставит перед ним и обществом проблемы, неразрывно связанные с переходом к цифровой экономике. Использование цифровых технологий оказывает влияние не только на государство. Существенно трансформируется природа прав человека. В научно-практическом пособии анализируется воздействие цифровых технологий на права человека, изменение их объема и содержания. Показано, что многие права получают иное наполнение, возникают новые права, такие как доступ к Интернету, право на забвение. Особое внимание в пособии обращено на комплекс прав, непосредственно связанных с личностью, ее частной жизнью, семейной тайной, персональными данными. Сформулирована авторская позиция по спорному вопросу о влиянии искусственного интеллекта на реализацию прав индивида. Включение новых информационных технологий практически во все сферы жизни требует от права адекватного ответа, перестройки, поиска верных решений. Отдельные главы пособия посвящены экономическим, социальным и культурным правам человека в условиях цифровизации.

Human rights in information field in the context of digitalization: scientific practical manual / N. S. Volkova, A. S. Emelyanov, A. A. Efremov et al.; chief editor L. K. Tereshchenko. Moscow, 2023. 244 p.

The active digitalization processes in the world greatly alter casual relationships, change the role and tasks of the state as well as its functions, create challenges before the state and society that are associated with the transition to the digital economy. The use of digital technologies impacts not just the state; human rights are affected as well — they alter greatly and fill with new contents including the ones in information sphere. In this scientific practical manual the impact of digital technologies on human rights, their content and volume alteration is subject to deep analysis. It is demonstrated that various rights gain new content while new ones emerge — such as the right to internet access and the right to be forgotten. Special attention is paid to the variety of rights associated directly with personality, its privacy and personal data, while the authors suggest a new approach towards the ambiguous issue of AI impact on the implementation of human rights. The inclusion of new information technologies in almost all spheres of human life demands an adequate response from law, a legal reform along with the search for right solutions. Certain chapters of this manual are dedicated to special vectors as they consider economic human rights, social and cultural rights in the context of digitalization.

* * *

Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. Н. Г. Доронина. 2-е изд. М., 2023. 669 с.

Издание подготовлено с учетом новейших изменений правового регулирования международных частноправовых отношений. За последние годы усложнились связи между участниками трансграничных обязательств, получили развитие информационные технологии, появились новые правовые механизмы, направленные на регулирование внешнеэкономического оборота, произошли изменения в системе правового регулирования международного сотрудничества. Потребовалось по-новому взглянуть на определение категории «унификация права» и сферы ее применения. В монографии обобщены результаты унификации норм, регламентирующих международную куплю-продажу товаров, финансирование внешнеэкономической деятельности, международные воздушные перевозки, представительство в международном коммерческом обороте, инвестиционные отношения; интеллектуальную собственность, отношения с участием потребителей, семейные отношения (защиту детей), а также вопросы международного гражданского процесса.

The problems of the unification of private international law: monograph. Editor-in-chief N. G. Doronina. 2nd ed. Moscow, 2023. 669 p.

The new edition of the monograph, published ten years ago, has been prepared taking into account the changes that have taken place in the legal regulation of international private law relations. In recent years, relations between participants in cross-border obligations have become more complicated, information technologies have been further developed, new legal mechanisms have appeared aimed at regulating foreign economic turnover, and changes have occurred in the very system of legal regulation of international cooperation. It was necessary to take a fresh look at the definition of the category of “unification of law” and the scope of its application. The monograph summarizes the achievements in the unification of norms designed to regulate private relations arising in international life: international sale of goods, financing of foreign economic activity, international air traffic, representation in international commercial relations, investment activities, intellectual property, cross-border relations involving consumers, family relations (child protection), as well as issues of international civil procedure.

Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права: монография / В. Р. Авхадеев, Г. М. Азнагулова, С. Б. Бальхаева и др.; отв. ред. А. Я. Капустин. М., 2023. 336 с. DOI 10.12737/1926386.

Взаимодействие международного и внутригосударственного права — объект множества теорий, среди которых наиболее распространенными являются монизм и дуализм. В настоящее время наблюдается глобальная тенденция к индивидуализации общего подхода к соотношению между международным и внутригосударственным правом. В монографии предпринята попытка выработать новую концепцию этого взаимодействия в свете внесенных в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации. Рассмотрены эволюция отечественной доктрины, а также развитие конституционного и законодательного регулирования в этой сфере. Проведен философско-правовой анализ категории международного права с точки зрения различных научных интерпретаций и подходов. Приводятся примеры механизмов применения международного права в правовой системе России. Использован комплексный подход, позволивший рассмотреть современную интерпретацию судебного применения норм международного права с учетом конституционных поправок, а также проблему реализации международных стандартов правосудия в процессе функционирования судебной власти России. Особое внимание уделено анализу правовых основ деятельности международных экономических организаций и перспективам развития международного сотрудничества в данной области.

Modern concept of Interaction between International and Domestic Law: monograph / V. R. Avkhadeev, G. M. Aznagulova, S. B. Balkhaeva et al.; editor-in-chief A. Y. Kapustin. Moscow, 2023. 336 p. DOI 10.12737/1926386.

The interaction of international and domestic law is the object of many theories, among which monism and dualism are the most common. Currently, there is a global trend towards the individualization of a common approach to the relationship between international and domestic law. The monograph attempts to develop a new concept of this interaction in the light of the amendments to the Constitution of the Russian Federation introduced in 2020. The evolution of the national doctrine, as well as the development of constitutional and legislative regulation in this area are considered. The philosophical and legal analysis of the category of international law from the point of view of various scientific interpretations and approaches is carried out. Specific examples of mechanisms of application of international law in the legal system of Russia are given. A comprehensive approach was used, which allowed us to consider the modern interpretation of the judicial application of the norms of international law, taking into account constitutional amendments, as well as the problem of implementing international standards of justice in the functioning of the judicial power of Russia. Special attention is paid to the analysis of the legal foundations of the activities of international economic organizations and the prospects for the development of international cooperation in this area.

* * *

Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): научно-практическое пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, С. Л. Нудель, О. И. Семькина. М., 2023. 352 с.

Научно-практическое пособие направлено на совершенствование механизмов, ориентированных на реализацию уголовно-правовых гарантий суверенитета государства. С учетом научных подходов к понятию суверенитета государства в праве, законодательстве, судебной практике Российской Федерации и зарубежных государств рассмотрены уголовно-правовые средства защиты жизненно важных приоритетов суверенного государства: независимости, государственной и территориальной целостности, экономической и информационной безопасности, традиционных духовно-нравственных идеалов, культурно-исторических ценностей общества и др. Законодательство приведено по состоянию на июль 2022 г.

Criminal Legal Guarantees of State Sovereignty (Comparative Legal Research): Scientific and Practical Guide. Ed. by I. I. Kucherov, S. L. Nudel, O. I. Semykina. Moscow, 2023. 352 p.

The scientific and practical manual is aimed at improving the mechanisms for the implementation of criminal law guarantees of state sovereignty. Taking into account scientific approaches to the concept of state sovereignty in the law, legislative and judicial practice of the Russian Federation and foreign states, the authors explore the means provided by criminal law for the protection of the following vital priorities of a sovereign state: its independence, state and territorial integrity, economic and information security, traditional moral ideals, cultural and historical values of society, etc. The legislation is as of July 2022.

* * *

Эффективность научной деятельности: критерии правовой оценки: монография / отв. ред. Н. В. Путило. М., 2023. 208 с. DOI 10.12737/1949067.

Монография продолжает серию публикаций Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, посвященных проблемам правового регулирования в сферах образования и науки. Особенность работы, в которой представлены результаты анализа законодательства о науке и смежных областей, состоит в том, что в процессе исследования актуальной, но довольно узкой проблемы — оценки научной деятельности — авторская позиция формируется на основе системного подхода к освещению более глобальных тем: правового статуса субъектов научной деятельности, особенностей научного процесса, специфичности научного результата и др. Научную деятельность предлагается рассматривать не только сквозь призму малоизвестных широкому кругу читателей параметров (импакт-

фактор, индекс Хирша и др.), но и как регулируемую этическими и правовыми нормами индивидуальную, групповую и организованную в научных учреждениях деятельность, которая имеет особые правовые режимы аттестации, финансирования, социальной поддержки, стимулирования и поощрения. Такой анализ направлен на повышение эффективности научной деятельности, создание оптимальных условий для продуктивной работы научных коллективов и в целом на поступательное развитие науки в России.

Efficiency of Scientific Activity: Criteria for Legal Assessment: monograph. Editor-in-chief N. V. Putilo. Moscow, 2023. 208 p. DOI 10.12737/1949067.

This publication continues the series of publications of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, devoted to the problems of legal regulation in the important and closely interconnected areas of education and science. The peculiarity of the work, which presents the results of the analysis of the legislation on science and related fields, is that, regarding the topical, but rather narrow problem — the assessment of the activities of a scientist — the author's position is formed on the basis of a systematic analysis of more global issues: the legal status of subjects of scientific activity, features scientific process, specificity of the scientific result, etc. It is proposed to consider scientific activity not only through the prism of parameters little known to a wide range of readers (impact factor, Hirsch index, etc.), but also as an individual, group and organized activity in scientific institutions regulated by ethical and legal norms. This activity has its own legal regimes of certification, financing, social support, stimulation and encouragement.

